

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

**Политическая
наука 4** *2025*

POLITICAL SCIENCE (RU)

Учредитель: Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук

Редакционная коллегия

О.Ю. Малинова – д-р филос. наук, главный редактор, главный научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН; **В.С. Авдонин** – д-р полит. наук, ведущий научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН; **Г. Вольман** – д-р юрид. наук, профессор Университета им. Гумбольдта (Германия); **Д.В. Ефременко** – д-р полит. наук, главный научный сотрудник, заместитель директора ИНИОН РАН; **О.И. Зазнаев** – д-р юрид. наук, заведующий кафедрой политологии Казанского (Приволжского) федерального университета; **С.Т. Золян** – д-р филол. наук, профессор Российско-Армянского университета (Армения), профессор Балтийского федерального университета им. И. Канта; **М.В. Ильин** – д-р полит. наук, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ; **Ю.Г. Корзунюк** – д-р полит. наук, и.о. зав. отделом политической науки ИНИОН РАН; **А.В. Кузнецов** – д-р эконом. наук, член-корреспондент РАН, директор ИНИОН РАН; **Е.Ю. Мелешкина** – д-р полит. наук, заместитель главного редактора, главный научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН; **П.В. Панов** – д-р полит. наук, ведущий научный сотрудник Пермского научного центра Уральского отделения РАН; **С.В. Патрушев** – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник, руководитель отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН; **И.А. Помикуев** – канд. полит. наук, ответственный секретарь, научный сотрудник ИНИОН РАН; **А.И. Соловьев** – д-р полит. наук, заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления МГУ им. Ломоносова; **Р.Ф. Туровский** – д-р полит. наук, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ; **Цуй Вэнь И** – PhD (Int. Pol.), профессор Ляонинского университета (Китай); **П. Чейсти** – PhD (Pol. Sci.), профессор Оксфордского университета (Великобритания)

Редакция журнала

Научный редактор: д-р полит. наук А.В. Селезнева, д-р филос. наук О.Ю. Малинова

Главный редактор: д-р филос. наук О.Ю. Малинова

Заместитель главного редактора: д-р полит. наук Е.Ю. Мелешкина

Ответственный секретарь: канд. полит. наук И.А. Помикуев

Литературный редактор: канд. полит. наук О.А. Толтыгина

Технические редакторы: П.С. Копылова, Т.Л. Прокопчук, Д.О. Растворов

Ответственный за номер: канд. полит. наук И.А. Помикуев

Издание рекомендовано Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации и включено в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» по политологии.

Журнал включен в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science. Издается при участии Российской ассоциации политической науки (РАПН).

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации средства массовой информации – ПИ НФС77–36084 от 28.04.2009.

ISSN 1998-1775

DOI: 10.31249/poln/2025.04.00

© ИНИОН РАН, 2025

POLITICAL SCIENCE (RU)

Political science (RU) is one of the key Russian periodicals dedicated to the political science. Founded in 1997, it is well known among foreign researchers. The journal is quarterly **published by the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences** (INION RAN) and with the assistance of the **Russian Political Science Association** (RAPN).

The journal always pays attention to the actual situation in the political science in general and its trends, as well as to the overview and analysis of up-to-date scientific achievements. Articles and other materials dedicated to the methodology are featured in the journal. Informational and research & information sources (abstract reviews, synopses, book reviews, etc.), materials from other periodicals and results obtained by various think tanks and institutes are always published in **Political science (RU)**.

Political science (RU) is included in the list of the academic journals recommended by the **High Certification Commission** (VAK) of the Ministry of Education and Science of Russian Federation. The journal is also in the list of the **Russian Science Citation Index** database of the **Web of Science** platform.

Editorial Board

Editor-in-Chief – Olga MALINOVA, Dr. Sci. (Philos.), chief researcher, INION;
Deputy Editor-in-Chief – Elena MELESHKINA, Dr. Sci. (Pol. Sci.), chief researcher, INION (Moscow, Russia); **Executive secretary – Ilya POMIGUEV**, Cand. Sci. (Pol. Sci.), research fellow, INION (Moscow, Russia); **Vladimir AVDONIN**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), leading researcher, INION (Moscow, Russia); **Hermann WOLLMANN**, Dr. Sci. (Law), Prof., Humboldt-Universität zu Berlin (Berlin, Germany); **Dmitry EFREMENKO**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), deputy director, INION (Moscow, Russia); **Oleg ZAZNAEV**, Dr. Sci. (Law), Prof., Head of Political Science Department, Kazan Federal University (Kazan, Russia); **Suren ZOLYAN**, Dr. Sci. (Philology), Professor of the Russian-Armenian University (Armenia), Professor of the Baltic Federal Immanuel Kant University; **Mikhail ILYIN**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., HSE University (Moscow, Russia); **Yuriy KORGUNYUK**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), acting head of Political Science Department, INION (Moscow, Russia); **Alexey KUZNETSOV**, Dr. Sci. (Economics), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director, INION (Moscow, Russia); **Petr PANOV**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), leading researcher, Department of Research of political institutions and processes, Perm Scientific Center of the Ural Branch Russian Academy of Sciences (Perm, Russia); **Sergey PATRUSHEV**, Cand. Sci. (Hist.), leading researcher, Head of Comparative Political Studies Department, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Aleksandr SOLOVYEV**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Political Analysis Department, Faculty of Public Administration, M.V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); **Rostislav TUROVSKY**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., HSE University (Moscow, Russia); **Qu WENYI**, PhD (Int. Pol.), Prof., School of International Studies, Liaoning University (Shenyang, China); **Paul CHAISTY**, PhD (Pol. Sci.), Prof., University of Oxford (Oxford, United Kingdom).

**ТЕМА НОМЕРА:
ПСИХОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ****СОДЕРЖАНИЕ***Селезнева А.В., Малинова О.Ю.* Представляем номер 9**СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ**

<i>Смулькина Н.В.</i> Политическое восприятие страны: исследовательские модели и методологические стратегии	16
<i>Малинова О.Ю.</i> Политическая идеология как предмет политико-психологических исследований: аналитический обзор	40

РАКУРСЫ

<i>Евгеньева Т.В., Селезнева А.В.</i> «Настала тишина»: аксиологические основания представлений российской молодежи об идеальном общественно-политическом состоянии.....	65
<i>Самаркина И.В., Башмаков И.С., Кузьменко Н.П.</i> Восприятие будущего гражданами новых регионов России: возможности политico-психологического подхода в исследовании инструментов формирования гражданской идентичности	91
<i>Усманова З.Р.</i> Будущее России в представлении ее граждан: формирование стабилизационного сценария в условиях высокой политической неопределенности	114
<i>Цумарова Е.Ю.</i> Между гордостью и безразличием: эмоции в отношении российской нации в период перемен.....	140

ИНТЕРВЬЮ

«Главная функция нашей науки – психотерапевтическая»: интервью А.В. Селезневой с Е.Б. Шестопал, профессором МГУ имени М.В. Ломоносова.....	161

ИДЕИ И ПРАКТИКА

<i>Харитонова О.Г.</i> Лидеры-популисты: между молотом психолога и наковальней психиатра.....	174
<i>Дериглазова Л.В., Ахроменко С.А.</i> «Что значит быть русским?»: опыт интерпретации студенческих эссе (2020–2024)	198

КОНТЕКСТ

<i>Поцелуев С.П.</i> «Квазинарратив»: к перспективам литературоведческого концепта в политической науке	225
<i>Подшибякина Т.А.</i> Процессы и механизмы политического восприятия: методология исследования в политической науке	249

ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

<i>Атаманенко А.А.</i> Политические эмоции как компонент визуальных политических артефактов: методологические перспективы	263

С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

<i>Пряжникова О.Н.</i> Социальная психология травмы: связь личного и политического: рецензия	290
<i>Ефремова В.Н.</i> Преодолевая хаос разнообразия: рецензия.....	303
<i>Мелешкина Е.Ю.</i> Роль внешнего актора в процессе государственного строительства: рецензия	312

**THEME OF THE ISSUE:
PSYCHOLOGY OF POLITICAL PROCESSES****CONTENTS***Selezneva A.V., Malinova O.Yu. Introducing the issue* 9**STATE OF THE DISCIPLINE***Smulkina N.V. Political perception of the country:
research models and methodological strategies.....* 16
*Malinova O.Yu. Political ideology as a matter
of political psychological research: the analytical review* 40**PROSPECTS***Evgenyeva T.V., Seleznova A.V. "Silence has come":
axiological foundations of Russian youth's representations
about the ideal socio-political state* 65
*Samarkina I.V., Bashmakov I.S., Kuzmenko N.P. Perception
of the future by new citizens of Russia: possibilities
of a political-psychological approach in the study
of instruments for the formation of civil identity* 91
*Usmanova Z.R. Russia's future in the views of its citizens:
formation of a stabilization scenario in conditions
of high political uncertainty.....* 114
*Tsumarova E.Yu. Between proud and indifference:
emotions toward Russian nation in unsettled time* 140

INTERVIEW

«The main function of our science is psychotherapeutic»: The interview of Antonina V. Selezneva with professor Elena B. Shestopal	161

IDEAS AND PRACTICE

<i>Kharitonova O.G.</i> Populist leaders: between psychologist's hammer and clinicist's anvil.....	174
<i>Deriglazova L.V., Akhromenko S.A.</i> “What does it mean to be Russian?”: Interpretation of students' essays (2020–2024)	198

CONTEXT

<i>Potseluev S.P.</i> “Quasi–narrative”: towards the prospects of a literary studies' concept in political science.....	225
<i>Podshibyakina T.A.</i> Processes and mechanisms of political perception: research methodology in political science	249

FIRST DEGREE

<i>Atamanenko A.A.</i> Political emotions as a component of visual political artifacts: methodological perspectives.....	263

FROM THE BOOKSHELF

<i>Pryazhnikova O.N.</i> The social psychology of trauma: connecting the personal and the political: review	290
<i>Efremova V.N.</i> Overcoming the chaos of diversity: review	303
<i>Meleshkina E.Yu.</i> Role of external actors in the process of state building: review	312

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

Вопрос о важности изучения «человеческого» измерения политических процессов уже давно ни у кого не вызывает сомнений. И политическая психология, которая этим предметно занимается, давно и прочно вошла в структуру социогуманитарных наук, устоялась как система знаний с собственными концептуальными разработками и методологией, и широко востребована сегодня для осмыслиения и объяснения разных политических событий и явлений. Кроме того, сложились разные исследовательские традиции изучения психологических аспектов политики, отражающие междисциплинарное положение этой научной отрасли.

Политическая психология на протяжении всех лет ее существования развивалась одновременно в структуре политической и психологической науки, что определяло и предметное поле исследований, и подходы к их проведению, и результаты¹. Различия между «политическими психологиями», сложившимися в рамках двух материнских дисциплин, имеют фундаментальные основания: психология изучает психические явления и процессы, а политология – политические явления и процессы. Этим и обусловлена разница фокусов внимания: в первом случае – на человеке изнутри, чтобы объяснить, что происходит с ним в связи с политикой, а во втором – на человеке вовне, чтобы объяснить, что происходит в политике в связи с ним. Авторы статей, собранных в этом тематическом номере, посвященном психологии политических процессов, рассматривают политическую психологию как часть полити-

¹ История развития политической психологии в мире и в России представлена в научных и учебных изданиях [Юрьев, 1992; Шестопал, 2022] и обзорных статьях [Бурикова, Коновалова, Устинов, 2021; Ракитянский, 2022; Тридцать лет..., 2024].

ческой науки. Для этого есть все основания, ибо отделение политической психологии впервые было создано при Американской ассоциации политических наук (American Association of Political Science) в 1968 г. А самые известные справочники по политической психологии [Knutson, 1973; Huddy, Sears, Levy, 2013] ее объектом видят политику, для изучения которой применяется все, «что известно о человеческой психологии» [Huddy et al., 2023, р. 1].

Однако политика – сфера крайне обширная и многообразная. Какие именно темы и проблемы составляют ее психологическое измерение – с учетом, что речь идет о людях как субъектах политических процессов в их индивидуальном, групповом и массовом проявлении? В западной исследовательской традиции, в которой доминируют американские подходы (в том числе и очень влиятельный бихевиористский), внимание сосредоточено на поведенческих аспектах, поскольку «в своей основе политическая психология касается поведения индивидов в рамках конкретной политической системы» [Huddy, Sears, Levy, 2013, р. 3]. При этом спектр рассматриваемых вопросов довольно широк и охватывает индивидуальные и коллективные, конфликтные и консенсусные, деструктивные и конструктивные, внутриполитические и международные и другие формы и виды поведения и взаимодействия людей в политике. В западной традиции большое значение придается количественным исследованиям, чему способствует наличие больших массивов опросных данных, доступных для вторичного использования: их анализ под разными углами с применением разных методик позволяет увидеть регулярные связи между переменными и делать предположения о закономерностях. Российская традиция политико-психологических исследований связана скорее с изучением элементов и феноменов мышления и сознания – в их многообразии и взаимосвязях, а в области поведенческих практик – ограничивается преимущественно электоральными. Здесь предпочтение чаще отдается качественным методам и работе с первичными данными, полученными с помощью методик, разработанных с учетом целей реализуемых проектов.

Особое место в исследовательском поле занимают политико-психологические феномены – лидерство, идентичность, менталитет, идеология, культура и другие. Они носят комплексный характер, имеют сложносоставную структуру, социально-политическую природу и психологическую сущность, обладают национальной спецификой формирования и выражения. Для изучения каждого из этих политико-психологических феноменов требуется особый

подход, поскольку в них по-разному проявляются политическое и психологическое начала. Это отражается и в том, как складывался опыт их изучения и осмысления. Например, лидерство изначально было предметом социально-психологических изысканий, результаты которых стали впоследствии применяться для изучения лидерства в политике с учетом специфики этой сферы. А вот с идеологией противоположная ситуация – она долгое время находилась в фокусе политico-философского анализа, который затем дополнился психологическими аспектами.

В размышлениях о психологии политических процессов важно определить не только, *что* изучать (предметное поле), но и *как* это можно делать (методология и методы). Тут необходимо, во-первых, дополнительно подчеркнуть междисциплинарность. Как напоминает Кембриджский справочник по политической психологии, «по своей сути политическая психология является междисциплинарной областью исследований, которая стремится объяснить политические явления с помощью знаний психологии, политологии, социологии и смежных дисциплин» [Osborne, Sibley, 2022, р. 3]. Такой синтез научных подходов позволяет не только решать поставленные в каждом конкретном случае задачи, но и расширять границы предметного поля за счет накопления в его фронтирных зонах смежных тем и поиска способов их изучения.

Во-вторых, политico-психологические исследования осуществляются с опорой на методологический принцип сочетания количественных и качественных методов [Селезнева, 2022, с. 99–100]. Это позволяет, с одной стороны, преодолеть чрезмерную увлеченность исключительно количественными или качественными стратегиями и найти баланс между ними, а с другой – в полной мере решать исследовательские задачи, связанные с фиксацией состояния предмета изучения, объяснением этого состояния с точки зрения внутренних причинно-следственных и содержательно-смысловых связей между его элементами, а также определением факторов их формирования и трансформации.

В-третьих, в процессе изучения психологических явлений и процессов в сфере политики особое внимание уделяется их контексту, поскольку понять и объяснить их можно только через соотнесение со средой существования – социальной, культурной, собственно политической. На это в свое время обращала внимание М. Херманн [Hermann, 1973]. Сегодня влияние контекста – изменчивого и устойчивого, событийного и информационного, социокультурного и политического – обязательно учитывается и на этапе

разработки исследовательского дизайна, и этапе осмыслиения полученных результатов.

Эти особенности в полной мере нашли отражение в статьях, публикуемых в настоящем номере журнала «Политическая наука». Его открывает рубрика «Состояние дисциплины», в которой вниманию читателей предлагаются два аналитических обзора. Статья *Н.В. Смулькиной* посвящена анализу отечественных исследований образа страны в российском массовом политическом сознании. Автор обсуждает методологические проблемы изучения образов политических объектов и политического восприятия в целом и анализирует возможности и ограничения различных подходов. Статья *О.Ю. Малиновой* рассказывает об особенностях политico-психологического подхода к изучению идеологий. В статье обсуждается специфика данного подхода, обусловленная, в частности, тем, что, фокусируясь на идеологических различиях как факторах политического поведения, политические психологи существенно сужают содержание сложного концепта идеологии. Обобщая основные результаты зарубежных исследований психологических оснований политической идеологии, автор рассуждает о том, каким образом политico-психологические исследования идеологии подкрепляют или проблематизируют подходы, развивающиеся в предметных полях, где данный феномен изучается со стороны «производства».

В рубрике «Ракурсы» собраны статьи, представляющие результаты эмпирических исследований. *Т.В. Евгеньева* и *А.В. Селезнева* предлагают анализ представлений российской молодежи об идеальном состоянии государства, общества и человека. Для интерпретации данных, собранных с помощью фокус-групп, авторы используют понятие «тишина», аксиологическое значение которого было выявлено в исследованиях истории общественной мысли. Они обнаруживают в представлениях молодежи традиционные для отечественной политической культуры патерналистские ориентации: ожидания обеспечения идеального состояния и решения возможных проблем адресованы внешнему субъекту, как правило, государству. При этом, как показывает исследование, размышления и переживания, связанные с потребностями в безопасности, спокойствии, уверенности, зависят не от возраста, а от степени включенности в систему социальных связей современного общества, которое в целом происходит по мере взросления. В статье *И.В. Самаркиной*, *И.С. Башмакова* и *Н.П. Кузьменко* представлены результаты серии исследований представлений о будущем и гражданской идентичности молодежи, проведенные в 2023–2024 гг. в

новых субъектах РФ (ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областях, а также в Республике Крым). Авторы рассматривают представления о будущем как эффективную технологию формирования гражданской идентичности и отмечают, что по ряду показателей молодежь новых регионов имеет схожие ориентации относительно своего будущего и будущего своей страны с остальной молодежью России. Тему представлений о будущем продолжает статья *З.Р. Усмановой*, представляющая результаты эмпирических исследований, проводившихся также в 2023–2024 гг. в ряде регионов России. Автор выделяет факторы, влияющие на формирование содержательных аспектов образа будущего у разных социальных групп, и выделяет сценарии будущего, обнаруженные в массовом сознании. Статья *Е.Ю. Цумаровой* рассказывает об исследовании эмоционального компонента национальной идентичности в России. Автор предлагает теоретико-методологический каркас для изучения эмоций в отношении нации, рассматривая их как сложный феномен, формируемый под воздействием деятельности политических акторов и повседневных практик обычных людей и апробирует его на данных полуструктурированных интервью, проведенных зимой – весной 2024 г.

В рубрике «Интервью» публикуется интервью *А.В. Селезневой* с основателем Московской школы политико-психологических исследований *Е.Б.Шестopal*, в котором обсуждаются вопросы, связанные с особенностями терминологии, вкладом отечественных политических психологов в мировую политическую науку, изучением политического восприятия – одной из основных тем, которой долгие годы занимается кафедра социологии и психологии политики МГУ имени М.В. Ломоносова, и о миссии социогуманитарных наук.

В рубрике «Идеи и практика» представлена статья *О.Г. Харитоновой*, в которой предлагается обзор исследований личности лидеров- популистов. Автор приходит к выводу, что личность популиста имеет значение, и для электорального успеха популистам недостаточно предлагать избирателям «идеологию с разреженным центром», им надо быть неординарными личностями. Статья *Л.В. Дериглазовой* и *С.А. Ахроменко* посвящена анализу студенческих эссе на тему «Что значит быть русским?», написанных в 2020–2024 гг. Прослеживая динамику маркеров «русскости» в представлениях молодых людей, авторы делают вывод об усилении консолидационных настроений в условиях противостояния внешнему враждебному воздействию (обобщенных «внешних врагов» и Запада).

В рубрике «Контекст» представлены два теоретико-методологических эссе, предлагающих посмотреть на проблематику психологии политики с позиций других субдисциплин. В статье *С.П. Поцелуева* обсуждаются проблемы, связанные с использованием концепта нарратива в политических исследованиях, вводится понятие квазинarrатива и предлагается обзор основных видов квазинarrативов. Статья *Т.А. Подшибякиной* посвящена анализу основных теоретических подходов и методологических приемов исследования политического восприятия. Особое внимание автор уделяет концептуализации механизмов политического восприятия.

В рубрике «Первая степень» представлена статья *А.А. Аманенко*, предлагающая методологию изучения визуальных политических артефактов, учитывающую компонент эмоций.

Завершает номер рубрика «С книжной полки», в которую включены рецензии. *О.Н. Пряжникова* рассказывает о книге О.Т. Малдун «Социальная психология травмы: связь личного и политического». *В.Н. Ефремова* разбирается в концептуальном лабиринте социологических теорий, представленном в книге И. Шубрата и Д.Г. Подвойского, недавно опубликованной ВЦИОМ. *Е.Ю. Мелешикина* анализирует книгу Р. Илази, посвященную анализу повседневных практик участия Европейского союза в процессе государственного строительства в Косово.

A.B. Селезнева, О.Ю. Малинова¹

References

- Burikova I.S., Konovalova M.A., Ustinov K.S. Professor A.I. Yuriev and the St. Petersburg school of political psychology. *Lomonosov political science journal*. 2021, N 4, P. 93–111. (In Russ.)
- Hermann M. (ed.). *Political psychology: contemporary problems and issues*. San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 1973, 524 p.

¹ **Селезнева Антонина Владимировна**, доктор политических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики, факультета политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: ntonina@mail.ru; **Малинова Ольга Юрьевна**, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: omalinova@mail.ru

Selezneva Antonina, Sevastopol State University (Sevastopol, Russia); Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), e-mail: ntonina@mail.ru ; **Malinova Olga**, INION (Moscow, Russia), e-mail: omalinova@mail.ru

- Huddy L., Sears D.O., Levy J.S. (eds). *The Oxford handbook of political psychology*. New York: Oxford university press, 2013, 986 p.
- Huddy L., Sears D.O., Levy J.S., Jerit J. (eds). *The Oxford handbook of political psychology*. New York: Oxford university press, 2023, 1216 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780197541302.001.0001>
- Knutson J.N. (ed.). *Handbook of political psychology*. San Francisco: Jossey-Bass publishers, 1973, 542 p.
- Osborne D., Sibley C.G. (eds). *The Cambridge handbook of political psychology*. New York: Cambridge university press, 2022, 800 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108779104.001>
- Rakityanskiy N.M. The formation of political psychology: a survey of its main stages. *Lomonosov political science journal*. 2022, N 6, P. 98–125. (In Russ.)
- Selezneva A.V. *Russian youth: a political and psychological profile on the background of the era*. Moscow: Akvilon, 2022, 288 p. (In Russ.)
- Shestopal E.B. *Political psychology: A textbook for universities*. Moscow: Aspekt-Press, 2022, 312 p. (In Russ.)
- Shestopal E.B., Palitay I.S., Rakityanskiy N.M., Seleznova A.V., Smulkina N.V. Thirty years of political psychology research at Moscow University: results and prospects. *Lomonosov political science journal*. 2024, N 6, P. 95–116. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.55959/MSU0868-4871-12-2024-2-6-95-116>
- Yuryev A.I. *Introduction to political psychology*. Saint Petersburg: Publishing house Saint Petersburg university, 1992, 227 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Бурикова И.С., Коновалова М.А., Устинов К.С. Профессор А.И. Юрьев и Санкт-Петербургская школа политической психологии // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2021. – № 4. – С. 93–111.*
- Ракитянский Н.М. Становление политической психологии: обзор основных этапов // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2022. – № 6. – С. 98–125.*
- Селезнева А.В. Российская молодежь: политико-психологический портрет на фоне эпохи. – М.: Аквилон, 2022. – 288 с.*
- Тридцать лет политико-психологических исследований в Московском университете: результаты и перспективы / Е.Б. Шестопал, И.С. Палитай, Н.М. Ракитянский, А.В. Селезнева, Н.В. Смулькина // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2024. – № 6. – С. 95–116. DOI: <https://doi.org/10.55959/MSU0868-4871-12-2024-2-6-95-116>*
- Шестопал Е.Б. Политическая психология: Учебник для вузов. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2022. – 312 с.*
- Юрьев А.И. Введение в политическую психологию. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1992. – 228 с.*

СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Н.В. СМУЛЬКИНА*

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ СТРАНЫ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ МОДЕЛИ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ¹

Аннотация. В статье рассматриваются основные теоретические подходы к исследованию образа страны, формируемого на уровне массового политического сознания, перспективные исследовательские модели изучения этого многосоставного конструктора, аддитивные методологические стратегии реализации исследования в условиях динамизма психологического состояния общества, меняющихся вызовов и угроз в общественной практике. Внимание уделяется специфике операционализации понятий, актуальных для изучения феномена политического восприятия страны, логике выбора исследовательских парадигм и интерпретационных схем исследования, перспективам и ограничениям выбора исследователем методического инструментария. Подчеркивается важность использования в наши дни тактики триангуляции в современных научных междисциплинарных проектах, посвященных изучению особенностей формирования представлений граждан о своей стране. Перспективным направлением видится сочетание количественной и качественной методологии в исследованиях особенностей политического восприятия страны. Оно позволяет учитывать общественные контексты, национальные исследовательские традиции, рассматривать изучаемый политический образ не оторванно, а в ментальном и мировоззренческом колорите; не в статичности, а в

* Смулькина Наталья Валентиновна, кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики, МГУ им. М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник, ГАУГН (Москва, Россия), e-mail: smulkina@mail.ru

¹ Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по результатам конкурсного отбора ЭИСИ (тема № FZNF-2025-0018, «Образ России в представлениях граждан: идеальное будущее и потенциал развития»).

динамизме, с учетом меняющихся тенденций политического восприятия. Обосновывая это утверждение, автор рассуждает о достоинствах и перспективах политико-психологического подхода в исследовании образа страны, формируемого на уровне массового политического сознания, под влиянием разнообразных факторов, связанных с объектом и субъектом восприятия, темпоральными и пространственными измерениями. Поднимается вопрос рассмотрения как рационализированных, так и неосознаваемых аспектов восприятия гражданами своей страны. Обсуждается важность выбора данного исследовательского ракурса в условиях разных научных целей, специфика формирования под его влиянием исследовательских моделей и методических стратегий.

Ключевые слова: образ страны; массовое политическое сознание; политическое восприятие; политико-психологический подход; модель исследования; исследовательские стратегии; национальная идентичность; качественные методы; факторы политического восприятия.

Для цитирования: Смулькина Н.В. Политическое восприятие страны: исследовательские модели и методологические стратегии // Политическая наука. – 2025. – № 4. – С. 16–39. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.04.01>

Исследования образа страны являются важным направлением научного поиска российских ученых социогуманитарного профиля. К настоящему времени многими исследовательскими коллективами создан научный задел для исследований процесса формирования на уровне массового сознания политических образов, их взаимосвязи и взаимозависимости в рамках политической картины мира россиян, причин трансформаций представлений граждан о стране. Ученые все чаще ориентированы, в рамках своих исследовательских моделей, на обнаружение и описание своеобразного «эмоционально-оценочного маятника», связанного с постепенным усвоением гражданами государственно-политической парадигмы. Общественный запрос на стабилизационное развитие страны актуализирован изменением роли России в международной арене в последние годы.

Образ страны следует рассматривать не просто как упрощенный слепок представлений общества о самом себе, стереотипные ответы на вопросы «кто мы», «какие мы». Его изучение позволяет нам заглянуть на глубинный, скрытый от нас же самих уровень осознания себя. Рассмотрение содержания образа страны, понимание его структуры, взаимосвязей его компонентов предоставляет возможность обнаружить архетипические, символические сюжеты, накопленные в глубинах коллективной памяти, оценить их проекции, связанные с ожиданиями, надеждами, планированием будущего, осознанием направлений развития социума во всех

сферах жизни. Профессиональное научное изучение образа страны ложится в основу эффективной оценки и прогнозирования форм выражения и степени общественной поддержки ожидаемых изменений, готовности граждан встраиваться в меняющуюся действительность на личностном и коллективном психологическом уровнях. Оценивая образы страны, формируемые в массовом сознании общества, возможно вырабатывать адекватный государственно-управленческий ответ на возможные деструктивные процессы в общественном сознании и самочувствии и корректировать информационно-просветительское воздействие на них.

Но какие исследовательские подходы к изучению восприятия страны наиболее популярны в российской науке сегодня? Встречают ли они ограничения и каковы их перспективы? Достигнута ли универсальность при изучении образа страны в условиях современной научной мультипарадигмальности? Способен ли политico-психологический подход обеспечить изучение значимых в наши дни ракурсов политического воприятия? В поисках ответов на эти вопросы был сделан обзор отечественных эмпирических исследований последних десятилетий, посвященных образу страны, формирующему в российском массовом политическом сознании.

Рассуждения о применимости понятий и их связи с исследовательской практикой

С позиции методологии ученые рассматривают различные грани субъективного восприятия внешнего политического прежде всего через концепт **«политического сознания»**. В отечественной науке нет единой трактовки данного понятия. Помня, что есть разные подходы, связанные с научными традициями оперирования терминами «бытие» и «сознание», мы определим для себя приоритетными психологические ракурсы «политического сознания», при которых фокус смещается на механизмы субъективного отображения внешнего мира: восприятия, осознания, мышления, оценивания и др. [Пушкирева, 2014, с. 84]. При составлении исследовательских моделей в изучении политических образов отечественные ученые обращаются и к другим терминам, связанным с ментальной стороной политического процесса. Речь идет, например, о **«политической психике»**, изучая которую ученые рассматривают большие социальные группы в связи с общими условиями социально-политического бытия и оперируют концептами чувств и эмоций,

политических настроений, обыденного мышления и даже воли [Сморгунова, 1996, с. 76–77]. Данный термин значим для нас, так как политическая психика, по мнению исследователей, включает в себя нерефлексивное практическо-политическое знание (и поэтому противопоставляется научному знанию о политике).

Важным для поиска адекватных исследовательских стратегий становится и термин «*политической картины мира*». Он позволяет характеризовать «существующую в индивидуальном сознании подвижную систему образов и представлений о власти и политической системе, ее структуре, механизмах и конфигурации в окружающей действительности» [Самаркина, 2011, с. 6]. Пушкирева Г.В. обращает внимание на различные позиции относительно соотношения терминов «политическая картина мира» и «политический образ». Автор отмечает, что если для И.В. Самаркиной картина мира включает в себя политические образы, то для Е.Б. Шестопал образ уже выступает своеобразной картиной мира. В таком случае приоритетная трактовка «образа» заключается в том, что он представляет собой «обобщенную картину мира (предметов, явлений), складывающуюся в результате переработки информации о нем, поступающей через органы чувств» [Пушкирева, 2014, с. 85–86]. То есть «*политический образ*» трактуется как результат *политического восприятия*. Оно в данной методологической парадигме определяется как «процесс отражения в массовом индивидуальном сознании власти, лидеров, партий, государств и других политических объектов» [«Они» и «Мы»..., 2021, с. 37]. Относится ли страна к упомянутым политическим объектам? С одной стороны, несомненно, да, страна является таким же политическим институтом, что и остальные. С другой стороны, здесь нельзя не сделать некоторые методологические замечания.

Политическими психологами образ страны трактуется как особенно сложный в связи с зависимостью от представлений о множестве как весьма абстрактных категорий, так и от вполне конкретных объектов, символизирующих страну. Человек в своих суждениях о стране опирается не только на информацию из СМИ, но и на непосредственные личные впечатления от контактов с представителями страны, от посещения городов и местностей, символизирующих страну и даже от потребления товаров, производимых в данной стране. При этом недостаток политических знаний обывателя при популярности обсуждения международной тематики в публичном пространстве, ограниченный доступ к правдивой информации о стране заставляет воспринимающих «дорисовы-

ваться» образ страны даже более крупными мазками, чем в случае восприятия других общественных институтов. Несомненно, психологические механизмы восприятия политического едини и нет оснований говорить о какой-то специфике категоризации, стереотипизации, идеализации, атрибуции в ходе восприятия именно страны. Однако связь феномена страны с конструктами идентичности, с самоосознанием в пространстве и времени, с целым комплексом общественных институтов, пронизывающих всю ткань нашей жизни, усиливает соблазн рядового гражданина оценивать страну, руководствуясь как собственными представлениями и эмоциями, взращенными на почве личного опыта, так и обрывочной информацией, почерпнутой из средств массовой коммуникации, бытующих на уровне группового сознания стереотипов. Соответственно, важным методологическим основанием становится характеристика образа страны как сложносоставного ментального конструкта, формируемого под влиянием целого комплекса факторов объектного и субъектного характера (то есть и связанных с воспринимающей стороной, и существующих независимо от нее во времени и пространстве).

Данная особенность делает исследовательские стратегии ученых, изучающих образ страны, очень разнообразными. Фокус их внимания смещается от изучения конкретной жизни гражданина, взаимодействующего со страной в каких-либо форматах, до реализации макросоциальных сравнительных исследований на уровне наций и даже цивилизаций.

Именно в случае масштабных исследований, затрагивающих аспекты диалога культур, национальной специфики, феномен политического восприятия страны может быть исследован с методологической опорой на понятие **«политического менталитета»**. При помощи данного термина рассматриваются устойчивые способы восприятия и оценки людьми политических процессов. «Менталитет отражает систему своеобразия, совокупность особенностей сознания и веры, образ мышления, систему образов и представлений, особый образ мироощущения и мировосприятия, установки сознания, устойчивые стереотипы, специфику психологической жизни людей» [Ракитянский, 2012]. Обращение к проблеме ментальности в ходе исследования образа страны зачастую связано со стремлением ученых рассмотреть особенности политической социализации общества в условиях этнической, расовой, конфессиональной самобытности. Предметное поле здесь обычно связано с коллективными представлениями, культурно обусловленными

ленными способами организации познавательной деятельности. Иногда концепт менталитета в исследовательскую модель встраивается как один из факторов политического восприятия страны – субъектный, так как включает в себя как взгляды, ценности, чувства, так и «стиль мышления», характер политических рассуждений, способ восприятия системы.

Социологи и социальные психологи в своих исследованиях представленности концепта страны в массовом / групповом / коллективном политическом сознании нередко обращаются к термину **«социальные представления»** [Емельянова, 2016]. Основоположник одноименной теории С. Московичи трактовал социальное представление как промежуточную стадию между понятием и восприятием, при этом он сам в своих работах отмечал, что «представление = образ / значение» [Moscovici, 2000]. В таком ракурсе образ и смысл неразделимо связаны в представлении: любому значению соответствует образ, любому образу – значение [Бовина, 2010]. В психологии присутствуют разные трактовки социального представления, «во-первых, как состояния сознания, которое воспроизводит прежде воспринятый или воображаемый объект, во-вторых, как образ, рассматривающий объект со всеми присущими ему признаками как общими, так и одиночными» [Кумышева, 2016]. В отечественной психологии термин представления используется, скорее, в перцептивном аспекте, поскольку представления различимы по модальностям, степени волевых усилий (речь идет о произвольных и непроизвольных представлениях). При этом ряд отечественных психологов (например, Б.С. Алишев) придерживаются и трактовки социального представления как ментального феномена [Кумышева, 2016].

Многогранность предметного поля в исследованиях восприятия страны побуждает исследователей вводить в научный оборот понятия, конкретизирующие разнообразные формы усвоенной человеком политической информации. Например, существует весьма интересная классификация политических когниций, хранящихся в памяти человека: политические образы; обобщенные политические образы (прототипы); политические сценарии (скрипты), политические концепты (мифы и теории) [Пушкирева, 2014, с. 93–103]. Образ страны в условиях данной научной теории может трактоваться с точки зрения всех измерений данной классификации. Образы могут быть рассмотрены в контексте изучения представлений о конкретных личностях, представляющих страну (например, глава государства, министр и др.), как особый тип прототипа страны

может рассматриваться как действующий коллективный субъект политической активности (и тогда внимание смешается на изучение представлений о политической системе страны, власти, народе, институте государства и др.). Изучение политических сценариев или скриптов возможно, если исследователь включит в программу исследования анализ отношений граждан к активности страны на мировой арене, к разным формам политического участия общества, к диалогу власти и общества, к реализации гражданами своих обязанностей. Сквозь призму политических концептов возможно рассматривать знания общества о сложных взаимосвязях и взаимоотношениях, в которые включена страна. Здесь актуальны для изучения не только логические размышления граждан о перспективах развития страны, ее историческом опыте, но и абстрактные рассуждения, общественные домысливания. Обращение и к концептам-мифам, и к концептам-теориям позволяет подбирать наиболее разнообразный методический инструментарий в одном исследовании. Например, для изучения тенденций прогнозирования развития страны можно опираться на категории мифо-символических конструктов, изучая их ассоциативными методами, при этом обращаться к экспертным интервью и подвергать анализу авторские объяснительные схемы состояний политической реальности и политических процессов (концепты теории).

В завершение обсуждения научных понятий обратим внимание на значимый для нас термин **«социальная перцепция»**, который был введен социальным психологом Дж. Брунером в 1947 г. в рамках разработанного им проекта «New Look». В его совместной работе с Л. Постменом социальная перцепция была определена как «восприятие социальных объектов: личностей, групп, более широких социальных общностей, в том числе и целого общества» [Bruner, Postman, 1949]. Данный термин стал определяющим для теорий политического восприятия, которая весьма активно развивалась в 2000–2020-е годы как в России, так и за рубежом в рамках политико-психологического подхода.

Выделяя важные для нас научные дефиниции, мы замечаем их отчетливую связь с выбираемым подходом к исследованию в концептах больших и малых сообществ. Мы видим взаимозависимость терминов с фрагментацией предметного поля изучения восприятия страны и даже с набором наиболее подходящих методических приемов.

Теоретические подходы, определяющие методологические принципы исследования образа страны в наши дни

В рассуждениях о важных теоретических подходах к исследованиям восприятия страны обратимся лишь к некоторым особенно разработанным научным направлениям. Несомненно, значимый вклад в развитие современных исследовательских векторов привнесли *политические географы*, предложившие принципы исследования характеристик образа страны в территориальном и историческом контексте, с позиции национального состава населения. В рамках данного направления были подняты значимые вопросы: изучение пространственных образов, «матрешечной структуры» политico-географического образа [Замятин, 2004]; принципы исследования восприятия гражданами реальных и символических границ, связанных представлениями о соседях [Заяц, Колосов, 2002]. Перспективными видятся здесь и фронтирные исследования, так как именно они затрагивают вопросы характеристик страны в контексте диалога цивилизаций; места межэтнических отношений в структуре образа народа; связи пространственного образа с психологией пограничного пространства; формирования региональной ментальности в историческом и политico-культурном контексте [Каменских, 2024].

Политico-культурные исследования и исследования национально-государственной идентичности очень часто ориентированы на цели изучения образа страны. Здесь активно рассматривается процесс формирования на уровне общественного сознания отдельных компонентов образа страны – образа народа, образов друзей и врагов страны (группы своих и чужих стран), территориальных образов. Рассмотрение представлений о России в ее цивилизационном статусе было характерно прежде всего для социокультурных исследований [Каменских, 2024; Литвинов, 2023]. Идентификационный подход к исследованию политическо-го восприятия страны привнес теоретические аспекты формирования презентаций национально-государственной идентичности [Castells, 1997; MacCrone, Bechhofer, 2015]. Исследователи идентичности обращаются и к теме пространственных, культурных и внешнеполитических представлений [Agirdag, Phalet, VanHautte, 2016]. Исследовательские модели стали включать в себя изучение мифо-символического пространства политических образов [Евгеньева, 2020; Малинова, 2010]. Современные западные исследования, затрагивающие образы стран и посвященные идентифика-

ционному и культурному фактору восприятия, обращаются, прежде всего, к проблемам межнациональной интеграции и культурного диалога в условиях возрастания конфликтогенности общества, рискам развития национализма. Некоторые исследования подобного рода вызывают интерес и способны обогатить современную теорию политического восприятия [De Dreu, 2010; Hertel, Schöneck, 2019; Wiewiorka, 2013].

Значительная часть научных проектов, рассматривающих вопросы формирования представлений россиян о своей стране и других странах, ежегодно реализуется *социологами и социальными психологами*. Формализованный инструментарий количественных методов предоставляет возможность реализовывать сравнительные и повторяющиеся исследования, изучая трансформацию образов стран в течение времени, рассматривать региональные, этнические и национальные различия в их восприятии. Социологические теории рассматривают, прежде всего, рационализированные аспекты восприятия страны обществом [Дудин, 2023]. Внимание обращено к стереотипам и социальным установкам. Исследователи нередко стараются оценить политические представления с учетом влияния макросоциальных факторов (например, взаимоотношений между странами, политическими и экономическим интересами, культурным различиями, средствами массовой информации, личностным опытом взаимодействия с представителями другой национальности) [Безрукова, Тимофеева, 2017; Мареева, 2015]. Изучение трансформаций социальных представлений происходит и в контексте современных глобальных трендов [Ditlmann, Ropf-Beck, 2019; Бек, 2000; Валлерстайн, 2006], это обогащает исследовательские гипотезы научных проектов сегодня.

В области психологических наук не только была развита научная теория изучения политической психики и сознания, но и были выстроены принципы реализации подходов к проведению эмпирических исследований, разработаны методические принципы проведения глубинных интервью, фокус-групп, предложены основные принципы работы с проективным материалом. Значимыми для развития методологии стали психолингвистические исследования А.А. Леонтьева, Ч. Осгуда, В.Ф. Петренко, О.В. Митиной. Психология привнесла в политическую науку интересный и перспективный метод изучения образов стран – метод семантического дифференциала [Митина, Петренко, 2009]. Он позволяет исследовать категориальную структуру индивидуального и группового сознания, помогает выявлять иерархию и динамику

смысловых представлений и личностных ценностей. Исследовательские модели, опирающиеся на данный метод, стали способны производить оценку образов России сегодня, России в будущем, образов других стран [Матвеева, Аникеева, Молчалова, 2019]. Данные исследования выступают своеобразным методическим примером для составления частных семантических дифференциалов под отдельные авторские задачи исследования.

Политико-психологический подход к изучению восприятия страны, сформированного в массовом политическом сознании, опирается на постулаты существования рациональных и неосознаваемых аспектов политических образов [Herrmann, 2003; Caplan, 2001]. В МГУ имени М.В. Ломоносова научным коллективом под руководством Е.Б. Шестопала было подготовлено несколько научных монографий, в которых была представлена универсальная структура политического образа (см. рис. 1) [«Они» и «Мы»..., 2021, с. 68–79]. Методология исследования совершенствуется и сейчас. В политико-психологических исследованиях *образ страны* определен как «многосоставный ментальный конструкт, являющийся результатом отражения в сознании людей страны как политico-территориального и историко-культурного объекта» [Селезенева, Смулькина, 2020, с. 355].

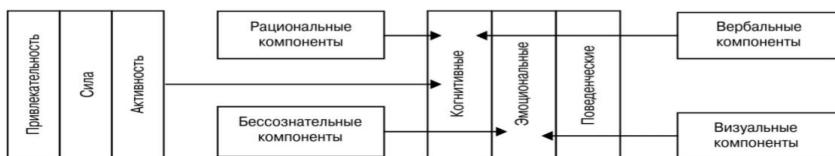

Рис. 1
Структура политического образа
(разработано представителями научной школы Е.Б. Шестопала)

Важным методологическим вкладом теорий политического восприятия на сегодняшний день является разработка качественно-количественного инструментария исследования образа страны. Исследователи опираются как на методы массовых формализованных опросов, так и на индивидуальные полустандартизированные интервью. На сегодняшний день методический инструментарий развивается за счет поиска оптимальных проективных техник, позволяющих оценивать конгруэнтность политических образов.

В рамках политico-психологического подхода структурные компоненты образа страны были изучены с позиции символического измерения и мифологизации [Евгеньева, 2020], идентификации [Евгеньева, Смулькина, Цымбал, 2020], ретроориентаций [Смулькина, 2021], нормативных и идеализированных представлений [Шестопал, Рогач, 2025]. Общие характеристики образа связаны с выявлением ресурсного потенциала страны, определением ее сильных и слабых сторон, аспектов, помогающих и препятствующих развитию страны. Образ рассматривается в темпоральных проекциях во временном континууме «прошлого – настоящего – будущего».

Как и любой другой политический образ, в случае данного научного подхода образ страны может быть описан с учетом влияния на него набора факторов субъектного, объектного, темпорального и пространственного характера (см. рис. 2) [«Они» и «Мы»..., 2021, с. 88].

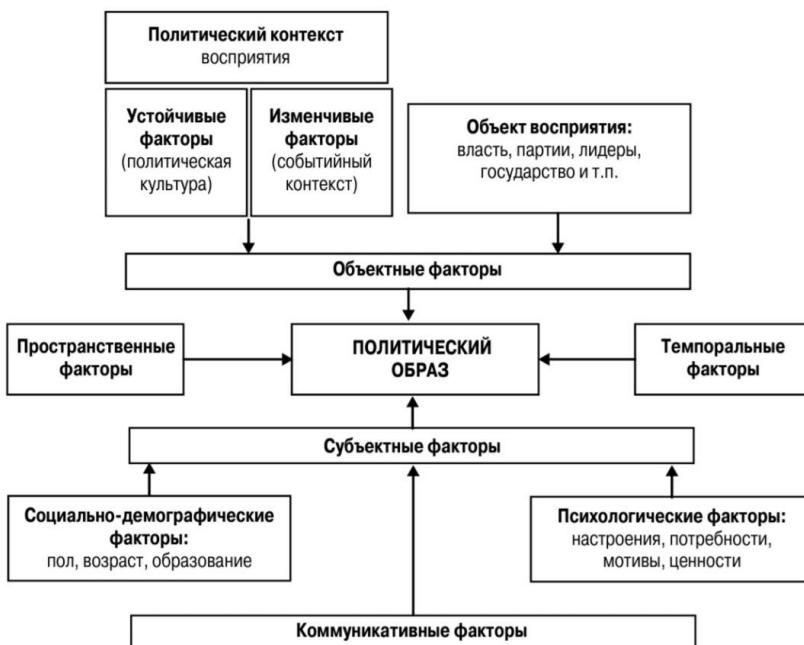

Рис. 2.
Факторы политического восприятия
(разработано представителями научной школы Е.Б. Шестопал)

***Перспективные направления современных исследований
образа страны в сознании россиян: преимущества
и ограничения исследовательских моделей***

Какие же исследовательские модели и стратегии используют отечественные ученые, рассматривая образ страны в наши дни, насколько данные стратегии универсальны, в чем их потенциал и ограничения? В данной работе был сделан теоретический обзор исследований последних 15 лет. В качестве приоритетных были выбраны три научных направления, обращающихся к концепту «образ страны». Рассмотрим удачные примеры их реализации.

***Исследования взаимного восприятия стран
в отечественной науке***

Исследования представлений о своей и чужой стране у иностранцев, сопоставляемых с подобными представлениями у россиян, опираются как на стандартные социологические анкетные опросы, проводимые в несколько этапов, так и на опросы со сложным многосоставным инструментарием, посвященным взаимному восприятию. В 2019 г. было проведено исследование образов России и Беларуси в представлениях молодежи с опорой на оценку природных, культурных, исторических, политических и экономических характеристик [Образы России и Беларуси..., 2019]. Исследования, предполагающее оценку взаимного восприятия, всегда сложны, так как требуют одинаковых критериев анализа представлений и образов, формулировку единой матрицы оценки символического пространства представлений, что не всегда возможно в межкультурных исследованиях. Следует учитывать риски проблем, связанных с языковым барьером интерпретации получаемого материала. Обсуждая возможные трудности исследований с похожей стратегией, следует обратить внимание, что изучение коммуникативного фактора восприятия не может проводиться исключительно в сериях интервью и требует традиционного анализа документов или контент-анализа материалов СМИ. Данные, получаемые в результате анализа стенограммы интервью, анализа медиаконтента, не всегда сопоставимы.

Исследование образа страны в сознании иностранцев требует особого внимания к деталям, подготовки инструментария. Кроме того, важным фактором восприятия считается накапливаемый

опыт контакта иностранца с новой культурой. Безрукова А.Н., Тимофеева Т.С. исследовали представления иностранцев о России до и после посещения ими нашей страны, т.е. они рассматривали стереотипы о России в динамике на личностном уровне, выбрав в качестве приоритетных методов сбора информации полуструктурные интервью, в качестве метода анализа – сетевой тематический анализ [Безрукова, Тимофеева, 2017]. Такая методическая стратегия видится весьма перспективной с точки зрения практической значимости научного исследования, траекторий выстраивания межкультурного диалога и изучения социальных установок. Сопоставление стереотипов иностранцев до и после проживания в России позволяет уделить внимание динамической составляющей образа страны, что весьма значимо, так как зачастую образ страны изучается в статике и это накладывает свой отпечаток. Однако следует понимать, что изучение трансформации образов весьма трудоемкий процесс и требует особой организации исследования и сохранения единой методологии (инструментария, интерпретационных схем и кодировочных матриц) на разных этапах исследования, что не всегда оказывается возможным.

Для того чтобы сопоставлять образы, исследовательская модель должна включать схему непротиворечивых категорий – структурных компонентов образа страны. При их формулировке исследователи ориентируются, прежде всего, на проблемное поле и конкретные задачи научного проекта [Матвеева, Аникеева, Молчалова, 2019]. Представители политико-психологического подхода в качестве универсальных компонентов предлагают: образ народа и власти; образ главы государства; образ территории и геополитический образ страны. Образ страны рассматривается с позиции когнитивной сложности, эмоционального знака, субъектности, четкости, мотивационно-потребностной сферы [«Они» и «Мы»..., 2021, с. 43–67].

Отдельным направлением исследования нередко становится изучение символического пространства образа страны. Согласно исследовательской программе, в ходе опроса нередко задаются вопросы о государственной символике, просят назвать людей, являющихся символами страны, символы культуры России, территории страны. Наиболее часто используется сравнение частот упоминания символовических характеристик. Интересным методологическим приемом выглядит использование в исследовании картоидных методов (когда респондентов просят заполнить пустую контурную карту). Подобные исследования проводятся нередко в

случае изучение национально-государственной идентичности россиян [Евгеньева, Смулькина, Цымбал, 2020].

В последние годы в исследованиях подобной тематики все чаще используется метод свободных ассоциаций. Следует обратить внимание на различающиеся исследовательские стратегии социологов, психологов и политических исследователей в использовании этого метода. В социологических исследованиях внимание фокусируется на стереотипах на уровне массового сознания, анализу подвергаются самые первые и самые часто упоминаемые ассоциации в рамках фокус-групп и индивидуальных интервью. Политические психологи чаще фокусируют внимание на оригинальных оценках, объектах, ассоциируемых со страной в оригинальных сюжетах. Изучаются более сложные метафоры и кочующие образы, представленные в рисунках, противоречивые характеристики. Обе стратегии видятся весьма интересными, их выбор определен различиями в предметах исследования. При изучении глубинных, ментальных конструктов, заложенных национальной культурой, акцент на оригинальные сюжеты вербализированных и визуальных образов видится более полезным для исследования. При рассмотрении же коммуникативного фактора политического восприятия страны изучение самых распространенных символов несомненно более значимо.

Изучение восприятия страны в контексте темы ее развития

Актуальными направлениями исследования образа страны являются проекты изучения отношения россиян к политическому развитию России. Прежде всего здесь рассматриваются общественные оценки перспектив социально-экономического и социально-политического развития страны и характер общественной удовлетворенности нынешней политической и социально-экономической ситуацией. Логичным здесь является анализ должного развития страны в представлениях ее граждан.

Здесь нельзя не обратить внимания на национальные различия в исследовательских подходах. Западные исследователи чаще рассматривают отношение россиян к демократическому (или недемократическому) статусу России. Эти исследования ориентируются на сопоставление современных образов страны с образами «лихих девяностых» и периода социального патерналистского

советского государства. Данные исследования реализуется и отечественными исследователями [Масланов, Подсеваткин, 2015]. Российские социологи, однако, менее сосредоточены на электоральной и «режимной» стороне политического развития и чаще ставят цель понять, какие противоречия российского общества воспринимаются населением как наиболее острые и препятствующие развитию страны.

В рамках построения исследовательской стратегии зарубежные ученые предлагают для рассмотрения социальных противоречий критерии анализа, связанные, прежде всего, с противостоянием глобального и локального. Есть позиции, согласно которым противоречия разворачиваются между мировым сообществом (называемым Сетью), и «я» [Castells, 1997]. Дудин И.В., изучив представления россиян относительно противоречий в обществе, приходит к выводу об отсутствии актуальности столкновения глобального и частного в российской ментальности. Он обращает внимание на специфичность оценок россиянами общественных проблем с учетом территориальных и возрастных особенностей [Дудин, 2023]. Эти исследования демонстрируют важность учета национальной специфики в ходе планирования изучения образа страны.

Сопоставление статистических данных в рамках количественных исследований предоставляет исследователям возможность делать выводы о характере влияния факторов разного рода на политическое восприятие страны обществом. Несомненно, сравнительное исследование представлений респондентов разных социальных групп требует количественных методов сбора и обработки данных и больших выборок. Методами исследования, как правило, выбираются анализ данных при помощи таблиц сопряженности, динамический сравнительный анализ с использованием коэффициента Спирмана и кластерный анализ. Кластерный анализ не всегда может дать эвристически значимые результаты, так как число выделенных кластеров может оказаться очень большим (более 10), а их наполняемость может оказаться незначительной. В таком случае принципы объединения различных противоречий в кластеры не всегда поддаются содержательной интерпретации.

Качественные методы исследования в большей степени позволяют обратиться к эмоционально-чувственной стороне восприятия, например, рассмотреть образ страны через осознание гражданами гордости и стыда за свою страну. Значимыми оказываются как вербализированные, так и латентные их формы. Изучать скрытый характер данных эмоций даже в условиях индивидуальных

глубинных интервью весьма сложно, так как исследователю приходится судить о конгруэнтности получаемого вербализированного и невербального эмпирического материала, замечать противоречия в оценках. Возрастает важность квалификации интервьюера.

Еще одним важным аспектом исследования восприятия развития страны является подход к изучению характера взаимоотношений народа и власти. В ходе глубинных интервью и фокус-групп открытые вопросы могут быть эффективно дополнены рисуночными техниками и методами свободных и направленных ассоциаций [Шестопал, Рогач, 2025]. Такой подход, несомненно, дает большое количество интересного оригинального эмпирического материала, однако является весьма трудоемким на стадии обработки и интерпретации результатов.

Более формализованные исследования, посвященные оценке взаимоотношений власти и общества в структуре образа страны, как правило, затрагивают тему политического доверия. Здесь исследователи могут ограничиваться анкетными опросами. Обычно проводится частотный анализ наиболее и наименее упоминаемых политических институтов, в отношении которых респондент испытывает доверие. В формализованных опросах (анкетирование, интернет-опрос) также удобно использовать метод ранжирования и шкалирования. Помимо классических подходов к исследованию положительных и отрицательных перспектив развития страны, могут использоваться подходы к изучению горизонтов долгосрочного и краткосрочного планирования развития страны, критериев необходимости перемен или стабильности, наличия тревог или уверенности относительно будущего развития страны, критериев удовлетворенности или же разочарования общества относительно развития страны [Кузнецов, 2025].

Изучение образа России с учетом восприятия обществом западного и оригинального собственного пути развития страны всегда актуально для отечественных исследований [Мареева, 2015]. В данном случае в аналитическую модель нередко бывают включены концепты установок, ориентированных на потребности выживания и потребности развития. Интерес, как правило, распространяется не только на нормативные представления, но и на желаемые (идеальные) сценарии. Рассмотрим наработки в этом направлении исследований отдельно.

*Исследования образа страны
в контексте изучения желаемого будущего*

Образ желаемого будущего страны часто изучается в соотношении с конструируемым в индивидуальном сознании образом личного будущего. Это переносит фокус внимания на индивидуальный уровень восприятия, поэтому подобные исследования чаще реализуются на принципах феноменологического подхода, «позволяющего рассматривать субъективное пространство политики и место образа, будущего в нем как результат восприятия жизненного мира, детерминированного особенностями социально-политических субъектов – участников политического процесса» [Балашова, Есаян, 2021].

В научном проекте Самаркиной И.В. образ будущего трактовался как компонент субъективного пространства политики, как совокупность символических, идеологических и культурных образований, ориентационно-поведенческих комплексов разнообразных политических акторов. Образ был охарактеризован как образование множественных идейных конструкций, функционирующих в политической сфере и оказывающих влияние на организационные формы политических институтов и властных отношений, включающий константные и переменные параметры, содержание которых обусловлено совокупностью внутренних и внешних факторов. [Образ будущего как компонент..., 2024]. Столь многокомпонентные исследовательские модели эффективнее реализовывать в условиях применения качественно-количественного методологического инструментария, при реализации исследования в несколько эмпирических этапов или в ходе единовременных параллельных исследовательских панелей. Важной задачей при этом становится сохранение глубины анализа данных и опора на значительный объем выборки. В данном проекте приоритетными стали методы фокус-групп и онлайн-анкетирования. Образы будущего страны были соотнесены с категориями социального государства, устойчивости институтов национальной цивилизационной идентичности. В описаниях ценностно-смыслового ядра образа будущего были использованы категории порядка и справедливости [Трофимова, 2022].

Обзор исследований будущего продемонстрировал, что, рассуждая о прикладной значимости изучения образа страны в сознании российских граждан сегодня, исследователи чаще всего обращаются к проблеме социальной разобщенности, гражданской пассивности, политической субъектности воспринимающих,

специфике конструирования горизонтов планирования и прогнозов стабилизационного развития страны.

Заключение

Обзор подходов и стратегий исследований образа страны, сформированного в массовом сознании, позволяет говорить о невозможности создать единую универсальную схему научного исследования. Важность выбора авторского ракурса в условиях разных теоретических и прикладных целей неоспорима. Формирование оригинальной исследовательской модели и набора вероятностных оптимальных методических стратегий видится единственно возможным способом обеспечения эффективности исследования в условиях динамизма социальных процессов и трансформации психологического состояния общества.

При этом все-таки можно говорить об игнорировании во многих исследованиях некоторых важных аспектов политического восприятия страны. Прежде всего речь идет о значимой политико-культурной особенности российского восприятия – персонификации властного образа; сложном характере взаимосвязей отдельных элементов образов между собой (образ народа и территории; власти и лидера; народа и власти; власти и международного / цивилизационного статуса страны); динамичности политических образов; многосоставности образа страны; высокой значимости не только рационализированных, но и неосознаваемых аспектов восприятия, делающих реакции воспринимающей стороны зачастую противоречивыми и непредсказуемыми; большой значимости оценок составных компонентов образа страны согласно критериям силы, активности, эффективности, близости. Способен ли политико-психологический подход к исследованию образа страны учесть вышеупомянутые сложности в эмпирическом исследовании в будущем? Несомненно да.

Теоретическое исследование продемонстрировало, что современное изучение образа страны перспективно при учете меняющихся в наши дни общественных политических ожиданий и при параллельном исследовании сценарного восприятия развития страны. В качестве перспективных направлений исследования видятся проблемы влияния на политическое восприятие таких субъектных факторов, как трансформации психологического состояния общества и тенденции формирования национально-государствен-

ной идентичности в новых реалиях. Анализ адаптивных исследовательских стратегий подтверждает тему важности использования в наши дни тактики триангуляции в современных научных проектах. Политико-психологический подход постулирует высокие перспективы сочетания количественной и качественной методологии в исследованиях особенностей политического восприятия страны. Междисциплинарность подхода позволяет учитывать общественные контексты, национальные исследовательские традиции, рассматривать изучаемый политический образ не оторвано, а в менタルном и мировоззренческом колорите, не в статичности, а в динамизме, с учетом тенденций политического восприятия.

N.V. Smulkina*

**Political perception of the country:
research models and methodological strategies**

Abstract. The article examines the main theoretical approaches to the study of the image of the country formed at the level of mass political consciousness. The article offers research models for studying this multi-component construct and adaptive methodological strategies for implementing the study in the context of the dynamics of the society psychological state, the emergence of new challenges and threats in social practice. The author draws attention to the specifics of concepts operationalization relevant for studying the phenomenon of country political perception, the logic of choosing research paradigms and interpretative research schemes, the prospects and limitations of the researcher's choice of methodological tools. The importance of using the tactics of triangulation in modern scientific interdisciplinary projects devoted to studying the features of the formation of citizens' ideas about their country is emphasized. The combination of quantitative and qualitative methodology in research into the characteristics of the political perception of the country seems to be a promising direction. It allows us to take into account social contexts, national research traditions, and to consider the political image being studied not in isolation, but in a mental and ideological context; not statically, but dynamically, taking into account changing trends in political perception. In substantiating this statement, the author discusses the merits and prospects of the political-psychological approach in the study of the image of a country, formed in mass political consciousness, under the influence of various factors associated with the object and subject of perception, temporal and spatial dimensions. The issue of considering both rationalized and unconscious aspects of citizens' perception of their country is raised. The importance of choosing this research perspective in the context of different scientific goals, the specifics of the

* Smulkina Natalia, Lomonosov Moscow State University; GAUGN (Moscow, Russia), e-mail: smulkina@mail.ru

formation of research models and methodological strategies under its influence are discussed.

Keywords: image of the country; mass political consciousness; political perception; political-psychological approach; research model; research strategies; national identity; qualitative methods; factors of political perception.

For citation: Smulkina N.V. Political perception of the country: research models and methodological strategies. *Political science (RU)*. 2025, N 4, P. 16–39. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.04.01>

References

- Agirdag O., Phalet K., VanHautte V. European identity as a unifying category: national vs. European identification among native and immigrant pupils. *European Union politics*. 2016, N 17, P. 285 – 302. DOI: <https://doi.org/10.1177/1465116515612216>
- Balashova I., Yesayan M. Ideas about the future of the country among student youth of the North Caucasus. *Journal of sociology: Bulletin of Yerevan University*. 2021, N 2, P. 19–33. (In Russ.)
- Beck U. *Risk society. On the way to another modernity: monograph*. Moscow: Progress Tradition, 2000, 384 p. (In Russ.)
- Bezrukova A.N., Timofeeva T.S. Study of ideas of foreigners about Russia before and after visiting our country. *Bulletin of Moscow state regional university. Series: Psychological sciences*. 2017, N 2, P. 18–26. (In Russ.)
- Bovina I.B. Theory of social representations: theory and modern development. *Sociological journal*. 2010, N 3, P. 5–20. (In Russ.)
- Bruner J.S. Postman L. On the perception of incongruity: A paradigm. *Journal of Personality*. 1949, Vol. 18, P. 206–223.
- Caplan B. Rational ignorance versus rational irrationality. *Kyklos*. 2001, Vol. 54, N 1, P. 3–26;
- Castells M. *The Power of identity*. Cambridge: John Wiley & Sons, 1997, 585 p.
- De Dreu C. Social conflict: The emergence and consequences of struggle and negotiation. In: Fiske S.T., Gilbert D.T., Lindzey G. (eds). *Handbook of social psychology*. Hoboken: John Wiley & Sons, Inc., 2010, P. 983–1023. DOI: <https://doi.org/10.1002/9780470561119.socpsy002027>
- Ditlmann R., Ropf-Beck J. The meaning of being German: An inductive approach to national identity. *Journal of social and political psychology*. 2019, Vol. 7, N 7, P. 423–447. DOI: <https://doi.org/10.5964/jspp.v7i1.557>
- Dudin I.V. The country's population's idea of the main contradictions of Russian society. *Social space*. 2023, Vol. 9, N 2, P. 1–17. (In Russ.).
- Emel'ianova T.P. *Social representations: history, theory and empirical research*. Moscow: Institut psichologii RAN, 2016, 476 p. (In Russ.)
- Evgenyeva T.V., Smulkina N.V., Tsymbal I.A. Russia's place in the world as perceived by ordinary citizens: the identification dimension. *Polis. Political studies*. 2020, N 4, P. 181–191. (In Russ.)
- Evgenyeva T.V. Mythological images of history in the space of political culture of modern youth. Round table Russian youth in the state and society: socio-cultural and

- political-psychological dimensions. *Polylogue*. 2020, N 4 (4), P. 9–11. DOI: <https://doi.org/10.18254/S258770110013200-2> (In Russ.)
- Herrmann R.K. Image theory and strategic interaction in international relations In: Sears D.O., Huddy L., Jervis R. (eds). *Oxford handbook of political psychology*. Oxford: Oxford university press, 2003, P. 285–314.
- Hertel F., Schöneck N. Conflict perceptions across 27 OECD countries: The roles of socioeconomic inequality and collective stratification beliefs. *Acta Sociologica*. 2019, Vol. 65, Issue 3, P. 1–19. DOI: <https://doi.org/10.1177/0001699319847515>
- Kamenskikh M.S. Yamalo-Nenets autonomous okrug: ethnoprojections and ethnicity of the region within the framework of the Russian model of federalism. *Journal of frontier studies*. 2024, N 3, P. 226–244. DOI: <https://doi.org/10.46539/jfs.v9i3.631> (In Russ.)
- Kumysheva R.M. People's ideas about their country as a mental phenomenon. *Successes of modern science and education*. 2016, Vol. 4, N 7, P. 71–73. (In Russ.)
- Kuznetsov I.S. Institutional trust, the image of the country's future and personal future. *Sociological science and social practice*. 2025, Vol. 13, N 1, P. 25–47. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.1.2> (In Russ.)
- Litvinov V.Yu. Comparative analysis of ideas of young people from different regions of the country about Russian, Western and Eastern civilizations. *Bulletin of Irkutsk state university. Series: psychology*. 2023, Vol. 46, P. 17–28. DOI: <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2023.46.17> (In Russ.)
- MacCrone D. Bechhofer F. *Understanding national identity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015, 226 p.
- Malinova O.Yu. Symbolic politics and construction of macropolitical identity in post-Soviet Russia. *Polis. Political studies*. 2010, N 2, P. 90–105. (In Russ.)
- Mareyeva S.V. Value orientations and ideas of the middle class about the desired vector of development of the country. *Sociological studies*. 2015, N 1, P. 55–63. (In Russ.)
- Maslanov D.V., Podsevatkin I.S. Population of Russia in the political development of the country foreign views modern ideas. *Power*. 2015, N 11, P. 160–166. (In Russ.)
- Matveeva L.V., Anikeeva T.Ya., Mochalova Yu.V. The image of Russia in the opinions of young people from different regions of the country and the problem of civilizational identity. In: Selivanov V.V. (ed.). *Psychology of cognitive processes. Interuniversity collection of articles*. Smolensk: Smolensk state university, 2019, P. 83–95. (In Russ.)
- Mitina O.V., Petrenko V.F. Psychosemantic analysis of the state image: reconstruction and measurement. *Psychological journal*. 2009, Vol. 30, N 3, P. 16–27. (In Russ.)
- Moscovici S. The phenomenon of social representations. In: Duveen G. (ed.). *Social representations: Explorations in social psychology*. S. Moscovici. New York: New York university press, 2000, P. 18–77.
- Pushkareva G.V. *Homo politicus: the political man*. Moscow: ARGAMAK-MEDIA, 2014, 336 p. (In Russ.)
- Rakityansky N.M. Categories of consciousness and mentality in the context of the phenomenon of political polymentality. *Information wars*. 2012, N 3 (23), P. 29–40. (In Russ.)
- Samarkina I.V. The first decade of the 21st century: constants and innovations in the political picture of the world of Russian children. *Bulletin of Tomsk state university. Series: Philosophy. Sociology. Political Science*. 2011, N 3 (15), P. 5–21. (In Russ.)

- Samarkina I.V., Bashmakov I.S., Kolozov D.P., Kuz'menko N.P. The image of the future as a component of the subjective space of politics: a conceptual model and the experience of its testing. *Polis. Political studies.* 2024, N 5, P. 66–81. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.05.05> (In Russ.)
- Selezneva A.V., Smulkina N.V. Images of the countries of the slavic world in the minds of Russian citizens (Based on the example of Ukraine and Belarus). *Rusin.* 2020, Vol. 54, N 4, P. 352–371. DOI: <https://doi.org/10.17223/18572685/54/21> (In Russ.)
- Shestopal E.B., Rogach N.N. Russian citizens' views of their country through the prism of new self-awareness. *Central Russian bulletin of social sciences.* 2025, Vol. 20, N 1, P. 31–56. (In Russ.)
- Shestopal E.B. (ed.) "They" and "We". *Images of Russia and the world in the minds of Russian citizens.* Moscow: ROSSPEN, 2021, 423 p. (In Russ.)
- Smorgunova V.Yu. *The Phenomenon of political knowledge.* Saint Petersburg: Obrazovanie, 1996, 432 p. (In Russ.)
- Smul'kina N.V. Retro-orientations in Russian political perception: An experience of political-psychological research. *Electronic scientific and educational journal history.* 2021, Vol. 12, N 1 (99). DOI: <https://doi.org/10.18254/S207987840013818-8> (In Russ.)
- Snezhkova I.V., Kalacheva I.I., Shalygina N.V. Gromov D.V. Images of Russia and Belarus in the minds of the young people of the two countries. *Vlast.* 2019, N 1, P. 107–112. (In Russ.)
- Trofimova E.Ya. Russians' iews of the country's future: Is there a consensus? *Sociological research.* 2022, N 10, P. 37–48. (In Russ.)
- Wallerstein I. *World-system analysis: introduction.* Moscow: Territory of the future, 2006, 248 p. (In Russ.)
- Wieviorka M. Social conflict. *Current sociology.* 2013, N 61, P. 696–713. DOI: <https://doi.org/10.1177/0011392113499487>
- Zamyatin D.N. *The Power of space and the space of power: geographical images in politics and international relations.* Moscow: ROSSPEN, 2004, 349 p. (In Russ.)
- Zayats D.V., Kolosov V.A. Geopolitical images in the mirror of the media. *Otechestvennye zapiski.* 2002, N 6, P. 136–212. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Балашова И., Есаян М.* Представления о будущем страны у студенческой молодежи Северного Кавказа // *Journal of Sociology: Bulletin of Yerevan University.* – 2021. – № 2. – С. 19–33.
- Безрукова А. Н., Тимофеева Т.С.* Исследование представлений иностранцев о России до и после посещения нашей страны // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки.* – 2017. – № 2. – С. 18–26.
- Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну: монография. – Москва: Прогресс Традиция, 2000. – 384 с.
- Бовина И.Б.* Теория социальных представлений: теория и современное развитие // *Социологический журнал.* – 2010. – № 3. – С. 5–20.

- Валлерстайн И. Мироисистемный анализ: введение / пер. Н. Тюкиной. – Москва: Территория будущего, 2006. – 248 с.
- Дудин И.В. Представление о населении страны об основных противоречиях российского социума // Социальное пространство. – 2023. – Т. 9, № 2. – С. 1–17. – DOI: <https://doi.org/10.15838/sa.2023.2.38.8>
- Евгеньева Т.В. Миѳологические образы истории в пространстве политической культуры современной молодежи / Круглый стол «Российская молодежь в государстве и обществе: социокультурное и политико-психологическое измерения» // Полилог. – 2020. – Т. 4, № 4. – С. 9–11. – DOI: <https://doi.org/10.18254/S258770110013200-2>
- Евгеньева Т.В., Смулькина Н.В., Цымбал И.А. Место России в мире в восприятии рядовых граждан: идентификационное измерение // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 4. – С. 181–191.
- Емельянова Т.П. Социальные представления: история, теория и эмпирические исследования. – Москва: Институт психологии РАН, 2016. – 476 с.
- Замятин Д.Н. Власть пространства и пространство власти: географические образы в политике и международных отношениях. – М.: РОССПЭН, 2004. – 349 с.
- Заяц Д.В., Колосов В.А. Геополитические образы в зеркале СМИ // Отечественные записки. – 2002. – № 6. – С. 136–212.
- Каменских М.С. Ямало-Ненецкий автономный округ: этнoproекции и этничность региона в рамках российской модели федерализма // Журнал фронтовых исследований. – 2024. – № 3. – С. 226–244. – DOI: <https://doi.org/10.46539/jfs.v9i3.631>
- Кузнецов И.С. Институциональное доверие, образ будущего страны и личного будущего // Социологическая наука и социальная практика. – 2025. – Т. 13, № 1. – С. 25–47. – DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.1.2>
- Кумышева Р.М. Представления людей о своей стране как ментальный феномен // Успехи современной науки и образования. – 2016. – Т. 4, № 7. – С. 71–73.
- Литвинов В.Ю. Сравнительный анализ представлений молодежи из различных регионов страны о российской, западной и восточной цивилизациях // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. – 2023. – Т. 46. – С. 17–28. – DOI: <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2023.46.17>
- Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. Политические исследования. – 2010. – № 2. – С. 90–105.
- Мареева С.В. Ценностные ориентации и представления среднего класса о желаемом векторе развития страны // Социологические исследования. – 2015. – № 1. – С. 55–63.
- Масланов Д.В., Подсеваткин И.С. Население России политическом развитии страны зарубежные взгляды современные представления // Власть. – 2015. – № 11. – С. 160–166.
- Матвеева Л.В., Аникеева Т.Я., Мочалова Ю.В. Образ России в представлениях молодежи различных регионов страны и проблема цивилизационной идентичности // Психология когнитивных процессов. Межвузовский сборник статей / под ред. Селиванова В.В. – Смоленск: СмолГУ, 2019. – С. 83–95.
- Митина О.В., Петренко В.Ф. Психосемантический анализ имиджа государства: реконструкция и измерение // Психологический журнал. – 2009. – Т. 30, № 3. – С. 16–27.

- «Они» и «Мы». Образы России и мира в сознании российских граждан: Коллективная монография / под. ред. Е.Б. Шестопал. – М.: РОССПЭН, 2021. – 423 с.
- Пушкирева Г.В. Homo politicus: человек политический. – М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2014. – 336 с.
- Ракитянский Н.М. Категории сознания и менталитета в контексте феномена политической полиментальности // Информационные войны. – 2012. – № 3 (23). – С. 29–40.
- Самаркина И.В. Первое десятилетие XXI века: константы и новации в политической картине мира российских детей // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. – 2011. – № 3 (15). – С. 5–21.
- Образ будущего как компонент субъективного пространства политики: концептуальная модель и опыт ее апробации / И.В. Самаркина, И.С. Башмаков, Д.П. Колзов, Н.П. Кузьменко // Полис. Политические исследования. – 2024. – № 5. – С. 66–81. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.05.05>
- Образы России и Беларуси в представлениях молодежи двух стран / И.В. Снежкова, И.И. Калачёва, Н.В. Шалыгина, Д.В. Громов // Власть. – 2019. – № 1. – С. 107–112.
- Селезнева А.В., Смулькина Н.В. Образы стран славянского мира в сознании российских граждан (на примере Украины и Белоруссии) // Русин. – 2020. – Т. 54, № 4. – С. 352–371. – DOI: <https://doi.org/10.17223/18572685/54/21>
- Сморгунова В.Ю. Феномен политического знания. – СПб.: Образование, 1996. – 432 с.
- Смулькина Н.В. Ретроориентации в российском политическом восприятии: опыт политико-психологического исследования // Электронный научно-образовательный журнал История. – 2021. – Т. 12, № 1 (99). DOI: <https://doi.org/10.18254/S207987840013818-8>
- Трофимова Е.Я. Представление россиян о будущем страны: существует ли консенсус? // Социологические исследования. – 2022. – № 10. – С. 37–48.
- Шестопал Е.Б., Рогач Н.Н. Представления российских граждан о своей стране сквозь призму нового самосознания // Среднерусский вестник общественных наук. – 2025. – Т. 20, № 1. – С. 31–56.

О.Ю. МАЛИНОВА*

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ КАК ПРЕДМЕТ
ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ:
АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР**

Аннотация. В статье представлен методологический анализ исследований идеологии в рамках политической психологии как одной из субдисциплин, активно работающей с данным явлением эмпирически. Принятая в политико-психологической литературе интерпретация идеологии как набора взаимосвязанных убеждений и установок, организующих взгляды индивидов по политическим и социальным вопросам, отсекает многие компоненты понятия идеологии, которым придается важное значение в смежных дисциплинах – коллективный характер разделяемых убеждений, их связь с социальным положением группы, мировоззренческие и ценностные основания идеологии, ее значение для установления и поддержания отношений господства и т.п. Это позволяет сосредоточиться на том, что можно наблюдать эмпирически – на степени логической связанности политических установок индивидов, последовательно проверяя и уточняя предположения относительно эмпирических закономерностей. В статье рассматриваются дискуссии о методологии измерения идеологических различий, о валидности лево-правой шкалы и о проблеме «идеологической невинности» массовой части электората. Представлен обзор основных результатов зарубежных исследований психологических оснований политической идеологии. Обсуждается, каким образом политико-психологические исследования идеологии подкрепляют или проблематизируют подходы, развиваемые в других областях политической науки.

Ключевые слова: политическая психология; политическая идеология; лево-правый идеологический спектр; проблема «идеологической невинности» масс; теория избирательного тяготения; теория двух эволюционных оснований политической идеологии.

* **Малинова Ольга Юрьевна**, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: omalinova@mail.ru

Для цитирования: Малинова О.Ю. Политическая идеология как предмет политико-психологических исследований: аналитический обзор // Политическая наука. – 2025. – № 4. – С. 40–64. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.04.02>

Идеология – одно из самых трудных понятий в арсенале социальных исследований. Термин, придуманный Антуаном Дестютом де Траси в качестве названия будущей «точной» науки об идеях, вскоре стал полемическим, что позволило Карлу Марксу переосмыслить идеологию как «ложное сознание», представляющее классовые интересы в иллюзорной форме [Larraín, 1979; Thompson, 1990, ch. 1; Малинова, 2023]. Таким образом, данное понятие приобрело критическую окраску, что не могло не повлиять на его использование. Умножению принципиально не совпадающих дефиниций способствует и то, что данный концепт разрабатывается в столь разных предметных полях, как эпистемология, социология знания, история политических учений, политическая теория, исследования медиакоммуникаций и др. Некогда британский социолог Малькольм Б. Гамильтон выявил на основе анализа литературы 27 элементов, в тех или иных комбинациях включаемых в его определения [Hamilton, 1987]. Неудивительно, что, как писал Джиованни Сартори, «для политолога термин “идеология” обозначает концепт-кластер, т.е. относится к понятиям, которые охватывают разнородное множество сложных явлений, которые мы пытаемся обобщить» [Sartori, 1969, p. 398]. Тем не менее, несмотря на очевидные сложности с концептуализацией, понятие идеологии широко используется в политических исследованиях не только как категория высокого уровня абстракции, но и в качестве инструмента эмпирического анализа.

Политическая психология – одна из субдисциплин, активно работающих с понятием идеологии эмпирически. Наличие относительного консенсуса в отношении его интерпретации позволяет развивать исследования, последовательно проверяющие и уточняющие предположения относительно эмпирических закономерностей. Политико-психологические исследования идеологии отличаются особым фокусом: они сосредоточены не на содержании «измов», а на том, как идеологии функционируют на массовом уровне. Подходы политических психологов к изучению идеологии имеют выраженную специфику по сравнению со смежными предметными полями – в частности, с исследованиями публичных дискурсов, политических партий и массовых коммуникаций, для

которых результаты, накопленные политическими психологами, могли бы представлять интерес. К сожалению, между этими полями мало пересечений: в литературе по политической психологии редко можно обнаружить ссылки на наработки исследователей, изучающих идеологию со стороны ее «производства», а последнее, в свою очередь, не слишком следят за результатами ее изучения со стороны «потребления». В целях наведения мостов в настоящей статье мы попытаемся показать, каким образом политико-психологические исследования идеологии подкрепляют или проблематизируют подходы, развивающиеся в других областях политической науки.

Задача концептуализации и операционализации

Интерпретация идеологии в большинстве зарубежных политико-психологических исследований восходит к статье Филиппа Э. Конверса, опубликованной в 1964 г. в программном сборнике «Идеология и недовольство» под редакцией Дэвида Э. Аптера¹. Перегруженный смыслами концепт идеологии Конверс предложил заменить понятием *систем убеждений* (belief systems), которое определил как «конфигурацию идей и установок (attitudes), элементы которой связаны той или иной формой ограничений или функциональной зависимости» [Converse, 1964, p. 207]. Кстати, именно в этом контексте он сформулировал парадокс, который политологи вспоминают, сетуя на трудности изучения своего предмета: системы убеждений – хороший пример того, как «то, что важно изучать, нельзя измерить, а то, что можно измерить – не столь важно изучать» [ibid., p. 206]. Концептуализация, предложенная Конверсом, отсекает многие компоненты понятия идеологии, которым придается важное значение в другой литературе – коллективный характер разделяемых убеждений, их связь с социальным положением группы, мировоззренческие и ценностные основания идеологии, ее значение для установления и поддержания отношений господства и т.п. Это позволяет сосредоточиться на том, что можно эмпирически наблюдать – на степени согласованности конфигурации политических установок индивидов.

¹ О роли этого сборника в развитии известной дискуссии о «конце идеологии» см.: [Малинова, 2003].

Но вместе с тем это существенно обедняет «концепт-клластер», что, как мы увидим, иногда создает ложные проблемы.

При этом современные исследователи, в отличие от Конверса, предпочитают говорить не о системах убеждений, а о политической идеологии, причем чаще в единственном числе, определяя ее как «набор стабильных взаимосвязанных убеждений и установок, которые организуют взгляды по политическим и социальным вопросам» [Claessens, Sibley, Atkinson, 2022, p. 24]. Таким образом, определяющим признаком оказывается взаимосвязанность идеи-элементов, т.е. наличие того, что Конверс назвал идеологическими ограничениями (ideological constraints) [Converse, 1964, p. 207]. Он специально подчеркивал, что речь не идет о сугубо логической последовательности: источники идеологических ограничений «имеют характер скорее психологический, нежели логический, и скорее социальный, нежели психологический» [Converse, 1964, p. 207, 209]. На операциональном уровне идеологические ограничения имеют вид предположения: если индивид выражает убеждение А, он, вероятно, будет занимать позицию В по вопросу Х текущей политики. Индикаторами понимаемой таким образом идеологии могут выступать: 1) самоидентификация с помощью идеологических категорий, 2) согласованность политических установок респондента, 3) их стабильность, 4) предсказательная сила этих элементов [Kalmoe, 2020, p. 772]. Подобный подход позволяет изучать идеологические установки на массовом уровне количественными методами и выявлять их связи с другими переменными.

Как измерить различия политических предпочтений?

Поскольку такая интерпретация идеологии не предполагает непосредственной связи с исторически развивающимися системами идей («измами»), для различения взаимосвязанных идей и установок, обнаруживаемых в головах индивидов, требуется иной аналитический инструмент. В качестве такового используются шкалы, полюса которых отражают противоположные идеал-типические конфигурации политических предпочтений. Чаще всего оперируют лево-правым измерением, которое в контексте США определяется как либерально-консервативное. Предполагается, что левые / либералы ценят социальные изменения и равенство, а правые / консерваторы – традиционную мораль и иерархию [Claessens, Sibley, Atkinson, 2022; Goren, Motta, Smith, 2020; Caprara 2020].

Понятия *левые* и *правые* – социальные конструкты, история которых, как известно, восходит к событиям Французской революции [краткий исторический очерк см.: Bienfait, van Beek, 2014; Атнашев, 2022]. Считается, что они оказались удобными эвристическими инструментами для навигации в мире политики (по крайней мере в некоторых западных демократиях), поскольку закрепляют, упрощают и ориентируют политические суждения граждан, отвечая их потребностям в принадлежности и самовыражении. Некоторые исследователи полагают, что в мире, открытом глобальным влияниям и вызовам, эти категории приобретают эвристическую ценность и для ориентации в мировой политике [Farneti, 2012]. Благодаря пространственной коннотации понятия *левого* и *правого* задают вполне четкую структуру, оставаясь при этом в значительной мере «пустыми сосудами», содержание которых может меняться по контексту. По оценке Джана В. Капрары, конструкты левого и правого «позволяют людям суммировать свои мнения и занимать позиции по целому спектру социальных и экономических вопросов, оставляя им значительную степень свободы в организации своих знаний и интерпретации своих убеждений в соответствии с собственным опытом и личными особенностями» [Caprara, 2020, р. 157]. Но оборотной стороной этого преимущества является то, что люди, использующие данные понятия, могут вкладывать в них разное содержание. Этот феномен описывается понятием *символическая идеология*; оно учитывает, что идеологические категории могут использоваться как символы, по принципу ассоциативной связи [Goren, Motta, Smith, 2020; Caprara, 2020]. Данное обстоятельство имеет значение, поскольку самоидентификация в идеологических категориях левый – правый / либерал – консерватор часто выступает в качестве одной из переменных. Исследования показывают, что хотя примерно три четверти американцев готовы определять свою идеологическую идентичность в терминах либерал / консерватор, лишь около 20–30% демонстрируют идеологически последовательные политические убеждения [Kalmoe, 2020], т.е. разделяют соответствующие установки не только на символическом, но и на *операциональном* уровне.

Таким образом, продуктивность использования идеологической самоидентификации (*self-reported political ideology*) в качестве переменной вызывает споры. Недавнее квазиэкспериментальное исследование с национальной выборкой показало, что понимание терминов «либерал» и «консерватор» у большинства американцев отличается от конвенциональных академических определений.

При этом в ответах респондентов, которым в рамках эксперимента досталась формулировка вопроса, включавшая определения этих идеологических установок без соответствующих ярлыков, обнаружился примечательный сдвиг: демократы оказались более консервативными, а республиканцы – более либеральными, чем это предполагали их партийные самоидентификации. Эти результаты подтверждают, что самоидентификация дает информацию о символической, но не об операциональной идеологии респондентов [Yeung, Quek, 2025].

Некоторые исследователи предлагают выйти за рамки традиционного деления на левых и правых / либералов и консерваторов, разбив одно измерение на два – экономическое и культурное [Гулевич, 2020, с. 21]. Первое измерение часто называют *экономическим консерватизмом* или *ориентацией на социальное доминирование* (social dominance orientation – SDO). Оно фиксирует предпочтение иерархии или равенства, организуя взгляды по таким вопросам, как налоги, система социального обеспечения, здравоохранение и образование. Второе измерение именуют *социальным консерватизмом* или *правым авторитаризмом* (right-wing authoritarianism – RWA). Оно отражает предпочтение социального контроля или индивидуальной автономии и организует позиции по вопросам уголовного правоприменения, абортов, однополых браков и т.п. Измерение по двум шкалам лучше соответствует результатам факторных аналитических моделей и имеет большую внутреннюю согласованность и внешнюю валидность [Claessens, Sibley, Atkinson, 2022, р. 25]. Если экономическое измерение и в Западной Европе, и в США фиксирует позиции в отношении рыночных принципов регулирования или государственного вмешательства, то повестка культурного измерения имеет особенности: в США она отражает конфликт между традиционной религиозностью и секуляризмом, а в Европе – установки за или против евроинтеграции и по вопросам ограничения миграции [Feldman, Johnston, 2014; Van Der Brug, Van Spanje, 2009]. Наличие двух шкал позволяет ставить вопрос об идеологических типах, возникающих на их пересечении. Некоторые исследователи, анализируя вторичные данные опросов, действительно обнаруживают зоны конвергенции, но по-разному их выделяют и называют [Swedlow, 2008; Carmines, Ensley, Wagner, 2012].

Определение различий политических предпочтений с помощью одной или нескольких шкал сопряжено с вопросом о том, в какой мере их можно считать универсальными, а значит – в какой

мере результаты, полученные на конкретных данных, поддаются обобщению. Хотя в американском контексте отождествление лево-правого измерения с либерально-консервативным является общепринятым, некоторые исследователи справедливо подчеркивают, что история, причины и элементы либерально-консервативного водораздела в США на самом деле имеют существенную специфику [Swedlow, 2008; Caprara, 2020]. Здесь либеральные активисты были главными защитниками гражданских прав и политики, направленной на социальную справедливость и включение меньшинств. Консерваторы, напротив, были главными поборниками индивидуальной свободы, минимального вмешательства государства, семейных ценностей и патриотизма. Традиционно споры между либералами и консерваторами в США велись о свободе и власти правительства. Споры же между левыми и правыми в Европе касались равенства и стремления к справедливому обществу.

Распространение политической терминологии, использующей различие левого и правого, за пределы Западной Европы, где она сформировалась, позволяет предполагать, что ее основания могут быть связаны не только с политической культурой. Так, Фритца Биенфайт и Вальтер ван Бик, опираясь на работы антропологов, связывают сходство дуальных категорий у народов в разных частях мира с телесной организацией человека. То, что категории, ассоциирующиеся с силой и мужским началом (власть, порядок, традиция и т.п.) часто помещаются справа, возможно обусловлено тем, что большинство людей – правши. Согласно теории нидерландских исследователей, бинарная оппозиция левого и правого, опирающаяся на социально опосредованные телесные практики, является интуитивно понятным когнитивным инструментом для упрощения сложных ситуаций. В этом смысле рождение лево-правой дилеммы в ходе дебатов в Зале для игры в мяч в 1789 г. не было исторической случайностью: в ситуации неопределенности депутаты Генеральных штатов прибегли к принципу классификации, который был подсказан культурно закрепленной «логикой» их собственных тел [Bienfait, van Beek, 2014].

Исследователи, изучающие идеологию как психологический феномен, нередко обобщают свои наблюдения без поправок на политico-культурные различия, поскольку факторы, которые они рассматривают в качестве предикторов левых и правых предпочтений – личностные характеристики, базовые ценности, наследственность и т.п. – напрямую не зависят от политического контекста. Однако есть и критики такого подхода, которые справедливо

утверждают, что валидность категорий левого и правого / либерального и консервативного нельзя оценивать исключительно по психометрическим критериям. Они функционируют на основе символического порядка, в рамках которого исторически сформировались соответствующие ассоциативные связи, и валидны там, где существует такой порядок [Cargara, Vecchione, 2018].

Это ставит вопрос о том, в какой мере лево-правое измерение является полезным для характеристики политических предпочтений в контексте, где отсутствует устойчивая и непрерывная традиция употребления соответствующих понятий в общественном дискурсе, как это имеет место, например, в России [Жигадло, 2023]. Исследование на китайском материале [Beattie, Chen, Bettache, 2022], к которому мы вернемся позже, показывает, что хотя реконцептуализация по контексту позволяет оперировать лево-правым измерением, это не отменяет проблем при интерпретации результатов.

Проблема «идеологической невинности» масс

Статья Конверса о природе систем убеждений на массовом уровне до сих пор вдохновляет значительную часть политико-психологических исследований идеологии в США. Результаты его исследования заставили усомниться в том, что идеология выполняет ту функцию, которую ей приписывают теоретики, – действительно служит элитам «рычагом» для политической мобилизации и манипуляции массами [ср. Sartori, 1969, р. 411]. Изучая распределение систематически связанных идей и установок внутри страны, верхнюю часть которой образуют партийные лидеры и функционеры, а нижнюю – рядовые избиратели, Конверс обнаружил отсутствие внятной идеологической дифференциации на массовом уровне. По мере продвижения от элитарной части группы, декларирующей приверженность определенной политической партии, к рядовым избирателям степень согласованности убеждений снижалась, и поддержка абстрактных принципов падала. Это заставляет предположить, что «измы», которыми обычно оперирует «искушенный наблюдатель», не подходят для адекватного описания стратификации идеологических представлений в американском обществе. По мысли Конверса, таковую можно представить в виде беспорядочной кучи пирамид: хотя на уровне элит имеет место существенная дифференциация, на уровне масс «основания

настолько смыкаются друг с другом, что невозможно определить, где заканчивается одна пирамида и начинается другая» [Converse, 1964, p. 256]. Исследование Конверса вошло в историю американской политической науки как доказательство «идеологической невинности (innocence)» массовой части общества (mass public).

Чтобы понять, почему тезис об «идеологической невинности» оказался таким неожиданным и важным, нужно учесть, что в политической системе США лояльность одной из двух основных партий является важным предиктором электоральных исходов, и вспомнить, что в исследовании Конверса идеология измерялась степенью согласованности политических идей и установок. Наличие у индивидов систематически связанных убеждений считается важным для функционирования демократии: это представляется залогом того, что граждане будут давать политической системе достаточно ясные сигналы, на основе которых будет выстраиваться отвечающий их предпочтениям политический курс [Carmines, D'Amico, 2015, p. 206; Groenendyk, Kimbrough, Pickup, 2023, p. 623]. «Идеологически невинные» граждане не могут эффективно вникать в предвыборные дебаты и в обсуждение политических решений в межвыборный период [Goren, Motta, Smith, 2020, p. 75]. Иными словами, «идеологическая невинность» на массовом уровне представляется проблемой потому, что согласованность политических установок рассматривается в качестве индикатора политической компетентности избирателей.

Стоит заметить, что с точки зрения других подходов к изучению идеологии такая постановка вопроса не самоочевидна. Во-первых, есть марксистская традиция, в логике которой согласованность политических установок не может быть самостоятельной переменной, поскольку рассматривается как отражение социально-классовой принадлежности и «базисных» материальных интересов, которые, в свою очередь опосредуются манипуляциями с идеологической «надстройкой». Во-вторых, в исследованиях идеологий со стороны их «производства» согласованность рассматривается в качестве важного, но не определяющего параметра: по общему убеждению, очевидная тенденция к дезинтеграции «больших измов», их фрагментации и умножению мини-идеологий, сосредоточенных на конкретных повестках, не означает «конца идеологии» [Freeden, 2000]. Таким образом, и на уровне элитарного дискурса степень внутренней согласованности современных политических идеологий не идеальна. Проблематизация «идеологической невинности» концептуально обусловлена специфической интерпретацией идео-

логии, делающей упор на взаимосвязанность идей-элементов и отсекающей многие компоненты «концепта-кластера», важные для других его определений.

Так или иначе, на протяжении шести десятилетий американские политические психологи продолжают возвращаться к этой проблеме, пытаясь опровергнуть, пересмотреть или уточнить на новых данных результаты, полученные Конверсом. Современные дискуссии касаются, с одной стороны, оценки степени идеологической искушенности американского общества, а с другой – вопроса о последствиях таковой для функционирования демократии.

Идея о том, что идеологическое мышление в действительности присуще многим рядовым американцам, просто оно не оформлено в логике либерально-консервативной дилеммы, присущей дискурсу элит, высказывается достаточно давно. За два года до публикации сборника «Идеология и недовольство» со статьей Конверса увидела свет книга Роберта Лейна «Политическая идеология: Почему простые американцы верят так как они верят» [Lane, 1962]. Анализируя интервью, собранные в одном из рабочих районов, Лейн обнаружил, что хотя в убеждениях многих респондентов отсутствуют ограничения, продиктованные логикой либерально-консервативной дилеммы, их комбинации выглядят вполне последовательными с точки зрения представлений этих респондентов о себе и обществе. Таким образом, недооценка согласованности убеждений на массовом уровне может быть обусловлена способом измерения: исследователь не должен исходить из собственного понимания структуры убеждений. Проблема в том, что эту рекомендацию сложно реализовать в количественном дизайне, которому отдается предпочтение в политико-психологических исследованиях идеологии в США.

Некоторые исследователи ищут выход в использовании множественных шкал: кажущееся отсутствие последовательности в политических установках в действительности может означать, например, что индивид придерживается либеральных позиций по экономическому измерению и консервативных по социально-культурному. Эдвард Дж. Карминес и его коллеги, анализируя данные опросов, выделили пять идеологических групп на основе вариации по двум измерениям: помимо *либералов* и *консерваторов*, имеющих зеркально противоположные позиции, они обнаружили *либертарианцев*, соединяющих экономический консерватизм с либеральными взглядами на социально-культурные проблемы, *популистов*, демонстрирующих комбинацию либеральных позиций

по вопросам экономики и консервативных по вопросам морали и культуры, и умеренных, не придерживающихся крайних оценок ни по одному из измерений [Carmines, Ensley, Wagner, 2012]. Преимущества такого подхода Карминес и его коллеги продемонстрировали на примере движения «чайной партии», убеждения которых оказываются вполне последовательными, если располагать их не по одному, а по двум измерениям [Carmines, D'Amico, 2015].

В поисках теоретического обоснования разделения либерально-консервативного измерения на две шкалы многие политические психологи обращаются к теории базовых ценностей Шалома Шварца [Schwartz, 1992; Schwartz, 1994; Уточненная теория..., 2012]. В рамках данной теории ценности понимаются как когнитивные репрезентации целей, которые формируют установки и поведение в разных контекстах. Шварц выделил 10 универсальных ценностей, которые мотивируют и направляют поведение людей. Эти ценности взаимосвязаны и могут быть расположены на двухмерной структуре, представляющей различные типы мотивационных целей. Исследования, опирающиеся на эту теорию, доказывают, что установки по измерениям экономического и социального консерватизма сформированы разными ценностными мотивациями [Feldman, Johnston, 2014; Goren, Motta, Smith, 2020]. Таким образом, убеждения респондентов, сочетающих либеральные и консервативные установки, но по разным измерениям, не так непоследовательны, как может показаться.

В подобных исследованиях ценности выступают в качестве предикторов политической идеологии, что с точки зрения интерпретаций, привычных для многих политологов, кажется странным, ведь ценности принято рассматривать в качестве основного структурного элемента политических идеологий [Селезнева, 2017] и «смысловой доминанты, определяющей идеологические приоритеты» [Селезнева, 2019, с. 178]. Однако в зарубежных политико-психологических исследованиях, о которых идет речь, данные понятия используются в специфических значениях: под политической идеологией понимаются различия политических убеждений, фиксируемые по одному или двум измерениям, а под базовыми ценностями – мотивационные цели, которые выявляются с помощью стандартизованных опросников, разработанных для широкого спектра психологических исследований.

Некоторые исследователи ищут объяснение символической идеологии, точнее, ассоциативной логики, посредством которой индивиды идентифицируют себя с помощью понятий левый /

либеральный – правый / консервативный, в групповом конформизме. Эрик Грониндейк и его коллеги предложили теорию, согласно которой идеологические ограничения следует рассматривать как продукт конформизма к воспринимаемым групповым нормам. По их мысли, «идеология – не просто руководство про “что с чем идет” в политике, но аргумент о том, что с чем *должно* идти для тех, кто разделяет идентичность... Эти нормы – то, что определяет (и подкрепляет) границы между “нами” и “ими” и иногда ревностно навязывается членами группы» [Groenendyk, Kimbrough, Pickup, 2023, p. 624–625]. Эта интерпретация имеет много общего с концептуализацией Т.А. ван Дейка, в рамках которой идеология определяется как фундаментальные убеждения группы и ее членов [Van Dijk, 1998]. Но, как уже отмечалось, разные сегменты данного предметного поля не слишком между собой связаны, и политические психологи редко опираются на работы исследователей дискурса. Используя квазиэкспериментальный дизайн, Грониндейк и его коллеги разделили вопросы, тестировавшие нормативные представления респондентов об установках идеологической группы, с которой они себя идентифицировали, и вопросы об их собственных предпочтениях и манипулировали последовательностью вопросов. Это позволило доказать, что значительная часть индивидов, которых традиционно относят к «идеологически невинным», в действительности знают, какие убеждения по различным вопросам повестки *должны* быть у идеологической группы, к которым они себя относят, но выражая личные предпочтения, выбирают иные ответы. Таким образом, они не «невинны», но прагматичны. По мнению Грониндейка и его коллег, это свидетельствует о том, что «идеологическое ограничение по крайней мере частично мотивировано стремлением к групповому конформизму, а не рассуждениями о принципах» [Groenendyk, Kimbrough, Pickup, 2023, p. 635]. Этот результат эмпирически подтверждает то, что во многих теориях идеологии выступает в качестве презумпции. Вместе с тем он побуждает скорректировать предположение о последствиях «идеологической невинности» для демократии: если исходить из того, что нормативные представления о том, «что с чем идет» для левых / либералов и правых / консерваторов, формируются элитами и являются инструментом манипуляции массами, то «низкий уровень идеологического ограничения – в конце концов может быть не такая плохая вещь» [*ibid.*]. Если индивиды, готовые идентифицировать себя в идеологических категориях и при этом осведомленные о связанных с ними установках, выражают не согласующиеся с этими

установками предпочтения, возможно, они более компетентны, чем принято полагать.

Еще один подход к решению проблемы «идеологической невинности» связан с поиском промежуточных переменных, опосредующих согласованность убеждений. Некоторые исследователи в качестве таковых рассматривают политическую осведомленность [Kalmoe, 2020] или когнитивную и мотивационную включенность в общественные дела [Goren, Motta, Smith, 2020]. Эта литература показывает, что политическая искушенность (political sophistication), измеряемая осведомленностью (political knowledge) и интересом, усиливает связь между идеологическими ориентациями, позициями по актуальным вопросам и электоральным выбором [Carmines, D'Amico, 2015, р. 209]. Кроме того, политическая искушенность значимо опосредует связь между базовыми ценностями и символической идеологией: слабо вовлеченные в политику респонденты менее последовательно опираются на аффективные предрасположения, связанные с ценостной мотивацией [Goren, Motta, Smith, 2020, р. 90]. Исследования о влиянии политической искушенности на системность политических убеждений на массовом уровне позволяют сделать два вывода. Во-первых, исследования, построенные на общей выборке, возможно недооценивают влияние идеологии, поскольку оно распределено неравномерно и зависит от информированности и вовлеченности, которые подвержены флюктуациям [Kalmoe, 2020, р. 789]. Во-вторых, можно предположить, что рост политической поляризации на элитном уровне, наблюдаемый в США в последние десятилетия, будет способствовать увеличению идеологической согласованности на массовом уровне за счет увеличения доли мобилизованного и политически активного избирателя.

Одно из направлений критики тезиса об «идеологической невинности» американского общества как раз заключалось в том, что Конверс оперировал данными 1950-х, когда позиции демократов и республиканцев по многим вопросам не были непримиримыми. Уже в 1970-х исследования обнаруживали большую идеологическую последовательность в установках американских избирателей [Carmines, D'Amico, 2015, р. 208]. Сравнив данные общенациональных опросов и опросов делегатов партийных конгрессов в 1980–2000-х годах, Кейтлин Джевитт и Пол Горен обнаружили, что в 1992 г. наиболее политически активные граждане в значительной степени догоняли политическую элиту с точки зрения идеологической согласованности и структуры своих установок, а

еще через десять лет, с усилением политической поляризации и появления новых средств массовой коммуникации, эти показатели сравнялись [Jewitt, Goren, 2016]. Иными словами, нарастание противоречий между демократами и республиканцами в США способствует увеличению доли идеологически искушенного избирателя.

Подводя итог, можно констатировать, что исследование Конверса оказалось вызовом, отвечая на который американские политические психологи проделали большую эмпирическую работу, по-путьно поставив и решив множество методологических проблем.

Психологические основания политической идеологии

Поскольку политическую психологию иногда определяют как «приложение того, что известно о человеческой психологии, к исследованию политики» [Huddy et al., 2023, p. 1], неудивительно, что едва ли не основным направлением политико-психологических исследований идеологии является поиск психологических оснований наблюдаемых идеологических различий. Это принципиально отличается от подходов в других сегментах данного предметного поля: социологи и политологи, изучающие историю идей, политические партии, протестные движения, публичные дискурсы и массовую коммуникацию, склонны видеть корни идеологии в социальных структурах общества – в отношениях неравенства, власти и господства. Нельзя сказать, что политические психологи игнорируют эти социальные аспекты. Однако, стремясь объяснить идеологические различия на массовом уровне, они фокусируются на психологических особенностях и потребностях индивидов, способствующих формированию тех или иных политических установок.

В России такие исследования тоже проводились, в частности в 2006–2007 гг. на кафедре политической психологии МГУ им. М.В.Ломоносова [Блинов, 2008], но не получили дальнейшего развития. Вместе с тем их результаты могли бы быть полезны при обсуждении вопроса о том, «какая идеология нужна России», которому в отечественной литературе уделяется много внимания. При этом, следуя концептуализациям идеологии, принятым в отечественном обществоведении, российские политические психологи рассматривают массовые идеологические установки как отражение «изменений», производимых элитами. Поэтому, признавая влияние индивидуальных психологических факторов на политические ориентации и установки [Шестопал, 2022; Гулевич, 2021],

отечественная научная школа основной упор делает на изучение массового восприятия идеологий, циркулирующих в публичном пространстве [Блинов, 2007; Аль-Дайни, 2009; Черданцева, 2015; Трушева, 2017].

Считается, что постановка вопроса о связи между психологическими чертами личности и определенными идеологическими убеждениями восходит к «Авторитарной личности» Т. Адорно и его коллег [Adorno et al., 1950]. Исследования в этом направлении проводятся на протяжении десятилетий, и нет недостатка в обзорах, обобщающих их результаты [Kteily, Brandt, 2025; Bakker, 2023; Zmigrod, 2022; Гулевич, 2021]. Психологические профили индивидов, идентифицирующих себя или идентифицируемых исследователями в качестве левых / либералов и правых / консерваторов, изучаются на предмет диспозиций (ценностей, личностных черт, когнитивной ригидности, чувствительности к угрозам, авторитарности), особенностей восприятия информации, установок в межличностных отношениях (склонность к эмпатии, предубеждению, стереотипизации, насилию) и др. Подводя промежуточный итог десятилетий исследований, авторы свежего обзора констатируют неоднозначность выявленных закономерностей: хотя у левых и правых есть выраженная асимметрия почти по всем изученным параметрам, есть и очевидное сходство. Таким образом, «идеологическая симметрия и асимметрия сосуществуют» [Kteily, Brandt, 2025, р. 519]. А значит, хотя изученные индивидуальные психологические характеристики и объясняют существенную часть идеологических выборов, есть также «что-то другое», для чего нужны иные объяснения.

Нет недостатка и в теориях, обосновывающих связи между идеологическими установками индивидов и другими психологическими характеристиками. Одна из наиболее популярных – *теория избирательного тяготения* (elective affinity) была предложена в начале 2000-х годов американским психологом Джоном Т. Джостом и его коллегами. Метафорическое название, навеянное романом И.В. фон Гёте, выражает основную идею этой теории: между структурой и содержанием систем убеждений, с одной стороны, и потребностями и мотивами индивидов и групп, принимающих эти идеи, – с другой, существует взаимное тяготение. Иными словами, выбор тех или иных идеологических убеждений – результат комбинации социализации, в процессе которой человек подвергается воздействию определенных идей, и его психологических предрасположенностей [Jost et al., 2003]. В то время как элиты – политики,

занимающие выборные должности, партийные функционеры, журналисты – влияют на дискурсивную надстройку идеологии, ее функциональный базис определяется набором социальных и психологических потребностей, целей и мотивов простых граждан. В структуре последних Джост и его коллеги выделяют три типа мотивации: эпистемическую (определяется потребностями в знании, оценке и когнитивной определенности), экзистенциальную (определяется страхом смерти, способностью справляться с угрозами и эмоциональным недовольством) и реляционную (определяется политической социализацией, социальной идентификацией и потребностью в разделаемой реальности) [Jost, Federico, Napier, 2009, p. 319]. Эта теория дает полезную рамку для многочисленных исследований о психологических основаниях идеологических различий.

В большинстве таких исследований идеологические различия измеряются с помощью лево-правой шкалы, достоинства и недостатки которой мы обсуждали выше. Понимаемая таким образом «дискурсивная надстройка» имеет очевидную культурно-историческую специфику. В какой мере связи между психологическими особенностями «левых» и «правых», выявляемые в западных демократиях, универсальны? Этот вопрос мотивировал исследование Питера Битти и его коллег, проведенное в Китайской Народной Республике, где идеологический спектр фундаментально отличается от западного. Если ориентироваться на идеологическое позиционирование по отношению к статус-кво [Baradat, 1979, ch. 1; Атнашев, 2022], то китайские либералы оказываются правыми, а консерваторы – левыми. При этом китайские либералы-правые соединяют социальные убеждения, которые на Западе были бы либеральными / левыми, с экономическими убеждениями, которые там были бы консервативными / правыми, а китайские консерваторы-левые – соответственно, наоборот [Beattie, Chen, Bettache, 2022, p. 462]. Исследование проводилось путем онлайнового опроса городского населения материкового Китая по национальной репрезентативной выборке. Оно не дало зеркальных результатов по принципу китайские левые – это (психологические) правые, но показало интересные корреляции. В частности, китайские левые, чьи идеологические предшественники сто лет назад выиграли гражданскую войну, по своим психологическим профилям оказались весьма схожи с правыми / консерваторами на Западе. Однако характерный для последних догматизм в Китае оказался сильнее у сторонников представительной демократии, а противоположная

характеристика – когнитивная рефлексия – у сторонников правления КПК и большего вмешательства государства в экономику. По мнению авторов исследования, этот неожиданный результат может объясняться тем, что связи между психологическими потребностями и политическими приверженностями опосредуются тем, как респонденты интерпретируют предложенные концепты, соотнося их с ожиданиями от текущей политики [Beattie, Chen, Bettache, 2022, р. 474]. Иными словами, хотя при реконцептуализации лево-правого измерения по контексту избирательное тяготение между психологическими потребностями и политическими установками в целом подтверждается, возникают несоответствия, которые можно объяснить только на основе знания о том, какreinterpretированные идеологические категории соотносятся с актуальной «дискурсивной надстройкой».

Некоторые исследователи, предпочитающие работать с двумя измерениями вместо одного, опираются на *теорию двух эволюционных оснований политической идеологии* (dual evolutionary foundations of political ideology), предложенную новозеландским психологом Скоттом Классенсом и его коллегами [Claessens et al., 2020; Claessens, Sibley, Atkinson, 2022]. Согласно этой теории, два измерения идеологических различий, наличие которых не раз подтверждалось эмпирически (в частности – факторным анализом на разных данных), является результатом конфликтов (tensions), присущих жизни в группах. Основные типы таких конфликтов формировались на протяжении истории человеческого вида. Обобщая результаты эволюционных исследований, Классенс и его коллеги выделяют два ключевых шага, на которых возникли разнонаправленные стремления, определяющих конфликты, лежащие в основе современных идеологических различий – стремление к кооперации и к групповому конформизму. Первый шаг, по их предположению, был связан с охотой на крупных животных, требовавшей согласованных действий, второй – с увеличением размеров группы, соперничеством с другими группами и экологическим давлением, стимулировавшими развитие навыков адаптации. И кооперация, и конформистское поведение в группе требуют компромиссов, которые, как утверждает теория, в процессе эволюционного отбора формирует наследуемые индивидуальные различия, а также психологические механизмы, позволяющие действовать те или иные способности в зависимости от внешних условий. Ориентация на социальное доминирование (SDO) отражает компромисс между кооперацией ради общего блага и личным интересом / конкуренцией.

Правый авторитаризм (RWA) отражает компромисс между групповым конформизмом, обусловленным воспринимаемой угрозой, и потребностью в социальном контроле, с одной стороны, и индивидуальной автономией и непредвзятостью (open-mindedness) – с другой. Согласно теории, стратегические реакции на эти вызовы жизни в группе лежат в основе современных вариаций политических установок, ценностей и предпочтений. По мнению Классенса и его коллег, знание о природе эволюционных конфликтов помогает лучше понимать связи между психологическими характеристиками индивидов и их идеологическими установками.

Данная теория также широко используется в эмпирических исследованиях. Один из примеров – недавняя статья, объясняющая сопротивление ограничениям, вводившимся во время пандемии COVID-19 [Fischer, Chaudhuri, Atkinson, 2023]. Теория двух эволюционных оснований политической идеологии хорошо объясняет негативную реакцию индивидов, считающих себя консерваторами, которая, казалось бы, противоречит тому, что было ранее известно о связи психологических диспозиций с идеологическими установками: выявлено, что индивиды, разделяющие консервативные установки, имеют высокий уровень чувствительности к угрозам и возбудителям болезней и склонны к конформизму. Исследование на британских данных показало, что с разделением лево-правой шкалы на два измерения это противоречие снимается: «социальные» консерваторы с высокими показателями по шкале правого авторитаризма (RWA) демонстрировали больший конформизм и чаще поддерживали локдауны, тогда как «экономические» консерваторы с более выраженной ориентацией на социальное доминирование (SDO) оказались менее склонны к эмпатии и кооперации и выступали против локдаунов.

Заключение

Рассматривая идеологические различия как фактор политического поведения на массовом уровне, политико-психологические исследования идеологии в значительной мере обособлены от предметных полей, изучающих данный феномен со стороны «производства». Политические психологи реализуют собственную исследовательскую повестку и развивают специфический понятийный аппарат. Предметом их внимания является не содержание «измов», а то, каким образом они функционируют, определяя

установки индивидов. Не случайно термин *политическая идеология* в этой литературе часто используется в единственном числе: он обозначает переменную, значения которой задаются эмпирически выявляемыми конфигурациями идей и установок. Об этой терминологической специфике стоит помнить исследователям, которые привыкли оперировать более насыщенными определениями, в логике которых идеологии возможны только во множественном числе. Зарубежные политико-психологические исследования стремятся объяснить идеологические различия в массовых представлениях, фокусируясь не столько на социальных или политических, сколько на психологических факторах.

Идеологические различия чаще всего описываются с помощью лево-правого измерения, которое в США интерпретируется как либерально-консервативное. В качестве интуитивно понятных инструментов для навигации в мире политики категории *левый – правый* удобны, поскольку гибко адаптируются к меняющемуся контексту. Однако их использование сопряжено с некоторыми проблемами. Во-первых, валидность идентификации и самоидентификации в терминах *левый / либерал – правый / консерватор* зависит от того, насколько они укоренены в конкретной политической культуре. Это создает трудности для тестирования психологических факторов идеологических различий: в то время как первые полагаются универсальными, описание вторых зависит от исторически складывающегося символического порядка. Во-вторых, многочисленные исследования показывают, что и в западных демократиях, где категории *левый / либеральный – правый / консервативный* конвенциально используются в элитных дискурсах, большинство рядовых граждан не вполне четко представляют себе их значение. Разделение лево-правого континуума на две независимые шкалы дает более точный инструмент для измерения идеологических различий, но в отличие от категорий *левый – правый SDO* (ориентация на социальное доминирование) и *RWA* (правый авторитаризм) – это сугубо аналитические конструкты, они не представлены в публичном дискурсе и редко используются для самоидентификации.

В зарубежных политико-психологических исследованиях идеология рассматривается как предиктор электорального поведения и изучается преимущественно количественными методами. Большая часть таких исследований проводится в США, чему в немалой степени способствует хорошо наложенная система опросов и доступность данных для вторичного анализа. К настоящему

времени накоплен значительный объем наблюдений, убедительно подтверждающих связи между идеологическими установками индивидов и их психологическими характеристиками (личностными чертами, базовыми ценностями, когнитивной ригидностью, чувствительностью к угрозам, склонностью к эмпатии, предубеждению, стереотипизации, насилию и др.). Хотя эти результаты не опровергают роли элит в производстве идеологических дискурсов, они дают веское эмпирическое подтверждение того, что возможности идеологической манипуляции определяются тем, в какой мере идеологам и изобретателям традиций удается «вещать на той волне, которую публика готова ловить» [Hobsbawm, 1983, p. 263].

Несмотря на то что некоторые теории – в частности, теория избирательного тяготения – рассматривают идеологические убеждения как результат комбинации социализации сверху вниз и психологических предрасположенностей – снизу вверх [Jost, Federico, Napier, 2009, p. 308] и признают, что селекция идей происходит в рамках конкретной «информационной экологии» [Beattie, Chen, Bettache, 2022, p.459], в целом политические психологи не уделяют достаточного внимания проблеме информационного воздействия. Как ни странно, изучая идеологические различия, они редко учитывают фактор медиапотребления, влияние которого авторитетно обосновано исследованиями медиакоммуникаций.

Хотя зарубежные политические психологи немало внимания уделяют связи между идеологическими установками и социализацией (в том числе – в формате лонгитюдных исследований), основным предметом их внимания является кристаллизация партийных идентификаций [Sears, Brown, 2023]. Идеологическое обучение / индоктринация в качестве фактора, формирующего идеологические убеждения, почти не рассматривается, что, по-видимому, обусловлено стереотипным представлением об отсутствии таких практик в демократических режимах, которые преимущественно изучаются. Было бы интересно сравнить степень согласованности убеждений «идеологически невинных» американцев и их советских современников, социализация которых, при сходном технологическом устройстве медиакоммуникаций, включала многоуровневую идеологическую подготовку. Но конечно, тогда такие исследования были невозможны.

Подводя итог, следует признать, что политико-психологические исследования идеологии фиксируют много важных эмпирических связей, которые если и не обладают достаточной внешней валидностью для переноса на другие контексты, то все же

подкрепляют или опровергают некоторые конвенциональные презумпции и могут служить источниками продуктивных гипотез. Они, несомненно, могут быть полезны исследователям, изучающим политические идеологии с других ракурсов. Но верно и обратное – политическим психологам стоило бы обращать больше внимания на то, что происходит в смежных исследовательских полях.

O.Yu. Malinova*
**Political ideology as a matter
of political psychological research: the analytical review**

Abstract. The article presents a methodological analysis of research of ideology within the framework of political psychology, as one of the subdisciplines that actively works with this phenomenon empirically. The interpretation of ideology as a set of interrelated beliefs and attitudes that organize individuals' views on political and social issues, that is more or less conventional in the political-psychological literature, cuts off many components of the concept of ideology that are considered crucially important in other political subdisciplines, like a collective nature of shared beliefs, their connection with the social position of the group, its significance for establishing and maintaining relations of domination, etc. It facilitates focusing on what can be observed empirically – the degree of consistency of individuals' political attitudes. The article analyzes the discussions about methodology of measuring ideological differences and validity of the left-right dimension in different contexts, about the problem of the “ideological innocence” of the mass public, and offers an overview of the main results of foreign studies of the psychological foundations of political ideology. It discusses how political psychological studies of ideology reinforce or problematize approaches developed in other areas of political science.

Keywords: political psychology; political ideology; left – right ideological dimension; the problem of “ideological innocence” of mass public; the theory of elective affinity; the theory of dual evolutionary foundations of political ideology.

For citation: Malinova O.Yu. Political ideology as a matter of political psychological research: the analytical review. *Political science (RU)*. 2025, N 4, P. 40–64. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.04.02>

References

Adorno T.W., Frenkel-Brunswik E., Levinson D.J., Sanford R.N. *The authoritarian personality*. New York: Harper, 1950, 990 p.

* Malinova Olga, INION (Moscow, Russia), e-mail: omalinova@mail.ru

- Al-Daini M.A. Manipulative ideologies: methodological and political aspects of the problem. *Bulletin of Moscow state university. Series 12. Political science.* 2009, N 2, P. 110–116. (In Russ.)
- Atnashev T. After the progress. How to understand the left-right spectrum in the era of contingency. *Neprikosnovennyi zapas.* 2022, N 2 (142), P. 69–107. (In Russ.)
- Bakker B.N. Personality approaches to political behavior. In: Huddy L., Sears D.O., Levy J.S., Jerit J. *The Oxford handbook of political psychology.* New York: Oxford university press, 2023, P. 21–64.
- Baradat L.P. *Political ideologies. Their origins and impact.* Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1979, 308 p.
- Beattie P., Chen R., Bettache K. When left is right and right is left: The psychological correlates of political ideology in China. *Political psychology.* 2022, Vol. 43, N 3, P. 457–488. DOI: <https://doi.org/10.1111/pops.12776>
- Bienfait F., van Beek W.E.A. Political left and right: our hands-on logic. *Journal of social and political psychology.* 2014, Vol. 2, N 1, P. 335–346. DOI: <https://doi.org/10.5964/jspp.v2i1.323>
- Blinov V.V. A political-psychological approach to the study of conservatism: justification and structure of analysis. *Bulletin of Moscow state university. Series 12. Political science.* 2007, N 1, P. 106–116. (In Russ.)
- Blinov V.V. Political psychological analysis of conservative values in contemporary Russia. *Polis. Political studies.* 2008, N 5, P. 153–159. (In Russ.)
- Caprara G.V. Distinctiveness, functions and psycho-historical foundations of left and right ideology. *Current opinion in behavioral sciences.* 2020, Vol. 34, N 1, P. 155–159.
- Caprara G.V., Vecchione M. On the left and right ideological divide: historical accounts and contemporary perspectives. *Advances in political psychology.* 2018, Vol. 39, Suppl. 1, P. 49–83. DOI: <https://doi.org/10.1111/pops.12476>
- Cherdantseva A.M. Political values of modern political parties in Russia and Germany: a comparative analysis. Abstract of Ph. D. thesis. Moscow, 2015, 171 p. (In Russ.)
- Claessens S., Fischer K., Chaudhuri A., Sibley C.G., Atkinson Q.D. The dual evolutionary foundations of political ideology. *Nature human behaviour.* 2020, Vol. 4, N 2, P. 336–345.
- Claessens A.C., Sibley C.G., Atkinson Q.D. The evolutionary basis of political ideology. In: Osborn D., Sibley C.G. (eds). *The Cambridge handbook of political ideology.* Cambridge: Cambridge university press, 2022, P. 22–36.
- Converse P.E. The nature of belief systems in mass public. In: Apter D.E. (ed.). *Ideology and discontent.* Glencoe: Free Press; London: Collier – Macmillan, 1964, P. 206–261.
- Carmines E.G., Ensley M.J., Wagner M.W. Who fits the left-right divide? Partisan polarization in the American electorate. *American behavioral scientist.* 2012, Vol. 56, N 12, P. 1631–1653.
- Carmines E.G., D'Amico N.G. The new look in political ideology research. *Annual review of political science.* 2015, Vol. 18, P. 205–216.
- Farneti R. Cleavage lines in global politics: left and right, East and West, earth and heaven. *Journal of political ideologies.* 2012, Vol. 17, N 2, P. 127–145.
- Feldman S., Johnston C. Understanding the determinants of political ideology: implications of structural complexity. *Political psychology.* 2014, Vol. 35, N 3, P. 337–358. DOI: <https://doi.org/10.1111/pops.12055>

- Fischer K., Chaudhuri A. Atkinson Q.D. Dual evolutionary foundations of political ideology predict divergent responses to COVID-19. *British journal of political science*. 2023, Vol. 53, N 3, P. 861–877. DOI: <https://doi.org/10.1017/S000712342200076X>
- Freeden M. Editorial: political ideology at century's end. *Journal of political ideologies*. 2000, Vol. 5, N 1, P. 5–15.
- Goren P., Motta M., Smith B. The ideational foundations of symbolic ideology. *Advances in political psychology*. 2020, Vol. 41, Suppl. 1, P. 75–94. DOI: <https://doi.org/10.1111/pops.12683>
- Gulevich O.A. Psychological analysis of political orientations. Part I. Definition, methods and problems of study. *Psichologicheskii zhurnal*. 2020, Vol. 41, N 5, P. 18–24. DOI: <https://doi.org/10.31857/S020595920011076-9> (In Russ.)
- Gulevich O.A. Psychological analysis of political orientations. Part II. Predictors and consequences of political views. *Psichologicheskii zhurnal*. 2021, Vol. 42, N 1, P. 46–55. DOI: <https://doi.org/10.31857/S020595920012575-8> (In Russ.)
- Groenendyk E., Kimbrough E.O., Pickup M. How norms shape the nature of belief systems in mass publics. *American journal of political science*. 2023, Vol. 67, N 3, P. 623–638. DOI: <https://doi.org/10.1111/ajps.12717>
- Hamilton M.B. The elements of the concept of ideology. *Political studies*. 1987, Vol. 35, N 1, P. 18–38. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.1987.tb00186.x>
- Hobsbawm E. Mass-producing traditions: Europe, 1870–1914. In: Hobsbawm E., Ranger T. (eds). *The invention of tradition*. Cambridge: Cambridge university press, 1983, P. 263–307.
- Huddy L., Sears D.O., Levy J.S., Jerit J. Introduction. Theoretical foundations of political psychology. In: Huddy L., Sears D.O., Levy J.S., Jerit J. *The Oxford handbook of political psychology*. New York: Oxford university press, 2023, P. 1–17.
- Jewitt C.E., Goren P. Ideological structure and consistency in the age of polarization. *American politics research*. 2016, Vol. 44, N 1, P. 81–105. DOI: <https://doi.org/10.1177/1532673X15574864>
- Jost J.T., Glaser J., Kruglanski A.W., Sulloway F.J. Political conservatism as motivated social cognition. *Psychological bulletin*. 2003, Vol. 129, N 3, P. 339–375.
- Jost J.T., Federico C.M., Napier J.L. Political ideology: its structure, functions, and elective affinities. *Annual review of psychology*. 2009, Vol. 60, P. 307–37. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.60.110707.163600>
- Kalmoe N.P. Uses and abuses of ideology in political psychology. *Political psychology*. 2020, Vol. 41, N 4, P. 771–793. DOI: <https://doi.org/10.1111/pops.12650>
- Kteily N.S., Brandt M.J. Ideology: psychological similarities and differences across the ideological spectrum reexamined. *Annual review of psychology*. 2025, Vol. 76, P. 501–529. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-020124-11525>
- Lane R. *Political ideology: why the American common man believes what he does*. Glencoe: Free press of Glencoe, 1962, 509 p.
- Larraín G. *The concept of ideology*. London: Hutchinson, 1979, 256 p.
- Malinova O.Yu. The concept of ideology in contemporary political studies. *Political science (RU)*. 2003, N 4, P. 8–31 (In Russ.).
- Malinova O.Yu. On some methodological problems involved in a work with the concept “Ideology”. *Voprosy filosofii*. 2023, N 2, P. 5–9 (In Russ.).
- Sartori G. Politics, ideology, and belief systems. *The American political science review*. 1969, Vol. 63, N 2, P. 398–411.

- Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values. In: Zanna M.P. *Advances in experimental social psychology*. New York: Academic Press, 1992, Vol. 25, P. 1–65.
- Schwartz S.H. Are there universal aspects in the content and structure of values? *Journal of social issues*. 1994, Vol. 50, N 1, P. 19–45.
- Schwartz S.H., Butenko T.P., Sedova D.S., Lipatova A.S. A refined theory of basic individual values: application in Russia. *Psychology. Journal of the Higher school of economics*. 2012, Vol. 9, N 1, P. 43–70. (In Russ.)
- Sears D.O., Brown C. Childhood and adult political development. In: Huddy L., Sears D.O., Levy J.S., Jerit J. *The Oxford handbook of political psychology*. New York: Oxford university press, 2023, P. 65–108.
- Selezneva A.V. Value foundations of political ideologies: Political-psychological analysis. *Political science (RU)*. 2017, Special issue, P. 365–380. (In Russ.)
- Selezneva A.V. Conceptual and methodological foundations of the political-psychological analysis of political values. *Tomsk state university journal of philosophy, sociology and political science*. 2019, Vol. 49, P. 177–192. DOI: <https://doi.org/10.17223/1998863X/49/18> (In Russ.)
- Shestopal E.B. Request for change: an attempt at a political-psychological interpretation. *Vestnik instituta sotziologii*. 2022, Vol. 13, N 2S, P. 103–114. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.2S.819> (In Russ.)
- Swedlow B. Beyond liberal and conservative: Two-dimensional conceptions of ideology and the structure of political attitudes and values. *Journal of political ideologies*. 2008, Vol. 13, N 2, P. 157–180.
- Thompson J.B. *Ideology and modern culture. Critical social theory in the era of mass communication*. Oxford: Polity press, 1990, 372 p.
- Truscheva A.A. Conservative values of Russian citizens and members of the United Russia party: political and cultural analysis. Abstract of Ph. D. thesis. Moscow, 2017, 227 p. (In Russ.)
- Van Der Brug W., Van Spanje J. Immigration, Europe and the new cultural dimension. *European political research*. 2009, Vol. 48, N 3, P. 309–334.
- Van Dijk T.A. *Ideology: A multidisciplinary approach*. London: Sage, 1998, 360 p.
- Yeung E.S.F., Quek K. Self-reported political ideology. *Political science research and methods*. 2025, Vol. 13, N 2, P. 412–433. DOI: <https://doi.org/10.1017/psrm.2024.2>
- Zhidaglo K.V. The problem of the left-right divide in modern Russia through the lens of social constructivism. *RUDN Journal of political science*. 2023, Vol. 25, N 2, P. 423–433. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-423-433> (In Russ.)
- Zmigrod L. A psychology of ideology: Unpacking the psychological structure of ideological thinking. *Perspectives on psychological science*. 2022, Vol. 17, N 4, P. 1072–1092.

Литература на русском языке

Аль-Дайни М.А. Манипулятивные идеологии: методологические и политологические аспекты проблемы // Вестник МГУ. Сер. 12. Политология. – 2009. – № 2. – С. 110–116.

- Атнашев Т. После прогресса. Как понимать политический спектр «лево – право» в эпоху контингентности // Неприкосновенный запас. – 2022. – № 2 (142). – С. 69–107.
- Блинов В.В. Политико-психологический подход к изучению консерватизма: обоснование и структура анализа // Вестник МГУ. Сер. 12. Политология. – 2007. – № 1. – С. 106–116.
- Блинов В.В. Политико-психологический анализ консервативных ценностей в современной России // Полис. Политические исследования. – 2008. – № 5. – С. 153–159.
- Малинова О.Ю. Концепт идеологии в современных политических исследованиях // Политическая наука. – 2003. – № 4. – С. 8–31.
- Малинова О.Ю. О методологических трудностях работы с понятием «идеология» // Вопросы философии. – 2023. – № 2. – С. 5–9.
- Гулевич О.А. Психологический анализ политических ориентаций. Часть 1. Определение, методы измерения и проблемы изучения // Психологический журнал. – 2020. – Т. 41, № 5. – С. 18–24. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S020595920011076-9>
- Гулевич О.А. Психологический анализ политических ориентаций. Часть II. Предикторы и последствия политических взглядов // Психологический журнал. – 2021. – Т. 42, № 1. – С. 46–55. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S020595920012575-8>
- Жигадло К.В. Проблема размежевания на левых и правых в современной России через призму социального конструктивизма // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2023. – Т. 25, № 2. – С. 423–433. – DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-423-433>
- Селезнева А.В. Ценностные основания политических идеологий: Политико-психологический анализ // Политическая наука. – 2017. – Специальный номер. – С. 365–384.
- Селезнева А.В. Концептуально-методологические основания политико-психологического анализа политических ценностей // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2019. – № 49. – С. 177–192. – DOI: <https://doi.org/10.17223/1998863X/49/18>
- Трущева А.А. Консервативные ценности российских граждан и членов партии «Единая Россия»: политико-культурный анализ: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2017. – 227 с.
- Черданцева А.М. Политические ценности современных политических партий России и Германии: сравнительный анализ: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2015. – 171 с.
- Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России / Ш. Шварц, Т.П. Бутенко, Д.С. Седова, А.С. Липатова // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2012. – Т. 9, № 1. – С. 43–70.
- Шестopal Е. Б. Запрос на перемены: попытка политико-психологической интерпретации // Вестник Института социологии. – 2022. – Т. 13, № 2S. – С. 103–114. – DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.S.819>

РАКУРСЫ

Т.В. ЕВГЕНЬЕВА, А.В. СЕЛЕЗНЕВА*

«НАСТАЛА ТИШИНА»¹: АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ ОБ ИДЕАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ СОСТОЯНИИ²

Аннотация. В статье сквозь призму аксиологического понятия «тишина» рассматриваются представления российской молодежи об идеальном состоянии государства, общества и человека. Теоретико-методологическим фундаментом исследования авторов выступил политico-психологический подход, который позволяет анализировать ценности и представления как элементы политического сознания и мировоззрения молодежи. Интерпретация традиционного аксиологического понятия «тишина» осуществлялась с опорой на разработки историков социально-политической мысли. Эмпирическую базу исследования составили материалы 31 фокус-группы, проведенной с российской молодежью в возрасте от

* Евгеньева Татьяна Васильевна, кандидат исторических наук, профессор кафедры политологии, Факультет социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия), e-mail: etv133@mail.ru; Селезнева Антонина Владимировна, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательская лаборатория «Социально-политический анализ и прогнозирование», Севастопольский государственный университет (Севастополь, Россия); доцент кафедры социологии и психологии политики, факультета политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: ntonina@mail.ru

¹ Цитата из поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» [Некрасов Н.А. Кому на Руси жить хорошо. – М.: Советская Россия, 1985. – С. 245]. Она завершает повествование о ссоре между крестьянами, которая разрешается примирением. Наступление тишины обозначает состояние мира и покоя.

² Исследование выполнено в рамках государственного задания Севастопольского государственного университета. Проект: «Проектирование социальной архитектуры будущего России: образы и сценарии», регистрационный номер 1025031000058-9-5.6.1.

14 до 30 лет в 2021–2024 гг., которые были проанализированы с применением количественных и качественных процедур.

Результаты исследования показали, что смысловую рамку представлений российской молодежи о «тишине» как идеальном общественно-политическом состоянии составляет комплекс политических ценностей мира, безопасности, стабильности, порядка, законности, к которому тесно примыкает неполитическая по своей природе ценность комфорта. В представлениях молодежи прослеживаются традиционные для отечественной политической культуры патерналистские ориентации: ожидания обеспечения идеального состояния и решения возможных проблем адресованы внешнему субъекту, как правило, государству. Значимость «тишины» детерминирована возрастным фактором: она увеличивается от младших возрастных групп к старшим. При этом размыщения и переживания, связанные с потребностями в безопасности, спокойствии, уверенности зависят не от самого возраста личности, а от степени ее включенности в систему социальных связей современного общества, которая происходит по мере взросления. Ключевой аксиологической доминантой представлений молодежи об идеальном общественно-политическом состоянии является «правда» (справедливость), которая интерпретируется противоречиво – и как необходимое условие существования в «тишине», и как угроза этому существованию.

Ключевые слова: тишина; молодежь; политические ценности; традиционные ценности; политические представления; идеальное общественно-политическое состояние; свобода; правда; безопасность; мир.

Для цитирования: Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. «Настала тишина»: аксиологические основания представлений российской молодежи об идеальном общественно-политическом состоянии // Политическая наука. – 2025. – № 4. – С. 65–99. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.04.03>

Постановка проблемы

Размышления о молодежи, о ее самосознании и мировоззрении, ценностных ориентациях и политических предпочтениях сегодня являются актуальной тенденцией как общественно-политического, так и научного дискурса. Обобщение исследовательских данных в контексте рассматриваемых в статье вопросов позволяет отметить, что представления о стране, ее прошлом, настоящем и будущем у молодых россиян когнитивно просты и размыты [Селезнева, 2022; Усманова, 2024], а ценностные приоритеты и политические предпочтения неоднозначны и противоречивы [Шашкова, Казанцев, 2024]. Наиболее значимыми для молодежи политическими ценностями являются мир, безопасность, справедливость, права человека, законность, свобода, порядок, которые актуализируются, прежде всего, потребностью в безопасности [Селезнева, 2024]. Представления об идеальном или «лучшем»

социальном и политическом устройстве детерминированы элементами традиционной и современной культуры [Селиверстова, Зубок, 2025]. Настроения молодежи отражают общее психологическое состояние российского общества, в котором в отношении будущего выражены ожидания стабильности, порядка и тишины. Последняя интерпретируется политическими психологами как «ситуация, когда в политике и общественной сфере не происходит ничего, что может свидетельствовать об усталости общественного сознания» [Усманова, Смулькина, 2025, с. 11].

В довольно значительном объеме знаний о ценностях и представлениях молодежи, накопленном за последнее десятилетие, на наш взгляд, видны две лакуны.

Во-первых, исследователи сосредоточивают свое внимание преимущественно на образах и представлениях молодежи о реальном – России, государстве и обществе, политических институтах и лидерах [Селезнева, Палитай, 2019; Палитай, 2022; Общегражданские и социокультурные ценности..., 2023; Евгеньева, Евгеньев, 2023; Вилков 2024]. Даже образы будущего – своего персонального и нашей страны, выявляемые с помощью разных концептуальных оснований, методологических подходов, методов и инструментов [Зубок, Селиверстова, 2022; Домбровская, Огнев, 2023; Токарев, 2024; Самаркина, Башмаков, Колозов, 2024], касаются главным образом реального, то есть ожидаемого будущего. Представления молодежи об идеальном (или нормативные представления) остаются за скобками. Работ, предметно посвященных этому вопросу, немного [Рогач, 2020; Усманова, Смулькина, 2021; Селиверстова, Зубок, 2025].

Во-вторых, представления молодежи – в их темпоральной перспективе (о прошлом, настоящем и будущем), формах бытия (о реальном и идеальном) и социально-политическом содержании (об устройстве и состоянии государства, общества и человека) – довольно редко изучаются и осмысляются сквозь призму традиционных аксиологических оснований и социокультурных особенностей страны и народа в их смысловом наполнении и деятельности-практическом выражении [Селезнева, Палитай, 2019; Евгеньева, Евгеньев, 2023; Сидоренко, 2025]. Это важное концептуально-методологическое упущение – потому что любые образы и представления, в том числе идеальные, ценностно обусловлены [Политико-психологический анализ..., 2016], и образы будущего – не исключение, поскольку детерминированы системами ценностей

человека и общества¹. Современный этап развития России характеризуется актуализацией традиционных аксиологических доминант во всех общественно-политических процессах², поэтому представления молодежи неизбежно определяются сегодня традиционными ценностями и смыслами, что обуславливает необходимость изучения этого вопроса.

Таким образом, потребности научного знания, а также практические задачи работы с молодежью с опорой на традиционные ценности³ определяют необходимость всестороннего изучения представлений, ценностей и ориентаций молодежи. В данной статье предлагается рассмотреть представления российской молодежи об идеальном состоянии государства, общества и человека сквозь призму традиционного для нашей политической культуры аксиологического понятия «тишина» [Русские ценности..., 2024]. Исследование носит разведывательный характер и направлено на получение данных, позволяющих уточнить имеющиеся у авторов знания о современных проявлениях традиционных аксиологических понятий в массовом сознании российской молодежи.

Теоретико-методологические основания исследования

Научный поиск авторов строится вокруг ключевого понятия «тишина». Сама по себе тишина в широком пространстве социогуманитарного знания «содержит множество смысловых интерпретаций и может рассматриваться как феномен, понятие, концепция, звуковой код, граница и точка человеческого бытия, осмысленное молчание в педагогике, актерском мастерстве и музыкальном искусстве» [Андреева, 2024, с. 20]. Для нашей культуры это поня-

¹ Еще Ф. Полак писал о том, что ценности направляют к желаемому будущему [Polak, 1973, р. 10]. Социальные психологи указывают, что ценности являются социetalным фактором формирования образа будущего, поскольку регулируют отношение к нему в культуре [Нестик, 2025, с. 44].

² Нормативно-правовым основанием для этого является Указ Президента РФ В.В. Путина № 809 [Указ Президента РФ В.В. Путина №8 09 от 09.11.2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» / Президент России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата посещения: 25.06.2025)].

³ ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» № 489-ФЗ от 20.12.2020 г. / Президент России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328/page/1> (дата посещения: 25.06.2025).

тие имеет особое значение: по происхождению оно отмечено во всех славянских языках, является древнерусским словом разговорного языка, обозначает «полное отсутствие звуков, способствующее обретению душевного покоя и безмятежности, как знак отсутствия беспорядков и вражды» [Колесов, Колесова, Харитонов, 2014, с. 382]. Образ тишины представлен в литературных произведениях – в их названиях (например, поэма «Тишина» Н.А. Некрасова и роман «Тишина» Ю.В. Бондарева) и текстах – как средство выражения авторского замысла (например, у В.Г. Короленко, Е.А. Боратынского, А.А. Ахматовой, М.А. Шолохова, Б.Л. Васильева и других). В частности, тишина в поэзии Н.А. Некрасова в ряде случаев «подразумевает согласие между людьми, мир в общественных отношениях» [Мишина, 2007, с. 138], а у Е.А. Боратынского предстает «условием обретения человеком подлинного смысла бытия» [Рудакова, 2011, с. 703].

По мнению историков социально-политической мысли, в отечественной традиции понятие «тишина» имеет аксиологический характер и обозначает «социально-политический идеал» [Перевезенцев, 2023, с. 160]. Так, в контексте решения исследовательских задач принципиально значимыми являются следующие положения в отношении рассматриваемого понятия: (1) оно существует «в отечественном идеино-политическом дискурсе на протяжении всего времени существования российской государственности» [Перевезенцев, Страхов, Боронин, 2024, с. 57] и, сохраняя исходные духовные смыслы, постепенно подвергается «обмирщению», упрощению и рационализации; (2) оно обладает особым аксиологическим статусом, поскольку интегрирует в себя другие – более частные – ценностные понятия; (3) оно характеризуется многосоставным содержанием, включающим житейские, духовные, общественно-политические смыслы; (4) оно имеет два содержательных измерения – общественное (социально-политическое) и личное (персональное) при значительном доминировании первого; (5) оно имеет религиозную природу (источником представлений о «тишине» является православная мысль) и политическое значение (обозначает политическое явление – социально-политический идеал) [«Русские ценности…, 2025].

Последнее положение требует концептуального уточнения в связи с выбранным исследовательским ракурсом. В исторической и политической науке зачастую используется понятие «общественный идеал», трактуемый как «представление о наиболее совершенном общественном строе» [Прокудин, 2024, с. 130].

Это идеал общественного устройства, который «интегрально включает в себя экономический, политический, социальный, этический и др. идеалы» [Прокудин, 2024, с. 130]. То есть речь идет о *строе и устройстве*, о структуре «общественно-политической конструкции» как системы взаимосвязанных элементов и отношениях между ними. В случае «тишины» более точно говорить о *состоянии* – характеристиках и свойствах «общественно-политической конструкции» как целостности в определенный момент времени. Исследователи понятия «тишина» отмечают, что подавляющее большинство его смыслов «представляют собой характеристику некоего идеального состояния природы, общества или человека» [Перевезенцев, Страхов, Боронин, 2024, с. 60]. Таким образом, «общество, в котором установилась “тишина”, т.е. отсутствуют внутренние и внешние конфликты, достигнута определенная степень социальной справедливости, а члены этого общества ощущают себя в необходимой мере свободными – это традиционный русский социально-политический идеал» [Русские ценности..., 2024, с. 31].

Поскольку предметом изучения выступают ценности и представления молодежи, теоретико-методологическим фундаментом исследования является политико-психологический подход, который позволяет анализировать их как элементы политического сознания и самосознания людей. В контексте рассматриваемых в статье вопросов важно обозначить, что речь идет о политических ценностях, которые мы определяем как «устойчивые, имплицитно присущие отдельной личности, социальной группе или обществу в целом смысловые доминанты, определяющие идеологические приоритеты и политические принципы социальных отношений» [Селезнева, 2019, с. 178], и политических представлениях, которые, как и социальные представления, являются формой познания людьми социально-политической реальности и существуют в их сознании в виде совокупности знаний, мнений, убеждений [Емельянова, 2016; Селезнева, 2012]. Политические ценности и представления взаимосвязаны. С одной стороны, смысловое наполнение (содержание) ценностных понятий раскрывается через политические представления. С другой стороны, политические представления всегда ценностно обусловлены, в них отражаются принятые личностью ценностно-мировоззренческие позиции. Представления об идеальном (в нашем случае социально-политическом состоянии) являются собой абстрактные смысловые конструкции, которые носят общественно-исторический характер [Ильенков, 2006].

Материалы и методы

Целевой группой исследования выступила российская молодежь в возрасте от 14 до 30 лет¹. Для решения исследовательских задач в процессе формирования дизайна исследования и осмысливания его результатов важно было учитывать такие особенности политического сознания молодежи, как фрагментарность и когнитивная бедность политической картины мира (представления о России, ее истории, территории, культуре, государственном устройстве, о своем месте в социально-политических процессах поверхности и стереотипы), противоречивость системы политических ценностей и представлений (существование традиционных и новых ценностей с разным смысловым наполнением, ситуативный характер их регулятивного влияния, гибридность представлений и предпочтений с точки зрения их традиционных и современных социокультурных детерминант), пролонгация транзиции во взрослость (эмоциональная незрелость, несформированное чувство ответственности) [Зубок, Люботов, 2021; Андреева, 2023; Селезнева, 2024; Селиверстова, Зубок, 2025].

Эмпирическую базу исследования составили материалы 31 фокус-группы, проведенной в 2021–2024 гг. Все участники фокус-группы были разделены на четыре возрастные категории – 14–17, 18–22, 23–26, 27–30 лет, а критериями для их рекрутования были возраст и место проживания (регионы, которые представляли респонденты, относились ко всем федеральным округам РФ).

Рассматриваемые фокус-группы изначально не были предметно направлены на изучение «тишины» как аксиологического понятия: фокус-группы 2021 г. были посвящены обсуждению ценностей и традиционных нравственных категорий, определяющих оценку молодыми людьми политических процессов, а фокус-группы 2022–2024 гг. – традиционных ценностей и их реализации в повседневной жизни молодежи и социально-политических процессах в нашей стране. Тем не менее все вынесенные на обсуждение ценностные понятия в структурно-содержательном смысле

¹ В данном исследовании при определении верхней границы целевой аудитории авторы опирались на существующее в рамках социогуманитарной науки понимание социальных и психологических особенностей молодежи. Возраст молодежи в пределах 30 лет обозначают специалисты в области возрастной психологии, социологии молодежи и молодежной политики [Слободчиков, Исаев, 2000; Зубок, Ростовская, Смакотина, 2016; Ростовская, Князькова, Лукьянец, 2025].

носят традиционный характер [Русские ценности..., 2024]. Как показывают исследования историков социально-политической мысли, в общественно-политическом дискурсе прошлого они так или иначе были сопряжены с аксиологическим понятием «тишина». В то же время высказывания современных респондентов по разным вопросам также так или иначе касались того состояния, которое этим понятием обозначается, то есть мы исходим из того, что у молодых людей существует ценностно значимый запрос на «тишину», определяемый потребностями в безопасности и актуализируемый современным политическим контекстом. Указанные обстоятельства изначально определили внимание авторов к данной теме и впоследствии обусловили логику научного поиска: определение структуры, содержания и смысловой связанности ценностей и представлений молодежи, раскрывающих аксиологическую сущность понятия «тишина».

Достижение цели исследования осуществлялось на основе анализа материалов фокус-групп с применением количественных и качественных процедур. Сначала был составлен список слов / словосочетаний, определявших рассматриваемое понятие в русской духовно-политической традиции [Перевезенцев, Страхов, Боронин, 2024; Русские ценности..., 2025], к которым в результате экспертного обсуждения с применением материалов словарей русского языка и русской ментальности¹ были подобраны аналоги из современного языкового пространства (табл.).

Количественная часть исследования была реализована с методами частотного анализа слов с применением инструментов языка программирования Python². Для проведения анализа все текстовые данные были представлены в унифицированном виде, по ним строилась база данных в виде json-файла. Для исправления орографических ошибок в расшифровке использовался spellchecker. Далее на всем корпусе текстов была проведена токенизация (различение предложений на отдельные слова) с применением программной платформы deeppavlov. Все слова были приведены в начальную форму при помощи методов лемматизации библиотеки ruromphry3.

¹ Словарь синонимов русского языка: в 2 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Астрель: АСТ, 2003. – 681 с.; Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт; М.: Рипол классик, 2008. – 1534 с.

² Авторы благодарят выпускника магистратуры факультета вычислительной математики и кибернетики МГУ имени М.В. Ломоносова Дмитрия Хуторного за помощь в проведении данной части исследования.

Из всего корпуса текстов были удалены стоп-слова, такие как «ну», «потому что», «и», «чтобы» и другие выражения, которые не влияют на семантический анализ предложений и служат только в качестве связующих звеньев. При помощи методов поиска синонимичных пар библиотеки nltk удалось увеличить количество слов современного дискурса, связанных с понятием «тишина». Был произведен подсчет количества включений слов расширенного списка в обработанных ответах респондентов. Для поиска словосочетаний из 2 или 3 слов использовался оконный поиск с шагом 5. На основе данных подсчетов при помощи библиотек WordCloud, matplotlib и seaborn было построено «облако слов».

Таблица

**Слова / словосочетания, определяющие смысловое
наполнение аксиологического понятия «тишина»
(составлено авторами)**

Отечественная общественно-политическая мысль	Современный российский дискурс
Спокойствие, покой, прекращение бури	Спокойствие, покой, прекращение бури
Мир, мирное разрешение конфликтов, мирное бытие, отсутствие войны	Мир, мирное разрешение конфликтов, мирная жизнь, жить в мире, отсутствие войны Безопасность
Тихая и безмятежная жизнь Тихая погода, затишье после бури, прекращение бури	Тихая и спокойная жизнь Стабильность Тихая погода, прекращение бури
Единомыслие	Согласие, порядок
Благочестие и чистота	Честность, правда
Неторопливость, медлительность	Неторопливость, терпение
Беспечалье	Отсутствие проблем, комфорт, благополучие
Братолюбие, любовь, добро	Любовь и доверие, солидарность, справедливость
Тихое пристанище	Личные интересы, личное пространство, комфорт, благополучие Безопасность
Невмешательство извне	Суверенитет

Источник: составлено авторами.

Качественная часть исследования была осуществлена с помощью качественного контент-анализа материалов фокус-групп, направленного на выявление содержательного наполнения ценностных понятий и их смыслового сопряжения.

Результаты и их обсуждение

Результаты частотного анализа показывают, что наиболее встречающимися в материалах фокус-групп аксиологическими понятиями являются (в порядке убывания): правда, комфорт, справедливость, солидарность, согласие, мир, безопасность, суверенитет (см. рис.). В большинстве своем данные понятия являются традиционными для нашей политической культуры и обозначают значимые для нас идеи и принципы социальных отношений. Так, ценность справедливости – с сопряженной с ней по смыслу правдой – «является краеугольным камнем российского представления об идеальном общественном и государственном устройстве на любом историческом этапе» [Русские ценности..., 2024, с. 485], а сегодня занимает третье место в иерархии политических ценностей молодежи [Селезнева, 2024] и в значительной мере определяет восприятие молодежью социально-политической реальности. Как отмечают исследователи, «тема справедливости – ключевой лейтмотив рассуждений студенческой молодежи об очень разных сторонах жизни российского общества» [Касамара, Максименкова, Сорокина, 2020, с. 29]. Вероятно, именно поэтому данные понятия наиболее часто встречаются в материалах фокус-групп. Идеи и ценности солидарности и согласия отражают традиционный для нашей культуры «надындивидуальный» тип мировоззрения и бытия, который – с определенными оговорками – свойствен и современной молодежи [Русские ценности..., 2024, с. 486–495, 631–642]. Ценностное понятие «суверенитет», несмотря на относительную «молодость» с точки зрения его представленности в отечественном идеально-политическом наследии (оно присутствует в источниках только с XIX в.), отражает исконно присущие нашей политico-культурной традиции идеи самостоятельности и независимости в двух проекциях – государственная независимость (самодержавие) и личная независимость (близкая по интерпретации к свободе) [Русские ценности..., 2024, с. 486–536]. Ценности мира и безопасности имеют универсальный характер с точки зрения международно-политических процессов [Универсальные ценности..., 2012], входят в сферу национальных интересов современной России¹, а на персо-

¹ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» / Президент России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата посещения: 27.07.2025).

нальном уровне являются базовыми ценностями личности [Уточненная теория..., 2012]. Комфорт как понятие современного дискурса является новой смысловой доминантой жизни людей, в особенности представителей молодого поколения, и напрямую связан с их персональными потребностями [Селезнева, Тулегенова, 2022].

Эти понятия и обозначаемые ими смыслы существуют в сознании современной молодежи [Селезнева, 2024] и сложным образом комбинируются, определяя представления о государстве, обществе и самих себе. Качественный анализ материалов фокус-групп позволил выявить особенности содержательного наполнения и смыслового сопряжения представлений молодежи, раскрывающих аксиологическое понятие «тишина».

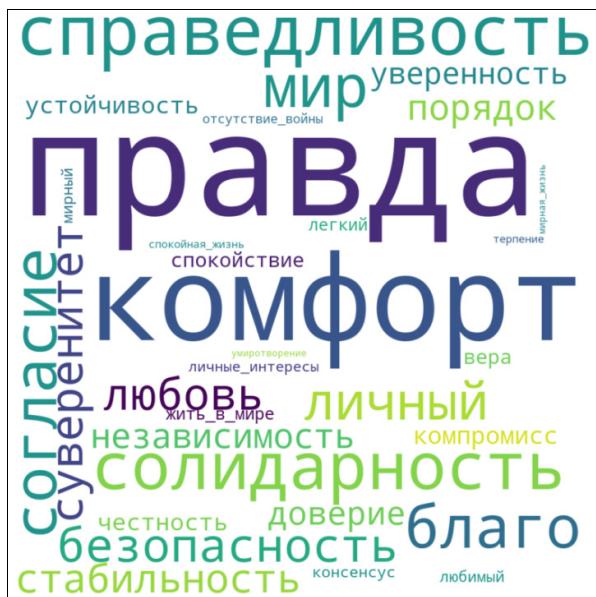

Рис.

Ценностно-смысловое наполнение представлений молодежи

Представления респондентов отражают два традиционных смысловых измерения рассматриваемого нами аксиологического понятия – общественно-политическое, определяющее «тишину» как условие существования, и персональное, обозначающее ее как психологическое состояние личности.

Цепочка ценностных понятий и представлений респондентов, которые в наибольшей степени раскрывают желаемые или ожидаемые социально-политические условия их существования, включает в себя «мир», «стабильность», «безопасность», в меньшей степени «порядок» и «законность». Они, как правило, последовательно взаимосвязаны и находятся в определенной иерархии. «Мир» представляет собой своеобразное основание этой пирамиды, на которое опираются все остальные ценности. Не случайно ценность мира, наряду со справедливостью и свободой, была названа респондентами в качестве наиболее значимой: *Мир – когда все находятся в равновесии, в партнерстве, будь то страны или люди. Мир обеспечивает внутреннюю и внешнюю стабильность* (жен., 27 лет, Санкт-Петербург). При этом ценность мира имеет скорее абстрактный характер, воспринимается не в качестве цели или результата каких-либо процессов, а скорее – как некое общее состояние, базовое условия существования всего и вся.

Ценности безопасности и стабильности в сознании респондентов содержательно взаимосвязаны: *Стабильность – это такое чувство безопасности* (жен., 22 года, Москва); *Безопасность – уверенность в прошлом, настоящем и будущем* (муж., 23 года, Москва). Они имеют более конкретное содержание и являются своеобразным смысловым мостом, связывающим мир, как более абстрактную идею, с ценностями порядка и законности, интерпретируемыми как с точки зрения личных переживаний, так и в политическом контексте: *Порядок гарантирует ощущение спокойствия...* (муж., 24 года, Санкт-Петербург); *Законность – просто спокойная, добросовестная жизнь гражданина Российской Федерации* (муж., 23 года, Московская область).

Цепочка ценностных понятий, которые выражают психологическое состояние респондентов и их личные переживания, включает в себя «спокойствие», «комфорт», «безопасность» (личную безопасность). Они так же, как и ценности в первой цепочке, тесно связаны между собой: *Безопасность – это комфорт, когда ты*

безболезненно для себя и близких можешь делать какие-то вещи (жен., 27 лет, Волгоградская обл.); *Безопасность – ощущение спокойствия за свою жизнь, когда нет тревоги о чем-либо* (жен., 24 года, Респ. Татарстан).

Важно подчеркнуть: обеспечение состояния «тишины» в представлениях респондентов не является задачей самого человека и зависит не от него, а от иного субъекта. Это означает, что и внешние условия стабильности и безопасности, законности и порядка, и внутренние ощущения спокойствия и защищенности, как считают молодые люди, должны обеспечиваться, как правило, государством: *Мир – правопорядок, урегулированный государством* (муж., 23 года, Москва); *Государство должно присутствовать в жизни каждого человека так, чтобы гражданину было комфортно и безопасно существовать* (жен., 30 лет, Калужская обл.).

Правда как смысловая доминанта представлений молодежи

Смысловой доминантой ценностных представлений молодежи, как показал частотный анализ, является правда, которая может рассматриваться и как самостоятельная морально-этическая категория, и как традиционная духовная трактовка справедливости. С этими понятиями связана противоречивая система ассоциаций.

С одной стороны, справедливость трактуется молодыми людьми как принцип оценки результата какого-либо действия, когда каждый получает по заслугам: *Человек выполнил свою работу и получил по заслугам, другой человек выполнил свою работу и получил по заслугам* (муж., 26 лет, Ставропольский край). Государство при этом становится значимым субъектом, сохраняющим и обеспечивающим не только саму справедливость, но и, как следствие, безопасность для человека и стабильность для общества: *У человека должны быть свои моральные принципы, чтобы понять, что справедливо, а что нет. А государство, наверное, в этом случае, опирается на закон и, уже исходя от закона, вправе действовать* (муж., 23 года, Москва). В этом контексте ценность справедливости положительно соотносится с пониманием «тишины» как стабильности, порядка и законности.

С другой стороны, часть респондентов считают, что справедливость – это некая навязанная обществу категория, которая никогда не сможет быть реализована для человека и, более того,

представляет угрозу стабильности и безопасности в мире, спокойствию и комфорту человека: *Справедливость – это то, чего в нашем мире не существует. Ее выдумали сами люди. По сути, это понятие искусственно регулирует положение людей в обществе* (муж., 23 года, Москва); *Это то, чего нет в природе. Это опасное слово, потому что попытки человечества восстановливать справедливость обычно приводят к еще большей несправедливости* (муж., 23 года, Респ. Татарстан).

Если проанализировать в контексте уже описанных категорий понятие «правда», то выявляются еще более серьезные противоречия. Они связаны, прежде всего, с тем, что само это понятие многозначно и противоречиво в своих смыслах. Например, Н.А. Бердяев определял правду как высшую истину и высшую справедливость [Бердяев, 1991], а Н.К. Михайловский в работе «Письма о правде и неправде» выделяет Правду-справедливость как отражение высшей справедливости и Правду-истину как отражение существующей реальности [Михайловский, 1897]. Эти два значения проявляются не только в представлениях респондентов о «правде», но определяют ее оценку с точки зрения исследуемого аксиологического понятия «тишина».

В первом значении правда, так же как и справедливость, относится к порядку и безопасности и оценивается как условие стабильности и спокойствия: *Правда – это означает светлое, это означает быть на светлой стороне, поступать в соответствии с тем, что в обществе считается добром* (жен., 30 лет, Калужская обл.); *Здесь налицо отражение справедливости как взаимодействия принципа действия и противодействия. Жить по правде – это жить по совести* (муж., 23 года, Москва).

Во втором значении правда-истина получает противоположную оценку респондентов в контексте стабильности и спокойствия. Правда о негативных событиях и процессах создает ощущение тревоги, разрушает комфорт и спокойствие личности: *Знать всю правду я не хочу однозначно. Я не хочу знать правду обо всем, только о том, что важно лично для меня, только о тех вопросах, которые меня волнуют и меня касаются* (муж., 27 лет, Приморский край); *Людям среднестатистическим, каждый день ходящим на работу, эта правда не особо нужна. Зачем вводить тревожность в массы?* (жен., 23 года, Респ. Татарстан). Правда оценивается также как опасность для стабильности и безопасности общества: *Народу не всегда нужно и можно говорить правду. Люди могут воспринять ее неадекватно* (жен., 27 лет, Санкт-

Петербург); *Некоторая правда может посеять панику* (муж., 25 лет, Респ. Северная Осетия – Алания).

Свобода в представлениях молодежи

Еще одной значимой для молодежи ценностной категорией, смыслы которой тесно сопряжены с представлениями об идеальном общественно-политическом устройстве и состоянии, является свобода. Сама по себе она не присутствует в смысловом пространстве понятия «тишина». Однако она является традиционной для нашей политической культуры ценностью, входит в ТОП-7 наиболее значимых политических ценностей современной молодежи и интерпретируется ею преимущественно как независимость и безопасность [Селезнева, 2024]. Оценка свободы в контексте рассматриваемого в статье вопроса отражает, прежде всего, индивидуальные позиции респондентов в этом вопросе в зависимости от того, имеется ли в виду свобода для себя или свобода для других.

Первый вариант – личная свобода: *Свобода – это внутреннее понятие, это свобода от блоков, страхов и это свобода выбора, где ты можешь реализовываться, это все идет изнутри* (жен., 30 лет Московская область). В данной интерпретации свобода обеспечивает комфорт для личности, является условием безопасности и стабильности в обществе: *Свобода нужна для всего – для безопасности, для развития* (жен., 24 года, Респ. Татарстан).

Второй вариант – свобода в обществе, которая разрушает стабильность в обществе и спокойствие людей: *Свобода нужна только в меру, так как слишком много свободы людям может привести к противоположному эффекту* (жен., 30 лет, Калужская обл.); *Чем меньше свободы, тем лучше. Слишком много свобод – это хуже для самих людей, так как люди в целом не очень ответственны* (жен., 27 лет, Волгоградская область).

Кроме того, в оценке свободы как фактора, угрожающего стабильности общества и государства, наблюдается та же тенденция, что и в интерпретации ценности правды. В отношении политики респонденты довольно категоричны: *Государство должно максимально ограничивать участие простых людей в политике, этим должны заниматься профессионалы* (жен., 27 лет, Волгоградская область). При этом последний респондент в отношении собственной свободы также высказывает достаточно определенно: *Для меня свобода это исполнять свои желания для своего же ком-*

форта. Человек не любит ограничений, если начать сильно запрещать и ограничивать свободу, то люди станут делать все наоборот (муж., 27 лет, Краснодарский край). По-видимому, этот молодой человек собственную свободу не считает угрозой стабильности и безопасности общества и государства.

Другие респонденты также подчеркивают, что роль государства в обеспечении безопасности общества и государства должна быть такой, чтобы не нарушила мою безопасность и, наверное, чтобы действия государства не влияли негативно на мою жизнь, на мою свободу (жен., 25 лет., Нижегородская обл.). Как обеспечить безопасность общества без ограничений абсолютной свободы, респонденты затрудняются объяснить.

Возрастные особенности представлений молодежи

В завершение представления результатов исследования следует отметить, что формулировки, соответствующие ценностному понятию «тишина», начинают значимо появляются в рассуждениях представителей старших групп молодежи. В исследовании, включавшем респондентов 14–17 лет, которые были еще школьниками, практически не встречались понятия и представления, в той или иной степени отражающие желание тишины как спокойной, упорядоченной жизни. Они появляются в более взрослом возрасте, а наибольшее их понимание наблюдается у тех респондентов, которые уже закончили обучение в системе образования и где-либо работают. Кроме того, в группах респондентов самой старшей возрастной категории присутствовали более сложные развернутые ответы, основанные на их собственном опыте. То есть можно говорить о том, что мысли и переживания, связанные с ценностью «тишины», зависят не от возраста личности как такового, а от степени ее включенности в систему социальных связей, наличия жизненного и профессионального опыта. Школьникам спокойствие и комфорт обеспечивают, прежде всего, родители, а студенты только ориентированы на подготовку к желаемому будущему (хотя при этом многие из них ищут или уже нашли возможные источники его обеспечения). Предметно задумываются и, соответственно, более последовательно выражают представления о различных проявлениях данной ценностной категории те респонденты, кто на данный момент определил свое место в системе социальных отношений и одновременно столкнулся со всеми ее трудностями и проблемами.

Заключение

«Тишина» как идеальное состояние государства, общества и человека является значимым аксиологическим понятием на протяжении многовековой русской истории. Современная молодежь, выросшая в новой реальности и информационном пространстве под влиянием глобальных социокультурных трендов, так же, как и ее далекие предки, желает «тишины». Более того, некоторую ее часть сегодня даже называют «поколением тишины»¹ – в ином значении как людей, уставших от жизни, но одно не отменяет другого. Представления о «тишине» молодых людей носят ценностный характер, отражают традиционные и современные смыслы, опираются на их потребности.

Смысловую рамку представлений российской молодежи о «тишине» как об идеальном общественно-политическом состоянии определяет комплекс политических ценностей мира, безопасности, стабильности, порядка, законности, к которому тесно примыкают неполитические по своей природе ценности спокойствия и комфорта. Эти аксиологические понятия в сознании молодежи воспринимаются как взаимосвязанные, соотносятся друг с другом, раскрывая свое содержательное наполнение. Представления молодежи опираются на ценность мира – в самом широком и в наибольшей степени абстрактном ее значении, применяемом как к обществу в целом, так и к межличностным отношениям. Содержательное наполнение ценностей отражает актуализацию потребностей молодежи в безопасности.

Ценность мира, интерпретируемая одновременно как значимое условие стабильности и порядка в обществе и как основание для состояния личностного спокойствия и комфорта, во многом определяет оценку представителями молодежи и таких ценностных категорий как справедливость и правда (используемая как синоним справедливости), являющихся ключевой аксиологической доминантой представлений молодежи об идеальном общественно-политическом состоянии. Однако само понятие «правда» трактуется молодежью (так же, как и массовым сознанием в целом) противоречиво. Здесь основное значение имеет разное понимание данной категории как в российской истории, так и в современном

¹ Поколение тишины: кто такие думеры и NEET // Сноб. – Режим доступа: <https://snob.ru/society/pokolenie-tishiny-kto-takie-dumery-i-neet/> (дата посещения: 13.07.2025).

общественном и политическом дискурсе. Правду-справедливость респонденты рассматривают как необходимое условие существования в «тишине», в мире и стабильности для общества, в спокойствии и комфорте для человека. Правда-истина, создающая конфликты и разрушающая мир и стабильность, большинством воспринимается в качестве угрозы спокойному существованию, как для человека, так и для общества и государства.

Еще одной сущностно значимой и при этом не менее противоречивой ценностью, определяющей представления молодежи об идеальном общественно-политическом состоянии, является свобода, которая интерпретируется одновременно (иногда теми же самыми респондентами) и в качестве условия стабильного существования общества и человека, и как угроза этой стабильности. При этом основанием для противоречия является различие не в интерпретации ее содержания, а в соотнесении с субъектом ее реализации. Свобода для себя как личности легко соотносится со стабильностью и комфортом. Свобода для других («простых людей») опасна для общества, разрушает его стабильность. При этом особенно подчеркивается необходимость ограничения свободы в политической сфере.

В системе представлений молодежи об идеальном общественно-политическом состоянии прослеживается традиционные для отечественной политической культуры патерналистские ориентации: ожидания обеспечения этого состояния и решения возможных проблем адресованы внешнему субъекту, как правило, государству. Этот вывод в полной мере соотносится с существующими в рамках социогуманитарного знания положениями о ведущей роли государства в историческом развитии России и патернализме как аксиологической доминанте нашего менталитета и мировоззрения [Ионов, 2002; «Государствуем от великого Рюрика...», 2021].

Влияние возраста респондентов на понимание и интерпретацию ценностей тишины происходит в двух направлениях. Во-первых, значимость «тишины» увеличивается от младших респондентов к старшим. При этом размышления и переживания, связанные с потребностями в безопасности, спокойствии, уверенности, зависят не от самого возраста человека, а от степени его включенности в систему социальных связей, которая в целом увеличивается по мере взросления. Во-вторых, по мере взросления интерпретация оцениваемых категорий становится более осознанной, опирается на логические аргументы и анализ собственного или наблюдаемого опыта.

В представлениях современной молодежи об идеальном общественно-политическом состоянии с точки зрения их аксиологических оснований сложным образом комбинируются политическое и неполитическое, общественное и персональное, субъективное и объективное, традиционное и современное. В этом, с одной стороны, отражаются традиционные особенности аксиологического понятия «тишина», а с другой – проявляется политико-психологическая специфика молодого поколения и отражается влияние актуального контекста его жизни.

Поскольку проведенное исследование носило разведывательный характер, то его результаты не только не исчерпывают темы, а наоборот – показывают широкий спектр направлений ее дальнейшего развития. Интересно, например, найти ответы на следующие вопросы. Каким образом смысловое поле понятия «тишина» определяется синонимическими («безмолвие») и антономическими («шум») понятиями? Какое место представления об идеальном социально-политическом состоянии занимают в образе будущего молодежи? Какова степень субъектности молодежи в пространстве «тишины», и какие поведенческие установки на ее реализацию существуют?

T.V. Evgenyeva, A.V. Selezneva¹
“Silence has come”: axiological foundations
of Russian youth’s representations about the ideal socio-political state

Abstract. The article examines the representations of Russian youth about the ideal state of the state, society and man through the prism of the axiological concept of “silence”. The theoretical and methodological foundation of the authors’ research is the political and psychological approach, which allows analyzing values and ideas as elements of the political consciousness and worldview of young people. The interpretation of the traditional axiological concept of “silence” was carried out based on the developments of historians of socio-political thought. The empirical basis of the study was the materials of 31 focus groups conducted with Russian youth aged 14 to 30 in 2021–24, which were analyzed using quantitative and qualitative procedures.

The results of the study showed that the semantic framework of Russian youth’s representations about “silence” as an ideal socio-political state is a set of political values of peace, security, stability, order, legality, to which the non-political value of

¹ **Evgenyeva Tatyana**, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia), e-mail: etv133@mail.ru; **Selezneva Antonina**, Sevastopol State University (Sevastopol, Russia); Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), e-mail: ntonina@mail.ru

comfort is closely related. The paternalistic orientations traditional for the domestic political culture can be traced in the representations of young people: expectations of ensuring an ideal state and solving possible problems are addressed to an external entity, as a rule, the state. The significance of “silence” is determined by the age factor: it increases from younger respondents to older ones. At the same time, thoughts and experiences associated with the needs for security, peace and confidence depend not on the age of the individual, but on the degree of his or her inclusion in the system of social connections of modern society, which generally occurs as they grow older. The key axiological dominant of young people’s representations about the ideal socio-political state is “truth” (justice), which is interpreted contradictorily – both as a necessary condition for existence in “silence” and as a threat to this existence.

Keywords: silence; youth; political values; traditional values; political representations; ideal socio-political state; freedom; truth; security; peace.

For citation: Evgenyeva T.V., Selezneva A.V. “silence has come”: axiological foundations of Russian youth’s representations about the ideal socio-political state. *Political science (RU)*. 2025, N 4, P. 65–90. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.04.03>

References

- Andreeva A.S. Three dimensions of adulthood: freedom, responsibility, and care. *Sociological research*. 2023, N 7, P. 105–116. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250023698-0> (In Russ.)
- Andreeva Yu.V. The phenomenon of silence in philosophy, art and educational practice. *Musical art and education*. 2024, Vol. 12, N 1, P. 18–25. (In Russ.)
- Berdyaev N.A. *Self-Knowledge*. Moscow: Book, 1991, 199 p. (In Russ.)
- Dombrovskaya A.Yu., Ognev A.S. Measuring the image of the Russia’s future among Russian youth: cognitive science and cybermetrics for the political study. *Humanitarian sciences*. 2023, Vol. 13, N 3, P. 128–134. DOI: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2023-13-3-128-134> (In Russ.)
- Emelyanova T.P. *Social representations: history, theory, and empirical research*. Moscow: Institute of psychology RAS, 2016, 476 p. (In Russ.)
- Evgenyeva T.V., Evgenyev V.A. Political perceptions and values of Russian youth in the context of their historical and cultural foundations. *Humanitarian sciences*. 2023, Vol. 13, N 3, P. 94–100. DOI: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2023-13-3-94-100> (In Russ.)
- Ilyenkov E.V. The ideal. *Cultural-historical psychology*. 2006, Vol. 2, N 2, P. 17–28. (In Russ.)
- Ionov I.N. Russian civilization and its paradoxes. In: Senyavsky A.S. (ed.). *History of Russia. Theoretical problems. Issue 1: Russian civilization: experience of historical and interdisciplinary study*. Moscow: Nauka publishers, 2002, P. 139–156. (In Russ.)
- Kasamara V., Maximenkova M., Sorokina A. Russian students’ perceptions of justice. *Social sciences and contemporary world*. 2020, N 4, P. 20–30. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086904990010748-4> (In Russ.)
- Kolesov V.V., Kolesova D.V., Haritonov A.A. *Dictionary of Russian mentality*. Saint Petersburg: Zlatoust, 2014, Vol. 2, 592 p. (In Russ.)

- Martynova M.Yu., Belova N.A., Zykina O.A., Klyaus M.P. National and socio-cultural values in the perception of Russian youth. *Herald of anthropology*. 2023, N 1, P. 102–124. DOI: <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-1/102-124> (In Russ.)
- Mikhailovsky N.K. Letters on truth and falsehood. In: N.K. Mikhailovsky. *Sochineniya*. Saint Petersburg: B.M. Wolf's printing house, 1897, Vol. 4, 524 p. (In Russ.)
- Mishina G.V. The Tishina (silence) concept in creative works by N. Nekrasov: the embodiment of nature correlation. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija: Istorija i filologija*. 2007, N 2, P. 137–142. (In Russ.)
- Nestik T.A. *Collective image of the future: socio-psychological analysis*. Moscow: Institute of psychology RAS, 2025, 657 p. (In Russ.)
- Palitay I.S. The image of the present and future of Russia in the mind student youth of Moscow. *Abyss (Studies in philosophy, political science and social anthropology)*. 2022, N 2 (20), P. 12–18. (In Russ.)
- Perevezentsev S.V. *Russian senses: spiritual and political doctrines of Russia in the 10th–17th centuries in their historical development*. Moscow: Quadriga, 2023, 784 p. (In Russ.)
- Perevezentsev S.V., Puchnina O.E., Strakhov A.B., Shakirova A.A. “We Rule from the Great Rurik...”: on the issue of the formation of the common spiritual and political axiological complex “Russian Land – Russian State – Russian Realm”. *Tetrad po konservativizmu*. 2021, N 3, P. 245–262. DOI: <https://doi.org/10.24030/24092517-2021-0-3-245-262> (In Russ.)
- Perevezentsev S.V., Selezneva A.V. (eds). *Russian values: traditional meanings and their reflection in the consciousness of contemporary youth*. Moscow: Quadriga, 2024, 720 p. (In Russ.)
- Perevezentsev S.V., Sorokopudova O.E., Strakhov A.B., Boronin A.R. Russian values in the spiritual and political discourse of the 11th – early 20th centuries. Article three: “Beloved Silence”. *Tetrad po konservativizmu*. 2025, N 3 (In print). (In Russ.)
- Perevezentsev S.V., Strakhov A.B., Boronin A.R. The evolution of the concept of “Silence” in the Russian spiritual and political tradition of the XI – early XIII century. *Dialog so vremenem*. 2024, N 88, P. 57–69. DOI: <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.88.88.002> (In Russ.)
- Polak F. *The image of the future*. London, New York: Elsevier publishing, 1973, 319 p.
- Political and psychological analysis of Russia's future images: materials of the round table. *Lomonosov political science journal*. 2016, N 2, P. 100–127. (In Russ.)
- Prokudin B.A. Methods of historical and political analysis of the public ideal in Russian literature. *Dialog with time*. 2024, N 88, P. 130–141.
- Rogach N.N. The image of an ideal president in modern Russia: socio-demographic dimension. *Lomonosov political science journal*. 2020, N 2, P. 24–37. (In Russ.)
- Rostovskaya T., Knyaz'kova E., Luk'yanets A. *Youth and youth policy in Russia: study guide for universities*. Moscow: Yurait publishing, 2025, 185 p. (In Russ.)
- Rudakova S.V. Image-word “Quiet” in Ye. Boratynsky’s poetry (on the “Anthology of literary images in Russian literature of the early 19th c.”). *Journal of historical, philological and cultural studies*. 2011, N 3 (33), P. 699–704. (In Russ.)
- Samarkina I.V., Bashmakov I.S., Kolozov, D.P. The image of the future in the subjective space of politics of new citizens of the Russian Federation: experience of empirical research of youth in new regions. *RUDN Journal of political science*. 2024, Vol. 26,

- N 2, P. 373–388. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-373-388> (In Russ.)
- Schwartz S., Butenko T.P., Sedova D.S., Lipatova A.S. Theory of basic personal values: validation in Russia. *Psychology. Journal of higher school of economics.* 2012, N 1, P. 43c70. (In Russ.).
- Selezneva A., Tulegenova D. Traditional and new in the value orientations of Russian youth: results of the expert survey. *Polylogos.* 2022, Vol. 6, N 2, P. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.18254/S258770110020714-7> (In Russ.)
- Selezneva A.V. Conceptual and methodological foundations of the political-psychological analysis of political values. *Tomsk state university journal of philosophy, sociology and political science.* 2019, N 49, P. 177–192. DOI: <https://doi.org/10.17223/1998863X/49/18> (In Russ.)
- Selezneva A.V. Political values of Russian youth: traditional meanings in modern conditions. *Tomsk state university journal of philosophy, sociology and political science.* 2024, N 77, P. 275–289. DOI: <https://doi.org/10.17223/1998863X/77/23> (In Russ.)
- Selezneva A.V. *Russian youth: political and psychological portrait against the background of the epoch.* Moscow: Akvilon, 2022, 288 p. (In Russ.)
- Selezneva A.V., Palitay I.S. Perception of their own country of Russian youth: value-symbolic and political and cultural aspects. *St. Petersburg state polytechnical university journal. Humanities and social sciences.* 2019, Vol. 10, N 2, P. 123–135. DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.10211> (In Russ.)
- Selezneva A.V. *Political views and values of Russians.* Moscow: Publishing house of Moscow university, 2012, 224 p. (In Russ.).
- Seliverstova N.A., Zubok Y.A. Young people's ideas about the "Optimum state" for Russia: representations and predictors. *Monitoring of public opinion: economic and social changes.* 2025, N 3, P. 243–269. DOI: <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.3.2742> (In Russ.)
- Shashkova Ya.Yu., Kazantsev D.A. Dynamics of Value Priorities of Russian Youth in Modern Geopolitical Conditions. *RUDN Journal of Political Science,* 2024, Vol. 26, N 2, P. 357–372. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-357-372> (In Russ.)
- Sidorenko E.V. Cultural and anthropological aspects of the concept of "Youth policy". *Siberian journal of anthropology.* 2025, Vol. 9, N 2, P. 19–30. (In Russ.)
- Slobodchikov V.I., Isaev E.I. *Fundamentals of psychological anthropology. Human development psychology: development of subjective reality in ontogenesis.* Moscow: School press, 2000, 416 p. (In Russ.)
- Tokarev A.A. Mass consciousness of Russian youth: image of the future. *Polis. Political studies.* 2024, N 6, P. 154–169. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.06.11> (In Russ.)
- Tsygankov P.A. (ed.). *Universal values in world and foreign policy.* Moscow: Moscow State University, 2012, 224 p. (In Russ.)
- Usmanova Z.R., Smulkina N.V. Cognitive and emotional components of the image of an ideal parliament in the minds of Russian citizens. *Humanities and social sciences. Bulletin of the Financial university.* 2021, Vol. 11, N 4, P. 77–82. DOI: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2021-11-4-77-82> (In Russ.)
- Usmanova Z.R., Smulkina N.V. The image of the future of Russia in Russian citizens' submissions: based on the results of the research in 2024. *Central Russian journal of*

- social sciences.* 2025, Vol. 20, N 1, P. 11–30. DOI: <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2025-20-1-11-30> (In Russ.).
- Vilkov A.A. Features of provincial youth's perception of the main directions of state policy in modern Russia. *Russian social and humanitarian journal.* 2024, N 2, P. 52–75. DOI: <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2024-2-1470> (In Russ.)
- Zubok Ju.A., Seliverstova N.A. Essential components of the image of the future of the country in the representations of the youth. *Science. Culture. Society.* Vol. 28, N 4, P. 56–74. DOI: <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.5> (In Russ.)
- Zubok Yu.A., Lyubutov A.S. Semantic space of reality: structural taxonomy of the foundations of selfregulation of interactions in the youth environment. *Economic and social changes: facts, trends, forecast.* 2021, Vol. 14, N 3, P. 167–181. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2021.3.75.10> (In Russ.)
- Zubok Yu.A., Rostovskaya T.K., Smakotina N.L. *Youth and youth policy in modern Russian society.* Moscow: Perspektiva, 2016, 166 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Андреева А.С. Три измерения взрослости в XXI веке: ответственность, свобода и забота // Социологические исследования. – 2023. – № 7. – С. 105–116. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S0132162500236980>
- Андреева Ю.В. Феномен тишины в философии, искусстве и образовательной практике // Музыкальное искусство и образование. – 2024. – Т. 12, № 1. – С. 18–25. – DOI: <https://doi.org/10.31862/2309-1428-2024-12-1-18-25>
- Бердяев Н.А. Самопознание. – М.: Книга, 1991. – 199 с.
- Вилков А.А. Особенности восприятия провинциальной молодёжью основных направлений государственной политики в современной России // Российский социально-гуманитарный журнал. – 2024. – № 2. – С. 52–75. – DOI: <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2024-2-1470>
- «Государствуем от великого Рюрика...»: к вопросу о формировании единого духовно-политического аксиологического комплекса «Русская земля – Российское государство – Российское царство» / С.В. Перевезенцев, О.Е. Пучнина, А.Б. Страхов, А.А. Шакирова // Тетради по консерватизму. – 2021. – № 3. – С. 245–262. – DOI: <https://doi.org/10.24030/24092517-2021-0-3-245-262>
- Домбровская А.Ю., Огнев А.С. Измерение образа будущего Российской Федерации в сознании российской молодежи: когнитивистика и киберметрия в прикладном политическом исследовании // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2023. – Т. 13, № 3. – С. 128–134. – DOI: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2023-13-3-128-134>
- Евгеньева Т.В., Евгеньев В.А. Политические представления и ценности российской молодежи в контексте их историко-культурных оснований // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2023. – Т. 13, № 3. – С. 94–100. – DOI: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2023-13-3-94-100>
- Емельянова Т.П. Социальные представления: история, теория и эмпирические исследования. – М.: Институт психологии РАН, 2016. – 476 с.
- Зубок Ю.А., Любутов А.С. Смысловое пространство реальности: структурная таксономия оснований саморегуляции взаимодействий в молодежной среде //

- Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2021. – Т. 14, № 3. – С. 167–181. – DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2021.3.75.10>
- Зубок Ю.А., Ростовская Т.К., Смакотина Н.Л. Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе. – М.: Перспектива, 2016. – 166 с.
- Зубок Ю.А., Селиверстова Н.А. Смысловые компоненты образа будущего страны в представлениях молодежи // Наука. Культура. Общество. – 2022. – Т. 28, № 4. – С. 56–74. – DOI: <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.5>
- Ильинков Э.В. Идеальное // Культурно-историческая психология. – 2006. – Т. 2, № 2. – С. 17–28.
- Ионов И.Н. Российская цивилизация и ее парадоксы // История России. Теоретические проблемы. Вып. 1: Российская цивилизация: опыт исторического и междисциплинарного изучения / отв. ред. А.С. Сенявский. – М.: Наука, 2002. – С. 139–156.
- Касамара В.А., Максименкова М.С., Сорокина А.А. Справедливость в представлениях российской студенческой молодежи // Общественные науки и современность. – 2020. – № 4. – С. 20–30. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S086904990010748-4>
- Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности: в 2 т. – СПб.: Златоуст, 2014. – Т. 2. – 592 с.
- Михайловский Н.К. Письма о правде и неправде // Михайловский Н.К. Сочинения: в 6 т. – СПб.: Типо-Литография Б.М. Вольфа, 1897. – Т. 4. – 524 с.
- Мишина Г.В. Концепт «тишина» в творчестве Н.А. Некрасова: воплощение идеи природообразности // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. – 2007. – № 2. – С. 137–142.
- Нестик Т.А. Коллективный образ будущего: социально-психологический анализ. – М.: Институт психологии РАН, 2025. – 657 с.
- Общегражданские и социокультурные ценности в восприятии российской молодежи / М.Ю. Мартынова, Н.А. Белова, О.А. Зыкина, М.П. Кляус // Вестник антропологии. – 2023. – № 1. – С. 102–124. – DOI: <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-1/102-124>
- Палитай И.С. Образ настоящего и будущего России в сознании студенческой молодежи Москвы // Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). – 2022. – № 2 (20). – С. 12–18.
- Перевезенцев С.В. Русские смыслы: духовно-политические учения России X–XVII вв. в их историческом развитии: монография. – Изд. 2-е. – М.: Квадрига, 2023. – 784 с.
- Перевезенцев С.В., Страхов А.Б., Боронин А.Р. Эволюция понятия «тишина» в русской духовно-политической традиции XI – начала XIII в. // Диалог со временем. – 2024. – № 88. – С. 57–69. – DOI: <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.88.88.002>
- Политико-психологический анализ образов будущего России: материалы круглого стола / Евгеньева Т.В., Зверев А.Л., Палитай И.С. [и др.] // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2016. – № 2. – С. 100–127.
- Прокудин Б.А. Методы историко-политологического анализа общественного идеала в русской художественной литературе XIX века // Диалог со временем. – 2024. – № 88. – С. 130–141.
- Рогач Н.Н. Образ идеального президента в современной России: социально-демографическое измерение // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2020. – № 4. – С. 24–37.

- Ростовская Т.К., Князькова Е.А., Лукъянец А.С. Молодежная политика в современной России: учебное пособие для вузов. – М.: Юрайт, 2025. – 183 с.
- Рудакова С.В. Слово-образ «тишина» в поэзии Е.А. Боратынского (материалы к «Антологии художественных образов русской литературы первой трети XIX в.») // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2011. – № 3 (33). – С. 699–704.
- Русские ценности в духовно-политическом дискурсе XI – начала XX в. Статья третья: «Возлюбленная тишина» / С.В. Переvezенцев, О.Е. Сорокопудова, А.Б. Страхов, А.Р. Боронин // Тетради по консерватизму. – 2025. – № 3 (в печати).
- Русские ценности: традиционные смыслы и их отражение в сознании современной молодежи: Коллективная монография / под ред. С.В. Переvezенцева, А.В. Селезневой. – М.: Квадрига, 2024. – 720 с.
- Самаркина И.В., Башимаков И.С., Колозов Д.П. Образ будущего в субъективном пространстве политики новых граждан РФ: опыт эмпирического исследования молодежи новых регионов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2024. – Т. 26, № 2. – С. 373–388. – DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-373-388>
- Селезнева А.В. Концептуально-методологические основания политико-психологического анализа политических ценностей // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2019. – № 49. – С. 177–192. – DOI: <https://doi.org/10.17223/1998863X/49/18>
- Селезнева А.В. Политические представления и ценности россиян. – М.: Издательство Московского университета, 2012. – 224 с.
- Селезнева А.В. Политические ценности российской молодежи: традиционные смыслы в современных условиях // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2024. – № 77. – С. 275–289. – DOI: <https://doi.org/10.17223/1998863X/77/23>
- Селезнева А.В. Российская молодежь: политико-психологический портрет на фоне эпохи. – М.: Аквилон, 2022. – 288 с.
- Селезнева А.В., Палитай И.С. Восприятие своей страны российской молодежью: ценностно-символический и политико-культурный аспекты // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. – 2019. – Т. 10, № 2. – С. 123–135. – DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.10211>
- Селезнева А.В., Тулегенова Д.Д. «Традиционное» и «новое» в политических ценностях российской молодежи (на материалах экспериментального опроса) // Полилог / Polylogos. – 2022. – Т. 6, № 2. – С. 1–14. – DOI: <https://doi.org/10.18254/S258770110020714-7>
- Селиверстова Н.А., Зубок Ю.А. Представления молодежи о «лучшем» устройстве российского государства: особенности распространения и предикторы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2025. – № 3. – С. 243–269. – DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.3.2742>
- Сидоренко Е.В. Культурно-антропологические аспекты понятия «молодежная политика» // Сибирский антропологический журнал. – 2025. – Т. 9, № 2. – С. 19–30.
- Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология развития человека: развитие субъективной реальности в онтогенезе. – М.: Школьная Пресса, 2000. – 416 с.

- Токарев А.А. Массовое сознание российской молодежи: образ будущего // Полис. Политические исследования. – 2024. – № 6. – С. 154–169. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.06.11>
- Универсальные ценности в мировой и внешней политике / под ред. П.А. Цыганкова. – М.: Издательство Московского университета, 2012. – 224 с.
- Усманова З.Р., Смулькина Н.В. Когнитивные и эмоциональные составляющие образа идеального парламента в сознании российских граждан // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2021. – Т. 11, № 4. – С. 77–82. – DOI: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2021-11-4-77-82>
- Усманова З.Р., Смулькина Н.В. Образ будущего страны в представлениях российских граждан: по результатам исследования 2024 года // Среднерусский вестник общественных наук. – 2025. – Т. 20, № 1. – С. 11–30. – DOI: <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2025-20-1-11-30>
- Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России / Ш. Шварц, Т.П. Бутенко, Д.С. Седова, А.С. Липатова // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2012. – № 1. – С. 43–70.
- Шаикова Я.Ю., Казанцев Д.А. Динамика ценностных приоритетов российской молодежи в современных геополитических условиях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2024. – Т. 26, № 2. – С. 357–372. – DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-357-372>

**И.В. САМАРКИНА, И.С. БАШМАКОВ,
Н.П. КУЗЬМЕНКО***

**ВОСПРИЯТИЕ БУДУЩЕГО ГРАЖДАНАМИ
НОВЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ: ВОЗМОЖНОСТИ
ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА
В ИССЛЕДОВАНИИ ИНСТРУМЕНТОВ
ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹**

Аннотация. Статья посвящена обсуждению результатов серии исследований представлений о будущем и гражданской идентичности молодежи, проведенных в 2023–2024 гг. в новых субъектах РФ (ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областях, а также в Республике Крым).

Представлены концептуальные основания исследования представлений о будущем, в том числе авторская интерпретация образа будущего как компонента субъективного пространства политики. Авторы считают, что образ будущего оказывает влияние на организационные формы политических институтов иластных отношений и включает константные (структура, уровни, траектории, статус / субъектность носителя представлений о будущем) и переменные параметры (содержание структуры, приоритетность уровней, приоритетность траекторий,

* Самаркина Ирина Владимировна, доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой политологии и политического управления, Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия), e-mail: smrkn@mail.ru; Башмаков Игорь Станиславович, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия), e-mail: igorbash87@mail.ru; Кузьменко Нелли Павловна, преподаватель кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия), e-mail: nelly20_20@mail.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 24-28-00660 «Образ будущего новых граждан России: содержание, модели и практики формирования в условиях консолидации современного российского общества».

уровень субъектности носителя представлений о будущем). Отмечено, что содержание компонентов образа будущего обусловлено совокупностью внутренних и внешних факторов.

Использование политico-психологического подхода дает аналитические инструменты для исследования содержательных и эмоциональных компонентов образа будущего, ценностных и поведенческих установок личности, гражданской идентичности, а также влияния субъектности (локуса контроля) на конфигурацию представлений о будущем.

На основе осмыслиения эмпирических данных показано, что представления о будущем являются частью жизненного мира молодежи новых территорий и описаны факторы, которые определяют краткосрочность или долгосрочность планирования будущего; выявлены факторы, которые определяют противоречивость эмоционального компонента образа будущего молодежи новых регионов. Показана связь локуса контроля, готовности брать на себя ответственность с эмоциональной окраской представлений о будущем; описаны ценностные и поведенческие установки молодежи новых регионов

На основе анализа эмпирических данных описаны пять типов гражданской идентичности молодежи новых субъектов РФ, соотнесенных с представлениями о *своей* стране (российской, гибридной, донбасской, эскалистской и украинской) и определена их представленность (по результатам количественных исследований) среди молодежи новых территорий; показана специфика психологических механизмов идентификации для каждого типа гражданской идентичности.

Ключевые слова: гражданская идентичность; субъективное пространство политики; политическая социализация; образ будущего; политico-психологический подход.

Для цитирования: Самаркина И.В., Башмаков И.С., Кузьменко Н.П. Восприятие будущего гражданами новых регионов России: возможности политico-психологического подхода в исследовании инструментов формирования гражданской идентичности // Политическая наука. – 2025. – № 4. – С. 91–113. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.04.04>

Актуальность исследования

Геополитическая турбулентность последних лет привела к изменениям приоритетных направлений не только внешней, но и внутренней политики российского государства, политика идентичности (формирование российской гражданской идентичности) становится одним из ключевых направлений внутренней политики: «Конечно, страна будет меняться и люди будут меняться. Но сохранение идентичности лежит в основе будущего страны»¹, –

¹ Кузьмин Д. Путин: Сохранение идентичности лежит в основе будущего России // Российская газета. – 2024. – 4 апреля. – Режим доступа: <https://rg.ru/2024/04/04/putin-sohranenie-identichnosti-lezhit-v-osnove-budushchego-rossii.html> (дата посещения: 26.06.2025).

отметил В.В. Путин на совещании с членами Правительства РФ в 2024 г. Ранее Президент подчеркивал, что большинство людей «ставит на первое место свою принадлежность, причастность к российскому государству... а не к определенной этнической группе»¹, что служит подтверждением доминирующей роли общегражданской идентичности при имеющемся праве у регионов, в том числе и новых субъектов России после 2022 г., сохранять свою самобытность и культурную специфику.

Этот поворот определяет растущий научный² и практический интерес к содержанию и инструментам процесса политической социализации, а самое главное – к ее результатам, то есть к тем феноменам, которые составляют субъективное пространство политики: политическим ценностям, патриотизму, гражданственности, политической картине мира, политической идентичности и ее вариаций, в первую очередь, гражданской идентичности.

Политическая психология, как сложившаяся отрасль политической науки, имеет инструментарий и возможности для исследования феноменов субъективного пространства политики. Как справедливо отмечала Е.Б. Шестопал: «Предметное поле политической психологии можно было бы условно обозначить как изучение субъективной стороны политических процессов» [Шестопал, 2005], что демонстрирует погружение в изучение неинституциональных аспектов, ценностно-идеологической, поведенческой, мотивационной составляющей политической субъектности. В контексте современных дискуссий о суверенизации и развитии отечественной политической науки необходимо с опорой на сложившиеся в мировой и отечественной политической науке подходы развивать и создавать аналитический инструментарий и методики прикладных исследований для анализа актуальных вопросов научной и публичной повестки. Как отметила О.В. Гаман-Галутвина: «...политика сегодня претерпевает очень серьезные трансформации. И для адекватного отражения, анализа и прогноза развития этой сложной реальности необходим достаточно эффективный и результативный инструмент... политиче-

¹ Юрина Л. Путин призвал учесть укрепление гражданской идентичности в Стратегии нацполитики // Урал-Пресс-информ. – 2023. – 22 мая. – Режим доступа: <https://uralpress.ru/news/federaciya/putin-prizval-uchest-ukreplenie-grazhdanskoy-identichnosti-v-strategii-naopolitiki> (дата посещения: 26.06.2025).

² Например, на проходившем в 2024 г. X Всероссийском конгрессе РАПН из 760 докладов около 330 докладов касаются различных аспектов субъективного пространства политики.

ская наука является, в том числе, инструментом укрепления интеллектуального, научно-технологического суверенитета»¹.

Следует отметить изменение векторности политики формирования гражданской идентичности: от фокуса на прошлом к поиску баланса между ориентациями на прошлое и будущее. Рефлексируя итоги многочисленных публичных дискуссий, руководитель ВЦИОМ В. Федоров точно определил это изменение так: «История – это наш национальный спорт, но выиграть в нем невозможно. Поэтому надо спорить не о прошлом, а о будущем»².

Фундаментальная научная проблема заключается в существующем дефиците знаний о комплексе многосоставных и разновневых факторов, обеспечивающих формирование образа будущего в субъективном пространстве политики молодежи новых субъектов РФ, а также институциональных механизмов и технологий формирования их гражданской идентичности в процессе консолидации российского общества. Всесторонний учет влияния факторов на процесс целенаправленной политической социализации молодой когорты новых граждан РФ способствует формированию позитивного образа будущего как основы ценностной консолидации и эффективной интеграции через многообразие институциональных механизмов и конвенциональных социально-политических практик в единое ценностно-смысловое и деятельностное пространство РФ.

Представления о будущем как предмет политических исследований

В рамках политической науки имеются различные интерпретации феномена образа будущего, например, в качестве социальных ожиданий или мысленных конструкций [Lasswell, 1948], как кар-

¹ Комментарий О.В. Гаман-Голутвиной по итогам круглого стола / Факультет политологии МГУ имени М.В. Ломоносова. – 2024. – 21 октября. – Режим доступа: <https://polit.msu.ru/2024/10/21/%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%B9-%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B0-%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%85-%D0%BD%D0%B0/?ysclid=mckjpoai7y595909322> (дата посещения: 26.06.2025).

² Яковлева Е. Сколько детей готовы рожать россияне? Близка ли наша победа? Глава ВЦИОМ Федоров - о характерных настроениях в обществе // Российская газета. – 2025. – 18 июня – Режим доступа: <https://rg.ru/2025/06/19/nado-zhit-svoim-umom.html?ysclid=mckjsk0ppp409666386> (дата посещения: 20.06.2025).

тины будущего, существующей в массовом сознании [Polak, 1961; Bell, Mau, 1971], и др. Установлено, что имеется зависимость между моделью образа будущего на основе разделяемых ценностей и представлений и поведенческими установками личности или группы людей [Boulding, 1956]. В отечественной политической науке имеется достаточно большое количество работ, посвященных изучению образа будущего в политике, в частности, мировоззренческим аспектам планирования будущего территории [Бочко, 2022], факторам конструирования мировоззренческой парадигмы российского общества [Восприятие базовых ценностей..., 2022], особенностям восприятия образа будущего региональными сообществами [Батанина, Лаврикова, Шумилова, 2023], взаимосвязи гражданской идентичности и представлений о государстве [Образ будущего России как основа..., 2021].

Актуальность изучения представлений россиян о будущем обусловливает наличие прикладных исследований как со стороны академического сообщества [Усманова, Смулькина, 2025], так и социологических центров (ФОМ¹, ВЦИОМ²). Исследования представлений россиян о будущем своей страны свидетельствуют о преодолении кризиса идентичности, который был характерен для 90-х годов, и более позитивном восприятии гражданами будущего России [Шестопал, 2024]. Ряд авторов подчеркивают наличие связи между образом будущего и гражданской идентификацией населения. Так, граждане с выраженным чувством гражданской общности надеются, что все изменится к лучшему, произойдет укрепление государства на международной арене, возвращение традиций и моральных ценностей.

Отдельное внимание в научной литературе уделяется образу будущего российской молодежи. Недавние исследования раскрывают характерные особенности восприятия российской молодежью будущего, например, свидетельствуют о таких трендах массового сознания, как патерналистские устремления, а также желание мирного будущего с ведущей ролью России в мире [Токарев, 2024]. Важность для российской студенческой молодежи образов героев Отечества для формирования коллективного будущего выявлены в

¹ Россия через 20 лет и личные планы на будущее / ФОМ. – 2019. – 20 августа. – Режим доступа: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14241> (дата посещения: 20.03.2025).

² Страна оптимистов / ВЦИОМ. – 2023. – 7 августа. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/strana-optimistov> (дата посещения: 20.03.2025).

ходе освоения ими дисциплины «Основы российской государственности» [Карпович, Чертков, 2024]. Исследования Сафронова Н.А., Выходцева А.В. показывают, что в результате реализации государственной политики в сфере сохранения традиционных ценностей в массовых представлениях молодежи о желаемом будущем сохраняются установки на традиционные ценности. В настоящий момент традиционные опросные методы в изучении образа будущего молодежи дополняются более современными, например, веб-аналитикой, которые позволяют анализировать большой массив данных и изучать интернет-нarrативы молодежи о будущем [Голубин, Коротышев, Рыхтик, 2024].

Методология и методы исследования восприятия будущего гражданами новых регионов России

Политико-психологический подход [Шестопал, 2005] необходим для понимания принципов формирования представлений о будущем в многоуровневых процессах политической социализации и ресоциализации, идеи В.А. Ядова о социально-психологических механизмах самоидентификации в трансформирующихся обществах [Ядов, 1995] позволили осмыслить механизмы формирования разных типов гражданских идентичностей молодежи новых территорий.

Поскольку теоретическая позиция авторов детально описана ранее [Образ будущего как компонент..., 2024], в рамках данной статьи ограничимся определением образа будущего как компонента субъективного пространства политики, оказывающего влияние на организационные формы политических институтов и властных отношений и включающего константные (структура, уровни, траектории, статус / субъектность носителя представлений о будущем) и переменные параметры (содержание структуры, приоритетность уровней, приоритетность траекторий, уровень субъектности носителя представлений о будущем), содержание которых обусловлено совокупностью внутренних и внешних факторов.

В данной статье представлены данные, собранные в 2024 г. методами анкетного онлайн-опроса и серии фокус-групп молодежи новых территорий РФ. Всего было опрошено 757 человек, представляющих пять субъектов России: Республику Крым (63 человека), ДНР (100 человек), ЛНР (96 человек), Запорожскую (319 человек) и Херсонскую (179 человек) области. Среди опро-

шенных во всех регионах преобладали женщины (67%), доля мужчин составила 33%. Возрастные характеристики выборки анкетного опроса следующие: молодежь от 14 до 17 лет – 23%, от 18 до 24 лет – 48%, от 25 до 35 лет – 29%. Среди опрошенных представлены следующие категории молодежи: школьники – 4%; студенты – 67%; работающая молодежь – 28% и неработающая молодежь – 1%.

Фокус-групповые дискуссии были проведены с представителями школьной, студенческой и работающей молодежи (в возрасте от 14 до 35 лет), всего проведено 12 фокус-групповых интервью, в том числе 4 фокус-группы со школьниками; 6 – со студенческой молодежью, 2 – с работающей молодежью. В фокус-группах принимали участие представители всех новых территорий РФ: 2 фокус-группы были смешанными по составу, в них принимали участие представители ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областей (студенты, обучающиеся в настоящее время в Кубанском государственном университете), в остальных фокус-группах принимали участие выходцы из одного региона (Запорожье, Херсонская область, ДНР, Республика Крым). 6 фокус-групп были проведены на территории новых субъектов (ДНР и Херсонская область) и Крыма; остальные 6 фокус-групп были проведены с представителями новых субъектов, но на территории Краснодарского края (со школьниками из Запорожской области, участниками проекта «Университетские смены» в Кубанском государственном университете и студентами КубГУ, приехавшими на обучение из новых территорий).

Обсуждение результатов

Политико-психологический подход как теоретическая рамка исследования позволяет сфокусировать внимание на феноменах, составляющих субъективное пространство политики молодежи. В фокусе нашего исследования были следующие компоненты субъективного пространства политики: образ будущего как часть политической картины мира, его содержательные и эмоциональные компоненты; субъектность (локус-контроль), ценностные и поведенческие установки личности, гражданская идентичность.

Представления о будущем являются частью жизненного пространства молодежи, 55% опрошенных отмечают, что задумываются о будущем каждый день, без малого 23% думают о будущем каждую неделю. В то же время горизонт планирования будущего молодежью новых регионов достаточно короткий.

Большинство опрошенных (26%) планируют свое будущее на очень короткий временной промежуток – до одного года; 22,7% опрошенных планируют свою жизнь на три–пять лет. В целом для опрошенных характерно краткосрочное планирование будущего. На долгосрочную перспективу (15 лет и дольше) – планируют свою жизнь около 10% опрошенных (табл. 1).

Таблица 1

На какой отрезок времени Вы планируете свое будущее?

Укажите временной интервал, в котором лично для Вас возможно планирование будущего

Варианты ответа	Запорожская область, %	Херсонская область, %	ДНР, %	ЛНР, %	Республика Крым, %	Всего, %
20–25 лет	1,57	0,56	2,00	0,00	1,59	1,19
15–20 лет	2,51	3,35	4,00	3,13	4,76	3,17
25–30 лет и более	4,08	3,35	6,00	5,21	7,94	4,62
10–15 лет	4,70	5,03	5,00	4,17	6,35	4,89
Не планирую свое будущее	7,84	12,29	2,00	2,08	3,17	7,00
5–10 лет	12,23	13,97	14,00	17,71	26,98	14,80
1–2 года	19,44	14,53	15,00	19,79	17,46	17,57
3–5 лет	20,69	12,29	30,00	25,00	23,81	20,74
До 1 года	26,96	34,64	22,00	22,92	7,94	26,02

Источник: составлено авторами.

В обсуждении участники исследования указывали несколько факторов, которые определяют краткосрочность или долгосрочность планирования будущего. Один из основных факторов – неопределенность ситуации и наличие экзистенциальных рисков: «сейчас планировать не получается, на ближайшее 2–3 года – это максимум, потому что не знаешь, что будет дальше... особенно в наших территориях» (школьники, Запорожская область). Второй фактор, который отмечают участники, можно определить как зрелость личности и способность сформулировать предмет планирования: *«Все зависит от того, что ты собираешься планировать... скорее всего, в среднем будет ответ 3–5 лет»* (студенты, Республика Крым). Именно студенты отмечают, что если задумываться о реальных целях (учебе, семье и детях), то горизонт планирования расширяется: *«Ты уже об этом начинаешь думать <о детях>. То есть, 15, 20, 10 лет»* (студенты, ДНР).

В какой момент будущее становится частью реального жизненного мира молодежи? В нашем исследовании мы выявили

несколько траекторий соприкосновения жизненного мира «настоящего» и «будущего». Первая траектория – будущее уже наступило: «Я уже живу в будущем» (школьники, Запорожская область). Вторая траектория – я точно знаю, когда наступит будущее. В этом случае точка отсчета для многих участников фокус-групп – поступление в вуз, начало профессионального образования: «Для меня отсчет будущего начнется после поступления в университет, потому что от этого зависит мое будущее» (школьники, ДНР); «пока мы не поступим или не решим учиться, планировать будущее нет смысла» (школьники, Запорожская область). Третья траектория – будущее очень далеко: «у меня будущее через 5–10 лет, но я боюсь своего будущего» (школьники, Запорожская область).

Какая бы траектория ни транслировалась участниками обсуждения, размышления о будущем, как правило, вызывают большой и противоречивый эмоциональный отклик: «я планирую свою жизнь на 5–10 лет ... зависит от силы тревожности» (студенты, Республика Крым).

Эмоциональный компонент образа будущего молодежи новых регионов можно охарактеризовать как противоречивый. С одной стороны, 42% опрошенных думают о будущем с уверенностью и оптимизмом. С другой стороны, почти 26% говорят о беспокойстве и тревоге, когда думают о будущем. Если учесть в этой группе также тех, кто апатичен (не испытывает ни тревоги, ни беспокойства) и тех, кто затруднился ответить, то получается, что больше половины молодежи – 58%, размышляя о будущем, не испытывают положительных эмоций.

В этом контексте важно было выявить факторы, которые обусловливают позитивный спектр эмоций. В первую очередь позитивное восприятие будущего связывается с успехами в социально-экономическом развитии своего региона и государства в целом: «Я уверен, что мой родной город получит статус федерального курорта и так же, как и сейчас, будет продолжать развиваться и радовать гостей своими видами, своей инфраструктурой» (студенты, Республика Крым). Второй фактор, определяющий позитивный спектр эмоций о будущем, – это geopolитические успехи страны: «Россия мировой сверхдержавой будет... те страны, которые уже соприкоснулись с Россией, они так и останутся с нами... партнеры продолжат с нами дружить» (студенты, ЛНР).

Отсутствие идентификации со своей страной зачастую определяет эмоциональную индифферентность относительно будущего: «Мне, в принципе, все равно, под каким флагом жить...»; «как

пойдет» (школьники, Запорожская область); *«как повезет»* (студенты, ДНР). Опасения и страхи относительно будущего часть участников исследования связывают с рисками, которые несут новые технологии: *«Новые технологии будут в будущем, новые возможности технологические... но не понятно, как они скажутся на нас»*; *«Будет технологический откат»* (школьники, Запорожская область).

Эти наблюдения подтверждаются также ответами респондентов на прямой вопрос о том, насколько они ощущают страх за свою безопасность и безопасность близких в будущем. 72% опрошенных отметили, что в той или иной степени ощущают страх за свою безопасность в будущем (табл. 2). Респонденты также отмечали, что ощущают страх за безопасность своего населенного пункта и региона (74%), своей страны (68,7%) и страх за безопасность во всем мире (76%).

Таблица 2

**Укажите, насколько Вы ощущаете страх за личную
безопасность и безопасность близких людей.**

Выберите один из указанных ниже вариантов ответов

Варианты ответа	Запорожская область, %	Херсонская область, %	ДНР, %	ЛНР, %	Республика Крым, %	Всего, %
Не ощущаю страх	6,58	7,82	10,00	10,42	15,87	8,59
Скорее не ощущаю	20,06	16,20	14,00	26,04	23,81	19,42
Ощущаю в полной мере	21,63	27,93	30,00	22,92	20,63	24,31
Скорее ощущаю	51,72	48,04	46,00	40,63	39,68	47,69

Источник: составлено авторами.

Анализ дискуссий позволил определить факторы, которые определяют спектр негативных эмоций относительно будущего. Во-первых, это фактор незавершенности специальной военной операции России на Украине и общее состояние неопределенности: *«Подвешенное состояние такое, состояния неопределенности»* (студенты, Республика Крым). Во-вторых, социально-экономические условия жизни в новых регионах: *«У нас будет долгое развитие в нашем регионе, связанное с войной, и развитие там будет очень медленное»* (студенты, ДНР) или стагнация социально-экономического развития: *«он такой же останется <регион>... и город без продвижения какого-либо. Ну, может лет через 20–30 станет лучшие»* (школьники, Запорожская область). В-третьих, миграционный фактор и связанные с миграцией социальные проблем-

мы и их последствия: «В будущем будут проблемы с перенаселением... в России есть негативная миграция и религиозный радикализм» (студенты, ДНР).

Вместе с тем 63,8% опрошенных говорят о том, что, так или иначе, чувствуют уверенность в завтрашнем дне. Обратное (отвертили отрицательно или затруднились ответить) отмечают 36,2% опрошенных (табл. 3).

Таблица 3
**Если говорить в целом, Вы чувствуете уверенность
 в завтрашнем дне или не чувствуете?**

Варианты ответа	Запорожская область, %	Херсонская область, %	ДНР, %	ЛНР, %	Республика Крым, %	Всего, %
Безусловно нет	4,39	2,23	3,00	10,42	0,00	4,10
Затрудняюсь ответить	11,60	15,08	14,00	7,29	6,35	11,76
Скорее нет	18,18	21,23	31,00	19,79	12,70	20,34
Безусловно да	18,50	20,11	14,00	18,75	26,98	19,02
Скорее да	47,34	41,34	38,00	43,75	53,97	44,78

Источник: составлено авторами.

Вместе с тем наряду со страхами о безопасности респонденты говорят о большой уверенности в личной безопасности и безопасности близких (82,6%); а также отмечают уверенность в безопасности своего населенного пункта и региона (72,8%), своей страны (73,9%) и уверенность в безопасности во всем мире (74,8%) (табл. 4).

Таблица 4
Укажите, насколько Вы ощущаете уверенность в личной безопасности и безопасности близких людей. Выберите один из указанных ниже вариантов ответов

Варианты ответа	Запорожская область, %	Херсонская область, %	ДНР, %	ЛНР, %	Республика Крым, %	Всего, %
Не ощущаю уверенности	3,45	3,35	7,00	8,33	1,59	4,36
Скорее не ощущаю	12,54	14,53	12,00	18,75	4,76	13,08
Ощущаю в полной мере	27,59	27,93	33,00	28,13	39,68	29,46
Скорее ощущаю	56,43	54,19	48,00	44,79	53,97	53,10

Источник: составлено авторами.

Локус контроля и ответственность за будущее. Свою ответственность за личную безопасность и безопасность близких в той или иной степени ощущают 88,4% опрошенных (табл. 5).

Отвечая на аналогичный вопрос, 73% опрошенных отметили, что в той или иной степени ощущают ответственность за безопасность своего населенного пункта; 69% – за безопасность в стране; 46,6% – за безопасность в мире.

Таблица 5

**Укажите, насколько Вы ощущаете лично Вашу
ответственность за личную безопасность и безопасность
близких людей. Выберите один из указанных
ниже вариантов ответов**

Варианты ответа	Запорожская область, %	Херсонская область, %	ДНР, %	ЛНР, %	Республика Крым, %	Всего, %
Не ощущаю ответственности	2,82	3,91	3,00	3,13	3,17	3,17
Скорее не ощущаю	7,21	11,17	3,00	17,71	1,59	8,45
Ощущаю в полной мере	37,62	45,81	44,00	47,92	42,86	42,14
Скорее ощущаю	52,35	39,11	50,00	31,25	52,38	46,24

Источник: составлено авторами.

Более половины опрошенных (58,1%) считают, что их будущее зависит в основном от их личных усилий. Как правило, внутренний локус контроля соотносится с оптимистичным взглядом на собственное будущее: «<будущее> оптимистично, надо будет много работать, чтобы сдать экзамен, а потом учиться»; установкой на активную созидаческую деятельность: «... пахать, пахать, пахать, учиться»; в том числе деятельность во благо государства и общества: «пойду в армию, после армии пойду либо в ФСБ, либо в структуры для защиты государства, страны» (школьники, Запорожская область), а также уверенностью в возможности преобразовать мир вокруг: «личная инициатива... чтобы обычные граждане могли выдвигать свою инициативу по предложению расширить город, развлечения и реконструкции, реставрацию зданий» (работающая молодежь, Республика Крым).

Четверть опрошенной молодежи отмечают, что будущее от них не зависит, и достаточно большое количество (16,1%) респондентов затруднилось ответить на этот вопрос. Представители младшей когорты молодежи разделяют (скорее перекладывают) ответственность с родителями, что вполне объяснимо спецификой возраста: «Я уверена в своем будущем... если даже у меня что-то не получится, есть прекрасные родители, которые помогут в любой момент» (школьники, Запорожская область).

Часть участников фокус-групп перекладывают ответственность за свое будущее на государство и, персонально, Президенту РФ, как правило связывая это с условиями жизни: «*Если не сделают железную дорогу, как сказал Владимир Владимирович, то не будет уверенности*» (школьники, Запорожская область).

Внешний локус контроля демонстрируют участники исследования, у которых образ будущего окрашен негативными эмоциями (тревогой), которые связаны с неопределенностью ситуации: «*Есть тревога, что в будущем что-то случится с моими близкими, родственниками. И это вещи, на которые я не могу повлиять*» (школьники, Запорожская область) или чувством вины: «*...нас будут считать во всем виноватыми*» (школьники, Запорожская область), а также ожиданием повторения трагических событий: «*Безопасность – чтобы не было террористических актов, покушений, насилия*» (школьники, Запорожская область); в том числе природных или техногенных катастроф: «*Мне кажется, что-то связанное с природой. Что-то случится непредсказуемое, затопление*» (школьники, Запорожская область).

Ценностный компонент представлений о будущем. Для оценки ценностного компонента представлений о будущем в контексте формирования российской гражданской идентичности респондентов попросили выделить наиболее значимые лично для них ценности (из перечня российских традиционных ценностей). Топ-3 этого списка составили жизнь (75,4%), права и свободы человека (64,3%) и крепкая семья (61,2%). Реже всего попадали в число значимых ценностей приоритет духовного над материальным (5,4%), коллективизм (6,7%) и созидательный труд (9,5%). 3,3% опрошенных отметили, что ни одна из этих ценностей не значима для них (табл. 6).

Участники фокус-групп в обсуждении упоминали практически весь список традиционных российских ценностей, но, в отличие от результатов массового опроса, чаще всего упоминали патриотизм: «*...патриотизм доказывать не надо, просто знать, что ты русский человек, любишь свою страну*» (школьники, Запорожская область), порядок: «*Первое – это порядок, но это больше для внутреннего комфорта страны. Второе – это патриотизм... всегда нужно топить за свою страну*» и безопасность: «*...очень нужна безопасность на наших территориях*» (студенты, ДНР).

Таблица 6

В Указе Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» перечислены основные ценности российского общества.

Какие из них Вы определяете в качестве наиболее значимых лично для Вас в НАСТОЯЩЕМ?

Укажите не более 5 вариантов ответа

Варианты ответа	Запорожская область, %	Херсонская область, %	ДНР, %	ЛНР, %	Республика Крым, %	Всего, %
Жизнь	72,41	68,72	82,00	84,38	85,71	75,43
Права и свободы человека	61,76	55,87	79,00	64,58	77,78	64,33
Крепкая семья	56,74	63,13	70,00	62,50	61,90	61,16
Справедливость	44,83	37,43	53,00	41,67	42,86	43,59
Достоинство	38,87	35,20	43,00	37,50	42,86	38,71
Патриотизм	30,09	43,02	29,00	27,08	39,68	33,42
Взаимопомощь и взаимоуважение	32,60	23,46	32,00	29,17	41,27	30,65
Единство народов России	23,20	36,87	23,00	14,58	17,46	24,83
Милосердие	22,26	13,97	19,00	20,83	15,87	19,15
Гражданственность	20,69	15,08	14,00	13,54	12,70	16,91
Служение Отечеству и ответственность за его судьбу	11,91	27,93	12,00	14,58	11,11	15,98
Историческая память и преемственность поколений	13,48	21,79	6,00	11,46	15,87	14,40
Высокие нравственные идеалы	15,99	10,61	11,00	10,42	14,29	13,21
Гуманизм	12,85	3,35	6,00	9,38	20,63	9,91
Созидательный труд	11,60	6,15	4,00	12,50	12,70	9,51
Коллективизм	10,03	3,91	1,00	8,33	4,76	6,74
Приоритет духовного над материальным	5,64	6,70	1,00	5,21	7,94	5,42
Ничего из перечисленного	5,96	1,12	0,00	4,17	0,00	3,30

Источник: составлено авторами.

Для многих, наряду с безопасностью, приоритетной ценностью в настоящий момент является развитие: «Первое – развитие, потому что страна должна развиваться с каждым годом, она и так развивается. Справедливость... и стабильность» (студенты, ЛНР) и стабильность, обеспечивающая уверенность в будущем и возможность его планирования: «Стабильность всегда хорошо, ты знаешь, что завтра проснешься, и у тебя будет дом, все будет хорошо, допустим, власть... уверен в власти, все стабильно» (студенты, Республика Крым).

Важной частью ценностных установок молодежи являются собственно политические ценности – свобода: «*Стабильность, мир, свобода и справедливость*» (школьники, Запорожская область), права человека: «*Права человека – у каждого человека должны быть свои права*», равенство: «*Равенство, чтобы никого не ущемляли, как это часто бывает*» (школьники, Запорожская область), демократия: «*Демократия очень важна. Потому что это свобода, равенство, братство и вот эти все качества, которые сейчас нам нужны*» (студенты, ЛНР), поскольку они в настоящее время, а в особенности в будущем обеспечивают суверенитет страны: «*...при каждом политическом действии должны учитываться и интересы большинства людей, и самого государства, чтобы сохранять целостность, суверенитет и экономическую свободу*» (студенты, Республика Крым).

Следует подчеркнуть, что многие участники дискуссии демонстрируют широкую палитру ценностей и смыслов, которые для них заложены в слове «Россия»: «*моя страна в будущем – Российская Федерация... мне здесь комфортно. Тут моя семья... нас объединяют ценности семейные, культурные ценности*» (студенты, ДНР), «*Россия хороша тем, что тут уживаются много народов, много религий*» (студенты, ДНР), «*у России самобытный путь, и именно патриотизм его подчеркивает*» (студенты, Республика Крым).

Поведенческие установки в будущем: потенциал молодежи новых регионов. Участники фокус-групп описывают широкий спектр форм общественно-политического участия молодежи новых регионов. В первую очередь, указывают участие в различных форматах патриотических мероприятий и проектов: «*Я в Бессмертном полку принимал участие... оно <участие> большие историческое. Уважение к своему народу*» (школьники, Запорожская область); «*9 мая, когда парад делается, память погибших*» (школьники, Запорожская область). Широкое распространение имеют практики волонтерства, о них говорят и школьники, и студенты: «*гуманитарная помощь*», «*экологические акции*», «*у нас в университете очень много волонтерства, патриотические клубы развиваются*» (студенты, ДНР).

Новые форматы работы, новые организации и новые (для молодежи) формы общественно-политического участия являются наиболее привлекательными в будущем: «*Я бы в Юнармии хотел принять участие... и еще – в выборах*» (школьники, Запорожская область).

Отдельно следует упомянуть общественно-политическую активность в медиасреде. Это направление привлекает возможностью самовыражения: «развитие медиа, каждый человек может открыть и высказаться, его могут поддержать» и динамикой изменения форматов участия: «<медиа> более стремительно набирает обороты, чем митинги, чем демонстрации» (студенты, ДНР).

Анализ фокус-групповых интервью демонстрирует уже описанную в научной литературе тенденцию снижения политической активности у старшей молодежи: «Уже довольно преклонный возраст... Я от политики максимально дистанцируюсь... Сначала участие, активное развитие, а потом уже все, хватит» (студенты, Республика Крым), особенно у тех, кто уже завершил обучение и не вовлечен в организованные формы участия: «ни в каких <формах>, нет такого желания» (работающая молодежь, Республика Крым).

Респондентами отмечается появление новых возможностей для конструктивных форм социальной активности после вхождения регионов в состав России: «За всю жизнь при Украине в Мариуполе я очень мало чего видела, мало чего могла себе позволить. Но при России я уже столько всего перепробовала, что я хочу быть только с Россией» (студенты, ДНР). Молодые люди отмечают виды общественной деятельности, в которой успели принять участие и планируют принимать участие в будущем: «Помогала и помогаю проводить общественные мероприятия спортивного образца»; «На постоянной основе являюсь донором крови и ее компонентов»; «<в будущем> создать аппарат для питания животных и улучшения качества их кожи» (студенты, ДНР); «волонтерство, помочь животным, детям, пожилым людям» (работающая молодежь, Республика Крым).

Гражданская идентичность молодежи новых регионов: психологические механизмы идентификации. На основе анализа результатов опроса можно сделать вывод о представленности в выборке основных, выявленных нами ранее [Самаркина, 2023] типов гражданской идентичности: российская, гибридная, донбасская, эскапистская, украинская. Инструменты политico-психологического анализа позволяют определить специфику механизмов идентификации [Ядов, 1995] для каждого из выявленных типов гражданской идентичности.

По результатам массового опроса 75,4% респондентов являются носителями российской гражданской идентичности. В этом случае объектом идентификации является макросообщество: «Проживаю в своем родном городе Мариуполь. Своей страной

считаю Российскую Федерацию, которая процветает и развивается. Моя семья чувствует себя в безопасности и в комфорте в своем городе и в стране» (студенты, ДНР), а ключевым механизмом – ценностно-рациональный выбор и принятие ценностей «Я считаю свою страну Россией, считаю, что граждан будет объединять одна общая цель, это постройка хорошего, счастливого будущего» (студенты, Республика Крым).

Носители гибридной идентичности (считывающие своей страной и Россию, и Украину) в публичной дискуссии, как правило, фокусируют внимание не на гражданской принадлежности к стране, а на близости с локальным сообществом или семьей, демонстрируя в ситуации невозможности ценностно-рационального выбора иной идентификационный механизм – эмоциональную редукцию статуса объекта идентификации, предполагающего отказ от идентификации с макросообществами в пользу ближнего круга, удовлетворяющего базовые потребности в безопасности: «там, где родилась»; «там, где мой дом, семья»; «где большие близких друзей и людей» (школьники, Запорожская область). По результатам массового опроса, 8,5% опрошенных являются носителями гибридной гражданской идентичности.

Донбасский (новороссийский) тип гражданской идентичности молодежи новых субъектов РФ, в основе которого принятие региона (как правило, Донбасса) как *своей страны*, имеет в основе психологический механизм групповой защиты: «Я, конечно, уже несколько лет гражданин России, но *своей страной считаю Донбасс...* потому что мы вместе были много лет, еще до того, как Россия пришла нас защитить» (студенты, ДНР). По результатам массового опроса 5,2% респондентов являются носителями этого типа идентичности.

Носителями эскапистской идентичности являются 2,3% респондентов. В ее основе психологический механизм дистанцирования и отказ от всех возможных реальных макросообществ как объектов идентификации: «*Мне, в принципе, все равно, под каким флагом жить. Главное – быть дома с любящими людьми*» (школьники, Запорожская область).

Носителями украинской идентичности (считывающими *своей страной* Украину), по данным нашего опроса, являются 1,3% респондентов. В ситуации публичности (фокус-групповой дискуссии) они не позиционируют эту идентичность открыто, не говорят об Украине, но отмечают: «*Мое будущее связано с другой страной*» (работающая молодежь, Республика Крым). Соотнесение этих

результатов с ответом на вопрос о языковой идентификации демонстрирует сопоставимые данные гражданской и языковой идентичности молодежи новых субъектов: 92,7% отметили, что говорят и думают на русском языке, 2,9% – на украинском и 4,4% – на других языках.

Заключение

Использование арсенала инструментов политико-психологического подхода в исследованиях гражданской идентичности позволяет конкретизировать систему внешних и внутренних факторов, которые определяют конфигурацию разнообразных элементов субъективного пространства политики личности, группы, макросообществ: гражданской идентичности, других форм политической идентичности, политических представлений, ценностей, установок политического поведения и др. и осмысливать их в условиях динамично изменяющейся реальности.

Представления о будущем в этом контексте играют особую роль, поскольку, с одной стороны, они являются частью субъективного пространства политики, результатом сложных процессов политической социализации; а с другой – выступают эффективной технологией формирования гражданской идентичности. Исследование выявило, что представления о будущем занимают важное место в субъективном пространстве политики представителей молодежи, однако неопределенность военно-политической ситуации, наличие экзистенциональных и психологических барьеров сужают горизонт планирования и нарушают целостность восприятия будущего. Наоборот, успехи страны на мировой арене, увеличение чувства защищенности от внешних угроз благотворно сказываются на эмоциональном компоненте образа будущего, усиливают чувство гражданской принадлежности.

Конструирование будущего в собственном жизненном пространстве (представлениях) и в совместной деятельности – в пространствах социальной группы, макросообщества через механизмы опредмечивания и субъектности формирует устойчивые идентификационные связи и в этом смысле формирует «матрешку идентичностей», в которой гражданская идентичность занимает (по крайней мере сегодня) одно из ключевых мест. Результаты исследования говорят о том, что молодежь в новых регионах имеет достаточно высокий уровень ответственности не только за свою

личную безопасность, но и за безопасность своей страны и мира в целом. Внутренний локус контроля, ориентация на личные усилия в достижении будущего коррелируют с уверенностью и амбициозным взглядом на собственное будущее, установкой на активную созидаческую деятельность. Таким образом, оптимистичный образ будущего положительно влияет на формирование субъектности молодежи, чувства коллективной ответственности, более выраженно-го и позитивного видения своей гражданской идентичности.

Сравнение результатов нашего исследования с результатами других исследований, посвященных образу будущего молодежи, может свидетельствовать о том, что по ряду показателей молодежь новых регионов имеет схожие ориентации относительно своего будущего и будущего своей страны с остальной молодежью России. Например, молодежь России видит будущее страны в целом оптимистично, осознает значимость традиционных ценностей для своего будущего и будущего страны в целом, ориентирована скорее на личные цели, а не общественные¹. Кроме того, схожими параметрами являются достаточно высокая аполитичность, запрос на участие государства в социальной жизни и производстве общественных благ [Токарев, 2024]. Тем не менее у молодежи новых регионов, на наш взгляд, имеются и некоторые отличия, например, меньший уровень инфантилизма, больший уровень тревог и беспокойства за свое будущее, менее выраженная российская гражданская идентичность.

Инструменты политico-психологического подхода, таким образом, кроме аналитического потенциала обладают серьезным технологическим потенциалом для использования в системе образовательной, молодежной политик, и шире – в системе государственной политики формирования гражданской идентичности россиян. Несмотря на то что исследование выявило приоритетность российской гражданской идентичности среди представителей молодежи новых регионов, тем не менее небольшая доля респондентов являются носителями гибридной или эскалистской идентичности, которые затрудняют формирование образа будущего. Кроме того, результаты свидетельствуют о недостаточной выраженности ряда традиционных российских ценностей, что говорит об акту-

¹ Яблочки, ты куда? Социологи выяснили, чем отличаются разные поколения россиян и что у них общего // Российская газета. – 2024. – 16 декабря. – Режим доступа: <https://tg.ru/2024/12/15/iablochko-kuda-ty.html?ysclid=mdn5eqlrsa79508261> (дата посещения: 20.03.2025).

альности дальнейшего изучения и практического формирования образа будущего в новых субъектах Российской Федерации.

I.V. Samarkina, I.S. Bashmakov, N.P. Kuzmenko*
Perception of the future by new citizens of Russia:
possibilities of a political-psychological approach
in the study of instruments for the formation of civil identity¹

Abstract. The article presents the results of a series of studies conducted in 2023–2024 in the new subjects of the Russian Federation (DPR, LPR, Kherson and Zaporizhia regions, as well as in the Republic of Crimea) on the state of civic identity of young people in the new subjects of the Russian Federation and their ideas about the future.

The article presents conceptual foundations for studying ideas about the future, including the author's interpretation of the image of the future as a component of the subjective space of politics, which influences the organizational forms of political institutions and power relations, and includes constant (structure, levels, trajectories, status/subjectivity of the bearer of ideas about the future) and variable parameters (content of the structure, priority of levels, priority of trajectories, level of subjectivity of the bearer of ideas about the future), the content of which is determined by a combination of internal and external factors.

The possibilities of the political-psychological approach as a theoretical framework for analyzing the subjective space of politics are shown, in particular: the image of the future, its substantive and emotional components, subjectivity (locus of control), value and behavioral attitudes of the individual, civic identity.

Based on the understanding of empirical data, the article shows that ideas about the future are part of the life space of young people and describes the factors that determine the short-term or long-term planning of the future. The emotional component of the image of the future of the youth of the new regions is characterized, its contradiction and a set of factors that determine the spectrum of positive and negative emotions regarding the future are shown. The connection between the locus of control, readiness to take responsibility with the emotional coloring of ideas about the future is revealed.

The value component of the image of the future of the youth of the new territories is characterized, the most and least significant values for the youth of the new regions are identified.

* **Samarkina Irina**, Kuban State University (Krasnodar, Russia), e-mail: smrkn@mail.ru; **Bashmakov Igor**, Kuban State University (Krasnodar, Russia), e-mail: igorbash87@mail.ru; **Kuzmenko Nelly**, Kuban State University (Krasnodar, Russia), e-mail: nelly20_20@mail.ru

¹ The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation as part of the research project No. 24-28-00660 “The image of the future of new citizens of Russia: content, models, and practices of formation in the context of the consolidation of modern russian society”.

Behavioral attitudes in ideas about the present and the future of youth in the new regions are described.

Five types of civic identity of the youth of the new subjects of the Russian Federation are identified, correlated with ideas about their country (Russian, hybrid, Donbass, escapist and Ukrainian) and their representation (according to the results of quantitative studies) among the youth of the new territories is determined; the specificity of psychological identification mechanisms for each type of civic identity is shown.

Keywords: civil identity; subjective space of politics; political socialization; image of the future; political-psychological approach.

For citation: Samarkina I.V., Bashmakov I.S., Kuzmenko N.P. Perception of the future by new citizens of Russia: possibilities of a political-psychological approach in the study of instruments for the formation of civil identity. *Political science (RU)*. 2025, N 4, P. 91–113. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.04.04>

References

- Batanina I.A., Lavrikova A.A., Shumilova O.E. Image of the country's future: perception by the regional community. *Izvestiya Tula state university. Humanities*. 2023, N 1, P. 13–19. DOI: <https://doi.org/10.24412/2071-6141-2023-1-13-19> (In Russ.)
- Bell W., Mau J. *Sociology of the future: theory, cases and annotated bibliography*. New York: Russell sage foundation, 1971, 464 p.
- Bochko V.S. Constructing the image of the future of territories: ideological approaches. *AlterEconomics*. 2022, Vol. 19, N 3, P. 407–423. DOI: <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-3.1> (In Russ.)
- Boulding K.E. *The image: knowledge in life and society*. Ann Arbor: University of Michigan press, 1956, 174 p. DOI: <https://doi.org/10.3998/mpub.6607>
- Golubin R.V., Korotyshev A.P., Rykhtik P.P. The image of the state of the future in the minds of Russian youth: the possibilities of web analytics research. *Vestnik of Lobachevsky state university of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. 2024, N 2 (74), P. 101–111. DOI: https://doi.org/10.52452/18115942_2024_2_101 (In Russ.)
- Karpovich O.G., Chertkov A.S. The image of Russia of the future: the perception of civilizational meanings and traditional values. *The bulletin of the diplomatic academy of the MFA of Russia. Russia and the World*. 2024, N 4 (42), P. 201–217. (In Russ.)
- Kharichev A.D., Shutov A.Yu., Polosin A.V., Sokolova E.N. Perception of basic values, factors and structures of the socio-historical development of Russia (based on research and testing materials). *Journal of political studies*. 2022, Vol. 6, N 3, P. 9–19. DOI: <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19> (In Russ.)
- Lasswell H. *The analysis of political behavior: an empirical approach*. London: Routledge & Kegan Paul, 1948, 342 p.
- Polak F. *The image of the future: enlightening the past, orientating the present, forecasting the future*. New York: Oceana publications, 1961, 344 p.
- Samarkina I.V. Policy of formation of civil identity of young people in new subjects of the Russian Federation: Models and technologies (preliminary research results). In: *Social and political space and public policy: vectors of foreign and domestic political interaction and development in the context of global change*. Materials of the

- All-Russian scientific and practical conference XII Stolypin readings. Krasnodar: Kuban state university, 2023, P. 7–9. (In Russ.)
- Samarkina I.V., Bashmakov I.S., Kolozov D.P., Kuzmenko N.P. The future image as a component of political subjective space: testing the conceptual model. *Polis. Political studies.* 2024, N 5, P. 66–81. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.05.05> (In Russ.)
- Safronov N.A., Vykhodtseva A.V. The image of Russia's future in the context of state policy in the field of preservation of traditional values. *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science.* 2024, Vol. 10, N 3, P. 121–129. DOI: <https://doi.org/10.29039/2413-1733-2024-10-3-121-129> (In Russ.)
- Shcheglova D.K., Maksimova S.G., Noyanzina O.E., Velikzhanina K.A. The image of the future of Russia from the perspective of civil identification of the population of the border regions. *Virtual communication and social networks.* 2024, Vol. 3, N 2 (10), P. 169–183. DOI: <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2024-3-2-169-183> (In Russ.)
- Shestopal E.B. Political psychology as a field of modern political science knowledge: prospects and vectors of development. *Moscow university bulletin. Series 12. Political Science.* 2005, N 1, P. 49–58. (In Russ.)
- Shestopal E.B. Russian citizens' ideas about the future of their country: semantic accents and psychological optics. *Political science (RU).* 2024, N 4, P. 190–216. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2024.04.08> (In Russ.)
- Tokarev A.A. The mass consciousness of Russian youth: an image of the future. *Polis. Political studies.* 2024, N 6, P. 154–169. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.06.11> (In Russ.)
- Usmanova Z.R., Smulkina N.V. The image of the future of Russia in Russian citizens' submissions: based on the results of the research in 2024. *Central Russian journal of social sciences.* 2025, Vol. 20, N 1, P. 11–30. DOI: <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2025-20-1-11-30> (In Russ.)
- Yadov V. A. Social and socio-psychological mechanisms of formation of the social identity of the individual. *Universe of Russia.* 1995, N 3–4, P. 151–181. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Батанина И.А., Лаврикова А.А., Шумилова О.Е.* Образ будущего страны: восприятие региональным сообществом // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2023. – № 1. – С. 13–19. – DOI: <https://doi.org/10.24412/2071-6141-2023-1-13-19>
- Бочко В.С.* Конструирование образа будущего территорий: мировоззренческие подходы // AlterEconomics. – 2022. – Т. 19, № 3. – С. 407–423. – DOI: <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-3.1>
- Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) / А.Д. Харичев, А.Ю. Шутов, А.В. Полосин, Е.Н. Соколова // Журнал политических исследований. – 2022. – Т. 6, № 3. – С. 9–19. – DOI: <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19>
- Голубин Р.В., Коротышев А.П., Рыхтик П.П.* Образ государства будущего в сознании российской молодежи: возможности исследования методами

- веб-аналитики. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2024. – № 2 (74). – С. 101–111. – DOI: https://doi.org/10.52452/18115942_2024_2_101
- Карпович О.Г., Чертков А.С.* Образ России будущего: восприятие цивилизационных смыслов и традиционных ценностей // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2024. – № 4 (42). – С. 201–217.
- Образ будущего как компонент субъективного пространства политики: концептуальная модель и опыт ее апробации / И.В. Самаркина, И.С. Башмаков, Д.П. Колозов, Н.П. Кузьменко // Полис. Политические исследования. – 2024. – № 5. – С. 66–81. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.05.05>
- Образ будущего России с позиций гражданской идентификации населения приграничных регионов / Д.К. Щеглова, С.Г. Максимова, О.Е. Ноинзина, К.А. Великжанина // Виртуальная коммуникация и социальные сети. – 2024. – Т. 3, № 2 (10). – С. 169–183. – DOI: <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2024-3-2-169-183>
- Самаркина И.В.* Политика формирования гражданской идентичности молодежи в новых субъектах РФ: модели и технологии (предварительные результаты исследования) // Социально-политическое пространство и публичная политика: векторы внешне- и внутриполитического взаимодействия, и развития в условиях глобальных перемен: материалы Всероссийской научно-практической конференции XII Столыпинские чтения. (9–10 ноября 2023 г.) – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2023. – С. 7–9.
- Сафонов Н.А., Выходцева А.В.* Образ будущего России в контексте государственной политики в сфере сохранения традиционных ценностей // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2024. – Т. 10, № 3. – С. 121–129. – DOI: <https://doi.org/10.29039/2413-1733-2024-10-3-121-129>
- Токарев А.А.* Массовое сознание российской молодёжи: образ будущего // Полис. Политические исследования. – 2024. – № 6. – С. 154–169. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.06.11>
- Усманова З.Р., Смулькина Н.В.* Образ будущего страны в представлениях российских граждан: по результатам исследования 2024 года // Среднерусский вестник общественных наук. – 2025. – Т. 20, №1. – С. 11–30. – DOI: <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2025-20-1-11-30>
- Шестопал Е.Б.* Политическая психология как область современного политологического знания: перспективы и векторы развития // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2005. – № 1. – С. 49–58.
- Шестопал Е.Б.* Представления российских граждан о будущем своей страны: смысловые акценты и психологическая оптика // Политическая наука. – 2024. – № 4. – С. 190–216. – DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2024.04.08>
- Ядов В.А.* Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. – 1995. – № 3–4. – С. 151–181.

З.Р. УСМАНОВА*

**БУДУЩЕЕ РОССИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЕЕ ГРАЖДАН:
ФОРМИРОВАНИЕ СТАБИЛИЗАЦИОННОГО СЦЕНАРИЯ
В УСЛОВИЯХ ВЫСОКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ¹**

Аннотация. В статье приведены итоги эмпирического исследования представлений россиян о будущем развитии России, проведенного в 2023–2024 гг. Выводы получены в результате обработки текстов глубинных интервью, а также графического материала проективных рисуночных тестов с применением методов политической психологии. Описаны доминирующие в сознании населения сценарии будущего развития России: «мобилизационный», «инерционный», «инновационный» и другие, при этом особое внимание удалено формированию «стабилизационного» сценария. Представляя будущее России вариативно, описывая в нем позитивные, негативные, нейтральные по своей эмоциональной и событийной направленности сюжеты, респонденты демонстрировали сложности в осмысливании какого-то из них как наиболее вероятного. Основными проблемами при этом, по мнению самих респондентов, являются высокая неопределенность будущего, динамика современной жизни, нарастание тревоги по поводу возможности ухудшения ее условий, непредсказуемости изменений в экономической и политической сферах как внутри страны, так и в мире. Поиск массовым сознанием зоны психологического комфорта происходит в различных интерпретациях стабильности. При этом на формирование представлений о стабильности будущего оказы-

* Усманова Заира Романовна, кандидат политических наук, доцент Кафедры политологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия); младший научный сотрудник Отдела междисциплинарных исследований, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: zrusmanova@fa.ru

¹ Статья подготовлена в рамках темы № 124101700553-5 «Представления российских граждан о будущем своей страны», реализованной по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

вают влияние факторы субъективного характера, политического контекста и манипуляции, связанные с осмыслиением будущего сквозь призму происходящих сегодня событий и их освещения средствами массовой информации. Анализ указанных факторов позволил сделать выводы о том, что бинарные сюжеты будущего, среди которых «третья мировая война» и «мир во всем мире», «технологический рай» и «технологическая тюрьма», существуют в представлениях россиян как бы одновременно и при этом связаны с желанием достичь «стабильного» будущего, в котором не будет таких сложных противоречий. Основными препятствиями формирования стабилизационного сценария будущего выступают разнотечения в понимании стабильности различными социальными группами и поиск примеров такового в недавнем или отдаленном прошлом. Отмечается, что стабилизационный сценарий выполняет одинаковую для всех социальных групп функцию психологической защиты от страха неуверенности в завтрашнем дне.

Ключевые слова: массовое политическое сознание; образ будущего; сценарии будущего России; стабилизационный сценарий; манипуляция массовым сознанием; информационно-психологические угрозы.

Для цитирования: Усманова З.Р. Будущее России в представлении ее граждан: формирование стабилизационного сценария в условиях высокой политической неопределенности // Политическая наука. – 2025. – № 4. – С. 114–139. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.04.05>

Будущее как область конструирования и восприятия не перестает волновать умы ученых. Отчасти потому, что будущее постоянно отодвигается от границ осознаваемого и, вероятно, ни конструкторов, ни воспринимающих всерьез не заботит его эфемерность, пластичность, достижимость, ведь проблемы сегодняшнего дня гораздо актуальнее [Титов, 2024]. Вместе с тем концепт будущего играет важную роль в поддержании национально-государственного единства и согласия наравне с коллективной памятью и мифо-символическим фундаментом политической нации, идеально-историческое наполнение которых стало особенно актуально для России в постсоветский период и остается таковым до сих пор [Джонсон, Малинова, 2020].

Научная дискуссия. Прежде чем перейти к описанию полученных нами результатов необходимо отметить, что проблема будущего привлекла внимание отечественных мыслителей еще с распадом СССР и стала особенно актуальной в начале XXI в. С этим связано появление большого числа исследований. Так, в исследовании А.Ю. Мельвиля и И.Н. Тимофеева, проведенном в 2010 г., были получены следующие вариации будущего России, которое должно было наступить к 2020 г.: «Кремлевский гамбит», «Крепость Россия», «Российская мозаика», «Новая мечта», при этом

современные политические реалии лишь отдаленно напоминают эти прогнозы [Мельвиль, Тимофеев, 2010]. Профессор А.П. Марков определяет глобальные вызовы будущего для России через усиление геополитических проблем, формирование многополярного мира, в котором России предстоит не только встраиваться в новую систему взаимоотношений в АТР, Африке, Ближнем Востоке, Латинской Америке, но и определять круг своих геополитических притязаний, усиливать роль в Евразии, сопротивляться деструктивным действиям недружественных стран [Марков, 2023, с. 38].

Приведем пример того, когда предложенные мыслителями прогнозы будущего спустя годы оказались довольно далекими от наступившей действительности. Так, в статье академика Н.П. Шмелёва, написанной в 2006 г., предложены варианты будущего России через 50 лет: **пессимистичный** – Россия выдохнется от войн и революций и подчинится Китаю, занявшему лидирующее положение в мире; продолжится активная вооруженная борьба с исламским экстремизмом как на Ближнем Востоке, так и внутри России; усилится угроза ядерного удара; глобализация продвинется в пользу «золотого миллиарда»; **оптимистичный** – Россия укрепит отношения стратегического партнерства с США и ЕС, вступит в ВТО; США и Россия станут союзниками в борьбе против исламского фундаментализма; США не организуют цветные революции и не вмешиваются в дела стран СНГ и Украины [Шмелёв, 2006].

Обращаясь к наиболее свежим исследованиям, необходимо отметить масштабные пролонгированные социологические срезы, которые проводились сотрудниками Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН [Образ будущего..., 2023]. Коллеги более двадцати лет фиксировали как поколенческие особенности взглядов россиян на будущее, так и региональную специфику, выделяли проблемы будущего: экологические, демографические, социально-экономические, социокультурные, связанные с межэтническими отношениями. Одна из значимых проблем будущего, по мнению коллег, – «социальная справедливость», которая интерпретируется разными социальными группами по-своему [Коленникова, 2023], а консолидирующими субъектом в ее обеспечении является государство, доверие к которому помогает гражданам преодолевать тревоги в ситуации слабой информированности [Хохлов, 2023].

Многие исследователи обращаются к молодежи как социальной группе, наиболее подверженной информационным рискам. Действительно, молодежь, рожденная в 1990-е и 2000-е, несмотря

на различия в первоначальных условиях жизни в стране, проходила осознанную социализацию в наиболее стабильное время, при этом подвергаясь несистемному, слабо контролируемому в рамках государственной политики, воздействию информационной среды [Шайхисламов, Асадуллина, Садретдинова, 2023]. Пессимизм и нигилизм молодежи поясняется постепенным переходом в состояние «бытия на распутье» [Комаровский, 2020, с. 136–137], которое стало особенно заметно с периода пандемии 2020–2021 гг. и усилилось в настоящее время [Ильичева, 2023].

В фокусе внимания исследователей из Кубанского государственного университета крайне актуальный вопрос о взглядах на будущее молодежи новых регионов и вопросы их идентификационного выбора – стать ли частью народа России или эмигрировать [Самаркина, Башмаков, Колозов, 2024]. В то же время процессы интеграции и позитивной национально-государственной идентификации в Крыму происходят более интенсивно [Верещагина, 2024], а образ позитивного общероссийского будущего в целом служит укреплению российской идентичности [Образ будущего России..., 2021; Батанина, Лаврикова, Шумилова, 2024].

Теоретико-методологические рамки исследования. В рассуждениях о будущем нас, в первую очередь, интересуют именно представления о нем, что обуславливает необходимость обращения к теориям социального восприятия и социальных представлений [Moscovici, 1984; Caplan, 2001; Moscovici, 2013, Емельянова, 2016], разрабатываемых в рамках социальной и политической психологии. Семиотический подход в рамках данных теорий позволяет нам проследить связь категорий и символов, через которые российские граждане воспринимают и описывают свою страну, в том числе и ее будущее, с коллективной памятью и национальной мифологией. О роли исторических коллективных представлений и социальных презентаций в объективации и понимании современного развития страны и ее пути в будущем пишут многие зарубежные социальные и политические психологи [Wagoner, 2015; Liu, Sibley, 2015; Hakköngäs, Sakki, 2016; Bouchat et al., 2023]. Изучая те или иные компоненты образа страны, ее географические границы, ландшафт, население, культурные особенности, традиции, историю, политическую систему и многое другое ученые обращаются к конкретным социальным представлениям о них, разделяемым теми или иными социальными группами. При этом социальные представления о прошлом, для которых в массовом сознании важнее правдоподобность, чем истинность, выступают

символическим ресурсом в процессе создания официальных нарративов национальной истории, поддерживают чувство общей национально-государственной идентичности [Hilton, Liu, 2017]. Ощущение общего прошлого экстраполируется на чувство общего настоящего и будущего вне зависимости от явно меняющихся условий современности, вместе с которыми для поддержания ощущения целостности времени создаются и внедряются альтернативные линии исторической памяти, оправдывающие преобразования и порядок дел в настоящем и легитимирующие в общественном сознании цели и лозунги будущего [Roth, Huber et al., 2017; Liu et al., 2021].

Данное исследование проводилось в рамках политико-психологического подхода к изучению образа будущего страны, интегрирующего теоретико-методологические возможности социальной психологии, политической социологии, политической коммуникативистики, политической имиджелогии и, в большей степени, теории социального восприятия. Образ страны, частью которого является и образ ее будущего, понимается нами как сложный когнитивно-аффективный конструкт массового и индивидуального сознания, включающий представления о всех аспектах существования конкретной страны: истории ее возникновения, политико-географических границах, государстве, лидерах, народе и многом другом. При этом образ как отражение объективной реальности в сознании воспринимающего субъекта – как индивида, так и больших социальных групп – имеет не только сложную структуру, но он также подвержен постоянной динамике, на него влияет целый спектр факторов, связанных как с самим воспринимающим субъектом, так и с социально-политической динамикой внутри страны и на международной арене [«ОНИ» и «МЫ»..., 2021, с. 36–39]. Определенная взаимосвязь указанных факторов и степень их влияния на складывание того или иного целостного образа страны привлекает интерес конкретных исследователей. В последние десятилетия фокус внимания западных политических психологов и социологов обращен на процессы взаимного восприятия социальных меньшинств, инклюзивных групп, противоборство оппозиционных друг другу политico-идеологических групп, а также психологическое состояние принимающих беженцев обществ [Hettmann et al., 1997; Hadarics et al., 2020; Grosfeld et al., 2022; Figueiredo et al., 2018]. Данные работы обращают внимание на актуальные политико-культурные процессы, происходящие в зарубежных странах и влияющие на трансформацию образов этих стран, однако комплексный анализ

образов стран практически не проводится. В этом смысле отечественные ученые, развивая политико-психологический подход, про-двинулись намного дальше.

Спецификой политико-психологического подхода является возможность обнаружить психологические нюансы восприятия, скрытые от взора политологов и социологов, а порой, и самих воспринимающих субъектов. Методологические возможности политической психологии помогают раскрыть не только содержание образа, обнаружить его когнитивные основания, оценить показатели целостности или фрагментарности, устойчивости или подвижности, конгруэнтности, сложности или простоты, но и позволяют изучить степень самоотождествления субъекта с данным образом, спектр испытываемых по отношению к нему чувств (иррациональные составляющие образа), готовность действовать в рамках каких-то усвоенных стратегий (социальные и политические установки) [«ОНИ» и «МЫ»..., 2021, с. 40–42].

Учитывая, что в постсоветской истории наша страна столкнулась с множеством глобальных и локальных вызовов, представления нескольких поколений россиян неоднократно подвергались пересборке и перефокусировке, а у самых молодых – и первичному конструированию в ситуации смысловых конфликтов, зарождения новых идей, отказа от прошлого или же его новой реставрации. Таким образом, **проблемой** настоящего исследования выступает оценка современного состояния массовых представлений о будущем и поиск ответа на следующие вопросы:

- каково будущее России в представлении граждан (содержательные аспекты образа) и насколько оно вариативно (представлено одним сценарием или множеством непохожих друг на друга сценариев);

- как влияют субъективные и объективные факторы на доминирование конкретного сценария в сознании индивида;

- как влияет высокая политическая неопределенность на выбор стабилизационного сценария будущего и в чем индивиды кодируют стабильность.

Термин «сценарий развития» используется нами намеренно, так как слова «модель» или «прогноз» ассоциируются, скорее, с профессиональным прогнозированием, а «сценарий» – это предмет творчества, который может предложить любой индивид. Кроме того, данный термин в рамках используемых нами методов помогает акцентировать внимание респондентов на идеях вариативно-

сти, что позволяет получить информацию об иррациональных компонентах их представлений.

Методы сбора данных. Исследование проводилось в четыре этапа, весной и осенью в 2023 и 2024 гг. в ряде регионов России: г. Москве, Московской, Калужской, Костромской, Владимирской, Саратовской, Тверской, Кемеровской областях и Республике Дагестан. За два года были собраны материалы 1200 глубинных интервью, а также свыше 1100 рисуночных тестов, выполняемых респондентами сразу после беседы с интервьюерами (рисунков меньше, так как не все респонденты соглашались выполнять графическую работу).

В настоящем исследовании использованы методы, эффективно внедряемые коллективом ученых кафедры социологии и психологии политики МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством Е.Б. Шестопала в рамках целой серии научных проектов в течение многих лет [Проблема психологического состояния..., 2021; Смулькина, Рогач, 2022; Усманова, Смулькина, 2023; Шестопал, Рогач, 2023]. Традиционно в рамках глубинных интервью нами используются: метод неоконченных предложений, семантический дифференциал, различные оценочные шкалы, ассоциативные вербальные тесты, метод психологического рисунка («Три сценария будущего России в ситуации сказочного сюжета»), направленный на выявление иррациональных компонентов образа. Необходимо отметить, что в настоящей статье представлены результаты анализа только качественных данных, что позволяет выявить глубинные аспекты представлений и взглянуть на проблему более широко, но не претендует на репрезентативность как в количественных выборках [Национально-государственная идентичность..., 2025, с. 99–102].

Результаты анализа эмпирических данных

Полученные за два года исследования стенограммы глубинных интервью и психологические рисунки позволили провести анализ содержательных данных о когнитивных (в каких категориях описывается будущее), эмоциональных (каково отношение к будущему) и поведенческих (какова роль самого респондента, его ближайшего окружения, а также всего российского общества, конкретных политических лидеров, институтов и всего государства в будущей реальности) аспектах образа будущего, а также выявить

особенности его формирования, определить детерминирующие его факторы (субъективного и объективного характера) [Национально-государственная идентичность..., 2025, с. 96–98].

Во-первых, были выявлены содержательные аспекты образа будущего России и описаны его сценарии, доминирующие в сознании россиян: «мобилизационный», «инерционный или же сценарий стабильности», «новый социализм и СССР 2.0», «анархизм и русский бунт», «инновационный» [Усманова, 2025]. При этом важной особенностью современного массового сознания оказалась некоторая его заторможенность. Описываемые респондентами сценарии, даже противоположные по своему сюжету, существуют в их сознании как бы одновременно, наблюдается вариативность сценарирования, связываемая самими участниками исследования с высокой непредсказуемостью современной жизни, привыканием к частой смене дискурса и самой динамике информационного пространства. При этом самым предпочтаемым будущим выступает инерционное – такое развитие событий, при котором ничего не будет происходить, или же не будет становиться хуже. Страх ухудшения условий жизни, каких-то лишений устремляет массовое сознание к поиску зоны тишины, которую они не находят в настоящем, хотя бы в вероятном будущем: *«Я хочу, чтобы это все закончилось. Все эти сложности, страдания, изоляции, терпения...»* (жен., 19 лет, Москва).

Во-вторых, нами были выделены факторы, влияющие на формирование содержательных аспектов образа будущего у разных социальных групп.

Факторы субъективного характера. Полученные эмпирические данные позволили обнаружить возрастные разломы в понимании будущего и фантазировании о его сценариях. Молодежь представляет будущее более динамичным. Стабилизационный сценарий в представлениях молодежи связан с успешной реализацией собственной жизненной стратегии в понятных и устоявшихся условиях, тут главная проблема связана с тревогами о частой смене правил игры и стрессе, вызываемом необходимостью постоянно к этому приспосабливаться. И хотя в представлениях молодых людей присутствует страх будущего России и его неопределенность, молодежь более других возрастов готова к «гипотетическому действию» (переезд, смена карьеры, участие в государственном перевороте и др.).

Также молодежь в большей степени, чем другие возрастные группы, потребляет контент, распространяемый в интернете (в том

числе СМИ-иноагентами), что обуславливает присутствие в их сознании всевозможных манипулятивных пропагандистских конструкций: «аннексия Крыма», «захват земель Украины», «убийства в Буче», «русская агрессия», «тотальная коррупция», «подчинение царю», «тотальный контроль», «киберпанк 2020» и других. При этом, если большая часть молодых людей, использующих эти конструкции, описывали один из трех сценариев будущего России как ее международную изоляцию, разрешение СВО не в пользу России, то небольшая часть молодых респондентов в возрасте 18–22 лет, беседуя с интервьюерами и демонстрируя в целом пророссийскую патриотическую позицию, могли неосознанно проговаривать некоторые из указанных словосочетаний, не замечая противоречивости в своих высказываниях. Например, отвечая на вопрос «Назовите периоды / этапы истории России, в которых, на Ваш взгляд, происходили самые значимые позитивные события. Что происходило?» молодые люди могли сказать: «*Самым значимым событием, по моему мнению, стала аннексия Крыма, в дальнейшем последствия этого помогут России стать более независимой от других стран*» (Москва, муж., 18 лет); «*Победа в Великой Отечественной войне, аннексия Крыма*» (Балашов, Саратовская область, жен., 18 лет).

Еще одной особенностью будущего в представлениях молодежи является то, что, описывая мысль о возвращении к былым «хорошим» временам, они обращались к совсем недавнему прошлому. Молодые люди в возрасте 18–25 лет сильнее, чем представители других возрастных групп, ожидают возвращения тех условий жизни, к которым они привыкли в 2010-е годы (см. рис. 1).

Респондентов среднего возраста (36–55 лет) волнуют иные аспекты будущего России. Эта когорта выступает основной движущей силой развития, опорой российской экономики. Объяснимо, что респонденты данной группы большую часть своих тревог и ожиданий направляют в область осмыслиения экономического будущего страны. Они оперируют терминами «санкции», «контрсанкции», «импортозамещение», «долларовая мир-система», «сырьевая зависимость», «технологическое отставание», «экономическая блокада», «выдавливание русского бизнеса», «национализация иностранных компаний», «бегство либерального проворовавшегося олигархата» и многими другими. Можно предположить, что россияне, встроенные в экономику, хотят получить адекватные условия для своего развития, они фактически требуют обеспечения государством в будущем условий внутренней конкуренции,

поддерживают меры протекционизма, готовы строить национальную экономику по действительно уникальному пути. Вместе с тем диапазон сценариев будущего в этой группе очень пестрый: он сложнее, чем у других возрастных групп (см. рис. 2), на него влияют как профессиональная принадлежность граждан, так и экономическое состояние региона их проживания. В целом в данной группе респондентов было больше тех, кто желал России высоких темпов развития, но среди наиболее вероятных событий описывал застой в экономике и сложности во взаимоотношениях со странами мира. Отвечая на вопросы о странах – друзьях, соперниках и врагах России, респонденты средней возрастной группы чаще затруднялись и проявляли недоверие к современным партнёрам – Китаю и другим странам БРИКС.

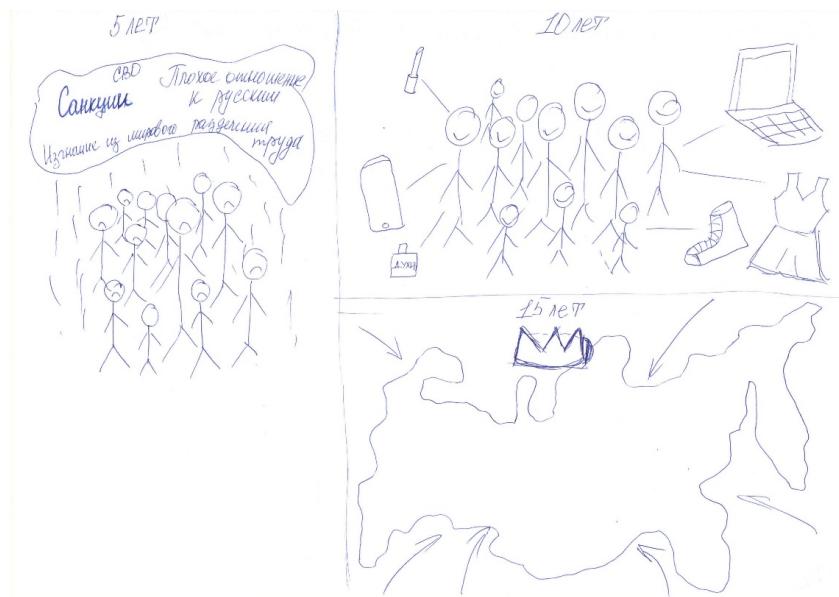

Рис. 1.

«Когда-нибудь этот кринэк закончится, и все нормальное вернется, русских перестанут осуждать в цивилизованном мире, люди вернутся» (Жен. 20 лет. Москва)

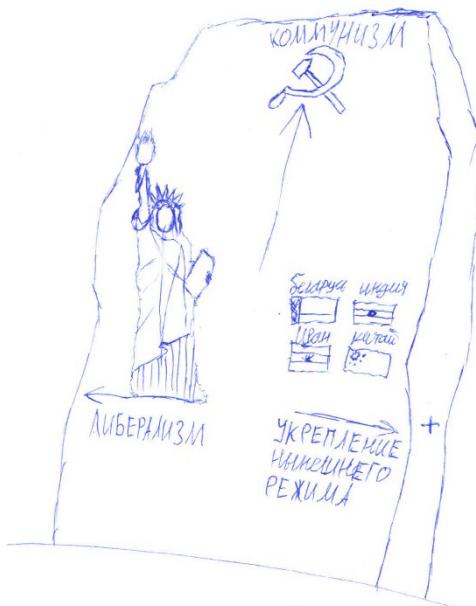

Рис. 2.

«Мир движется по пути многополярности и Россия – лидер этого движения, мы не восток и не запад, у нас свой уникальный путь» (Муж. 42 года. Москва)

Что касается старшего поколения, оно тоже не гомогенно в своих представлениях. Основные аспекты, которые артикулируются этой стратой, связаны с социальной политикой и восприятием ее будущего развития. Те граждане, которые уже опираются на социальный пакет, в целом оценивают будущее позитивно, их образ будущего преимущественно когнитивно бедный, они чаще других затруднялись описывать три варианта и останавливались на одном (см. рис. 3).

Но сложности и проблемы, связанные со слабой уверенностью в социальной поддержке в будущем, испытывают предпенсионеры. У части из них, особенно из малообеспеченных социальных слоев, затаилась обида на власть, лишившую их раннего выхода на пенсию и ужесточившую требования к назначению социальной пенсии и пенсии по старости.

Рис. 3.

«Россия будущего прекрасная, родная, душевная, умиротворенная, богатая, дружная, настоящая и самая прекрасная страна» (Жен. 64 года. Сузdalь)

Факторы политического контекста и медиаманипуляции

Доминирующий фактор среди данной группы – это динамика политических событий. Следует признать, что ритм политических изменений в мире и внутри страны действительно ускорился и для массового политического сознания фрагментарность и быстрое переключение с одного контекста на другой становится нормой. Так, при анализе материалов глубинных интервью были обнаружены отсылки к актуальной политической повестке, которые соответствовали наиболее свежим событиям, происходящим накануне или незадолго до беседы. Среди часто обсуждаемых респондентами событий, которые они нередко вплетали в описание вероятного будущего, были: «контраступление ВСУ», «зерновые сделки», «саммит Россия – Африка в Санкт-Петербурге», «мятеж Пригожина», «санкции», «церемония открытия Олимпийских игр-2024 в Париже», «теракт в Кросус Сити Холле», «вторжение ВСУ в Курскую область», «изменение ядерной доктрины России», «XVI саммит БРИКС в Казани», «разрешение Украине нанести удары по российской территории дальнобойными ракетами ATACMS»,

«победа Д. Трампа на выборах в США», «крушение танкеров в Керченском проливе» и некоторые другие. В рамках интервью задавался специальный вопрос о том, что помнят респонденты из числа событий, произошедших в конкретные временные промежутки с 2014 по 2024 г. (например, в августе 2024 года), и чем более отдаленным оказался период, тем меньше деталей помнили респонденты. В ходе исследования установлено (и это подтверждается датами проведения интервью), что доминирование сюжетов, например связанных с «ядерным ударом», приходится как раз на конец сентября 2024 г., когда СМИ активно освещали изменения в госполитике в области ядерного сдерживания, а также на вторую половину ноября 2024 г., когда в повестке дня было разрешение, данное Великобританией, Францией и США Украине на удары вглубь России.

А, например, сюжеты, описывающие реставрацию СССР, связаны с популярностью в новостной повестке 2023–2024 гг. тем, освещавших развитие отечественного производства, возрождение военной мощи государства и производящей экономики. Причем эти сценарии мы получили не только от пожилых граждан, имеющих длительный опыт проживания в СССР, но и от людей среднего возраста и молодежи (см. рис. 4).

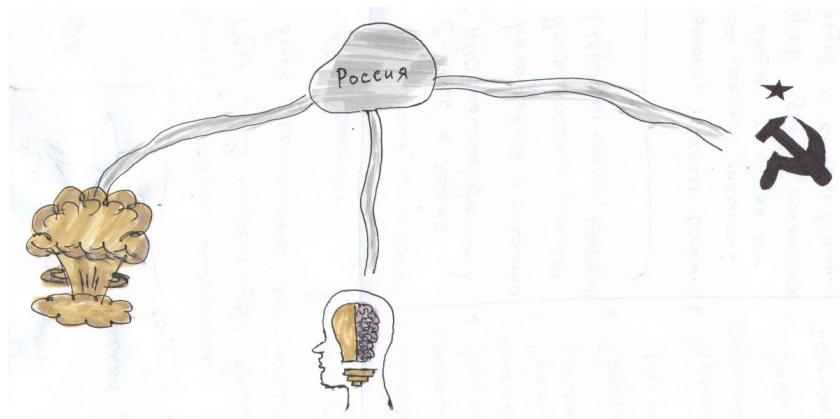

Рис. 4.

«У России только один верный путь, и Путин его реализует, он тайно возрождает социализм и справедливое общество, если не он, так нашу страну поработит искусственный интеллект или уничтожит Запад» (Жен. 54 года. Фрязино)

Необходимо отметить, что текущие события, связанные с СВО, а также мировой политикой, экстраполировались респондентами на будущее в контексте «победы» или «проигрыша» России. Проигрыш больше связывался с крахом всего мира («ядерной войной», «третьей мировой войной», «концом света»), а победа с восстановлением «Великой России» (см. рис. 5).

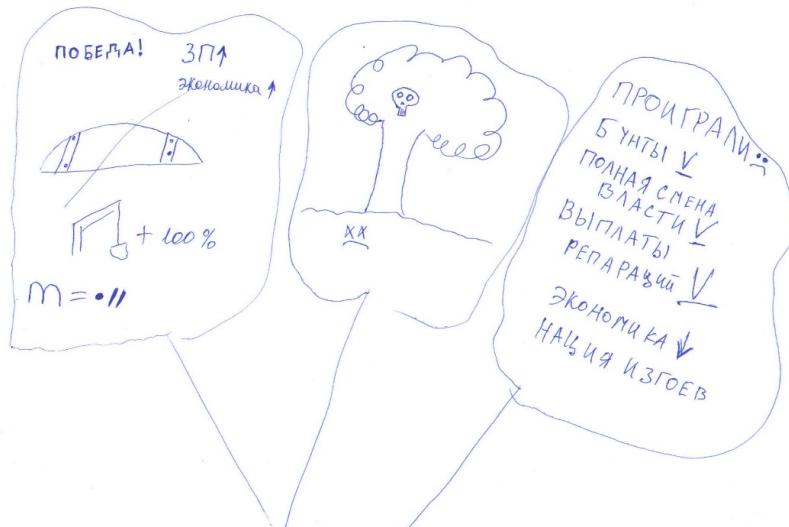

Рис. 5.

«Будущее России – это победа в СВО. Победа вернет России статус сверхдержавы, с ней станут считаться, нефть будут покупать по полной стоимости. Если не будет победы, значит у России не будет будущего, начнется мировая война»
(Жен. 45. Москва)

Новостная повестка, освещавшая события в США и международных отношениях, отражалась в сознании респондентов приписыванием США роли регулятора мировой политики и значимого игрока на международной арене. Так или иначе, США, в целом выступая в представлениях россиян в качестве врага или ненадежного соперника, очень часто присутствуют в сценариях будущего (см. рис. 6).

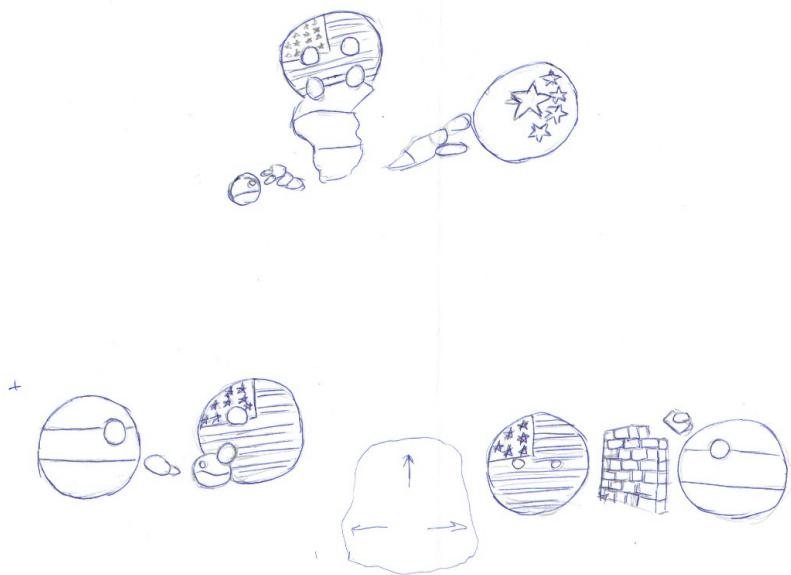

Рис. 6.

«Вариант один – США отдадут России исконно русские земли Украины, вариант два – США разорвут Россию и поделят между Евросоюзом и Украиной, вариант три – США задавят Россию санкциями, а Россия выстроит глухую стену и не будет взаимодействовать с США» (Муж. 38. Тверь)

Таким образом, события в сфере внутренней и международной политики, происходящие в настоящем, являются одной из призм, через которую граждане осмысливают будущее России. Нагнетание средствами массовой информации эмоций вокруг угроз применения ядерного оружия, атаки беспилотными летательными аппаратами, вторжения врага на территорию России, блокировки интернета и социальных сетей (мессенджеров), экономического кризиса, товарного (технологического, лекарственного) дефицита и других, в ситуации слабого доверия к СМИ и неуверенности в завтрашнем дне, вызывают в сознании россиян катастрофические картины будущего. Массовое сознание становится уязвимым и устремляется к упрощению, разделению мира на «черное и белое», т.е. эфемерный проигрыш в СВО выглядит как «конец российской истории», а победа – как мгновенный успех, без описания процесса

реализации данных сценариев, ресурсов и потенциалов, которые должны в таком случае быть реализованы. Интересно, что будущее воспринимается не как некий путь, протяженный во времени и связанный с планом продвижения к цели, а как уже достигнутая цель, или наоборот, достигнутый провал. Тут можно предположить, что как политические контексты, так и способы подачи информации о них СМИ, в современном мире построены таким образом, что люди не успевают концентрироваться на конкретных событиях долго, но также и не видят взаимосвязи между событиями. Поэтому текущий момент владеет их сознанием в большей степени, в то время как бремя пояснения прошлого и конструирования будущего лежит на соответствующих институтах (государстве, общественных организациях, армии, системах образования и культуры) и реализуемых ими политиках.

В-третьих, было определено, каким образом указанные факторы восприятия влияют на формирование стабилизационного сценария будущего развития России в сознании граждан. Тут необходимо сначала показать, какие сюжеты доминируют в представлениях россиян при описании ими вариантов будущего, и что они понимают под стабильностью и развитием России.

Мы выделили повторяющиеся сюжеты в сценариях будущего, среди которых были:

- «ядерный взрыв» – куда можно отнести и предполагаемый «конец света», и «третью мировую войну», «постоянные локальные войны в разных частях света», «вечную войну в России» и «исчезновение России» (ее распад), а также все варианты изоляции России от мира, нежелания зарубежных стран и народов иметь с ней контакты;

- «мир во всем мире» – куда можно отнести сюжеты о мировом лидерстве России, являющемся гарантом безопасности и процветания для всей планеты, сюжеты о дружбе всех стран и народов;

- «технологический рай» – куда можно отнести множество сюжетов о развитии цифровых технологий, компьютеризации, роботизации, и индустриальные прорывы для России, являющиеся вариантом настоящего «импортозамещения», а также развитие сервисного государства, комфортного для жителей и доступного для всех;

- «технологическая тюрьма» – куда можно отнести разные сюжеты, связанные как с «тотальным» цифровым контролем, отсутствием цифровых свобод (блокировками интернета и мессенджеров), неспособностью догнать прогрессивный мир в области

высоких технологий и вытекающее отсюда технологическое отставание.

Как видно, часть повторяющихся сюжетов имеет положительные коннотации, а другая часть – отрицательные. Но самый значительный блок сценариев представлен, скорее, отсутствием сюжета, сложностями в его представлении, а также описанием «застоя». Последний сюжет интересным образом связан с пониманием респондентами стабильности. В сознании россиян стабильность существует в прошлом, а не в будущем. Сложность осознания динамично происходящих событий как внутри региона, страны, так и в мире, нарушение личных планов, накапливающееся недовольство, которое не имеет конкретного источника выхода, тренд на замалчивание своих взглядов (об этом говорили более 80% респондентов) вынуждает граждан постоянно сравнивать текущее положение с прошлым и далее уже экстраполировать какие-то понятные им циклы смены хороших и плохих времен на будущее. Оценивая будущее позитивно, респонденты обычно находят в циклах прошлого негативные эпизоды и доказывают, что они преодолены уже сейчас и, значит, дальше будет еще лучше. Оценивая же будущее негативно, респонденты, наоборот, ищут в прошлом позитивные эпизоды и отмечают, что они делятся все короче и доказывают, что происходит накопление нерешенных проблем в будущем. Поэтому говоря о стабильности, предполагая сразу несколько вариантов будущего, респонденты или не видят ее вообще, или стремятся описать ситуацию, в которой накопленные проблемы будут разрешены (антикризисная стабильность) или хотя бы не будут накоплены новые проблемы, так как с текущими они уже научились жить.

В этой связи, на наш взгляд, основное препятствие для формирования стабилизационного сценария состоит в том, что, воспроизводя на вербальном уровне риторику «стабильности» последних десятилетий, респонденты смешивают разные категории, которые, с одной – могут означать «эволюцию» и «реформы», а с другой стороны «застой», «деградацию», «упадок» (см. рис. 7). Все это присваивается сценарию «стабильность». При этом респондентам довольно сложно соотнести в единой парадигме разные стабильности: стабильность 2000-х годов в сравнении с 1990-ми; стабильность 2011–2013 гг. в сравнении с 2008–2010 гг.; стабильность 2018–2019 гг. в сравнении с 2014–2016 гг.; стабильность 2023 г. в сравнении с 2022 г.; стабильность 2025 г. в сравнении с 2024 г. В любом случае, стабильность, в понимании россиян, это

некоторая форма консервации условий жизни, в которых понятно и привычно действовать, понятны «правила игры».

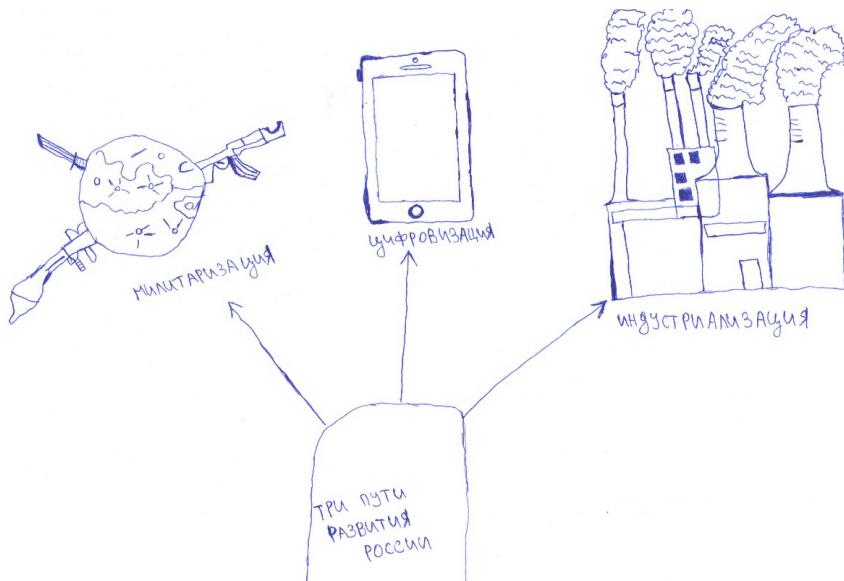

Рис. 7.

«У России много путей, без сильной армии ей никуда, без технологий тоже, и в изоляции необходимо возродить свое производство» (Муж. 48 лет. Гусь-Хрустальный)

Что касается вопроса о препятствиях формированию стабилизационного сценария в массовом сознании, то само восприятие стабильности как сохранения и консервации не допускает в данный сценарий сюжеты изменений, преодоления, развития, внедрения новшеств. Эти сюжеты вплотную связаны с положительным сценарием и экстраполируются из более отдаленного прошлого, чем сюжеты стабильности. Будущее развитие России, в представлениях респондентов, это реставрация Российской империи (менее 10%) или СССР (более 40%) со всеми их победами и достижениями (см. рис. 8).

Рис. 8.

*«Хочу, чтобы в будущем в России было стабильно.
Я не знаю, как, но чтобы не было таких испытаний,
я хочу отдохнуть, просто пожить, как человек»*
(Муж. 40 лет. Саратов)

Выводы

В заключение необходимо кратко обозначить основные выводы.

Во-первых, описаны доминирующие в сознании населения сценарии будущего развития России, среди которых представлены самые разные ретроориентированные сюжеты, катастрофические вариации, стабилизационный сценарий, который варьируется от ситуации, в которой ничего не происходит, до ситуации антикризисной деятельности государства, направленной на восстановление разрушенной экономики. Рассуждая о психологических механизмах восприятия и функционирования индивидуального и массового сознания, можно сделать вывод, что будущее страны, государства, общества и самой воспринимающей личности в условиях современной неопределенности структурируется в образ,

представляющий собой причудливую мозаику. При этом когнитивные и аффективные процессы, происходящие в сознании индивида, приводят к сбалансированной переработке поступающей информации и формированию у него рационализированного взгляда на будущее. Но на слабо осознаваемом уровне сознания моделируются такие варианты будущего развития, которые отражают его глубинные эмоциональные переживания различной модальности: страхи, тревоги, опасения, предубеждения, слабости, антипатии, симпатии, надежды, ожидания. Даже динамические эмоциональные реакции, такие, как гнев или агрессия, могут бессознательно переноситься на «образ будущего».

Мы обнаружили в рамках анализа полученных эмпирических данных, что «будущее» в сознании граждан существует как вариативный феномен и на осознаваемом, и на бессознательном уровне восприятия. Его различные вариации, которые мы назвали в данном исследовании «сценариями», существуют в одной и той же плоскости вероятности. То есть для наших респондентов все варианты неопределенного будущего, от наиболее катастрофических до максимально благополучных, от реалистичных до фантастических существуют в одной проекции реальности, одинаково реальны.

Во-вторых, описаны факторы субъективного характера, политического контекста и медиаманипуляции, которые одинаково сильно, но по-разному влияют на представления каждого поколения россиян. Молодежь сильнее подвержена информационной манипуляции, но проще справляется с частой сменой политического дискурса и потоком новостей. Люди среднего возраста в большей степени подвержены влиянию событийного контекста и в этой связи четче расколоты на подгруппы в зависимости от политических убеждений. Представления старшего поколения наиболее консервативны и подвержены стереотипизации.

В-третьих, описаны факторы как способствующие, так и препятствующие стабилизационному развитию общества, реализации его способности к адекватному реагированию на внешние вызовы в условиях высокой политической, экономической, социальной неопределенности. На современном этапе результаты интервью показывают нам некоторое улучшение психологического самочувствия респондентов, но говорить о том, что тревоги и страхи в массовом сознании полностью преодолены, еще очень рано. Скорее всего, высокая неопределенность и некоторая табуированность рассуждений в области политики движет массовое сознание к артикуляции позитива как надежды на светлое буду-

щее, но описать каким именно оно будет, могут немногие. Страх перед непредсказуемым будущим, слабая уверенность в завтрашнем дне увлекает массовое сознание к поиску такого типа стабильности, в которой скорее ничего не происходит, чем происходит уверенный рост.

Z.R. Usmanova*
Russia's future in the views of its citizens:
forming of a stabilization scenario in conditions
of high political uncertainty¹

Abstract. The article presents the results of an empirical study of Russians' ideas about the future development of Russia, conducted in 2023–2024. The findings were obtained by processing the texts of in-depth interviews, as well as graphic material from projective drawing tests using political psychology methods. The scenarios of Russia's future development that dominate in the minds of the population are described: "mobilization", "inertial", "innovative" and others, with special attention paid to the formation of the "stabilization" scenario. Imagining the future of Russia in a variety of ways, describing positive, negative, neutral in their emotional and event orientation plots, respondents demonstrated difficulties in understanding any of them as the most probable. The main problems in this case, according to the respondents themselves, are the high uncertainty of the future, the dynamics of modern life, growing anxiety about the possibility of deterioration of its conditions, the unpredictability of changes in the economic and political spheres both within the country and in the world. The search for a zone of psychological comfort by the mass consciousness occurs in various interpretations of stability. At the same time, the formation of ideas about the stability of the future is influenced by factors of a subjective nature, mainly related to the age of citizens, factors of the political context and media manipulations related to understanding the future through the prism of current events and their coverage by the media. An analysis of these factors allowed us to conclude that binary plots of the future, including "World War III" and "world peace", "technological paradise" and "technological prison" exist in the ideas of Russians as if simultaneously and are associated with the desire to achieve a "stable" future, in which there will be no such complex contradictions. The main obstacles to the formation of a stabilization scenario for the future are the differences in the understanding of stability by various social groups and the search for examples of such in the recent or distant past. It is noted that

* **Usmanova Zaira**, Financial University under the Government of the Russian Federation; INION (Moscow, Russia), e-mail: zrusmanova@fa.ru

¹ The article was prepared within the framework of topic No. 124101700553-5 "Russian citizens' ideas about the future of their country", implemented based on the results of the selection of scientific projects supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research.

the stabilization scenario performs the same function for all social groups of psychological protection from the fear of uncertainty about the future.

Keywords: mass political consciousness; image of the future; scenarios of the future of Russia; stabilization scenario; manipulation of mass consciousness; information and psychological threats.

For citation: Usmanova Z.R. Russia's future in the views of its citizens: formation of a stabilization scenario in conditions of high political uncertainty. *Political science (RU)*. 2025, N 4, P. 114–139. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.04.05>

References

- Batanina I.A., Lavrikova A.A., Shumilova O.E. The image of the future of the Russian Federation in the perception of the population: construction and identification. *Central Russian bulletin of social sciences*. 2024, N 4, P. 36–60. (In Russ.)
- Bouchat P., Cabecinhas R., Licata L., Charton M., Chryssochou X., Delouvée S., Erb H.-P., Facca L., Flassbeck C., Haas V., Kalampalikis N., Franc R., Mari S., Pavlovic T., Petrović N., Raudsepp M., Sá A., Sakki I., Sekerdej M., Taranczewski J., Telle N.-T., Valentim J.P., Wenzel A., Wnuk A., Hilton D. Social representations of European history by the European youth: A cross-country comparison. *Journal of social and political psychology*. 2023, Vol. 11, N 2, P. 606–622. DOI: <https://doi.org/10.5964/jspp.9805>
- Caplan B. Rational ignorance versus rational irrationality. *Kyklos*. 2001, Vol. 54, N 1, P. 3–26. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-6435.00138>
- Emelyanova T.P. *Social representations: history, theory and empirical research*. Moscow: Publishing house “Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences”, 2016, 476 p. (In Russ.)
- Figueiredo A., Martinovic B., Rees J., Licata L. Collective memories and present-day inter-group relations: introduction to the special thematic section. *Journal of social and political psychology*. 2018, Vol. 5, N 2, P. 694–706. DOI: <https://doi.org/10.5964/jspp.v5i2.895>
- Grosfeld E., Scheepers D., Cuyvers A., Ellemers N. The integration of subgroups at the supranational level: The relation between social identity, national threat, and perceived legitimacy of the EU. *Journal of social and political psychology*. 2022, Vol. 10, N 2, P. 607–623. DOI: <https://doi.org/10.5964/jspp.7917>
- Hadarics M., Szabó Z.P., Kende A. The relationship between collective narcissism and group-based moral exclusion: The mediating role of intergroup threat and social distance. *Journal of social and political psychology*. 2020, Vol. 8, N 2, P. 788–804. DOI: <https://doi.org/10.5964/jspp.v8i2.1178>
- Hakoköngäs E., Sakki I. Visualized collective memories: Social representations of history in images found in Finnish history textbooks. *Journal of community & applied social psychology*. 2016, Vol. 26, N 6, P. 496–517. DOI: <https://doi.org/doi:10.1002/casp.2276>
- Herrmann R.K., Voss J.F., Schooler T.Y.-E., Ciarrochi J. Images in international relations: an experimental test of cognitive Schemata. *International studies quarterly*. 1997, Vol. 41, N 3, P. 403–433. URL: <http://www.jstor.org/stable/2600790>

- Hilton D.J., Liu J.H. History as the narrative of a people: From function to structure and content. *Memory studies*. 2017, Vol. 10, N 3, P. 297–309. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750698017701612>
- Ilyicheva M.V. The image of the future of the country in the minds of Russian student youth: transformation in the context of change and crisis shocks. *Bulletin of Tula state university. Humanities*. 2023, N 3, P. 39–56. (In Russ.)
- Johnson J., Malinova O.Yu. Symbolic politics as a subject of political science and Russian studies: studies of the political use of the past in post-Soviet Russia. *Political science (RU)*. 2020, N 2, P. 15–41. (In Russ.)
- Khokhlov A.A. Ideas about the future in the collective consciousness of Russians. *Science. Culture. Society*. 2023, Vol. 29, N 4, P. 6–17. (In Russ.)
- Kolennikova N.D. Images of "Russia of the future" in the minds of citizens. *Sociological research*. 2023, N 10, P. 91–103. (In Russ.)
- Komarovskiy V.S. The future of Russia in the minds of student youth. *Bulletin of the Russian foundation for basic research. Humanities and social sciences*. 2020, N 5, P. 135–142. (In Russ.)
- Liu J.H., Sibley C.G. Representations of world history. In: Sammut G., Andreouli E., Gaskell G., Valsiner J. (eds). *The Cambridge handbook of social representations*. Cambridge: Cambridge university press, 2015, P. 269–279.
- Liu J.H., Zeineddine F.B., Choi S.Y., Zhang R.J., Vilar R., Páez D. Living historical memory: Associations with national identity, social dominance orientation, and system justification in 40 countries. *Journal of applied research in memory and cognition*. 2021, Vol. 10, N 1, P. 104–116. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0101789>
- Maksimova S.G., Atyasova N.Yu., Surtseva O.V., Shakhova E.V., Spirina A.S. The image of the future of Russia as a basis for positive identification of citizens. *Society and security insights*. 2021, Vol. 4, N 4, P. 77–94. (In Russ.)
- Markov A.P. Images and scenarios of the future in domestic humanitarian thought. *Bulletin of culture and arts*. 2023, N 1, P. 33–42. (In Russ.)
- Melville A.Yu., Timofeev I.N. 2020: Russian alternatives revisited. *Polity*. 2010, N 2, P. 42–64. (In Russ.)
- Moscovici S. *Le scandale de la pensée sociale (Textes inédits sur les représentations sociales réunis et préfacés par Nikos Kalampaklis)*. Paris: Editions de l'EHess, 2013, 319 p. DOI: <https://doi.org/10.4000/books.editionsehess.1883> (In French)
- Moscovici S. The phenomenon of social representations. In: Farr R., Moscovici S. (eds). *Social representations*. Cambridge: Cambridge university press, 1984, P. 3–69.
- Nestik T.A., Selezneva A.V., Shestopal E.B., Yurevich A.V. The problem of the psychological state of society and political processes in modern Russia. *Questions of psychology*. 2021, N 5, P. 3–14. (In Russ.)
- Roth J., Huber M., Juenger A., Liu J.H. It's about valence: historical continuity or historical discontinuity as a threat to social identity. *Journal of social and political psychology*. 2017, Vol. 5, N 2, P. 320–341. DOI: <https://doi.org/10.5964/jspp.v5i2.677>
- Samarkina I.V., Bashmakov I.S., Kolozov D.P. The image of the future in the subjective space of politics of new citizens of the Russian Federation: the experience of an empirical study of the youth of new regions. *Bulletin of RUDN. Series: Political science*. 2024, N 2, P. 373–388. (In Russ.)

- Selezneva A.V. (eds). *National-state identity in the mirror of political psychology: theory, methodology, research perspectives* / Arutyunyan K.N., Belokonev S.Yu., Gabdrakhmanova L.A. [et al.]. Moscow: Akvilon, 2025, 234 p. (In Russ.)
- Shaikhislamov R.B., Asadullina G.R., Sadretdinova E.V. The image of Russia of the present and future in the ideas of young people: meaning-gemes in the context of new challenges and opportunities. *Society and security insights*. 2023, Vol. 6, N 1, P. 13–31. (In Russ.)
- Shestopal E.B. (eds). «THEY» and «WE»: *images of Russia and the world in the decisions of Russian citizens*. Moscow: Political Encyclopedia, 2021, 423 p. (In Russ.)
- Shestopal E.B., Rogach N.N. Stages of transformation of the psychological state of Russian society: political and psychological analysis. *Political examination: POLITEX*. 2023, N 2, P. 150–165. (In Russ.)
- Shmelev N.P. Russia in 50 years: possible scenarios for the future. *Modern Europe*. 2006, N 1, P. 5–24. (In Russ.)
- Smul'kina N.V., Rogach N.N. Images of the past, present and future of Russia: the symbolic dimension. *Contours of global transformations: politics, economics, law*. 2022, N 5, P. 89–106. (In Russ.)
- Titov V.V. Formation of the image of the future in modern Russia: mass dynamics and the role of the state. *Society: politics, economics, law*. 2024, N 4, P. 14–19. (In Russ.)
- Usmanova Z.R. Citizens' ideas about scenarios for Russia's future development in conditions of high uncertainty. *Humanities. Bulletin of the financial university*. 2025, N 3, P. 6–12. DOI: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2025-15-3-6-12> (In Russ.)
- Usmanova Z.R., Smulkina N.V. Actualization of images of the past in citizens' ideas about the future of Russia. *Political science*. 2023, N 2, P. 254–272. (In Russ.)
- Velikaya N.M. (eds). *The image of the future in the prism of sociological measurements*. Moscow: Mir Nauki, 2023, 320 p. (In Russ.)
- Vereshchagina A.V. The image of Russia in the present and future in the views of the inhabitants of Crimea. *Humanitarian of the south of Russia*. 2024, Vol. 13, N 4, P. 152–164. (In Russ.)
- Wagoner B. Collective remembering as a process of social representation. In: Sammut G., Andreouli E., Gaskell G., Valsiner J. (eds). *The Cambridge handbook of social representations*. Cambridge: Cambridge university press, 2015, P. 143–162. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781107323650.013>

Литература на русском языке

- Батанина И.А., Лаврикова А.А., Шумилова О.Е. Образ будущего Российской Федерации в восприятии населения: конструирование и идентификация // Среднерусский вестник общественных наук. – 2024. – № 4. – С. 36–60. – DOI: <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2024-19-4-36-60>
- Верещагина А.В. Образ России в настоящем и будущем в представлениях жителей Крыма // Гуманитарий Юга России. – 2024. – № 4. – С. 152–164. – DOI: <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2024.4.11>
- Джонсон Дж., Малинова О.Ю. Символическая политика как предмет political science и Russian studies: исследования политического использования прошлого

- в постсоветской России // Политическая наука. – 2020. – № 2. – С. 15–41. – DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2020.02.01>
- Емельянова Т.П.* Социальные представления: история, теория и эмпирические исследования. – М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2016. – 476 с.
- Ильичева М.В.* Образ будущего страны в представлениях студенческой молодежи России: трансформация в условиях перемен и кризисных потрясений // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2023. – № 3. – С. 39–56. – DOI: <https://doi.org/10.24412/2071-6141-2023-3-39-56>
- Коленникова Н.Д.* Образы «России будущего» в представлениях граждан // Социологические исследования. – 2023. – № 10. – С. 91–103. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250028307-0>
- Комаровский В.С.* Будущее России в представлениях студенческой молодежи // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. – 2020. – № 5. – С. 135–142. – DOI: <https://doi.org/10.22204/2587-8956-2020-102-05-135-142>
- Марков А.П.* Образы и сценарии будущего в отечественной гуманитарной мысли // Вестник культуры и искусств. – 2023. – № 1. – С. 33–42.
- Мельвиль А.Ю., Тимофеев И.Н.* 2020: российские альтернативы revisited // Полития. – 2010. – № 2. – С. 42–64.
- Национально-государственная идентичность в зеркале политической психологии: теория, методология, исследовательские ракурсы / К.Н. Арутюнян, С.Ю. Белоконев, Л.А. Габдрахманова [и др.]; под общ. ред. А.В. Селезневой. – М.: Аквилон, 2025. – 234 с.
- Образ будущего в призме социологических измерений / М.Б. Буланова, Н.М. Великая, О.В. Гребняк [и др.]; отв. ред. Н.М. Великая; ИСПИ ФНИСЦ РАН. – М.: Мир Науки, 2023. – 320 с. – DOI: <https://doi.org/10.15862/978-5-907731-42-4>
- Образ будущего России как основа для позитивной идентификации граждан / С.Г. Максимова, Н.Ю. Амясова, О.В. Суртаева, Е.В. Шахова, А.С. Спирнина // Society and security insights. – 2021. – № 4. – С. 77–94. – DOI: [https://doi.org/10.14258/ssi\(2021\)4-05](https://doi.org/10.14258/ssi(2021)4-05)
- «ОНИ» и «МЫ»: образы России и мира в сознании российских граждан: коллективная монография / под ред. Е.Б. Шестопал. – М.: Политическая энциклопедия, 2021. – 423 с.
- Проблема психологического состояния общества и политических процессов в современной России / Т.А. Нестик, А.В. Селезнева, Е.Б. Шестопал, А.В. Юревич // Вопросы психологии. – 2021. – № 5. – С. 3–14.
- Самаркина И.В., Башмаков И.С., Колозов Д.П.* Образ будущего в субъективном пространстве политики новых граждан РФ: опыт эмпирического исследования молодежи новых регионов // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2024. – № 2. – С. 373–388. – DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-373-388>
- Смулькина Н.В., Рогач Н.Н.* Образы прошлого, настоящего и будущего России: символическое измерение // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2022. – № 5. – С. 89–106. – DOI: <https://doi.org/10.31249/kgt/2022.05.05>
- Титов В.В.* Формирование образа будущего в современной России: массовая динамика и роль государства // Общество: политика, экономика, право. – 2024. – № 4. – С. 14–19. – DOI: <https://doi.org/10.24158/pep.2024.4.1>

- Усманова З.Р., Смулькина Н.В. Актуализация образов прошлого в представлениях граждан о будущем России // Политическая наука. – 2023. – № 2. – С. 254–272. – DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2023.02.11>
- Усманова З.Р. Представления граждан о сценариях будущего развития России в условиях высокой неопределенности // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2025. – № 3. – С. 6–12. – DOI: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2025-15-3-6-12>
- Хохлов А.А. Представления о будущем в коллективном сознании россиян // Наука. Культура. Общество. – 2023. – № 4. – С. 6–17. – DOI: <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.1>
- Шайхисламов Р.Б., Асадуллина Г.Р., Садретдинова Э.В. Образ России настоящего и будущего в представлениях юношества: смыслогемы в условиях новых вызовов и возможностей // Society and security insights. – 2023. – № 1. – С. 13–31. – DOI: [https://doi.org/10.14258/ssi\(2023\)1-01](https://doi.org/10.14258/ssi(2023)1-01)
- Шестопал Е.Б., Рогач Н.Н. Этапы трансформации психологического состояния российского общества: политico-психологический анализ // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2023. – № 2. – С. 150–165. – DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.201>
- Шмелёв Н.П. Россия через 50 лет: возможные сценарии будущего // Современная Европа. – 2006. – № 1. – С. 5–24.

Е.Ю. ЦУМАРОВА*

**МЕЖДУ ГОРДОСТЬЮ И БЕЗРАЗЛИЧИЕМ:
ЭМОЦИИ В ОТНОШЕНИИ РОССИЙСКОЙ НАЦИИ
В ПЕРИОД ПЕРЕМЕН**

Аннотация. Статья посвящена анализу эмоционального компонента национальной идентичности в России. Автор задается вопросом о том, как российские граждане эмоционально проживают свою принадлежность к российской нации в условиях политических трансформаций, и как эти эмоции конвертируются в поведенческие практики. Теоретическая основа статьи состоит из нескольких исследовательских направлений: повседневного национализма, политики идентичности и аффективного гражданства, а также роли эмоций в коллективных действиях. Эмоции в отношении нации рассматриваются как сложный феномен, формируемый под воздействием деятельности политических акторов и повседневных практик обычных людей. Эмпирическую базу исследования составили 32 полуструктурированных интервью с российскими гражданами, которые были проведены зимой – весной 2024 г., что позволило выявить как краткосрочные эмоциональные реакции на политические события, так и более устойчивые чувства к национальному сообществу. Результаты продемонстрировали комплексность, многозначность и вариативность эмоций в отношении нации. Люди одновременно испытывают множество чувств, некоторые из которых могут противоречить друг другу. В то же время одни и те же эмоции (например, гордость или страх) могут быть связаны с разными феноменами и иметь позитивный или негативный оттенок. Кроме того, эмоции рассматривались в связи с поведенческими практиками российских граждан. Исследование продемонстрировало нелинейный характер этой взаимосвязи, так как одни и те же эмоции в различных сочетаниях проявляются в противоположных практиках. Предлагаемое автором объяснение связывает вариативность конвертации эмоций в повседневные прак-

* Цумарова Елена Юрьевна, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительных политических исследований ФМОПИ СЗИУ, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: tsumarova@gmail.com

тики с опытом политической социализации и политической активности граждан, а также с проводимой политикой идентичности.

Ключевые слова: нация; повседневный национализм; идентичность; эмоции; гордость; национальное безразличие; Россия.

Для цитирования: Цумарова Е.Ю. Между гордостью и безразличием: эмоции в отношении российской нации в период перемен // Политическая наука. – 2025. – № 4. – С. 140–160. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.04.06>

Введение

Политические события актуализируют существующие идентичности. Особенно ярко это проявляется тогда, когда события прямо или косвенно затрагивают всех членов общества и глубинные основания представлений о себе и своей родине. За последние три года российское общество столкнулось с целым рядом внутренних и внешних вызовов, которые заставили задуматься о том, что значит быть гражданином России. Как отмечают Е. Шестопал и Н. Рогач, «в сознании общества происходят... фундаментальные сдвиги», которые «приводят к переоценке многих представлений и ценностей... и к формированию нового взгляда на Россию» [Шестопал, Рогач, 2022, с. 46].

При этом в литературе отсутствует консенсус относительно масштабов и направления трансформации чувства принадлежности. Ряд исследователей отмечают тенденцию к усилению чувства гордости¹ [Пушкирева, 2023], другие – скорее говорят о тревоге или апатии как реакции на быстро меняющийся контекст [Звоновский, Ходыкин, 2023]. Вместе с тем эмоциональные реакции на значимые политические события оказывают влияние и на повседневные практики россиян, включая их взаимодействие с государством и согражданами. Как подчеркивает Марта Нуссбаум, нация представляет собой один из важнейших объектов политических эмоций, поскольку «является самым большим элементом, который достаточно подчиняется голосам людей и способен выражать их желание устанавливать выбранные ими законы», а патриотические эмоции выступают «необходимой опорой для ценных проектов, предполагающих жертвенность ради других» [Нуссбаум, 2023, с. 38, 311].

¹ Гордость и спокойная уверенность: какие эмоции у россиян вызывает их гражданство // Высшая школа экономики. – 2023. – Декабрь. – Режим доступа: <https://cs.hse.ru/news/community/881176114.html> (дата посещения: 20.06.2025).

В статье я фокусируюсь на эмоциональном аспекте национальной идентичности, проявляемой на повседневном уровне. Я задаюсь вопросами о том, как российские граждане интерпретируют и эмоционально проживают свою принадлежность к российской нации в условиях политических трансформаций, и как эти эмоции конвертируются в поведенческие практики. Основываясь на тезисе о конструируемой природе нации и национальной идентичности, я обращаюсь к политико-психологическому подходу в изучении образа государства и гражданственности [Селезнева, Азарнова, 2020; Шестопал, Смулькина, Морозикова, 2019], а также к исследованиям повседневного национализма [Fox, Miller-Idriss, 2008; Биллиг, 2007], чтобы оценить преломление политических событий и публичных нарративов на уровне эмоций и практик отдельных индивидов. Кроме того, я использую концепции аффективных сообществ для выявления роли эмоций в формировании национальной идентичности и коллективных действий [Hutchison, 2016; Hoggett, Thompson, 2012; Zhelnina, 2020; Jasper, 2011].

Эмоциональная жизнь нации: теоретические основания исследования

Отправной точкой исследования является рассмотрение нации как политического сообщества, связывающего органы управления и население посредством института гражданства [Tilly, 1994]. Как отмечает Дж. Бройи, гражданство позволило политическим элитам выделить коллективную сущность общества и сформировать эмоциональную привязанность к нации для консолидации и мобилизации граждан и легитимации собственной власти [Brewilly, 1993]. Кроме того, нация рассматривается как результат политики идентичности, то есть целенаправленной деятельности политических акторов по формированию сообщества и чувства принадлежности к нему. Политика идентичности включает в себя формирование образа мы – сообщества и конструирование границ «свой» – «чужой» посредством символизации и ритуализации принадлежности к сообществу. В то же время политические акторы зачастую обращаются и к эмоциям как важному ресурсу легитимации политических решений и / или мобилизации населения [Illouz, 2023]. Управление посредством эмоций (*govern through affect*) таким образом можно рассматривать как еще один инструмент конструирования национальной идентичности.

Политика аффекта фокусируется на эмоциональной стороне гражданства и идентичности. Как подчеркивает Б. Аята, политика аффективного гражданства направлена на формирование своеобразного контракта между государственными институтами и гражданами, который содержит набор разделяемых ценностей и эмоций в отношении государства, делающих людей «правильными гражданами» [Ayata, 2019]. Политические акторы уделяют особое внимание патриотическому воспитанию, направленному на формирование «настоящего патриота», соответствующего интересам и ценностям государства [Stewart, 2024; Селезнева, 2017; Нуссбаум, 2023]. Кроме того, эта политика опирается на эмоциональное проживание сопричастности не только к органам управления, но и другим членам нации, а также позволяет формировать образ так называемых внутренних других.

В то же время исследования повседневного национализма показывают, что члены нации не являются простыми потребителями транслируемого политическими элитами нарратива, включая практики аффективного гражданства. Напротив, они рассматривают комплексную природу национального сообщества [Kaufmann, 2017], которое создается в том числе «обычными» гражданами посредством повседневных практик и эмоциональных инвестиций. Члены национального сообщества могут адаптировать, оспаривать, разделять или отрицать доминирующую интерпретацию идентичности как на когнитивном, так и на эмоциональном и поведенческом уровне. При этом чувства людей в отношении нации зачастую амбивалентны, сложны и противоречивы [Miller-Idriss, Rothenberg, 2012; Heinrich, 2012]. Люди одновременно могут испытывать гордость и стыд, воодушевление и негодование, радость и грусть, что будет проявляться, в том числе, в их поведенческих практиках. Как показывает Дж. Джаспер, эмоции определяют наши цели, поведение, вовлеченность или отстраненность от политики [Jasper, 2011], и, соответственно, и наше восприятие национального сообщества.

Эмоции в отношении нации можно вслед за Джаспером разделить на краткосрочные эмоциональные реакции и устойчивые чувства [Jasper, 2019]. Краткосрочные эмоциональные реакции, такие как страх, злость, отвращение, удивление, шок, радость и др., являются во многом автоматическими, неосознаваемыми ответами индивида на какие-то значимые события или информацию. Они могут проявляться в разных формах поведения: от активных действий до, напротив, замирания и отказа от любых вариантов активности. Устойчивые чувства, к которым Джаспер относит

эмоциональные обязательства (*emotional commitment*) и моральные эмоции (*moral emotions*), напрямую связаны с конкретными объектами, в том числе снацией, и служат основанием выбора поведенческих стратегий. К эмоциональным обязательствам Джаспер относит любовь, причастность, солидарность, ненависть, симпатию / антипатию, доверие / недоверие, тревогу, уважение или презрение (неуважение). В свою очередь моральные эмоции рассматриваются им как чувство принятия / неприятия событий или институтов, основанное на моральных принципах. В этом смысле Джаспер разделяет эмоции в отношении себя (стыд, вина, гордость) и других (ярость, возмущение, сострадание, восхищение).

Кризисные ситуации обостряют эмоциональную связь снацией. При этом направление данной трансформации может быть разным. Так, некоторые исследования показывают, что успешное преодоление кризиса, достижения государства или его представителей в какой-то сфере часто сопровождаются эффектом сплочения вокруг флага (*rally around the flag*) и резким всплеском чувства гордости за нацию [Казун, 2017; Obradović, Howarth, 2018; Greene, Robertson, 2022]. При этом другие авторы описывают феномен национального безразличия как реакцию граждан на активную деятельность государства по поддержанию патриотизма и эмоциональной мобилизации [Zahra, 2010; Kivimäki, Suodenjoki, Vahtikari, 2023].

Таким образом, эмоциональный компонент национальной идентичности представляет собой комплексный феномен, находящийся под воздействием как проводимой политическими акторами политики идентичности, так и краткосрочных реакций, и устойчивых чувств по поводу нации обычных людей. В то же время эмоции неотделимы от поведенческих практик, что особенно ярко проявляется во время политических трансформаций, актуализирующих принадлежность к национальному сообществу.

Методология эмпирического исследования

Исследование основывается на качественной методологии, в основу которого легли 32 полуструктурированных интервью с «обычными» гражданами России¹. Интервью проводились зимой – весной 2024 г., что позволило выявить более устойчивые эмоции в

¹ Я благодарю Антона П. и Элину К. за помощь в поиске информантов и проведении интервью.

отношении национального сообщества на фоне длящегося периода трансформаций. Отбор информантов осуществлялся по методу снежного кома [Cohen, Arieli, 2011] с использованием нескольких точек входа для обеспечения относительно равномерной представленности различных социальных групп [Жидкевич, 2016]. Итоговая выборка включает в себя 15 мужчин и 17 женщин разных возрастных групп (от 18 до 72 лет) и социальных статусов (безработные, руководители крупных компаний, общественники, работники сферы услуг и пр.). Кроме того, информанты представляют разные регионы страны (от Республики Карелия и Архангельской области до Ростовской области и Республики Бурятия), что также позволило получить более сбалансированные результаты.

Гайд интервью включал в себя несколько блоков, связанных как с биографией информанта и опытом его политической активности до 2022 г., так и с оценкой респондентами своей эмоциональной связи с Россией и согражданами, трансформации этой связи в последние два года, а также восприятия будущего своего и страны в целом. Продолжительность интервью варьировалась от 30 минут до 2,5 часа, в среднем одно интервью длилось около часа. Транскрипты интервью анонимизировались и анализировались методом открытого кодирования в программе Taquette.

Кодирование осуществлялось на основе методологии анализа эмоций в политических протестах, разработанной Дж. Джаспером и адаптированной А. Желниной [Jasper, 2019; Zhelnina, 2020]. При этом в процессе кодирования внимание уделялось как краткосрочным эмоциональным реакциям, связанными с конкретными политическими событиями, так и более устойчивым эмоциям. Такой подход позволил оценить относительно стабильные чувства информантов по отношению к нации как к политическому сообществу и проследить взаимосвязь эмоций и поведенческих практик.

Вслед за А. Желниной я обращала внимание как на прямое выражение эмоций, так и на более широкий контекст высказывания. Зачастую информанты не называли свои эмоции или чувства, в таком случае кодирование осуществлялось на основе анализа используемых экспрессивных слов и выражений и общего контекста¹. Кроме того, некоторые фрагменты были маркированы как содержащие эмоции, хотя они и не выражены информантами явным образом. Например, приведенная ниже цитата была закодирована как «тревога», поскольку респондент использует эмоционально

¹ Фрагмент кодировочной книги представлен в приложении 1.

окрашенные фразы, такие как «перестал понимать», «нельзя ничего запланировать», что в общем контексте интервью преподносилось как тревога за будущее и страх неопределенности:

«Я перестал просто понимать именно, кто я сам такой, чего хочу, потому что обрубилось резко... Горизонт планирования стал в районе пары недель. Нельзя ничего запланировать из-за этого, ты просто не понимаешь: как можешь выстроить свое будущее, где ты хочешь находиться, как?» (м., 25 лет, Самара).

Безусловно, такой подход имеет ряд ограничений. Во-первых, людям, как правило, сложно вербализовать свое отношение к нации как к довольно абстрактной сущности [Miller-Idriss, Rothenberg, 2012]. В интервью довольно часто проводилось разграничение между государством и страной, к которым респонденты испытывают разные эмоции (см. также: [Селезнева, Азарнова, 2020]). Во-вторых, при кодировании мы можем переоценивать или недооценивать эмоциональную сторону принадлежности. Несколько снизить это ограничение позволяет более широкий взгляд на интервью в целом, контекст его проведения и используемую респондентами лексику. Как правило, сильная эмоциональная связь с нацией (вне зависимости от характера этой связи) ярко проявляется на протяжении всего интервью, в том числе в темпе речи, эмоциональных реакциях (смех, слезы и др.). Наконец, еще одним ограничением является многозначность эмоций: как будет показано дальше, одна и та же эмоция (например, страх или гордость) может быть связана с разными объектами и обозначать разный тип связи с нацией. Преодолеть эту многозначность позволяет выделение субкатегорий анализа для более точного кодирования эмоций.

Репертуар эмоций по поводу нации

События 2022 г. актуализировали разговор о национальной идентичности. Несмотря на то что политика идентичности в России активизировалась значительно раньше [Sharafutdinova, 2022], именно объявление В. Путиным начала специальной военной операции стало отправной точкой больших дискуссий о патриотизме и о принадлежности к национальному сообществу. Недавние исследования показывают, что процесс переосмыслиния национальной идентичности происходит как на уровне политических акторов [Малинова, 2023], так и обычных граждан [Звоновский, Ходыкин, 2023].

Анализ эмоциональной стороны проживания принадлежности к российской нации на индивидуальном уровне показал большую палитру чувств и эмоций. При этом эмоциональные реакции непосредственно на события перемежаются с более устойчивыми чувствами, связанными, в том числе, с оценкой принимаемых органами управления решений. В момент событий (начало СВО и частичной мобилизации) подавляющее большинство информантов испытывало тревогу, страх, шок или апатию, что объясняется неординарностью и значительностью происходящих изменений. При этом эти эмоции не всегда объяснялись через призму принадлежности к российской нации. Лишь в нескольких случаях информанты напрямую связывали эмоциональные реакции с гражданством и чувством причастности к политическому сообществу: «...для меня было это неожиданно в той степени, что я уже думал, этого не произойдет. И мы (российское государство. – Прим. мое – Е.Ц.) пойдем по стороне переговоров. И, скорее, удивление от того, что ну на такой шаг решились, оно вот имело место быть» (м., 35 лет, Москва); «Я не могу сказать, что у меня пропала любовь к своей родине или к людям, которые меня окружают. Это просто совместилось с чувством ужаса, вот всеобъемлющего, несправедливости, боли какой-то, горя» (ж., 24 года, Оренбург). В то же время присоединение к России четырех новых регионов преимущественно не вызвало значимых эмоциональных реакций, в отличие от присоединения Крыма в 2014 г.: «...не знаю, спокойно как-то. Как будто его (присоединения. – Прим. мое – Е.Ц.) и не было» (ж., 27 лет, Тюмень).

Более устойчивые эмоции в отношении нации варьируются от гордости, любви и ответственности до стыда, страха и безразличия (рис. 1). При этом каждая из этих эмоций проявляется в разных контекстах и комбинациях, что не позволяет однозначно рассматривать их как позитивные или негативные.

Результаты анализа демонстрируют, что одной из наиболее часто встречающихся эмоций является страх. При этом страх в интервью представлен в нескольких вариантах: страх из-за ужесточения политического режима, страх неопределенности и страх за судьбу государства. Так, часть информантов проживают свою принадлежность к нации как небезопасную, государство воспринимается ими как потенциальный источник угроз: «...я чувствую себя в своём государстве небезопасно, скажем так. И с каждым годом это чувство ещё больше усиливается, о том, что оно есть, такое перманентное чувство» (ж., 36 лет, Улан-Удэ). Кроме того, чувство

неопределенности наряду с ощущением невозможности оказывать влияние на принимаемые решения также описывается в терминах страха / тревоги: «...никакого планирования будущего вообще нету, то есть пытаюсь какие-то планы составлять для себя, там, типа на месяц вперед или еще что-то, но это все так туманно» (м., 26 лет, Архангельск).

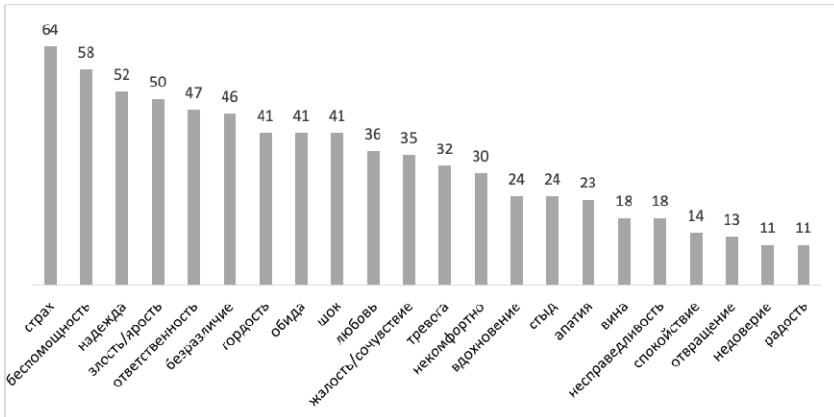

Рис. 1.
Наиболее часто встречающиеся в интервью эмоции

В то же время для другой части респондентов страх во многом связан с воспринимаемой угрозой утраты национальной идентичности и государственного суверенитета: «...был страх от того, что было сообщено о том, что первое, что собирались они делать и наши президент опередил их ровно на сутки – это напасть на Ростов, на Ростовскую область» (ж., 41 год, Ростов-на-Дону); «...если вот католики, они выбирают все однополые браки у них. Разве могут они быть нашими братьями, собратьями? Понятно, что печально, что у нас идет такая война, брат на брата. Но если они на стороне вот таких вот вещей, мы не можем на это смотреть сложа руки. Мы должны хранить свои традиции прежде всего, чтобы не было вымирания» (ж., 46 лет, Воронеж).

В приведенных выше фрагментах страх может рассматриваться скорее как положительная эмоция в отношении нации, поскольку демонстрирует тесную связь людей с политическим сообществом и свидетельствует о принятии официального нарратива.

Другими словами, по отношению к нации страх имеет как негативную, так и позитивную коннотацию.

Страх и тревога часто соседствуют с ощущением беспомощности, с одной стороны, и надеждой – с другой. В частности, респонденты подчеркивают, что чувство бессилия от невозможности повлиять на принимаемые решения укрепляет страх неопределенности и ощущение небезопасности: «...все это уже дико надоело, дико от этого устал. Хочется стабильности, спокойствия, чтобы можно было планировать просто свою жизнь. А не... не понимать, что ты можешь сделать, а что не можешь» (м., 25 лет, Самара). При этом для других информантов страх за нацию соединяется с надеждой на мудрое руководство и благополучное разрешение кризисной ситуации: «...то, что сейчас происходит, для меня это немножечко, вы знаете, я вам скажу, может быть, покажется странным, как очищение. Вот как шелуха. А чтобы очиститься, надо пройти через боль. Гнойник надо вскрыть. Он за десятилетия нагнил у нас сильно. Если предателей там не будет, то у России – хорошее будущее, я в это верю» (ж., 46 лет, Воронеж).

Такая же сложная картина связана с чувством гордости. Некоторые информанты рассматривают гордость как нечто, связанное только с индивидуальными заслугами, и не связывают его с национальным сообществом: «...вот (люди говорят. – Прим. мое – Е.Ц.) я горжусь, что я родился в России. Да твоё дело маленькое, да? Вот. Ты мог родиться, не знаю, где-нибудь там, в Антарктиде, там, в племени папуасов. От тебя ничего не зависит. Чем ты тут гордишься? Ты это что-то сделал? Вот. Я так понимаю, что, если я там в своем городе, не знаю, лавочку покрасила там, на субботник вышла, было грязно, стало чисто. Или там еще что-нибудь» (ж., 72 года, Новочеркасск). В то же время другие респонденты испытывают гордость за государство, рассматривая текущую ситуацию как преодоление травмы распада СССР и «унижения» 1990-х годов: «Гордость за то, что все-таки, да, Россию снова начали признавать там, в чем-то слушать. И я думаю, начнут еще больше слушать. И не из-за агрессии, а из-за правильности действий» (м., 44 года, Красноярск); «...я так думаю, что Россия набирает какую-то силу, выходит из-под этого колониального гнета, может быть, уже давно и вышла» (ж., 44 года, Ростов-на-Дону). В таком случае гордость является моральной эмоцией, связанной с одобрением действий политического руководства. Кроме того, чувство гордости выражается в описании национального сообщества в целом: «...мы сильнее, мы умнее, у нас генетический

код гораздо выше, у нас нравственность в том состоянии, в котором нужно, то есть у нас “родитель 1, родитель 2”, мы не говорим своим детям о том, что нужно сменить пол, мы за ценность, за семью, за... аж задыхаюсь...» (ж., 41 год, Ростов-на-Дону); «...для меня Россия это, ну, пространство моих возможностей, которое позволило мне реализоваться так, как я хочу, позволило мне заниматься тем, чем я хочу, то есть, и я не чувствую, скажем, вот, каких-то ограничений в этом, то есть, я, чего хотела, я достигла, а чего хочу, я достигаю» (ж., 49 лет, Тюмень).

Наконец, еще один вариант ощущения гордости касается в большей степени сограждан, которые успешно адаптируются к переменам: «...у меня есть огромное чувство гордости и вдохновения. Я не знаю, это эмоция или нет. Но это чувство и чувство поддержки. Потому что я вижу, как... люди держатся» (ж., 46 лет, СПб); «...гордость почему – потому что пусть еле-еле, но народ, мне кажется, начинает просыпаться. Мы наконец-то вспомним, что мы можем сами те же гвозди производить, ту же бумагу там, или еще что-то» (ж., 46 лет, Воронеж).

Чувство гордости ожидаемо сочетается с любовью к национальному сообществу, вдохновением, надеждой на будущее: «...русский человек – он с народом, у него шире как-то кругозор. Он прежде всего, он любит свою Родину» (ж., 40 лет, Воронеж); «...добро всегда побеждает зло, мы победим, у нас нет выбора, мы так же, как в Великую Отечественную войну, наши все девушки, бабушки, прадеды, пррабушки, они с вилами защищали, а у нас оружие есть хоть какое-то. Мы отстоим» (ж., 41 год, Ростов-на-Дону). При этом стоит отметить, что все же, в большинстве случаев, любовь используется для описания чувств к России как культурному сообществу (стране), которое отделяется от сообщества политического. Показательно высказывание респондента из Ростова-на-Дону: «...есть родина да, это вот место, которое мы все любим, и я разделяю “родина” и “государство” и как бы не все, что делает государство мне нравится, не все я разделяю... Но в целом, я свою страну люблю и жить бы в другой стране я бы не смог точно» (м., 24 года, Ростов-на-Дону).

В то же время принадлежность к государству у информантов связывается с понятием ответственности. При этом ответственность также рассматривается сквозь несколько призм, что во многом обусловливается опытом политической социализации [Heinrich, 2012]. В частности, ответственность понимается как обязанность гражданина, патриотизм в смысле поддержки государства здесь и сейчас:

«...любой человек, обладающий гражданством... кроме прав, который он получает в силу наличия такого гражданства, имеет некоторые обязанности. Обязанность защищать государство – это статья Конституции» (м., 35 лет, Москва); «если она Россия сейчас хромая, больная, прежде всего мы должны быть с ней... и выбор в профессии должен быть для того, чтобы быть полезным своей стране, своему отечеству» (ж., 40 лет, Воронеж).

Кроме того, ответственность определяется в терминах сопричастности за принимаемые решения – «я чувствую, что, да, ответственность у меня есть. Как гражданина своей страны, я отвечаю за действия своей страны» (м., 62 года, Петрозаводск). Парадоксальным образом ответственность иногда сочетается с чувствами беспомощности и недоверия политическим институтам. Респонденты отмечают необходимость «отдавать долг» государству за хорошее образование и другие возможности, даже если ты не можешь повлиять на политику: «...принимаешь для себя позицию принятия этой ситуации, что ты же не можешь ее как-то изменить эту ситуацию, да. То есть, ты просто должен проживать эту ситуацию, вот, продолжая, скажем, вести свою работу, то есть, ты здесь вот поставлен в данный момент, и тебе нужно, как бы, достойно выполнять свою работу» (ж., 49 лет, Тюмень). В другом случае отсутствие доверия не мешает информанту оперировать понятием ответственности перед национальным сообществом: «...в принципе доверие, в том числе и к выборам, оно подзакончилось... (но. – Прим. Е.Ц.) я знаю, что я могу повлиять на какие-то вопросы, связанные со многими гражданами, ну, не знаю, по крайней мере, моего окружения» (м., 44 года, Красноярск). Также восприятие ответственности как сопричастности в ряде случаев комбинируется со стыдом: «...мне хотелось бы не чувствовать связь с Россией, это было бы очень удобно, мне кажется, потому что можно было бы не нести какую-то ответственность за то, что делается от моего имени прямо сейчас» (ж., 21 год, Екатеринбург).

Еще одно понимание ответственности направлено в будущее и фреймируется как желание укрепить / сохранить страну для молодого поколения: «...мое чувство ответственности ... открывает мне дверь и показывает мне дорогу к тому, что можно сделать. Ответственность и чувство ответственности дает мне возможность искать ответы на вопрос: а что лично я могу сделать против этой ситуации?» (ж., 46 лет, Санкт-Петербург).

Однако не все респонденты выражали эмоциональную связь с нацией. Для части из них было характерно национальное безразличие – отсутствие позитивных или негативных чувств по поводу национального сообщества. Как правило, такие респонденты говорили об апатии, нейтралитете, спокойствии или отсутствии эмоций в принципе: «...я не помню такого момента, чтобы мне самой прям сильно хотелось так голосовать и так далее. Такого прям желания особо не было. Ну я как-то нейтрально, мне кажется, ко всему этому отношусь» (ж., 27 лет, Тюмень). Безразличие при этом иногда связывалось с беспомощностью и, одновременно, принятием ситуации, то есть являлось своеобразным проявлением лояльности государству: «...какая есть Россия в такой и будем жить, от отдельно взятой личности ничего не зависит, только можем охать, ахать и дальние жить» (ж., 44 года, Ростов-на-Дону).

В других случаях национальное безразличие объяснялось чувством принадлежности к более крупным сообществам, хотя при этом респонденты не отказывались от признания юридической связи с Россией. Например, информантка из Новочеркасска, с одной стороны, говорит об ответственности как гражданки России, но дальше подчеркивает отсутствие связанных с этим гражданством эмоций: «...я, как бы, понимаю, что я тоже ответственна, просто потому что я вот... гражданин этого государства... никаких у меня эмоций нет, у меня паспорт Российской Федерации. Может быть, у меня ощущение, как-то, что я такой безродный космополит» (ж., 72 года, Новочеркасск).

Таким образом, анализ показал вариативность, сложность и комплексность эмоциональной связи российских граждан с нацией. Люди одновременно испытывают противоречивые чувства, что может быть связано как с их опытом социализации и политической активности, так и с моделями информационного потребления, социальным окружением и (не)поддержкой политического режима. В то же время эта амбивалентность показывает эмоциональную работу по адаптации к ситуации постоянных изменений и влияет на поведенческие практики россиян.

От эмоций к (без)действию

Эмоциональный компонент идентичности является своего рода «мостом» между тем, что мы знаем о нации, и как мы действуем в качестве членов национального сообщества. При этом взаимосвязь

эмоций и поведения не является линейной и предопределенной. Исследование показало, что одни и те же эмоции могут сочетаться с принципиально разными повседневными практиками.

Наличие устойчивых эмоций в отношении нации часто, но не всегда, сочетается с эмоциональными обязательствами и способствует коллективным действиям, вне зависимости от оценки конкретных решений российских властей и характера самих эмоций. Ответственность за действия государства и одновременно гордость за принадлежность к нему у ряда респондентов выражается в волонтерской деятельности, связанной с поддержкой решений правительства. Так, информант из Москвы, рассматривающий принадлежность к России через призму гражданства, видит свою ответственность в посильной помощи государству: «...в силу своей деятельности у меня есть возможность оказывать поддержку ВПК, вот, скажем так, на, в общем-то, безвозмездной основе. Я в этом деле. И чем могу помочь ВПК отечественному, тем помогаю» (м., 35 лет, Москва). Для некоторых информантов именно начало СВО стало отправной точкой проявления эмоциональной связи с нацией, как в случае с респонденткой из Воронежа, которая рассматривает текущую ситуацию как момент преодоления кризиса 1990-х годов: «...я занимаюсь, вот, кстати, как раз-таки гуманитарной помощью. Вот езжу на границу туда, в Сватово была, в Лисичанске была. Вот. Туда, бойцов посещаю и детские приюты» (ж., 40 лет, Воронеж). В других случаях информанты говорят о готовности действовать, но на практике чувства гордости и принадлежности не конвертируются в конкретные действия. Например, молодой человек из Ростова-на-Дону в интервью говорит о гордости за Россию и готовности отдавать долг как военнообязанный, но далее в интервью уже озвучивает сомнения: «...я сейчас погорячился, сказав, что пойду, я, знаешь, ответил не подумав сейчас, как-то моментально. А я-то понимаю, что у меня сестра маленькая. Если что случится с папой, с бабушкой, она на мои плечи упадет полностью» (м., 20 лет, Ростов-на-Дону).

У группы информантов ответственность сосуществует с проживанием принадлежности как чего-то небезопасного – «страха у меня много» – но при этом ответственность как члена политического сообщества «побеждает» страх и находит свое воплощение в повседневных практиках: «...я вижу себя здесь, я хочу быть полезна в своей стране. Я на самом деле считаю, что я полезна, несмотря на то что руководство страны сейчас думает совсем не так» (ж., 46 лет, Санкт-Петербург). Кроме того, ответственность

иногда оказывается важнее национального безразличия. Даже отсутствие устойчивой эмоциональной связи с нацией при признании связи институциональной (гражданство) может способствовать мобилизации: «...вот это вот ощущение: делай, что должно и пусть будет, что будет, оно как-то вот очень сильно есть, особенно в последнее время, когда ты думаешь, что ты можешь сделать сегодня» (ж., 72 года, Новочеркасск).

Теоретически ожидалось, что чувство гордости также будет скорее способствовать коллективным действиям. Однако исследование показало, что в ситуации, когда чувство гордости сочетается с ощущением бессилия и / или недоверием к органам управления, оно демобилизует. Одна из информанток, которая на протяжении всего интервью говорила о гордости и любви к национальному сообществу, при этом отметила, что у нее «нет пока таких позывов... как волонтеры гуманитарку всякую возят, еще что-то, чем помочь», поскольку «пока живем, нас никуда не вызвали, никуда не активировали, живем и живем» (ж., 44 года, Ростов-на-Дону). Еще один информант объясняет отсутствие каких-либо действий через семейную метафору государства, рассматривая граждан как неразумных детей, которым надо просто слушаться «взрослых»: «...есть этот руководящий состав нашей страны, который знает гораздо больше и у него полномочий гораздо больше, настолько больше, что мне, знаете, маленькому механизму вообще не понять ни принципа, ни логики, на что все это опирается. Мне никто ни о чем не рассказывает» (м., 33 года, Тюмень).

Пассивность граждан в основном сопровождается национальным безразличием, апатией и ощущением бессилия. Так, информанты,apelлирующие к нейтралитету как базовой эмоции, говорят об избегании любых форм политической активности и стремлении фокусироваться на частной жизни: «...если даже вот человек что-то начинает где-то свое мнение прям яростно высказывать, выговаривать, я отхожу в сторонку. Не хочу в этом участвовать. Ну то есть участвовать в том, что человек будет мне рассказывать свое мнение и так далее» (ж., 27 лет, Тюмень). При этом для части информантов отсутствие эмоциональной связи с национальным сообществом в целом компенсируется сильной региональной идентичностью, которая оказывается более мобилизующей: «...я, конечно, россиянка, да, там все такое, но глобально мне более интересно, что ли, более лучше развиваться [смеется] в республике. Вот, и хотелось бы продвигать большую республику, наверное, чем вот типа быть за всю Россию, там ти-

на ответственной. Как будто хочется немножко окуклиться» (ж., 36 лет, Улан-Удэ); «я себя, ну, лет с 15 идентифицирую как сибиряк. Моя принадлежность к какой национальности – я сибиряк. Даже в 2010 году была перепись населения я себя так указал. Не как россиянина» (м., 37 лет, Тюмень). Другими словами, национальное безразличие принимает разные формы, объединяемые декларируемым дистанцированием от эмоциональной связи с нацией.

Вариативность конвертации эмоций в повседневные практики может быть связана с опытом политической социализации. В частности, данные показывают, что принятие ответственности, побуждающей к действию, в большей степени характерно для информантов с опытом активистской, волонтерской или журналистской деятельности. При этом возраст или политические взгляды здесь оказываются менее значимым: схожая палитра эмоциональных реакций и поведенческих практик наблюдается у людей разных возрастов и идеологий. Чувство гордости, которое не всегда приводит к активным действиям, чаще проявляется у информантов, чья социализация прошла в советское время и / или в чьем ближайшем окружении есть люди с военным образованием / опытом. Как правило, гордость за нацию у них связывается с преодолением кризиса 1990-х годов. В то же время такой нарратив встречается и у более молодого поколения, что может свидетельствовать об эффективности проводимой государством политики идентичности. Наконец, национальное безразличие и синдром апатии [Zhelnina, 2020] в политических практиках ярче выражен у информантов, чья социализация пришлась на 2000–2010 годы с характерными для этого периода практиками деполитизации и демобилизации [Журавлев, 2015].

Заключение

Данное исследование было сфокусировано на эмоциональной стороне национальной принадлежности. Эмоции в отношении нации рассматривались в контексте серьезных трансформаций политической ситуации после 2022 г. При этом внимание уделялось не только краткосрочным реакциям людей на происходившие события, но и относительно устойчивым чувствам по отношению к национальному сообществу. Среди быстрых эмоциональных реакций на объявление о начале СВО и частичной мобилизации ожидали доминировали тревога, шок и страх, которые тем не менее у

ряда информантов сочетались с надеждой и спокойствием. Но вость же о присоединении к России четырех регионов преимущественно не сопровождалась особыми эмоциями.

В целом исследование показало комплексность, противоречивость и многозначность эмоций в отношении российской нации. Люди одновременно испытывают страх и гордость, любовь и стыд, ответственность и бессилие, надежду и отчаяние. При этом каждая из этих эмоций развертывается в нескольких плоскостях, и может быть как позитивно, так и негативно окрашенной именно по отношению к нации. Так, часто встречаемое чувство страха рассматривается как ощущение небезопасности со стороны государства с одной стороны, а с другой – как тревога за судьбу государства и национального сообщества в целом. Кроме того, анализ интервью показал эмоциональную работу по нормализации кризисной ситуации, что проявляется в сложных и зачастую противоречивых комбинациях испытываемых чувств.

Эмоции в исследовании рассматривались как один из предикторов политического поведения. Результаты продемонстрировали, что чаще всего в политические практики конвертируется принятие ответственности как члена нации. Ответственность оказывается более значимой даже при наличии страха, чувства бессилия и национального безразличия. Вместе с тем чувство гордости далеко не всегда побуждает к действию. За частую, говоря о гордости, информанты демонстрируют лояльность органам власти, во многом повторяя транслируемый нарратив, однако при этом не проявляют инициативу. Пассивность граждан преимущественно сочетается с отсутствием эмоциональной связи с нацией, чувством бессилия и страха. В этом случае концентрация на частной сфере становится способом сохранить контроль хотя бы над какими-то аспектами жизни и преодолеть неприятные эмоции, связанные с политическими событиями.

Разнообразие эмоций и связанных с ними поведенческих практик может быть объяснено опытом политической социализации и политической активности. Кроме того, исследование показывает значимость проводимой государством политики идентичности: информанты воспроизводят доминирующие нарративы даже при декларируемом недоверию. В то же время оценить роль политических акторов и более широкого политического контекста в формировании эмоций в отношении нации в рамках одной статьи не представляется возможным, что открывает широкий простор для дальнейших исследований. Эмоции в отношении нации многогранны, подвержены большому количеству факторов, и при этом сами влияют на по-

литические практики. Их изучение позволяет оценить эффекты политики идентичности и проявления повседневного национализма, степень консолидации или разобщенности национального сообщества, потенциал преодоления кризисных ситуаций и поддержания стабильности в условиях политических трансформаций.

E.Yu. Tsumarova*
Between proud and indifference:
emotions toward Russian nation in unsettled time

Abstract. The article analyses the emotional aspect of national identity in Russia. The author asks how citizens experience and express their sense of belonging to the Russian nation during periods of significant political change. The article's theoretical framework lies at the intersection of several research areas, including everyday nationalism, identity politics, affective citizenship and the role of emotions in collective action. The article views emotions relating to the nation as a complex phenomenon, shaped by the actions of political figures and the daily practices of ordinary citizens. The study's empirical basis comprised 32 semi-structured interviews with Russian citizens conducted from winter to spring 2024. This enabled the identification of both short-term emotional responses to political events and more enduring sentiments towards the national community. The results revealed the complexity, ambivalence and variability of emotions towards the nation. People experience many feelings simultaneously, some of which may be contradictory. At the same time, the same emotions (such as pride or fear) can be associated with different phenomena and have positive or negative connotations. Additionally, emotions were considered in relation to the behavioral practices of Russian citizens. The study demonstrated the non-linear nature of this relationship, showing that the same emotions, when manifested in different combinations, lead to opposite practices. The author's proposed explanation links the variability of how emotions are converted into everyday practices with the citizens' experience of political socialization and political activity, as well as the pursued identity politics.

Keywords: nation; everyday nationhood; identity; emotions; proud; national indifference; Russia.

For citation: Tsumarova E.Yu. Between proud and indifference: emotions toward Russian nation in unsettled time. *Political science (RU)*. 2025, N 4, P. 140–160.
DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.04.06>

References

- Ayata B. Affective citizenship. In: Slaby J., Von Scheve Ch. (eds). *Affective societies. Key concepts*. London: Routledge, 2019, P. 330–339.
- Billig M. Everyday reminder of the Homeland. *Logos*. 2007, Vol. 1, P. 34–71. (In Russ.)
- Breuilly J. *Nationalism and the state*. Manchester: Manchester university press, 1993, 482 p.

* **Tsumarova Elena**, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russia), e-mail: tsumarova@gmail.com

- Cohen N., Tamar A. Field research in conflict environments: methodological challenges and snowball sampling. *Journal of peace research*. 2011, N 48 (4), P. 423–435. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022343311405698>
- Fox J.E., Miller–Idriss C. Everyday nationhood. *Ethnicities*. 2008, N 8 (4), P. 536–563.
- Greene S., Robertson G. Affect and autocracy: emotions and attitudes in Russia after Crimea. *Perspectives on politics*. 2020, N 20 (1), P. 38–52.
- Heinrich H.A. Emotions toward the Nation. In: Salzborn S., Davidov E., Reinecke J. (eds). *Methods, theories, and empirical applications in the social sciences*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2012, P. 227–234. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-531-18898-0_28
- Hoggett P., Simon T. *Politics and the emotions: The affective turn in contemporary political studies*. New York: Bloomsbury publishing USA, 2012, 248 p.
- Hutchison E. *Affective communities in world politics*. Cambridge university press, 2016, Vol. 140, 378 p.
- Illouz E. *The emotional life of populism: How fear, disgust, resentment, and love undermine democracy*. Cambridge: Polity Press, 2023, 232 p.
- Jasper J.M. Emotions and social movements: twenty years of theory and research. *Annual review of sociology*. 2011, N 37 (1), P. 285–303. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-081309-150015>
- Jasper J.M. *The emotions of protest*. Chicago, London: University of Chicago press, 2019, 282 p.
- Kaufmann E. Complexity and nationalism. *Nations and nationalism*. 2017, N 23 (1), P. 6–25. DOI: <https://doi.org/10.1111/nana.12270>
- Kazun A.D. «Rally around the flag». How and why support of the authorities grows during international conflicts and tragedies? *Polis. Political studies*. 2017, N 1, P. 136–146. (In Russ.)
- Kivimäki V., Suodenjoki S., Vahtikari T. National indifferences during everyday nationalism: Experiencing the nation in Finland in the aftermath of the Second World War. *Nations and nationalism*. 2023, N 29 (3), P. 873–887.
- Malinova O.Yu. Memory of the 1990s as resource of adaptation to new crisis: analysis of Russian media discourses. *Politeia*. 2023, N 3 (110), P. 91–114. (In Russ.)
- Miller-Idriss C., Rothenberg B. Ambivalence, pride and shame: conceptualisations of German Nationhood. *Nations and nationalism*. 2012, N 18 (1), P. 132–135. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1469-8129.2011.00498.x>
- Nussbaum M. *Political emotions. Why love matters for justice*. Moscow: New literary review, 2023, 632 p. (In Russ.)
- Obradović S., Howarth C. The power of politics: how political leaders in Serbia discursively manage identity continuity and political change to shape the future of the nation. *European journal of social psychology*. 2018, N 48 (1), P. 25–35. DOI: <https://doi.org/10.1002/ejsp.2277>
- Pushkareva G.V. Russian identity: tested by the geopolitical crisis. *The Authority*. 2023, N 31 (2), P. 139–146. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i2.9551> (In Russ.)
- Selezneva A. Patriotism as a political value: political-psychological analysis. *Tomsk state university journal*. 2017, N 38, P. 200–208. DOI: <https://doi.org/10.17223/1998863X/38/20> (In Russ.)
- Selezneva A.V., Azarnova A.A. “Birth of a Citizen”: political and psychological analysis of Russian high school students’ civic consciousness. *Polis. Political studies*. 2020, N 5, P. 101–113. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.08> (In Russ.)

- Shestopal E.B., Rogach N.N. Images of the present and future in the political mentality of its citizens. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2022, N 6, P. 45–61. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869049922060041> (In Russ.)
- Shestopal E.B., Smulkina N.V., Morozikova I.V. Comparative analysis of one's own country images in Russian regions. *Comparative politics Russia*. 2019, N 3, P. 74–94. DOI: <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2019-10031> (In Russ.)
- Sharafutdinova G. Public opinion formation and group identity: the politics of national identity salience in post-Crimea Russia. *Problems of post-communism*. 2022, N 69 (3), P. 219–31.
- Stewart K.L. *Legitimizing nationalism: political identity in Russia's ethnic republics*. Madison, Wisconsin: University of Wisconsin Press, 2024, 293 p.
- Tilly Ch. States and nationalism in Europe 1492–1992. *Theory and society*. 1994, Vol. 23, N 1, P. 131–146.
- Zahra T. Imagined noncommunities: national indifference as a category of analysis. *Slavic review*. 2010, N 69 (1), P. 93–119.
- Zheltnina A. The apathy syndrome: How we are trained not to care about politics. *Social problems*. 2020, N 67 (2), P. 358–378.
- Zhidkevich N. Domestic temporary labor migrants in Russia: a social portrait. *The journal of sociology and social anthropology*. 2016, N 19 (1), P. 73–89. (In Russ.)
- Zhuravlev O. Inertia of post-Soviet depoliticization and politicization of 2011–2012. In: Erpyleva S., Magun A. (eds). *Politika apolitichnykh: grazhdanskie dvizheniya v Rossii 2011–2013 godov*. Moscow: New literary review, 2015, P. 27–70. (In Russ.)
- Zvonovskij V.B., Hodykin A.V. A state event and personal tragedies: is special operations becoming a collective trauma for Russians? *Sociodigger*. 2023, N 4 (1–2), P. 37–47. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Биллиг М.* Повседневное напоминание о Родине // Логос. – 2007. – № 1. – С. 34–71.
- Жидкевич Н.Н.* Социальный портрет современного российского отходника // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2016. – № 19 (1). – С. 73–89.
- Журавлев О.* Инерция постсоветской деполитизации и политизация 2011–2012 годов // Политика аполитичных: гражданские движения в России 2011–2013 годов / под ред. С. Ерпилевой, А. Магун. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – С. 27–70.
- Звоновский В.Б., Ходыкин А.В.* Государственное событие и личные трагедии: становится ли спецоперация коллективной травмой для россиян? // Социодиггер. – 2023. – № 4 (1–2). – С. 37–47.
- Казун А.* Эффект “rally around the flag”. Как и почему растет поддержка власти во время трагедий и международных конфликтов? // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 1. – С. 136–146.
- Малинова О.Ю.* Память о 90-х как ресурс адаптации к новому кризису: анализ дискурсов российских СМИ // Полития. Анализ, хроника, прогноз. – 2023. – № 3 (110). – С. 91–114.
- Нуссбаум М.* Политические эмоции: почему любовь важна для справедливости. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – 632 с.

- Пушкирева Г.В.* Российская идентичность: испытание geopolитическим кризисом // Власть. – 2023. – № 31 (2). – С. 139–46.
- Селезнева А.В.* Патриотизм как политическая ценность: политико-психологический анализ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2017. – № 38. – С. 200–208.
- Селезнева А.В., Азарнова А.А.* Рождение гражданина: политико-психологический анализ гражданственности российских старшеклассников // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 5. – С. 101–113.
- Шестopal Е.Б., Рогач Н.Н.* Образы настоящего и будущего России в политическом сознании ее граждан // Общественные науки и современность. – 2022. – № 6. – С. 45–61.
- Шестopal Е.Б., Смулькина Н.В., Морозикова И.В.* Сравнительный анализ образов своей страны у жителей российских регионов // Сравнительная политика. – 2019. – № 10 (3). – С. 74–94.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Фрагмент кодировочной книги

Эмоции	Речевые маркеры
Надежда	хотелось бы думать, это же здорово, может быть, будет хорошо
Ответственность	мог что-то изменить, ответственность, могу что-то делать, моя страна
Гордость	мы уникальные, только мы так можем, ни у кого такого нет
Любовь	люблю, мне очень дороги, важны
Жалость / Сострадание	сочувствие, мне их жалко
Вдохновение	это хорошо, это здорово, это нормально, очень поддерживающее, и слава богу, принятие
Радость	официально, радостно, наконец-то, здорово
Уважение	прям крутые, респект, уважение
Безразличие	нейтралитет, мне все равно, ну значит так надо, прошло мимо, не заметила, особо никак не реагировал
Апатия	была фрустрирована, ничего не могла делать, скроллить ленту, сидела и молчала, была заторможена
Спокойствие	мне нормально, мне ок, я с этим могу жить, спокойно
Страх	страшно, непонятно, что будет, чего ждать?
Грусть / Отчаяние	мне грустно, печально, расстраивает, сильно расстроилась, бессмысленно, зачем?
Беспомощность	бессилие, от меня ничего не зависит, невозможность повлиять, маленький человек
Шок	состояние шока, я была в шоке, шок, полный шок, не понимала, что происходит
Обида	мне не нравится, задевает, обижает, неприятный осадок
Злость / Ярость	я злюсь, бесит, во мне просто буря негативных эмоций, возмущение
Тревога	это кошмар, стресс, мне было тревожно, я тревожилась, переживала

ИНТЕРВЬЮ

«ГЛАВНАЯ ФУНКЦИЯ НАШЕЙ НАУКИ – ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ»: ИНТЕРВЬЮ

**А.В. СЕЛЕЗНЕВОЙ С Е.Б. ШЕСТОПАЛ,
ПРОФЕССОРОМ МГУ имени М.В. ЛОМОНОСОВА**

Для цитирования: «Главная функция нашей науки – психотерапевтическая»: интервью А.В. Селезневой с Е.Б. Шестопал, профессором МГУ имени М.В. Ломоносова // Политическая наука. – 2025. – № 4. – С. 161–173. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.04.07>

А.В. Селезнева. Дорогая Елена Борисовна, спасибо большое, что вы согласились дать нам интервью. Первый вопрос, который я хотела бы вам задать, носит понятийный характер. В научном дискурсе используются понятия «политическая психология» и «психология политики». Это тождественные понятия или разные? Что они обозначают и в каких контекстах они могут быть использованы?

Е.Б. Шестопал. Это вопрос исключительно личного выбора исследователя. Был такой политический психолог Александр Иванович Юрьев. Он использовал понятие «психология политики» и считал, что это совсем не то же самое, что политическая психология [Юрьев, 1992]. У него был свой резон на этот счет. Он говорил о том, что слово «психология», если оно ключевое, то это психологический взгляд на политику. А если наоборот, то ключевым словом является «политика» и, следовательно, это исследование политолога, который использует психологические инструменты или интересуется психологическими аспектами. Что касается меня, то я и в своих учебниках [Шестопал, 2018; 2022], и в других публикациях [Шестопал, 2013; 2019 б] всегда исхожу из того, что не так важно, как это называть, важно то, про что эта наука. На са-

мом деле главное, что и как ты изучаешь, а не то, как ты это называешь. Потому что на самом деле можно заниматься политической психологией и в сфере психологии, и в сфере политологии. Вот на нашей кафедре и в нашей научной школе мы все-таки себя идентифицируем как политологи – специалисты в области политической психологии. От этого мы и отталкиваемся, когда говорим о предмете своей дисциплины. Нам психология нужна для того, чтобы понимать политические процессы, политических акторов, массовое сознание, почему и как оно реагирует на политику. Если же вы занимаетесь психологией, то для вас политическая психология – это просто одна из прикладных областей психологии, которая показывает, как психологические закономерности проявляют себя в сфере политики. Точно так же, например, экономическая психология будет интересоваться экономикой ровно в той степени, в какой экономика подтверждает или опровергает те психологические закономерности, которые были открыты ранее. На мой взгляд, то, чем мы занимаемся, это политическая наука, а политическая психология – одна из ее субдисциплин. И отсюда акцент делается на политическом процессе и политической системе, в которых нас интересует то самое человеческое измерение, которое, собственно говоря, под словом «психология» обычно и понимают.

А.В. Селезнева. Спасибо. В масштабах вечности политическая психология – наука молодая. Относительно, конечно.

Е.Б. Шестопал. Есть уже и помоложе.

А.В. Селезнева. Согласна. Но даже если мы посмотрим на политическую психологию в общемировом масштабе, то наша отечественная исследовательская традиция занимает в этом промежутке времени довольно значительный отрезок. С начала 1990-х годов или даже с конца 1980-х годов у нас формируется и развивается собственная исследовательская традиция, разные школы и так далее. Вот как вам видится, что наша национальная политическая психология или отечественная политическая психология дала общемировой или вообще политической психологии?

Е.Б. Шестопал. Вы знаете, это очень сложный вопрос. Оценивая вклад национальной школы политической науки в мировом масштабе, я, честно говоря, вряд ли смогу дать всеобъемлющий ответ. Что касается политической психологии, здесь все не совсем так, как в других политологических субдисциплинах. Например, первые работы по политической психологии были написаны еще в начале 1980-х. Вот наша первая с Ю.А. Шерковиным статья в журнале «Вопросы психологии» вышла в 1980-м году [Шерковин,

Столбун, 1980]. Одна из первых описательных статей о том, чем занимается политическая психология, была написана психологом С.К. Роциным [Роцин, 1980]. Это был 1981 год. То есть, в отличие от многих других субдисциплин, для которых было характерно «догоняющее развитие», политическая психология в нашей стране начала развиваться примерно в то же самое время, что и в развитых странах Запада – в европейских странах, в США. Поэтому с этой точки зрения у нас и отставания-то и не было. В 1980-е годы трудились и вносили свой вклад в современную политическую науку, хотя она тогда официально не была признана, Юрий Александрович Шерковин, Герман Германович Дилигенский, Владимир Израилевич Гантман и его дочь Екатерина Владимировна Егорова-Гантман. В частности, Г.Г. Дилигенский занимался настоящей политической психологией, хотя называл ее социально-политической психологией [Дилигенский, 1996]. Или Игорь Михайлович Бунин, который написал книгу о французской буржуазии [Бунин, 1978], будучи историком. Но то, что он там писал, это чистая политическая психология. Важно, что предмет этот у отечественных исследователей вызывал интерес уже в 1980-е годы. На самом деле, если говорить о предтечах, о тех, кто, так сказать, создавал саму основу, на которой потом выросла политическая психология, то нельзя не упомянуть и Юрия Александровича Замошкина, и Игоря Семеновича Кона, и Владимира Александровича Ядова, и Андрея Григорьевича Здравомыслова, и многих-многих других историков, философов, политологов, психологов и социологов, которые работали на стыке дисциплин и использовали знания психологии для понимания политических процессов.

Вы задали вопрос о том, какой вклад отечественная политическая психология вносила, вносит и будет вносить в мировой исследовательский дискурс. Я считаю, это, прежде всего, проблематика, связанная с образами, с восприятием, которая на протяжении последних 30 лет вызывала наш с вами интерес. Я бы сказала так – ничего подобного нет в развитии политической психологии в США. Про Европу я просто молчу, потому что там пустыня с этой точки зрения. Там вообще политической психологии до сих пор почти нет, есть отдельные научные школы, отдельные имена. А у нас этим занимались очень серьезно. И вот когда приходится общаться с коллегами за рубежом и рассказывать о наших исследованиях на конференциях, в каких-то встречах научных и так далее, то они с огромным интересом слушают, более того, приглашают читать лекции. Я с этими лекциями обхехала полмира, и

вездে это вызывало огромный интерес. На конференциях Международного общества политических психологов (International Society of Political Psychology, ISPP) наша тематика всегда вызывает живейший интерес. Книга, которую мы опубликовали в России в 2015 г., называлась «Путин 3.0. Общество и власть в новейшей истории России» [Путин 3.0..., 2015]. В США ее захотели перевести, но испугались слова «Путин» в названии, поэтому перевели и опубликовали, сместив акценты в названии [Shestopal, 2016]. Как видим, интерес есть, и думаю, что наш вклад в мировую политическую психологию весьма солидный.

Помимо проблематики политического восприятия, важно отметить исследования ценностей, которыми Вы занимаетесь. Есть несколько исследователей, которые всерьез этим занимались, но скорее в сфере психологии и социологии, чем политологии. Причем то, что у нас делается и издается [Селезнева, 2019], ничуть не ниже по качеству, чем за рубежом.

Если говорить, какие еще есть значимые области политической психологии, это то, что мы делаем по лидерству, те две монографии по психологии лидеров и элит, которые у нас вышли [Человеческий капитал..., 2012; Современная элита России..., 2015]. Они вполне могут считаться серьезным вкладом в изучение этой проблематики.

Но про лидерство мы, может быть, отдельно как-то скажем, потому что, на самом деле, это та самая проблематика, которая всегда находилась в центре предмета политической психологии. Ни одна другая политологическая субдисциплина столько не сделала для изучения лидерства, сколько политическая психология. Вообще очень много работ, посвященных лидерству, было и у нас, и в мире в 1960–1980-е годы. Потом интерес очень сильно снизился. Причем это произошло не случайно, а в силу доминирования либеральной идеологии, которая исходила из того, что там, где лидерство, – там авторитаризм, а там, где институты, – там демократия. И поэтому лидеры не так важны, как институты. Но жизнь все поправила, и поправила настолько мощно, что теперь американцы в полной мере имеют дело с лидерством Трампа. Стало совершенно очевидно, что сменился лидер – сменился курс. А сменился курс – сменилась вся политическая система. И тогда встал вопрос о причинах. Рассуждения об этом, причем, прежде всего, многочисленные рассуждения журналистов, показывают, что они ничего не понимают: не понимают, как вообще это работает. Но это и невозможно понять, если не копнуть хотя бы чуть-чуть

поглубже личностную составляющую лидерства. Это не означает, что институты не важны, но в ситуациях кризисов, войн, глубинной трансформации политической системы без понимания феномена лидерства мы вообще ничего не можем объяснить. Я уже не говорю о том, чтобы спрогнозировать что-то.

А.В. Селезнева. *Спасибо. В продолжение темы про восприятие. Вы на кафедре в рамках своей научной школы больше 30 лет очень фундаментально – концептуально и методологически – с огромным массивом эмпирических данных изучаете политическое восприятие. Что за эти годы вам удалось понять про российское общество? Про то, как люди видят власть, лидеров, отдельные институты и страну в целом? Почему они думают одно, говорят другое, а действуют совсем иным образом?*

Е.Б. Шестопал. То, что мне удалось понять, я попыталась изложить в заключении к книге «Власть и лидеры» [Власть и лидеры ..., 2019], которая отдельно была опубликована как статья в журнале «Полис» [Шестопал, 2019 а]. Для этого пришлось приподняться над тем Монбланом эмпирических данных, которые мы за 30 лет насобирали, и попытаться понять, что же, собственно говоря, они означают с точки зрения тех процессов, которые в нашем обществе происходили и происходят. И я бы сказала, что тут есть две темы, которые меня все это время очень интересовали, и они оказались настолько глубокими, что за 30 лет мы не только не смогли их исчерпать, но и получили основу для того, чтобы заниматься этим дальше. Причем те новые подходы, методы, приемы, которые мы придумали когда-то в 1993-м году, позволили нашупать очень серьезные научные закономерности.

Так вот, первое, что я поняла и что мне кажется важным для современной политологии в целом, а не только для политической психологии, – это то, что наше общество очень сильно меняется. Оно меняется настолько быстро и настолько драматично, что никакая наука в принципе не способна уследить за этими изменениями и ухватить их. Конечно, за постсоветский период развития России наш социум стал очень сильно дробиться. Наши коллеги-социологи тоже фиксируют эту дифференциацию российского общества. Если в советское время мы в русле марксистской традиции концептуализировали эту дифференциацию в терминах классов, то сейчас мы видим, что социальные группы и страты стали очень мелкими. Мы имеем сегментацию общества, которая строится уже не вокруг каких-то отдельных крупных событий, как это было с поколениями. Например, раньше мы говорили о «поколе-

нии войны», «поколении ХХ съезда», а сейчас группы формируются вокруг вот каких-то совсем локальных и совсем незначимых, порой совершенной частных вещей, вроде рекламных слоганов, постов блогеров в соцсетях. Эти, казалось бы, малозначимые для общества в целом события или персоны капсулируют ценностные основания и связывают людей, сшивают общество таким вот пэчворком. То есть если раньше общество было сделано из крупных кусков ткани, то сейчас это маленькие-маленькие кусочки разных тканей с разным цветом, разной фактурой и так далее. И все это вместе выглядит как такая, ну я не знаю, социальная какофония, если хотите. И я думаю, что во многом, изучая восприятие, мы начали понимать, что дифференциация или, лучше сказать, распад социальной ткани очень опасно влияет на политические процессы и политическую систему. Сейчас все мы говорим о том, что необходима консолидация, но как собрать воедино вот эти кусочки, которые сложились под влиянием массы случайностей, массы каких-то малозначимых частных факторов? Это требует очень серьезной проработки того, о чем говорить у нас очень боятся, а именно идеологии. Надо думать о том, как это все сшить воедино. На какой основе? Никто не спорит с тем, что ценность патриотизма, единственная, которую упомянул наш президент, очень важна. Но на одной ценности ничего не сошьешь. Все-таки платье шьют из разных деталей, поэтому эти детали надо прорабатывать. Это первая тема, на которую нас вывели наши исследования.

Вторая тема – это, конечно, сами образы. Мы обратили внимание на то, что очень многое из того, что люди видят, определяется не их рациональными представлениями, мнениями, а именно чувствами. То есть мы думали, что все-таки человек более рациональный, а оказалось – нет. С этой точки зрения дедушка Фрейд был, в общем, очень даже прав. Человек – не рациональное существо, а существо, которое живет чувствами, мыслит образами, что и определяет его поведение вообще и поведение политическое в частности. Это очень хорошо видно, например, в выборах в электоральных процессах, когда человек идет голосовать, не зная заранее, за кого он проголосует. Но он способен принять решение, посмотрев на кандидата, которое, конечно, определяется тем визуальным впечатлением (этот термин, который Кэтлин МакГроу использует вместо понятия «образ» [McGrow, 2003]), которое производит кандидат. Эти вещи, конечно, требуют совершенно других подходов к исследованию и понимания того, что над поверхностью воды торчит только верхушка айсберга, а сам он на три четверти находится

в воде. И поэтому главная проблема, с которой мы столкнулись, заключалась в том, чтобы найти инструмент, с помощью которого можно выявить эти чувства.

Опыт наших исследований показал, что стандартные методы, которыми пользуются во всем мире для изучения мнений, уже не работают. Эти мнения, как выяснилось, далеко не всегда являются надежной основой для прогноза, а, следовательно, нужно искать какие-то другие механизмы, с помощью которых можно изучать общество. Не случайно, что после того, как мы много лет занимались и продолжаем заниматься восприятием, мы обратились к теме, связанной с психологическим состоянием общества. Что там вообще варится, в этой толще социума, мы это совершенно не понимаем. И наши коллеги из числа психологов, с которыми мы поддерживаем профессиональные отношения, в частности Тимофей Александрович Нестик, Татьяна Петровна Емельянова и многие другие, тоже ищут такие подходы, с помощью которых можно зацепить это состояние и попробовать его оценить. Причем это состояние очень подвижное, оно не будет ждать, когда мы две недели будем обрабатывать данные. Поэтому возникают две задачи: первая – попробовать зафиксировать состояние в данный конкретный момент, а вторая – сделать это достаточно оперативно, потому что через день-другой это состояние может измениться. И что мы тогда будем делать с тем, что мы мерили вчера, если оно сегодня уже неадекватно? Сейчас социологи с этим очень плотно столкнулись. Видела интервью В. Федорова, который говорил о том, что они все больше переходят на опросы в интернете, поскольку на телефон люди реагируют нервно, и вообще телефонные опросы отживаются, и очень скоро мы, может быть, вообще перестанем пользоваться этим методом. Но мне кажется, люди к телефону относятся с подозрением, поскольку мошенники замучили. Люди реагируют нервно, потому что им кажется, что социолог вмешивается в их внутреннее пространство. Это другая проблема. Люди не готовы разговаривать. Достоверность получаемых результатов связана с многими факторами. Поэтому мне кажется, что политическая психология дает гораздо больше возможностей для погружения в общественное сознание, чем стандартная социология. Мне кажется, что репрезентативные выборки – это вещь, которая давно уже в политической психологии и политической социологии вызывает большие вопросы. И не случайно покойный Игорь Бунин, который был связан с выборами, много-много лет назад перешел от массовых опросов к фокус-группам, что, в об-

щем, не является такой вот жесткой социологией. Именно качественные методы улавливают на глубинном уровне важные вещи, которые потом нуждаются в количественной перепроверке. Вот без этого глубокого зондирования массового сознания, как и сознания отдельного человека, ничего не получается. Поэтому с этой точки зрения мне кажется, что качественные методы, в том числе проективные и другие «тонкие» инструменты, не только совершенно не теряют своей значимости, а наоборот – чем дальше, тем больше они будут иметь значение. Но здесь всегда возникает проблема интерпретации. Для этого нужна теория, которая могла бы объяснить, а что эти данные означают. Без этой теории мы остаемся с морем эмпирики, которая, в общем, ничего нам не дает, потому что мы не можем понять смыслы, которые она несет. И это одна из таких больших проблем всей гуманитарной науки.

А.В. Селезнева. *Спасибо. Любая научная отрасль или область, с одной стороны, выполняет сугубо научную функцию по приращению научного знания, а с другой стороны, она выполняет социальные функции для человека, общества, государства. В чем, на ваш взгляд, заключаются социальные функции политической психологии? Чем она полезна? Чем помогает людям и власти?*

Е.Б. Шестопал. Мне кажется, что любая социогуманитарная наука имеет своей миссией – я не побоюсь этого громкого слова – все-таки обращение не к власти, а к народу, к обществу, которому она должна растолковывать что-то про него самого. Потому что, когда общество неосознанно что-то делает – в политическом или социальном плане – это всегда получается плохо. Это недоосознанность тех проблем, с которыми люди сталкиваются, неартикулированность тех эмоций, которые переживаются, и отсюда возникают всякие социальные и психологические деформации и дисфункции. Поэтому мне кажется, что главная функция нашей науки – психотерапевтическая. Объясняя людям, что они на самом деле чувствуют, мы можем помочь им преодолеть конфликтогенность, которая все больше угрожает современному обществу. Но это одна функция.

Вторая функция, как мне кажется, это как раз функция консолидации. Любая политико-психологическая задача, которую мы решаем, предполагает, что мы должны что-то рассказать людям и объединить их. Не так давно ко мне обратились журналисты, которые снимали фильм о Трампе. То, что мы слышим с экранов телевизоров, в соцсетях, это все мнения экспертов, большинство из которых не являются экспертами по лидерству. Они, может быть,

эксперты по международным отношениям, по американистике и так далее, но они не знают ровным счетом ничего о нем как о личности и его лидерстве. При этом очень важно и для нашей власти, и для наших дипломатов – понимать движущие пружины, которые, так сказать, запускают его политические кампании. Объяснять это власти – это, в общем-то, задача номер один. Но и объяснять нашему обществу – не менее важная задача. Например, когда политический психолог как эксперт выступает где-то в средствах массовой информации, то он тоже занимается объяснением того, что на самом деле думает и чувствует какой-либо политический деятель или что с самим обществом происходит. Тем самым он объединяет власть и общество.

У науки есть уникальная возможность объяснять власти те проблемы, которые зреют в обществе. Иначе проглядят и наделают больших ошибок, и сами будут от этого страдать. Миссия эксперта состоит в том, чтобы объяснить власти то, что происходит на самом деле. Эта экспертная функция недооценена. Не случайно у нас, в общем-то, экспертные площадки не очень развиты. Их много, но экспертизы на них мало. И главное, что здесь есть ограничения, которые создаются неразвитостью самих площадок, критикой наших собственных работ. У нас почти исчез жанр рецензий, причем не сейчас, он исчез еще в советские времена, хотя тогда рецензии хотя бы публиковали, а сейчас это происходит крайне редко. Причем речь идет не о том, чтобы «наехать» на кого-то из авторов, а обсудить вопрос по существу. Действительно, критический анализ для ученого – это вещь необходимая. И с этим пока что не очень налаживается. Но я думаю, что со временем эта функция все-таки как-то вернется и будет востребована.

Что же касается результатов исследований и к чему они нас привели, то, во-первых, они показали, что, несмотря на очень неблагоприятный международный климат, очень большие сложности, которые мы испытывали в те же 1990-е годы, начиная с 2014 г., мы начали возвращаться к самим себе. Это то, что мы узнали, и это не может не поражать воображение. Понимаете, казалось бы, мы полностью присвоили себе эти западные дискурсы, западные ценности, западные способы мышления и так далее, а народ оказался устойчивым по отношению к этим воздействиям, намного более устойчивым, чем можно себе представить. Это один из тех удивительных моментов, который не может не поражать. Причем это связано именно с данными, которые мы получили. В течение нескольких последних лет мы работали над проектом, который изу-

чает образ страны в сознании российских граждан. Как это ни парадоксально, Россия, которая вплоть до 2014 г. воспринималась нами сквозь черные очки, странным образом с началом СВО стала видеться гражданам как великая держава. И это не формальная, навязанная сверху, а подлинная патриотичность. Откуда это взялось? Ведь в течение всех 1990-х годов нас уговаривали, что мы не просто отсталые, а что мы бензоколонка и ничего больше. И вдруг мы в своих исследованиях видим, что патриотизм – удел не только старшего поколения, но и молодых людей. Такое впечатление, что этот образ как бы всплыл из глубин нашей традиции.

А.В. Селезнева. Ну, значит, культура имеет значение.

Е.Б. Шестопал. Культура, традиции сильнее всех этих наносных дискурсов и заимствований. Это рябь на поверхности воды, это пена, которая ушла. Я не уверена в том, что там не остались какие-то шрамы. Безусловно, остались. Но именно через культуру, через настоящее воспитание в принципе страна выжила. И это удивительно и оптимистично, несмотря ни на что.

А.В. Селезнева. Спасибо. И завершающий вопрос. Что вам сейчас как политическому психологу интересно, чем вы занимаетесь? Что вас увлекает? Какие, может быть, размышления на перспективу сейчас в вашей голове есть?

Е.Б. Шестопал. Увлекают меня, как всегда, новые розы в моем саду. Это, кстати, бесменные фавориты моих размышлений. Но если серьезно, то, конечно, я думаю, что происходят значимые изменения внутри массового сознания. Меня, прежде всего, волнует вопрос о том, куда это все может привести. И если говорить о темах, которые в последнее время я и мои коллеги обсуждаем, то это, конечно, образы будущего. Вообще само будущее, как выяснилось, очень «подударно», как говорил когда-то мой редактор. И интересно заглянуть не в само будущее, поскольку состоится оно или нет, не очень понятно, а в то, каким оно видится нашим гражданам. Было бы очень здорово, если бы мы сумели продвинуться в этом направлении и увидеть будущее не только вообще – будущее в технологиях, в искусстве, в образовании, в науке, а еще и будущее в политике. Я очень благодарна коллегам, которые пришли к нам на круглый стол в марте этого года¹, где состоялась

¹ Круглый стол «Возможности современной политологии в исследовании и проектировании образа будущего России» прошел 21 марта 2025 г. в рамках Международного научного симпозиума «Политические науки в Московском университете: от профессора политики к факультету политологии» / Факультет поли-

очень интересная дискуссия, и оказалось, что есть проблемы, которые действительно нужно обсуждать. Мне кажется, что этот междисциплинарный широкий разговор дал нам такой хороший толчок к размышлению и было бы очень интересно посмотреть на то, какие представления об этом будущем есть в обществе, в массовом сознании, на эмпирическом материале. Это было бы очень интересно потрогать руками. И я надеюсь на то, что в ближайшее время мы сумеем продвинуться в этом направлении.

А.В. Селезнева. Спасибо большое, Елена Борисовна, за интересный разговор. И будем надеяться, что в следующих номерах журнала мы увидим уже результаты осмыслиения этого массива эмпирических данных.

**«The main function of our science is psychotherapeutic»:
The interview of Antonina V. Selezneva
with professor Elena B. Shestopal**

For citation: «The main function of our science is psychotherapeutic»: The interview of Antonina V. Selezneva with professor Elena B. Shestopal. *Political science (RU)*. 2025, N 4, P. 161–173. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.04.07>

References

- Bunin I.M. *The bourgeoisie in modern French society: Structure, psychology and political positions*. Moscow: Nauka publishing house, 1978, 288 p. (In Russ.)
- Diligensky G.G. *Social and political psychology*. Moscow: Publishing house “Novaya Shkola”, 1996, 351 p. (In Russ.)
- McGrow K.M. Political impressions: Formation and management. In: Sears D.O., Huddy L., Jervis R. (eds). *Oxford handbook of political psychology*. Oxford: Oxford university press, 2003, P. 394–432.
- Roshchin S.K. Political psychology. *Psichologicheskii zhurnal*. 1980, Vol. 1, N 1, P. 141–157. (In Russ.)
- Selezneva A.V. Conceptual and methodological foundations of the political-psychological analysis of political values. *Tomsk state university journal of philosophy, sociology and political science*. 2019, N 49, P. 177–192. DOI: <https://doi.org/10.17223/1998863X/49/18> (In Russ.)

- Sherkovin Yu.A., Stolbun E.B. Lenin's legacy and the psychology of politics (on the 110th anniversary of Lenin's birth). *Voprosy psichologii*. 1980, N 3. Access mode: <http://www.voppsy.ru/issues/1980/805/805005.htm> (In Russ.)
- Shestopal E.B. (ed.). *Authorities and leaders in perception of Russian citizens (1993–2018)*. Moscow: Publishing house “Ves' Mir”, 2019, 656 p. (In Russ.)
- Shestopal E.B. (ed.). *New trends in Russian political mentality: Putin 3.0*. Lanham: Lexington books, 2016, 396 p.
- Shestopal E.B. (ed.). *Putin 3.0: society and power in the modern history of Russia*. Moscow: ARGAMAK-MEDIA, 2015, 420 p. (In Russ.)
- Shestopal E.B. Introducing the section. The human dimension of politics. *Polis. Political studies*. 2013, N 6, P. 6–8. (In Russ.)
- Shestopal E.B. Political and psychological paradigm and behaviourism. In: Gaman-Golutvina O.V., Nikitin A.I. (eds). *Contemporary political science: Methodology: Scientific edition*. Moscow: Aspekt-Press, 2019 b, P. 366–388. (In Russ.)
- Shestopal E.B. *Political psychology: a textbook for universities*. Moscow: Aspekt-Press, 2018, 368 p. (In Russ.)
- Shestopal E.B. *Political psychology: a textbook for universities*. Moscow: Aspekt-Press, 2022, 591 p. (In Russ.)
- Shestopal E.B. Quarter-century-long project: study of the images of authorities and leaders in Post-Soviet Russia (1993–2018). *Polis. Political studies*. 2019 a, N 1, P. 9–20. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.01.02> (In Russ.)
- Shestopal E.B., Selezneva A.V. (eds). *Human capital of Russian political elites. Political and psychological analysis*. Moscow: Russian association of political science (RAPN); Russian political encyclopedia (ROSSPEN), 2012, 342 p. (In Russ.)
- Shestopal E.B., Selezneva A.V. (eds). *Modern elite of Russia: a political and psychological analysis*. Moscow: ARGAMAK-MEDIA, 2015, 448 p. (In Russ.)
- Yuryev A.I. *Introduction to political psychology*. Saint Petersburg: Publishing house Saint Petersburg university, 1992, 227 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Бунин И.М.* Буржуазия в современном французском обществе: структура, психология, политические позиции. – М.: Наука, 1978. – 288 с.
- Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993–2018) / под ред. Е.Б. Шестопал. – М.: Весь Мир, 2019. – 656 с.
- Дилигенский Г.Г.* Социально-политическая психология. – М.: Новая школа, 1996. – 351 с.
- Путин 3.0: общество и власть в новейшей истории России / Е.Б. Шестопал [и др.]; под ред. Е.Б. Шестопал. – М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2015. – 420 с.
- Роцин С.К.* Политическая психология // Психологический журнал. – 1980. – Т. 1, № 1. – С. 141–157.
- Селезнева А.В.* Концептуально-методологические основания политico-психологического анализа политических ценностей // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2019. – № 49. – С. 177–192. – DOI: <https://doi.org/10.17223/1998863X/49/18>

- Современная элита России: политico-психологический анализ / под ред. Е.Б. Шестопал, А.В. Селезневой. – М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2015. – 448 с.
- Человеческий капитал российских политических элит. Политico-психологический анализ / под ред. Е.Б. Шестопал, А.В. Селезневой. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 342 с.
- Шерковин Ю.А., Столбун Е.Б. Ленинское наследие и психология политики (к 110-летию со дня рождения в. И. Ленина) // Вопросы психологии. – 1980. – № 3. – Режим доступа: <http://www.voppsy.ru/issues/1980/805/805005.htm> (дата посещения: 30.06.2025).
- Шестопал Е.Б. Проект длиною в четверть века. Исследование образов власти и лидеров в постсоветской России (1993–2018) // Полис. Политические исследования. – 2019 а. – № 1. – С. 9–20. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.01.02>
- Шестопал Е.Б. Введение в рубрику. Человеческое измерение политики // Полис. Политические исследования. – 2013. – № 6. – С. 6–8.
- Шестопал Е.Б. Политико-психологическая парадигма и бихевиоризм // Современная политическая наука: методология / отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. – М.: Аспект Пресс, 2019 б. – С. 366–388.
- Шестопал Е.Б. Политическая психология: учебник для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2018. – 368 с.
- Шестопал Е.Б. Политическая психология: учебник для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2022. – 591 с.
- Юрьев А.И. Введение в политическую психологию. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1992. – 227 с.

ИДЕИ И ПРАКТИКА

О.Г. ХАРИТОНОВА*

ЛИДЕРЫ-ПОПУЛИСТЫ: МЕЖДУ МОЛОТОМ ПСИХОЛОГА И НАКОВАЛЬНЕЙ ПСИХИАТРА

Аннотация. Повышающийся с 2000 г. уровень персонализации политики рассматривается как предвестник угрозы демократии со стороны лидеров, которые зачастую являются популистами и вносят в нее иррациональные элементы. Статья представляет обзор состояния научной дискуссии о чертах личности лидеров-популистов. Рассматриваются политico-психологические и психоаналитические подходы к анализу личностей президентов-популистов, использующие психобиографические методы и методы контент-анализа. Показаны возможности политической психологии и клинической психиатрии в области изучения личностей популистов и инструменты дистанционного профилирования личностей политиков. Проведен анализ современных исследований личностей лидеров-популистов и их сторонников на основе социально желательных черт «Большой пятерки» и аверсивных черт «Темной триады». Продемонстрирован потенциал анализа сантиментов популистов, выявлены основные негативные эмоции – страх и злость. В качестве эксперимента сделана попытка определить возможности использования чата GPT для анализа речей политиков с целью выявления черт личности. Обзор исследований показал, что личность популиста имеет значение, и для электорального успеха популистам недостаточно предлагать избирателям «идеологию с разреженным центром», им надо быть неординарными личностями. Выявлено, что популисты отличаются от политиков мейнстрима наличием выраженных черт «Темной триады», неуступчивостью и эмоциональной неустойчивостью. Сделан вывод, что исследователям необходимо переосмыслить популистскую личность как патологическую норму (в логике Мюдде), при которой крайние проявления аверсивных личностных черт отличают популистов от кандидатов мейнстрима и обеспечивают поддержку избирателей.

* Харитонова Оксана Геннадьевна, доцент кафедры сравнительной политологии, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ (Москва, Россия), e-mail: o.haritonova@inno.mgimo.ru

© Харитонова О.Г., 2025

DOI: 10.31249/poln/2025.04.08

Ключевые слова: популистская личность; анализ черт; темная триада; большая пятерка; анализ сантиментов; чат GPT.

Для цитирования: Харитонова О.Г. Лидеры-популисты: между молотом психолога и наковальней психиатра // Политическая наука. – 2025. – № 4. – С. 174–197. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.04.08>

Введение

Популизм обычно анализируется в русле трех основных подходов – идеационного, политico-стратегического и социокультурного. Роджерс Брубейкер фиксирует поворот в исследованиях популизма в сторону его понимания как дискурсивного или стилистического репертуара (в логике Ч. Тилли), в который входят, в том числе, коммуникативный, риторический и поведенческий стили политика [Brubaker, 2017, p. 360]. Это позволяет направить фокус на личность, манеры поведения и популистский перформанс этих «нетипичных политических существ (animal)» [Nai, 2018, p. 220], «пьяных гостей на ужине» [Nai, Martínez i Coma, 2019], демонстрирующих «плохие манеры» [Moffitt, 2016] и «сниженный стиль речи» [Ostiguy, 2017].

В статье сделана попытка рассмотреть менее распространенный, личностный подход к исследованию лидеров-популистов. Большинство классических типов лидеров – заклинатель толпы (М. Конвей), «дудочник в пестром костюме» и «крестоносец» (М. Германн) и даже трансформационный лидер (Дж.М. Бернс) – не имели отношения к личности политиков, а определяли их роли, функции и стили. Популизм же, по мнению К. Вейланда, «вращается вокруг могущественных и выдающихся личностей», [Weyland, 2024, p. 156–157]. Для большинства исследователей популисты являются харизматиками, но харизму – «икс-фактор, пятый элемент, секретный соус популизма» [Mazzarella, 2024, p. 291] – легко почувствовать и сложно операционализировать. Существует ли магическая формула личности популиста, которая обеспечивает поддержку сторонников и победу на выборах? Согласно Хокинсу и Кальтвассеру, популизм не сводится к специальному набору личностных черт [Hawkins, Rovira Kaltwasser, 2017, p. 514], поэтому исследователи ранее «закрывали глаза на его связь с личностью» [Pruysers, 2020], фокусируясь на «перформансе», дискурсе и манерах.

В силу ограниченности объема в статье, во-первых, рассмотрены наиболее известные подходы – психодиагностический и политико-психологический – к анализу личности популистов и оценены инструменты для дистанционного профилирования личностей политиков; во-вторых, проводится обзор исследований, посвященных анализу личности популистских лидеров, и в-третьих, тестируются возможности контент-анализа речей с использованием чата GPT и анализа-сантиментов.

Дональд Трамп стал «во многом уникальным феноменом в политике США» [Феномен Трампа..., 2020, с. 68], а его двойная победа – самым неожиданным событием в истории американских выборов, поэтому автор фокусирует внимание на исследованиях личности популиста Д. Трампа. Для анализа сантиментов и экспериментов с использованием CHAT GPT в статье использованы шесть речей кандидатов в президенты, в которых они официально приняли выдвижение на пост президента: в 2016 г. речи Дональда Трампа (далее – **T16**)¹ и Хиллари Клинтон (далее – **K16**)², в 2020 г. – Д. Трампа (далее – **T20**)³ и Джо Байдена (далее – **B20**)⁴, в 2024 г. – Д. Трампа (далее – **T24**)⁵ и Камалы Харрис (далее – **X24**)⁶.

¹ Trump D.J. Address Accepting the Presidential Nomination at the Republican National Convention in Cleveland // The American Presidency Project. – 21.07.2016. – Mode of access: <https://www.presidency.ucsb.edu/node/318521> (accessed: 01.05.2025).

² Clinton H. Address Accepting the Presidential Nomination at the Democratic National Convention in Philadelphia, Pennsylvania // The American Presidency Project. – 28.07.2016. – Mode of access: <https://www.presidency.ucsb.edu/node/317862> (accessed: 01.05.2025).

³ Trump D.J. Address accepting the Republican Presidential Nomination // The American Presidency Project. – 27.08.2016. – Mode of access: <https://www.presidency.ucsb.edu/node/342196> (accessed: 01.05.2025).

⁴ Biden J.R.Jr. Address Accepting the Democratic Presidential Nomination in Wilmington, Delaware // The American Presidency Project. – 20.08.2016. – Mode of access: <https://www.presidency.ucsb.edu/node/342190> (accessed: 01.05.2025).

⁵ Trump D.J. Address Accepting the Presidential Nomination at the Republican National Convention in Milwaukee, Wisconsin // The American Presidency Project. – 18.07.2016. – Mode of access: <https://www.presidency.ucsb.edu/node/373582> (accessed: 01.05.2025).

⁶ Harris K. Address Accepting the Democratic Presidential Nomination in Chicago, Illinois // The American Presidency Project. – 22.08.2016. – Mode of access: <https://www.presidency.ucsb.edu/node/373892> (accessed: 01.05.2025).

Дистанционное профилирование популистов

Клинические психологи, изучающие политиков, фокусируются на выявлении личностных расстройств «дистанционно, без контакта с обследуемым, но с опорой на методику клинического обследования» [Post, 2008, р. 131]. Психобиографический метод используется в этом случае не для понимания анамнеза «болезни», а для выявления психогенеза и психодинамики личности. Кроме классической диагностики, профилирование лидеров включает оценку когнитивного, управляемого, переговорного, риторического и лидерского стиля, а также стиль кризисного принятия решений [Post, 2008]. Джерролд Пост писал о трех паттернах расстройств личности, распространенных среди политических лидеров: обсессивно-компульсивный, нарциссический и параноидальный. Являясь психиатром, Пост опирался на Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам (далее – DSM), и каждый выделенный им тип относился к разному кластеру расстройств¹. Обсессивно-компульсивные личности² озабочены деталями и не могут увидеть «общую картину», боятся совершить ошибки, неэффективно управляют временем, затягивают процесс принятия решений и не достигают целей [Post, 2008, р. 142–143]. Основные черты нарциссического расстройства³ личности, согласно Дж. Посту, включают грандиозное чувство собственной важности или уникальности, которое проявляется в крайней эгоцентричности. Фантазии личности с нарциссическим расстройством посвящены нереалистичным целям, в том числе достижению неограниченной власти, богатства и славы, отсюда вытекает потребность в постоянном внимании, лести, признании и восхищении [Post, 2008, р. 140]. Параноидальное расстройство

¹ DSM – Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам. С 2013 г. используется DSM-5 и DSM-5-TR (обновленная версия).

² Обсессивно-компульсивное расстройство личности (кластер С в классификации DSM) имеет черты: озабоченность порядком, перфекционизм, ментальный и межличностный контроль, чрезмерная добросовестность, скрупулезность, негибкость, жесткость и упрямство [Diagnostic and statistical..., р. 734, 772].

³ Нарциссическое расстройство относится к кластеру В и имеет следующие черты: грандиозное чувство собственной важности; фантазии о безграничном успехе, власти, блеске, красоте; отсутствие эмпатии; необоснованные ожидания симпатии, высокомерное и надменное поведение и отношение и др. [Diagnostic and statistical ..., р. 761–762].

личности¹ характеризуется подозрительностью, недоверием, гипердлительностью, ожиданием заговоров и поиском врагов и является «самым политическим из психических расстройств» [Post, 2008, р. 144–146].

Дистанционный клинический анализ личностных качеств политиков ограничен «правилом Голдуотера» о неэтичности выражения психиатром профессионального мнения без проведения прямого обследования и без разрешения на такое заявление. Правило Голдуотера в 1973 г. было включено в список принципов медицинской этики Американской психиатрической ассоциации. Поводом стала публикация во время избирательной кампании 1964 г. комментариев психиатров, ставящая под сомнение пригодность к президентству сенатора Голдуотера, согласно которым он страдал «параноидальной шизофренией», «мегаманиакальным нарциссизмом» и «хроническим психозом»². С появлением на политической арене Д. Трампа психотерапевты и психиатры стали дистанционно диагностировать нарциссизм, недоброжелательность, социопатию, грандиозность^{3,4}, злокачественную психопатологию (*malignant psychopathology*)⁵, «гиперманиакальный темперамент»⁶ и даже публиковать петиции о его ментальном здоровье⁷. В сентябре 2017 г.

¹ Параноидальное расстройство относится к кластеру А и характеризуется повсеместным недоверием и подозрительностью к другим, неоправданными сомнениями в лояльности и поиском скрытых угроз [Diagnostic and statistical..., р. 738].

² Подробнее см.: Aaron Levin. Goldwater Rule's Origins Based on Long-Ago Controversy // American Psychiatric association. – Mode of access: <https://www.psychiatry.org/news-room/goldwater-rule> (accessed: 10.05.2025).

³ Например, Dan P. McAdams, The mind of Donald Trump // The Atlantic. – Mode of access: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/06/the-mind-of-donald-trump/480771/> (accessed: 10.05.2025).

⁴ Интервью с психотерапевтом Джоном Цилимпарисом. Donald Trump A Narcissist? The Leslie Marshall Show // Spreaker. – 18.02.2016. – Mode of access: <https://www.spreaker.com/episode/donald-trump-a-narcissist-7812548> (accessed: 10.05.2025).

⁵ В сентябре 2020 г. вышел документальный фильм #UNFIT: Психология Дональда Трампа, содержащий интервью со специалистами о психическом здоровье президента. Информация о фильме размещена в интернет-базе данных фильмов IMDb. – Mode of access: <https://www.imdb.com/title/tt12304596/> (accessed: 10.05.2025).

⁶ Donald Trump's three disorders as he becomes 'tottering, dementing old man', claims psychologist // Mirror. – 16.05.2024. – Mode of access: <https://www.mirror.co.uk/news/us-news/donald-trumps-three-disorders-becomes-32577342> (accessed: 10.05.2025).

⁷ В январе 2017 г. группа во главе с Джоном Гартнером опубликовала петицию, в которой утверждалось, что у Дональда Трампа «проявляется серьезное

А. Фрэнсис охарактеризовал Д. Трампа как «абсолютного нарцисса мирового класса», но заявил, что «признаков нарциссического расстройства личности» нет¹. Нарциссизм представляет собой континuum от нормального до патологического (злочестивного), а расстройством нарциссизм становится в том случае, когда он приносит страдания нарциссу и его окружению, что Фрэнсис не выявил у Д. Трампа.

Обри Иммельман в политico-психологическом портретировании сочетает персонологию и клиническую психологию, используя Методику диагностических критерииев Миллона (МДКМ). Психодиагностика Д. Трампа по этой методике (первый срок президентства) выявила несколько личностных паттернов: амбициозный / эгоистичный (граничащий с эксплуататорским), доминирующий / контролирующий (граничащий с агрессивным) и дружелюбный / общительный (граничащий с импульсивным) и вторичный паттерн смелый / несогласный, а также тенденции недоверия / подозрительности и неустойчивости / нестабильности [Immelman, Griebe, 2020]. С одной стороны, амбициозные (нарциссические) личности, обладающие ярко выраженным доминирующими (агрессивными) чертами, являются самоуверенными и успешными лидерами (Наполеон и Муссолини). С другой стороны, сочетание общительности и смелости ведет к импульсивности, недисциплинированности, конфликтности и нетерпимости рутин, в результате чего лидер нарушает правила, не держит обещания, игнорирует традиции и разрушает доверие [там же].

В 2019 г. вышла книга Дж. Поста «Опасная харизма. Политическая психология Дональда Трампа», в психобиографических главах которой описываются становление «жаждущей зеркала» (mirror-hungry) личности Д. Трампа, которая нуждается в восхищенных реакциях со стороны «жаждущих идеала» (ideal-hungry) последователей, тем самым формируется харизматический нарциссический симбиоз. Пост фиксирует черты нарциссической личности, в том числе неспособность к эмпатии, даже по отноше-

психическое заболевание» и требовалось отстранить президента от должности в соответствии с 25-й поправкой». Петиция на портале change.org собрала 70 218 голосов и была закрыта. Mental Health Professionals Declare Trump is Mentally Ill And Must Be Removed // Change.org. – Mode of access: <https://www.change.org/p/trump-is-mentally-ill-and-must-be-removed> (accessed: 10.05.2025).

¹ Wilson F.P. Misdiagnosing Trump: Doc-to-Doc with Allen Frances, MD // Medpage Today. – 06.05.2017 – Mode of access: <https://www.medpagetoday.com/psychiatry/generalpsychiatry/67728> (accessed: 10.05.2025).

нию к родственникам; отсутствие угрызений совести и «совесть швейцарского сыра», лояльность только по отношению к себе и своему кругу лояльных лиц, эмоциональность и параноидальные установки в смысле готовности к предательству¹. Дональд Трамп ведет себя «как король или император... действуя импульсивно, отправляя твиты ранним утром, чтобы объявить о своем императорском решении» [Post, Doucette, 2019, p. 91].

В отечественной политологии также есть опыт политико-психологического профилирования с использованием дистанционных методов психологического анализа. Например, М.М. Айбазова характеризует Д. Трампа как «аполитичного политика» с завышенной самооценкой, экстраверта с высоким уровнем доминирования и агитатора, по Лассуэллу [Айбазова, 2019].

Популизм в зеркале психологии личности

В политологии наблюдается смещение интереса некоторых исследователей популизма в сторону анализа позитивных и негативных черт личности популистов и их избирателей. К позитивным относятся «социально желательные» черты «Большой пятерки»² – экстраверсия, уступчивость / доброжелательность, добросовестность, эмоциональная стабильность / нейротизм и открытость [Gelder et al., 2012, p. 850]. Социально нежелательными, аверсивными чертами являются нарциссизм, психопатия и макиавеллизм (так называемая Темная триада) [Paulhus, Williams, 2002], ни одна из которых не является личностным расстройством (по DSM). Нарциссизм проявляется в чрезмерной поглощенности собственным образом [Gelder et al., 2012, p. 57], психопатию характеризуют эгоизм, лживость, ненадежность, отношение к людям как к объектам и равнодушие [Blackburn, 2005, p. 271]. Макиавеллизм, термин предложенный Р. Кристи и Ф. Гейсом для описания политиков-манипуляторов в духе «Государя», характеризует отсутствие эмоций и эмпатии в межличностных отношениях, отношение ко всем как к объектам манипулирования; пренебрежение принципами конвенциональной морали; отсутствие психической патологии и идеологической приверженности [подробнее см.: Christie, 1970,

¹ Дж. Пост ссылается на книгу Дональда Трампа «Искусство возвращения», в которой один из советов гласит: «Будьте параноиком».

² BFI, Big Five Inventory, или акронимом OCEAN – по первым буквам черт.

р. 3–4]. Макиавеллизм обычно операционализируется с помощью шкалы Мак-4, включающей веру в тактику манипуляции, циничное мировоззрение, прагматичную мораль и антисоциальное поведение.

Паульхус и Уильямс изучали связь между чертами «Большой пятерки» и «Темной триады» и выявили, что уступчивость и добросовестность отрицательно коррелировали со всеми чертами триады, экстраверсия и открытость позитивно коррелировали с нарциссизмом и психопатией, а эмоциональная стабильность отрицательно коррелировала с психопатией [Paulhus, Williams, 2002, р. 560]. Психопатические черты стимулируют антагонистический и конфликтный дискурс в избирательных кампаниях, агрессивно-конфронтационный стиль политического соревнования и рискованное поведение [Nai, Maier, 2020, р. 2]. Нарциссизм способствует самоуверенности и гиперсоревновательности, злобному, агрессивному и рискованному поведению. Кандидатов с высоким уровнем макиавеллизма отличают цинизм, ненависть, стремление к амбициозным целям и использование манипулятивных тактик их достижения [Nai, Maier, 2020]. Темные черты личности, однако, положительно связаны с установками, ориентированными на людей (people-centrism), поэтому их уровень выше у популистских лидеров, апеллирующих к воле народа [Galais, Rico, 2021].

Некоторые исследователи стремятся выявить черты личности победителей. Анализ электоральных результатов 122 кандидатов, участвовавших в 55 выборах, во-первых, выявил победные черты личности (с точки зрения избирателей) – добросовестность, открытость и психопатию, во-вторых, показал, что добросовестность и нарциссизм приводили к лучшим результатам правых партий, экстраверсия ухудшала результаты инкумбентов и более молодых кандидатов, а открытость способствовала успеху кандидатов-мужчин [Nai, 2019 а]. Исследователи приходят к выводу, что избирательные кампании доброжелательных и открытых кандидатов имеют больше позитивно окрашенных призывов [Nai, 2019 б]. Политики с чертами темной триады усиливают аффективную поляризацию в обществе [Nai et al., 2025], их кампании отличаются негативизмом и невежливостью, кибербуллингом и троллингом [Nai, Maier, 2020], политической агрессией и конфликтностью [Nai et al., 2025]. В телеграмм-канале Д. Трампа можно увидеть много примеров неуважительного отношения к конкурентам: «жуликоватая Хиллари» (Crooked Hillary), «сонный Джо», «жуликоватый Джо», «бесчестная Камала» (Liyin' Kamala), «товарищ Камала» (comrade Ka-

mala), «Царь границ Камала» (border czar Kamala)¹. Именно невежливость к оппонентам может стать эффективной стратегией коммуникации, которая находит поддержку у избирателей с популистскими взглядами или с более темными чертами личности [Vargiu, Nai, Valli, 2024]. Корреляционный анализ связи между популизмом и неуважительным отношением к соперникам в ходе избирательной кампании выявляет небольшую положительную ($0,27$), но значимую связь (рис. 1). В правом верхнем квадрате находятся признанные популисты (Р. Эрдоган, М. Сальвини, В. Орбан, Р. Дутерте, Э. Моралес), но по уровню неуважения к оппонентам Д. Трамп их опережает.

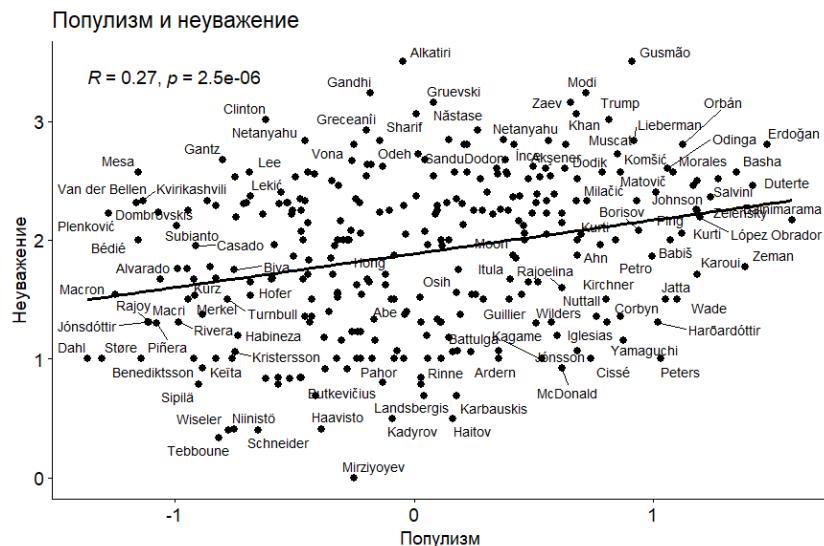

Рис. 1.
Популизм и неуважение к оппонентам²

Алессандро Най с коллегами сравнили экспертные оценки личности 152 кандидатов, в том числе 33 популистов, и выявили,

¹ Donald J. Trump // Telegram. – Mode of access: https://t.me/real_DonaldJTrump (accessed: 01.06.2025).

² Источник: составлено автором на основе базы данных А. Ная. Nai A. The Negative Campaigning Comparative Expert Survey (NEGex), Release 2.0 // OSFHOME. – Mode of access: <https://osf.io/mekwg/> (accessed: 01.05.2025).

что популисты имеют меньше баллов по доброжелательности / уступчивости, добросовестности и эмоциональной стабильности, но набирают значительно более высокие баллы по воспринимаемой экстраверсии, нарциссизму, психопатии и макиавеллизму. Популисты оказались, с одной стороны, неприятными, нарциссическими, потенциально неуравновешенными, с другой – экстравертными, смелыми, вспыльчивыми и харизматичными провокаторами [Nai, Martínez i Coma, 2019; Nai, 2019 b].

Корреляционный анализ связи между популизмом и нарциссизмом также демонстрирует небольшую положительную ($0,23$), но значимую связь (рис. 2). В правом верхнем квадрате находятся популисты с чертами нарциссизма – Р. Эрдоган, А.М. Лопес Обрадор, В. Орбан, Р. Дутерте, Э. Моралес, Б. Джонсон, М. Земан и Д. Трамп.

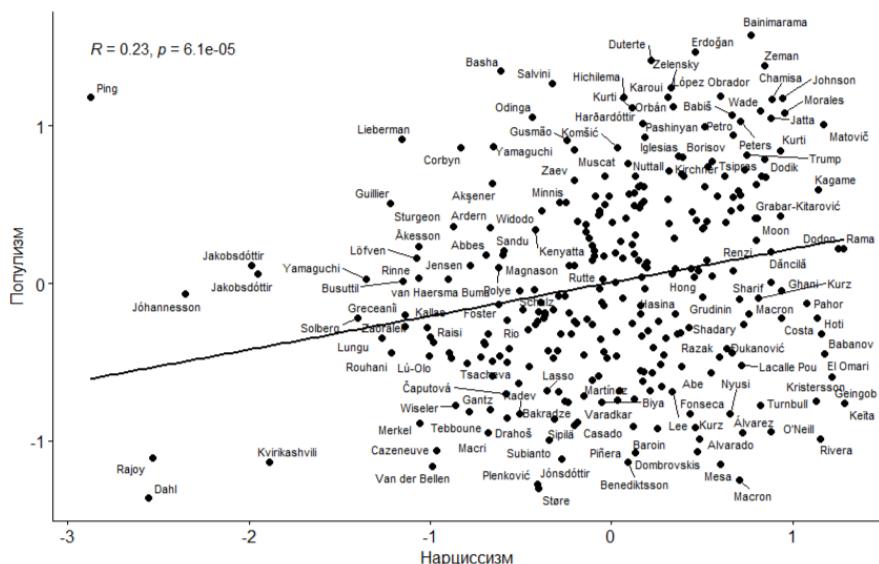

Рис. 2.
Популизм и нарциссизм кандидатов¹

¹ Источник: составлено автором на основе базы данных А. Ная: Nai A. The Negative Campaigning Comparative Expert Survey (NEGex), Release 2.0 // OSFHOME. – Mode of access: <https://osf.io/mekwg/> (accessed: 01.05.2025).

Корреляционный анализ связи между популизмом и уступчивостью выявляет небольшую отрицательную ($-0,27$), но значимую связь (рис. 3). В левом верхнем квадрате находятся неуступчивые и несговорчивые популисты – Р. Эрдоган, В. Орбан, Р. Дутерте, Б. Джонсон, М. Земан и Д. Трамп.

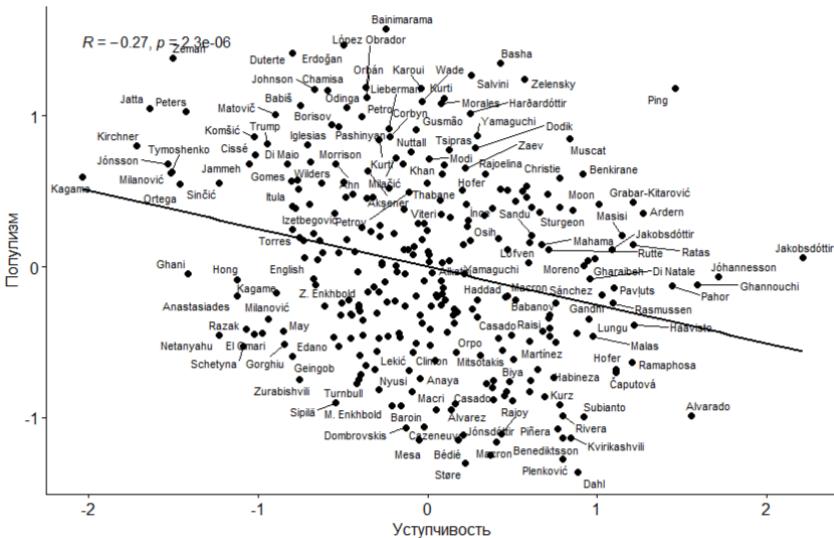

Рис. 3.
Популизм и уступчивость кандидатов¹

Согласно Пьеру Остигаю, популизм – это двусторонние отношения между лидером и сторонниками, которые устанавливаются посредством «низких» (low) призывов, трансгрессивных и неуместных, шокирующих и провоцирующих. Эти призывы противопоставляют персоналистское (характеристическое) и сильное лидерство «высокому» безличному процедурному рационализму [Ostiguy, 2017]. Некоторые исследователи изучают спрос на популистов через личности популистских избирателей, проверяя гипотезы о том, что избиратели голосуют за политиков со схожими или наиболее привлекательными для них чертами. Так, за неуступчивых попули-

¹ Источник: составлено автором на основе базы данных A. Ная: Nai A. The Negative Campaigning Comparative Expert Survey (NEGex), Release 2.0 // OSFHOME. – Mode of access: <https://osf.io/mekwg/> (accessed: 01.05.2025).

стов голосуют избиратели с низким уровнем уступчивости, так как они скептически относятся к действующим политикам и более подвержены антиэлитарной популистской риторике [Bakker, Rooduijn, Schumacher, 2016]. Скотт Пруисерз, наоборот, не выявил связи между уступчивостью и популистскими установками, но у него зависимой переменной было не голосование за кандидатов, а отношение к ним [Pruysers, 2020]. Действительно, граждане могут демонстрировать негативное отношение к политикам-популистам и к их личностным чертам, но одновременно поддержать их на выборах в качестве протеста против элиты. А. Най показал, что избирателей с популистскими взглядами¹ значительно больше привлекали кандидаты с высокими показателями «Темной триады» и низким уровнем уступчивости [Nai, 2022]. Однако наличие связи между гражданами с «темными чертами» личности и их поддержкой популистов на настоящий момент выявить не удалось [Galais, Rico, 2021].

Анализ черт наиболее преданных сторонников Д. Трампа и культа его личности, выявил одну черту популистов (самопрезентацию в качестве спасителя) и две характеристики последователей – высокий уровень добросовестности и одного из трех ее компонентов – самодисциплины. Авторы пришли к выводу, что для самых стойких последователей Д. Трампа его личность имеет большее значение, чем консерватизм и популизм [Goldsmith, Moen, 2025]

Дж. Харт и Н. Стеклер подтвердили связь между коллективным нарциссизмом² и правыми движениями (в том числе поддержкой Д. Трампа) и выявили, что идеи правых партий позволяют им чувствовать себя в безопасности в хаотичном мире [Hart, Stekler, 2021]. Индивидуальный нарциссизм избирателей не позволяет им рассматривать себя как часть «простого народа», поэтому они менее восприимчивы к популистской риторике [Pruysers, 2020]. Тильман и Хильбиг исследовали «общее диспозиционное недоверие» (generalized dispositional distrust), которое проявляется в убеждении, что человек является частью группы большинства (на языке популистов – народа), которая лишена политического

¹ Популистские взгляды фиксируются на основе согласия граждан с утверждениями: а) «политики – самая большая проблема страны», б) «то, что называют компромиссом в политике, на деле является отступлением от принципов»; в) «народ должен принимать самые важные политические решения». Подробнее см. Comparative study of electoral systems (CSES), Module 5 (2016–2021). – Mode of access: https://cses.org/wp-content/uploads/2019/05/cses5_Questionnaire.txt

² Коллективный нарциссизм соединяет черты неуверенности и грандиозности, консерватизм и ориентацию на социальное доминирование.

влияния и эксплуатируется группой меньшинства (коррумпированной элитой) и выявили, что оно способствует появлению популистских взглядов и «конспирологического менталитета» среди населения [Thielmann, Hilbig, 2023].

Ранее эмоции считались патологией, «проявлением иррациональности, агентами хаоса, нарушающими рациональный порядок» [Gadarian, Brader, 2023], однако появление лидеров-популистов, пробуждающих и усиливающих эмоции своих последователей, привело в поле зрения исследователей эмоциональные аспекты их дискурса. Некоторые авторы говорят об «аффективном повороте» в исследованиях популизма [Eklundh, 2024, р. 317]. В риторике популистов доминирующими эмоциями являются страх и злость / гнев – они обращаются к страху, чтобы заслужить больше доверия, а гнев необходим для подрыва существующих устоев [Friedrichs, Stoehr, Formisano, 2022]. Страх помогает изменить поведение слушателей, сделать акцент на борьбу с угрозой, мотивировать людей на ее устранение [подробнее см. Gadarian, Brader, 2023]. Исследования показывают, что кампании популистов на 15% более негативны, чем кампании непопулистов и содержат на 11% больше «нападений» (attacks) и на 8% больше утверждений, вызывающих страхи [Nai, 2018].

Большинство исследователей эмоций используют методы анализа текстов (анализ сантиментов, тональности) с помощью словарей. Результаты проведенного автором анализа сантиментов в речи Д. Трампа (T24) показаны на рисунке (рис. 4) в категориях двухвалентности (позитивные – негативные) и многовалентности (доверие, злость и др.). Несмотря на преобладание позитивных эмоций, в речи Д. Трампа немного больше негативных (грусть, злость и страх), по сравнению с речами Х. Клинтон, Дж. Байдена и К. Харрис.

В речи Д. Трамп говорит о «врагах изнутри» (Демократах), о «немыслимом ущербе, который они нанесли стране», о росте инфляции, о том, что «Уровень преступности растет, в то время как статистика преступности во всем мире снижается», с целью мотивировать избирателей голосовать за него, чтобы «сделать Америку великой и безопасной». Эмоции страха, злости и грусти в речи соединяются, они являются формами ответа на одну угрозу – страх как пассивный ответ, злость как активный ответ в виде мотивации на борьбу с угрозами, грусть – как результат бездействия и наличия препятствий к действию. Трамп направляет гнев на Демократов, которые создают угрозы и устраивают «охоту на ведьм», побуждая избирателей к действию: «Победа, победа, победа, победа, победа, победа». С грустью Д. Трамп говорит о про-

блемных решениях Демократов, о повышении налогов и о неправильном использовании денег налогоплательщиков. Ключевые слова, связанные с эмоциями, показаны на облаках слов (рис. 5).

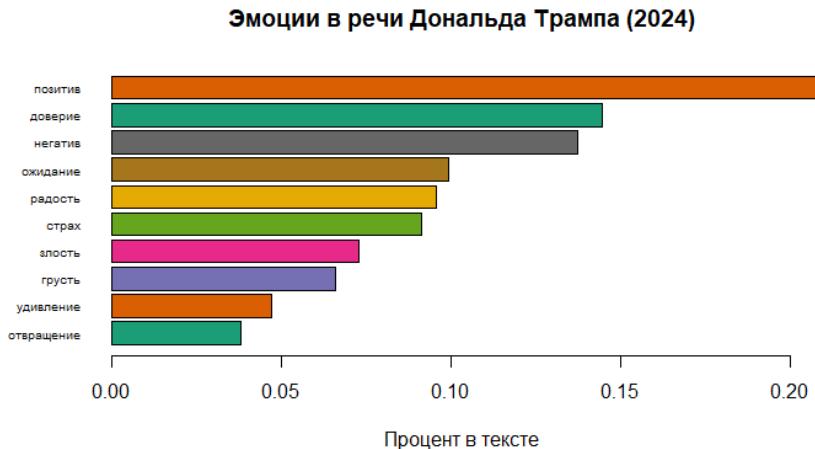

Рис. 4.
Эмоции в речи Дональда Трампа¹

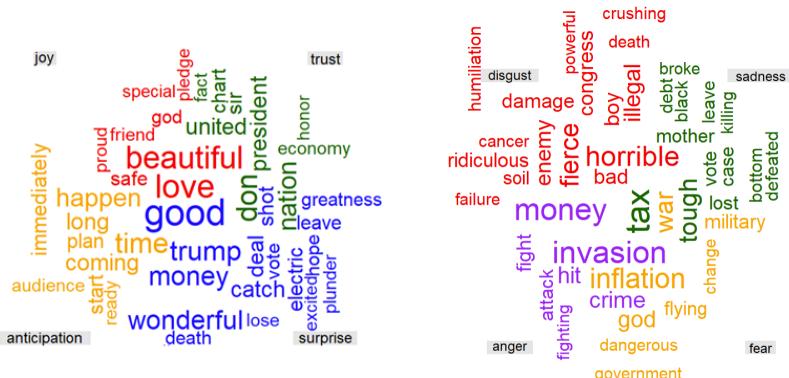

Рис. 5.

¹ Источник: составлено автором на основе сантимент-анализа речи Д. Трампа (T24).

² Источник: там же.

Анализ также позволяет исследователю проследить как меняется тональность в ходе речи (по оси X – нормализованная продолжительность речи в %, по оси Y – тональность). На рисунке (рис. 6) видно, что Д. Трамп начал и закончили свою речь в максимально позитивном ключе, однако градус позитива у Д. Трампа был выше, чем у других кандидатов, при этом самые негативные по тону высказывания у Трампа наблюдались в первой части речи (у К. Харрис – во второй).

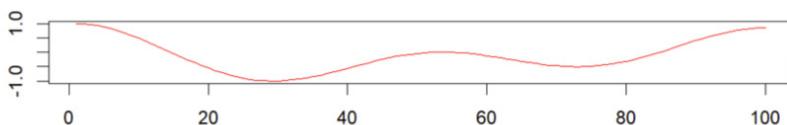

Рис. 6.
Тон речи Д. Трампа (2024)¹

Искусственный интеллект и анализ черт личности популистов

В условиях невозможности интервьюирования лидеров, отсутствия доступа к экспертным оценкам и значительных, часто пятилетних, временных лагах между событиями и их отражением в доступных базах данных политологу может помочь чат GPT. Обычно в качестве преимущества компьютерного анализа текстов называют объективность, валидность, надежность, эффективность и скорость проведения анализа. В данной статье сделана попытка использования искусственного интеллекта для анализа речей политиков с целью выявления личностных черт. Исследователи-психологи уже делали успешные попытки анализа текстов с помощью искусственного интеллекта для определения личностных характеристик граждан [например, Derner et al., 2024].

В качестве первого эксперимента чату GPT была дана инструкция выступить в роли социального психолога и выявить черты личности в соответствии с методикой М. Германн по шкале от -0,5 (отсутствие) до 0,5 (наличие). Методика основана на контент-анализе речей, с помощью которого выявляются семь характеристи-

¹ Источник: составлено автором на основе сантимент-анализа речи Д. Трампа (T24).

стик лидерского стиля: уверенность в своем влиянии и контроле, потребность во власти, концептуальная сложность, самоуверенность, фокус на решении проблем и достижениях, недоверие и подозрительность и внутригрупповая предвзятость [Hermann, 2003; 2008]. Результаты оценки чатом черт личности Д. Трампа и его конкурентов представлены в таблице 2. Для сравнения в таблице также представлены оценки экспертами черт личности Х. Клинтон и Д. Трампа (2016).

Таблица 1
Черты личности в классификации М. Герман

	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)
Экспертный анализ (2016)							
Трамп (2016)	0,3393	0,3107	0,293	0,3363	0,5665	0,6119	0,1285
Клинтон (2016)	0,112	0,3179	0,2499	0,4335	0,621	0,6116	0,1433
Анализ с помощью чата GPT							
Трамп (2016)	0.4	0.45	0.5	0.5	0.3	-0.2	0.45
Клинтон (2016)	-0.1	0.35	0.3	0.4	0.4	0.25	0.2
Трамп (2020)	0.45	0.48	0.5	0.5	0.35	-0.15	0.5
Байден (2020)	0.1	0.4	0.35	0.45	0.5	0.3	0.25
Трамп (2024)	0.35	0.5	0.5	0.5	0.3	-0.3	0.45
Харрис (2024)	0.15	0.42	0.38	0.44	0.47	0.28	0.3

Список черт: (1) недоверие, (2) вера в возможность контроля, (3) стремление к власти, (4) самоуверенность, (5) фокус на задачах, (6) концептуальная сложность и (7) внутригрупповая предвзятость. Источник: составлено автором на основе базы данных TALID и оценок чата GPT.

Для выявления черт в речах лидера с помощью контент-анализа М. Германн составила словарь: например, самоуверенность операционализируется наличием маркеров «я», «мой», «сам», «мне». В речах Д. Трампа число таких маркеров превышает уровень его оппонентов – автоматизированный анализ его речи с помощью словаря LIWC-22¹ дает 4,25 балла из 5², чат GPT дает максимальный балл (0,5). Для подтверждения своих оценок чат отмечает предложения³, высказанные решительным тоном и содержащие самовосхваление: «Я передал этой администрации самую прочную границу». Фраза «Я верну американскую мечту» отражает стремление к власти, а утверждение «вместе мы приведем Америку к новым вершинам величия» характеризует уверен-

¹ Linguistic inquiry and word count (LIWC). – Mode of access: <https://www.liwc.app/> (accessed 01.05.2025).

² Клинтон – 2,41 балла, Харрис – 2,97 балла.

³ Здесь и далее даны примеры из речи Т-24.

ность в контроле. Недоверие и подозрительность Д. Трампа направлены на его политических оппонентов, их «некомпетентное и несостоятельное руководство» и «невероятный (unthinkable) ущерб, который они нанесли». Речь Д. Трампа является концептуально простой, прямолинейной, с простыми дилеммами (мы – они) и большим числом повторов: «великие, великие люди», «все беды... будут устранены, будут устранены очень очень быстро».

Согласно экспертам, Д. Трамп в 2016 г. опережает Х. Клинтон по уровню недоверия, стремления к власти, веры в возможность контроля, но отстает в фокусе на задачах. По уровню концептуальной сложности Трамп и Клинтон находятся примерно на одном уровне, а по уровню внутригрупповой предвзятости Д. Трамп, апеллирующий ко всему американскому народу, отстает от Х. Клинтон. Оценки чата GPT демонстрируют, что Трамп в первых речах трех избирательных кампаний обходит своих конкурентов по всем пунктам, кроме двух – его речь была концептуально простой и более стратегической, без упоминания конкретных тактических задач. Согласно М. Германн, лидер с высоким уровнем уверенности в своем влиянии (берет на себя ответственность) и высокой потребностью во власти будет более результативным и харизматичным, будет бросать вызов ограничениям и менять правила в соответствии с собственными интересами [Hermann, 2003].

В качестве второго эксперимента чату GPT была дана инструкция выступить в роли социального психолога и, используя классическую концептуализацию и операционализацию черт «Большой пятерки», «Темной триады» и популизма (в логике К. Мюдде), оценить на основе анализа шести речей черты личности политиков по шкале от -0,5 (отсутствие) до 0,5 (наличие) и дать подтверждающие примеры. Результаты оценки чатом черт личности Д. Трампа, Х. Клинтон, Дж. Байдена и К. Харрис отражены в таблице 2. Для сравнения в таблице 3 представлены оценки экспертами черт личности Х. Клинтон и Д. Трампа (2016).

Можно сделать вывод, что чат справился с задачей хорошо. Согласно оценке чата, Д. Трамп опережает Х. Клинтон по уровню нарциссизма, психопатии, макиавеллизма, популизма и экстраверсии, но отстает по уровню уступчивости, добросовестности и открытости, точно в соответствии с таблицей экспертных оценок.

Таблица 2
Анализ личностных черт чатом GPT

	Трамп 2016	Клинтон 2016	Трамп 2020	Байден 2020	Трамп 2024	Харрис 2024
«Большая пятерка»						
Экстраверсия	0,45	0,25	0,48	0,3	0,5	0,35
Эмоциональность	0,2	0,1	0,25	0,15	0,28	0,12
Уступчивость	-0,3	0,3	-0,35	0,4	-0,4	0,42
Добросовестность	0,1	0,35	0,15	0,4	0,2	0,38
Открытость	-0,1	0,2	-0,15	0,25	-0,18	0,3
«Темная триада»						
Нарциссизм	0,4	0,2	0,4	0,1	0,45	0,15
Психопатия	0,2	-0,3	0,15	-0,4	0,1	-0,35
Макиавеллизм	0,45	0,2	0,4	0,05	0,35	0,1
«Популизм»	0,5	-0,2	0,45	-0,3	0,5	-0,25

Источник: составлено автором на основе оценок Chat GPT 4.

Таблица 3
Экспертный анализ личностных черт Х. Клинтон и Д. Трампа

	Хиллари Клинтон	Дональд Трамп
«Большая пятерка»		
Экстраверсия	-0,428988963	1,056383371
Уступчивость	0,043069791	-0,944070399
Добросовестность	0,77838289	-1,768196821
Эмоциональность	0,766286135	-1,272970676
Открытость	0,034673262	0,279582411
«Темная триада»		
Нарциссизм	0,174059272	0,747678638
Психопатия	-0,093531109	0,850987136
Макиавеллизм	0,258010179	0,9164415
Популизм	0,621303737	0,814469397

Источник: составлено автором на основе базы данных А. Най [Nai, 2023]

Рассмотрим аргументацию и некоторые примеры из речей, отмеченные чатом GPT. К нарцисизму относятся предложения, в которых Д.Трамп говорит о себе, своих достижениях, своей исключительности, например, «Пришло время ... требовать лучшего лидерства в мире, лидерства смелого, динамичного, беспощадного и бесстрашного». Слабые черты психопатии фиксируются в агрессивной риторике и отсутствии эмпатии к оппонентам. Так, Д. Трамп говорит, что «Демократы собираются уничтожить социальное обеспечение и здравоохранение», «разрушают страну», а миграция становится «величайшим вторжением в историю». Выход Трамп видит в «закрытии границы и завершении строительства стены,

большую часть которой я уже построил» (доброповестность и нарциссизм). Макиавеллизм прослеживается в манипулировании между страхом и обещанием восстановить порядок: «...будущее Америки будет масштабнее, лучше, смелее, ярче, счастливее, сильнее, свободнее, величественнее и сплоченнее», но для этого нужно «спасти страну от нынешнего руководства». Популизм проявляется в обещании «открыть богатое и прекрасное будущее, которого заслуживает народ», в котором «мужчины и женщины, которых забыли и оставили позади, больше не будут забыты». Экстраверт Трамп «протягивает руку верности и дружбы каждому гражданину, молодому или старому, мужчине или женщине, демократу, республиканцу или независимому, чернокожему или белому, азиату или латиноамериканцу». При этом Трамп уверен, что на пути к цели «Мы не сломаемся, не согнемся, не отступим, и... никто не остановит нас» (неуступчивость).

Автор понимает, что методологически неправильно сравнивать результаты оценки одной речи чатом и множества речей экспертами, но в данной статье ставится задача не провести исследование, а лишь оценить возможности чата в качестве помощника исследователя. Чат показал самый высокий уровень уверенности в оценках черт «Темной триады» и популизма и дал примеры, на основе которых были сделаны оценки. Сравнительный анализ оценок черт личностей Д. Трампа и Х. Клинтон экспертом и чатом выявил расхождения только в уровне эмоциональности, поэтому можно подтвердить вывод, сделанный в схожем исследовании, что «точность ChatGPT превосходит или сопоставима с точностью оценки кодировщиками» [Dernier et al., 2024].

Заключение

В статье сделана попытка рассмотреть современное состояние исследований в области изучения личности популистов. Были проанализированы возможности и ограничения двух основных подходов к дистанционному анализу лидеров.

Первый подход – дистанционное клиническое профилирование личности, которое представляет собой качественное исследование, сочетающее психологию и психиатрию, для выявления психогенеза и психодинамики личности лидера, идентификации определенных психотипов и закономерностей поведения. Для оценки личности политика составляется психобиографический портрет, который

включает также оценку когнитивного, управляемого, переговорного, риторического и лидерского стиля, а также стиль кризисного принятия решений. Как отмечал классик данного подхода Дж. Пост, хотя исследователю необязательно быть клиническим психологом, так как исследование проводится не с целью диагностики, нужно быть чувствительным к психологически ориентированному наблюдению, чтобы замечать психологические закономерности и характеристики [Post, 2019]. В науке нет консенсуса о том, можно ли создавать политико-психологический профиль в результате дистанционного клинического наблюдения без прямого диагностического анализа (например, [Nai, Maier, 2019]), несмотря на то что большинство портретистов – клинические психологи, опирающиеся на Методику диагностических критерии Миллона и Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам (DSM).

Второй подход – анализ индивидуальных личностных черт и их сочетаний на основе экспертных оценок или количественного контент-анализа большого массива лингвистических данных при помощи разработанных словарей и кодовых книг. Анализ речей политиков, предпочтительно спонтанных (для исключения «эффекта спичрайтера»), может предоставить исследователю объективную оценку отношения лидера к предмету, выявить модели поведения и реакции. Критики из сферы практической психологии считают, что такой подход «не может измерить личность, а только «сопутствующую информацию на языке психодиагностики», поэтому такие исследования являются «психодиагностически периферийными» [Immelman, 2005, p. 198]. Действительно, такой подход является редуцированным, так как сводит все характеристики личности к небольшому набору хорошо операционализированных черт. Однако зависимой переменной в этих исследованиях выступает политическое поведение, которое прогнозируется на основе речевого поведения, отражающего черты его личности.

Обзор исследований личности популистов показал, что для электорального успеха популистам недостаточно предлагать избирателям «идеологию с разреженным центром», им надо быть неординарными, патологическими личностями. Анализ существующих исследований продемонстрировал, что популисты отличаются от политиков мейнстрима наличием выраженных черт «Темной триады», неуступчивостью и эмоциональной неустойчивостью. Согласно Касу Мюдде, популизм в идеологическом плане является не нормальной патологией, а патологической нормой, так как

основные ценности, которые провозглашают популисты, представляют собой радикализацию «нормальных» идеологических установок [Mudde, 2010]. В логике Мюдде исследователям необходимо переосмыслить популистскую личность как патологическую норму, при которой крайние проявления аверсивных личностных черт отличают популистов от кандидатов мейнстрима и обеспечивают поддержку избирателей.

В статье в качестве эксперимента продемонстрированы возможности компьютерного анализа сантиментов лидеров и контент-анализа речей с помощью чата GPT. Сделан вывод, что при четкой формулировке инструкции искусственный интеллект способен помочь исследователю провести анализ текстов, в том числе с целью выявления речевых маркеров черт личности. Дальнейшая работа в этой области позволит усовершенствовать эту методику, которая обладает несомненными преимуществами при исследовании речей политиков.

O.G. Kharitonova*
**Populist leaders: between Psychologist's Hammer
and Clinicist's Anvil**

Abstract. The increasing level of personalization of politics after 2000 is seen as a harbinger of threats to democracy from populist leaders introducing irrational elements into politics. The article gives an overview of the state of contemporary debate on personality traits of populist leaders. It examines political-psychological and psychodiagnostic approaches to the analysis of the personalities of populist presidents, using psychobiographical methods and methods of content analysis. The article reviews the potential of psychology and clinical psychiatry in the field of studying the personalities of politicians and the tools for remote profiling of their personalities. Current studies of the personalities of populist leaders and their supporters on the basis of socially desirable traits of the Big Five Inventory and the aversive traits of the Dark Triad are analysed. The sentiment analysis of populist speeches confirms the main negative populist emotions to be fear and anger. The article evaluates the potential and limitations of using chat GPT to analyse politicians' speeches in order to identify positive and negative personality traits. The article reveals that the personality of a populist leader matters, and the electoral success requires not only a “thin-centered ideology” but an extraordinary individual presenting it. The research confirms that populists differ from mainstream politicians by the presence of pronounced traits of the “Dark Triad”, disagreeableness and emotional instability. The article concludes that scholars need to reevaluate the populist personality as a pathological norm (in Mudde's

* Kharitonova Oxana, MGIMO University (Moscow, Russia), e-mail: o.haritonova@inno.mgimo.ru

logic), in which extreme manifestations of aversive personality traits distinguish populists from mainstream candidates and ensure voter support.

Keywords: populist personality; trait analysis; Dark triad; Big Five Inventory; sentiment analysis; chat GPT.

For citation: Kharitonova O.G. Populist leaders: between psychologist's hammer and clinicist's anvil. *Political science (RU)*. 2025, N 4, P. 174–197. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.04.08>

References

- Aybazova M.M. Donald Trump's political and psychological profile. *Vestnik RUDN. International relations*. 2019, Vol. 19, N 3, P. 463–471. DOI: <http://www.doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-3-463-471> (In Russ.)
- Bakker B.N., Rooduijn M., Schumacher G. The psychological roots of populist voting: evidence from the United States, the Netherlands and Germany. *European journal of political research*. 2016, Vol. 55, N 2, P. 302–320. DOI: <http://www.doi.org/10.1111/1475-6765.12121>
- Blackburn R. Psychopathy as a personality construct. In: Strack S. (ed.). *Handbook of personology and psychopathology*. New Jersey: John Wiley & Sons, 2005, P. 271–291.
- Brubaker R. Why populism? *Theory and society*. 2017, Vol. 46, P. 357–385. DOI: <http://www.doi.org/10.1007/s11186-017-9301-7>
- Christie R.L. Why Machiavelli? In: Christie R.L., Geis F. (eds.). *Studies in Machiavellianism*. New York: Academic Press, 1970, P. 1–9.
- Derner E., Kučera D., Oliver N., Zahálka J. Can ChatGPT read who you are? *Computers in human behavior: Artificial humans*. 2024, Vol. 2, N 2, Article 100088. DOI: <http://www.doi.org/10.1016/j.chbah.2024.100088>
- Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders*. Fifth Edition Text Revision DSM-5-TR. Washington, American Psychiatric Association Publishing, 2022.
- Eklundh E. Populism and emotions. In: Stavrakakis Y., Katsambekis G. (eds). *Research handbook on populism*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2024, P. 314–324.
- Friedrichs J., Stoehr N., Formisano G. Fear–anger contests: governmental and populist politics of emotion. *Online social networks and media*. 2022, Vol. 32, Article 100240. DOI: <http://www.doi.org/10.1016/j.osnem.2022.100240>
- Gadarian S.K., Brader T. Emotion and political psychology. In: Huddy L., Sears D.O., Levy J.S., Jerit J. *The Oxford handbook of political psychology*. New York: Oxford university press, 2023, P. 191–247.
- Galais C., Rico G. An unjustified bad reputation? The dark triad and support for populism. *Electoral studies*. 2021, Vol. 72, Article 102357. DOI: <http://www.doi.org/10.1016/j.electstud.2021.102357>
- Gelder M.G., Andreasen N.C., López-Ibor J.J., Geddes J.R., (eds). *New Oxford textbook of psychiatry*. Oxford: Oxford university press, 2012, 2161 p.
- Goldsmith B.E., Moen L.J.K. The personality of a personality cult? Personality characteristics of Donald Trump's most loyal supporters. *Political Psychology*. 2025, Vol. 46, N 1, P. 225–243. DOI: <http://www.doi.org/10.1111/pops.12991>

- Hart J., Stekler N. Does personality “Trump” ideology? Narcissism predicts support for Trump via ideological tendencies. *The Journal of social psychology*. 2021, Vol. 162, N 3, P. 386–392. DOI: <http://www.doi.org/10.1080/00224545.2021.1944035>
- Hermann M.G. Assessing leadership style: trait analysis. In: Post J.M. (ed.). *The Psychological assessment of political leaders with profiles of Saddam Hussein And Bill Clinton*. Ann Arbor: The university of Michigan press, 2003, P. 178–214.
- Hermann M.G. Content analysis. In: Klotz A., Prakash D. (eds). *Qualitative methods in international relations*. New York: Palgrave Macmillan, 2008, P. 151–167.
- Hawkins K.A., Rovira Kaltwasser C. The ideational approach to populism. *Latin American research review*. 2017, Vol. 52, N 4, P. 513–528. DOI: <https://doi.org/10.25222/larr.85>
- Immelman A. Political psychology and personality. In: Strack S. (ed.). *Handbook of personology and psychopathology*. Hoboken: Wiley, 2005, P.198–225.
- Immelman A., Griebie A. *The personality profile and leadership style of U.S. president Donald J. Trump in office*. 2020. Mode of access: http://digitalcommons.csbsju.edu/psychology_pubs/129/
- Kuznetsov A.V. (ed.). *Trump phenomenon*. Moscow: INION, 2020, 642 p. (In Russ.)
- Mazzarella W. Populist leadership and charisma. In: Stavrakakis Y., Katsambekis G. (eds). *Research handbook on populism*. Cheltenham: Edward Elgar publishing, 2024, P. 291–302.
- Moffitt B. *The global rise of populism: performance, political style, and representation*. Stanford: Stanford university press, 2016, 240 p.
- Mudde C. The populist radical right: a pathological normalcy. *West European politics*. 2010, Vol. 33, N 6, P. 1167–1186. DOI: <http://www.doi.org/10.1080/01402382.2010.508901>
- Nai A. Disagreeable narcissists, extroverted psychopaths, and elections: A new dataset to measure the personality of candidates worldwide. *European political science*. 2019 b, Vol. 18, N 2, P. 309–334. DOI: <http://www.doi.org/10.1057/s41304-018-0187-2>
- Nai A. Fear and loathing in populist campaigns? Comparing the communication style of populists and non-populists in elections worldwide. *Journal of political marketing*. 2018, Vol. 20, N 2, P. 219–250. DOI: <http://www.doi.org/10.1080/15377857.2018.1491439>
- Nai A. Populist voters like dark politicians. *Personality and individual differences*. 2022, Vol. 187, Article 111412. DOI: <http://www.doi.org/10.1016/j.paid.2021.111412>
- Nai A. The electoral success of angels and demons: big five, dark triad, and performance at the ballot box. *Journal of social and political psychology*. 2019 a, Vol. 7, N 2, P. 830–862. DOI: <http://www.doi.org/10.5964/jspp.v7i2.918>
- Nai A., Da Silva F.F., Aaldering L., Gattermann K. and Garzia A. D. Ripping the public apart? Politicians’ dark personality and affective polarization. *European journal of political research*. 2025, Vol. 64, P. 1575–1588. DOI: <http://www.doi.org/10.1111/1475-6765.70002>
- Nai A., Maier J. Can anyone be objective about Donald Trump? Assessing the personality of political figures. *Journal of elections, public opinion & parties*. 2019, Vol. 31, N 3, P. 283–308. DOI: <http://www.doi.org/10.1080/17457289.2019.1632318>
- Nai A., Maier J. Dark necessities? Candidates’ aversive personality traits and negative campaigning in the 2018 American Midterms. *Electoral studies*. 2020, Vol. 68, Article 102233. DOI: <http://www.doi.org/10.1016/j.electstud.2020.102233>
- Nai A., Martínez i Coma F. The personality of populists: provocateurs, charismatic leaders, or drunken dinner guests? *West European politics*. 2019, Vol. 42, N 7, P. 1337–1367. DOI: <http://www.doi.org/10.1080/01402382.2019.1599570>

- Ostiguy P. Populism: a socio-cultural approach. In: Kaltwasser C.R., Taggart P.A., Espejo P.O., Ostiguy P. (eds). *The Oxford handbook of populism*. New York: Oxford university press, 2017, P.73–100.
- Paulhus D.L., Williams K.M. The dark triad of personality: Narcissism, machiavellianism, and psychopathy. *Journal of research in personality*. 2002, Vol. 36, N 6, P. 556–563. DOI: [http://www.doi.org/10.1016/S0092-6566\(02\)00505-6](http://www.doi.org/10.1016/S0092-6566(02)00505-6)
- Post J.M. Political personality profiling. In: Klotz A., Prakash D. (eds). *Qualitative methods in international relations*. New York: Palgrave Macmillan, 2008, P. 131–150.
- Post J.M., Doucette S.R. *Dangerous charisma. The political psychology of Donald Trump and his followers*. New York: Pegasus books, 2019, 340 p.
- Pruysers S. A psychological predisposition towards populism? Evidence from Canada. *Contemporary politics*. 2020, Vol. 27, N 1, P. 105–124. DOI: <http://www.doi.org/10.1080/13569775.2020.1851930>
- Thielmann I., Hilbig B. E. Generalized dispositional distrust as the common core of populism and conspiracy mentality. *Political psychology*. 2023, Vol. 44, N 4, P. 789–805. DOI: <http://www.doi.org/10.1111/pops.12886>
- Vargiu C., Nai A., Valli C. Uncivil yet persuasive? Testing the persuasiveness of political incivility and the moderating role of populist attitudes and personality traits. *Political psychology*. 2024, Vol. 45, P. 1157–1176. DOI: <http://www.doi.org/10.1111/pops.12969>
- Weyland K. Populism as a political strategy. In: Stavrakakis Y., Katsambekis G. (eds). *Research handbook on populism*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2024, P. 154–166.

Литература на русском языке

- Айбазова М.М. Политико-психологический профиль Дональда Трампа // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2019. – Т. 19, № 3. – С. 463–471. – DOI: <http://www.doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-3-463-471>
- Феномен Трампа: монография / под ред. А.В. Кузнецова. – М.: ИНИОН, 2020, – 642 с.

Л.В. ДЕРИГЛАЗОВА, С.А. АХРОМЕНКО*
**«ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ РУССКИМ?»:
ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СТУДЕНЧЕСКИХ ЭССЕ
(2020–2024)**

Аннотация. Вопрос о содержании и изменениях российской идентичности остается актуальным в свете продолжающегося процесса формирования российской нации после 1991 г. Статья продолжает исследование трансформаций смыслового наполнения «русскости» и включает новые источники за период 2020–2024 гг. Эмпирическую базу исследования составили 166 эссе студентов регионального университета на тему «Что значит быть русским?». Исследование опирается на конструктивистский подход и методологию дискурсивных практик. Для анализа эмпирического материала были использованы методы анализа больших данных (Python, Rymorphy2) с обработкой большой языковой моделью Grok 3 Mini. Цель работы – выявление ключевых маркеров идентичности и их изменение в 2020–2024 гг.

Анализ позволил выявить основные маркеры, которые студенты называли в эссе: культура (72,29% текстов), язык (69,88%), позитивные личностные качества (50,6%), история (38,55%) и «русская душа» (31,33%). Было обнаружено предпочтение авторов более гибких маркеров, допускающих расширительное tolкование «русского мира» в противовес жесткими маркерам: языку, внешности, этничности, географии. Усиление роли культуры проявилось в широкой трактовке «русской души» и обсуждении темы «настоящих» и «ненастоящих» русских. Динамика характеристик, свойственных русскому человеку, оценочные суждения о других нациях и эмоциональное наполнение эссе позволяет говорить об усилении консолидационных настроений в условиях противостояния внешнему враж-

* Дериглазова Лариса Валериевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры мировой политики, НИ Томский государственный университет (Томск, Россия), e-mail: dlarisa@inbox.ru; Ахроменко Семён Александрович, аспирант, НИ Томский государственный университет (Томск, Россия), e-mail: axromenko@mail.ru

дебному воздействию (обобщенных «внешних врагов» и Запада). Так, к 2024 г. чаще упоминались характеристики «стойкий», «патриотичный / солидарный», в эмоциональном плане усилилось чувство «гордости» с почти полным исчезновением эмоции «стыда / смущения» и «спокойствия / комфорта». В эссе обнаружено появление и преобладание ссылок на В.В. Путина и его цитаты, при сохранении популярности русских классиков – Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и А.С. Пушкина, что продемонстрировало усиление влияния государственных метадискурсов после 2022 г. В целом результаты анализа оказались созвучны результатам опросов общественного мнения, но выявили сложное отношение к проблеме патриотизма и его роли в «русскости». Проведенное исследование может рассматриваться как методологическое дополнение к изучению российской идентичности молодежи за счет привлечения новых методов обработки локальных источников.

Ключевые слова: маркеры российской идентичности; russkost'; метадискурсы; дискурсивные практики; Россия; молодежь; национальная безопасность.

Для цитирования: Дериглазова Л.В., Ахроменко С.А. «Что значит быть русским?»: опыт интерпретации студенческих эссе (2020–2024) // Политическая наука. – 2025. – № 4. – С. 198–224. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.04.09>

Введение

Формирование российской государственности после распада СССР актуализировало проблему российской идентичности и ее соотношения с этнической идентичностью титульной нации. Появилось своеобразное «соперничество» понятий «русский» и «россиянин». Понятие «россияне» в его современном толковании является политнинимом, обозначающим всех граждан России вне зависимости от их этнического происхождения. Оно стало активно использоваться в 1990-е годы в обращениях президента Б.Н. Ельцина и официальных документах. «Русские» же обозначает этническую общность, среди важных характеристик которой называют культуру, традиции, язык и православие¹. Согласно поправкам к Конституции Российской Федерации, принятым в 2020 г., русские названы государствомобразующим народом.

Русская идентичность трактуется как этническая идентичность, основанная на происхождении человека и являющаяся аскриптивным признаком. «Русскость» – это понятие, которое активно используется теми, кто подчеркивает особые качества русских людей, исходящие из уникальности духовного и исторического

¹ Тишков В.А., Туторский А.В. Русские // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. – 2023. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/russkie-5c4935/?v=9573022> (дата посещения: 22.07.2025).

опыта [Варшавер, Иванова, Егорова, 2024; Клюев, 2024; Кот, 2024; Растворгувєв, Титов, 2024]. Такая трактовка сформировалась в XIX в. в ходе спора между славянофилами и так называемыми западниками, которые подчеркивали связь России с Европой и европейской цивилизацией [Тесля, 2025]. Исследователи также обсуждают соотношение концептов «русскости» и «российскости» и указывают на размытость границ между этими понятиями. Русскость как набор маркеров может трактоваться как идентичность россиян, а не исключительно этнических русских, что проистекает из «общественно-политической практики и творчества российской гражданской нации» [Аствацатурова, Дзахова, Чихтисов, 2022, с. 2060–2061]. В последние годы понятие «русскости» трансформировалось в понятие России-цивилизации в продолжение концепции «Русского мира» как макроидентичности [Тишков, 2021]. Положение о России как о «самобытном государстве-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность «Русского мира», включено в Концепцию внешней политики России, принятой в 2023 г.¹

Л.М. Дробижева отмечала, что в 1990-е годы Россия «была страной, которую никто не хотел», так как сторонники преобразований видели будущее в новом союзе – СНГ [Дробижева, 2002, с. 233]. В 2000-е годы начинается активное обсуждение содержания российской идентичности с появлением символов нового государства (гимн, герб, праздник Народного единства) и все более отчетливо проявляющихся этнонациональных идентичностей, отличных от советской идентичности. Важность политики идентичности на государственном уровне отразилась в принятии федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» в 2013 г.² В документе была обозначена проблема кризиса гражданской идентичности и необходимость целенаправленных действий различных министерств и ведомств для «укрепления

¹ Указ об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации. 31.03.2023. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/news/70811> (дата посещения: 24.07.2025).

² Постановление правительства Российской Федерации от 20 августа 2013 года // Официальный интернет-портал правовой информации: гос. система правовой информации. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102399783&backlink=1&&nd=102167407> (дата посещения: 20.04.2025).

единства российской нации» и «формирования общегражданской идентичности россиян». Политика идентичности отразилась в усилении внимания к содержанию школьной программы и предметам, формирующем национальную идентичность, – литература, русский язык и история. Важность этой темы отражена в проведении двух Форумов российской идентичности в 2022 и 2024 гг.¹, организатором которых является Центр гражданской идентичности². Дискуссии о содержании и смыслах национальной идентичности находят отражение в массовой культуре. Примером могут быть популярные в последние три года песни певца Шамана «Я русский» и Татьяны Куртуковой «Матушка».

Проблемы переформатирования национальной идентичности в России активно обсуждают российские [Малинова, 2015; Цумарова, 2015; Дробижева, Арутюнова, Евсеева, 2021; Тишков, 2021; Селезнева, 2024] и зарубежные авторы [Sharafutdinova, 2023]. Исследователи отмечают влияние внутриполитических факторов на самосознание россиян и открытие страны после 1991 г., что сделало возможным прямые контакты россиян с внешним миром через туризм, бизнес, образование и эмиграцию. События внешней политики влияют на самоидентификацию россиян, усиливая или ослабляя культурно-цивилизационные идентичности или чувство особости [Sakwa, 2011; Слезкин, 2023]. В последние три года усилилась обособленность России в условиях санкций и прямого идеологического и политического конфликта со странами Запада, что оказывает влияние на самовосприятие россиян и их представления о России как стране, ее цивилизационной принадлежности и уникальности³ [Тесля, 2021; Семененко, 2024]. Опросы общественного мнения подтверждают эти изменения⁴. Российские и зарубежные исследователи изучают содержание и изменение идентичности российской молодежи и те факторы, которые влияют

¹ Форум российской идентичности. – Режим доступа: <https://identforum.ru/> (дата посещения: 20.04.2025).

² Об институте // Институт гражданской идентичности. – Режим доступа: <https://identitas.ru/ob-institute-2/> (дата посещения: 20.04.2025).

³ Караганов С.А. Против нас большой Запад, который рано или поздно начнет сыпаться // Российская газета. 12.04.2022. – Режим доступа: <https://rg.ru/2022/04/12/sergej-karaganov-protiv-nas-bolshoj-zapad-kotoryj-rano-ili-pozdno-nachnet-syptatsia.html> (дата посещения: 24.02.2025).

⁴ Федоров В.В. Идентичность россиян // ВЦИОМ. – 2024. – Режим доступа: <https://wciom.ru/presentation/prezentacii/identichnost-rossijan> (дата посещения: 20.04.2025).

на ее самосознание и декларируемые ценности¹ [Евгеньева, Селезнева, 2007; Омельченко, 2022; Омельченко, Лисовская, 2022; Ильиных, Куницын, 2025; Русские ценности, 2024; Mäkinen, 2015].

Статья представляет результаты изучения того, как меняются представления о «русскости» в современной России. Специфической исследуемой группой являются студенты, изучающие международные отношения в одном из региональных университетов. Студенты-международники, априори заинтересованные в изучении других культур, языков, на работу с иностранцами, представляют собой любопытную группу для сравнения того, насколько их взгляды отражают общероссийские тенденции. Профессиональная подготовка предполагает формирование «культурного релятивизма», т.е. знакомство и понимание ценностей других культур, отсутствие выраженного чувства национального превосходства. Рефлексия студентов в рамках данного исследования помогает выявить контекст формирования российской гражданственности и самосознания русских, увидеть совпадения и расхождения между взглядами молодых людей и общероссийскими тенденциями, а также влияние факторов внутренней и внешней политики на содержание идентичности.

Статья опирается на конструктивистский подход, который рассматривает идентичность как подвижную субстанцию, подверженную влиянию различных факторов: внешних – по отношению к человеку, и внутренних – субъективного выбора, который делает человека в процессе своего становления и развития [Идентичность: личность..., 2017]. Методом исследования является интерпретация текстов, написанных студентами при ответе на открытый вопрос – «Что значит быть русским?» в форме эссе. Цель статьи состоит в презентации того, 1) какое содержание молодые россияне вкладывают в понятие «русскости», 2) какие маркеры идентичности они называют, 3) какие референтные группы, влияющие на их само восприятие, они называют, 4) какие эмоции вызывает эта идентичность, и 5) какие изменения в этих представлениях с 2020 по 2024 г. произошли. Пять выбранных лет представляют интерес, так как в этот период происходит существенное изменение положения России в мире и ее отношений со странами Запада. В начале статьи

¹ Liik K. The Last of the Offended: Russia's First Post-Putin Diplomats. European Council on Foreign Relations. 2019. ECFR/308. Mode of access: https://ecfr.eu/wp-content/uploads/Kadri_Liik_russias_first_post_putin_diplomats.pdf (accessed: 24.02.2025).

будет представлен эмпирический материал, способы его сбора и обработки (методология исследования), затем – результаты исследования, и в заключение будут сделаны выводы о том, какой смысл в понятие «русскости» вкладывают студенты и как это изменилось за последние пять лет.

Методология исследования

В данном исследовании были проанализированы эссе студентов 4-го курса бакалавриата, которые давали ответ на вопрос «Что значит быть русским?». Такая формулировка появилась под влиянием обсуждения публикаций под названием «Проверьте себя на русскость» в журнале «Власть. Коммерсант» в 2006 г.¹ Именно этот полуищущий проект стал основой для проведения первого раунда написания эссе. Тест, заданный в журнале, послужил поводом для разговора о том, как соотносятся различные идентичности, чувство национальной принадлежности представителей титульной нации и других национальностей в России. Позже написание эссе было частью семинарских занятий, где обсуждались вопросы идентичности и этнонациональные конфликты. Написание эссе не было обязательным, оговаривалось только, что объем должен быть менее одной страницы личной рефлексии. Отдельно указывалось, что не может быть «правильных или неправильных ответов». Эссе выполнялись внеаудиторно и не оценивались. Эссе были собраны в 2006 г. (55), 2014 г. (16), 2020 г. (37), 2021 г. (15), 2022 г. (32), 2023 г. (47) и 2024 г. (35). Разное количество эссе зависело от размера класса и готовности студентов предоставить свою рефлексию. Прочтение эссе показало наличие схожих тем и появление новых акцентов. Анализ эссе 2006 и 2014 гг. позволил выявить маркеры «русскости», которые называли студенты, повторяющиеся темы и сочетание нарративных шаблонов с личными оценками. Результаты исследования были опубликованы [Дериглазова, 2015].

Для обеспечения единобразия исследования формулировка вопроса не менялась и должна была мотивировать рефлексию по поводу соотношения этнической и гражданской идентичности в многонациональной стране. Такая формулировка также позволила

¹ Идиатуллин Ш., Качуровская А., Куцыло А., Лаптев И., Черников П. Проверь себя на RUсскость. // Коммерсантъ Власть. 30.10.2006. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/717440> (дата посещения: 21.07.2025).

увидеть изменения рефлексии по поводу этнической и гражданской составляющей идентичности. В формулировке вопроса заложено ограничение, связанное с рефлексией по поводу этнической составляющей идентичности титульной нации. Действительно, студенты нередко отмечали, что не являются этническими русскими, однако это не мешало им рассуждать о своей «русскости» или о том, что означает это понятие и каким качествами должен обладать «настоящий русский». Большая часть эссе представляет рассуждения именно о российской идентичности вне этнического контекста, что подтверждает тезис о размытости границ между русской и российской идентичностью.

В данной статье смещен акцент анализа и использована другая методология с учетом результатов предыдущего исследования. В исследовании использована концепция дискурсивных практик [Иссерс, 2012], под которыми понимают устойчивые действия, формирующие интерсубъективное знание и общие смыслы, а также предпочтение одних интерпретаций реальности другим. Это включает определение «себя», «другого», норм, ценностей и идентичности. Применительно к фокусу исследования дискурсивные практики понимаются как воспроизведение нарративных шаблонов, отражающих установки, транслируемые через систему образования, СМИ, политические метадискурсы (дискурсивные практики макроуровня) и выявление особенностей индивидуального, нередко эмоционального ответа на этот вопрос, связанный с интерпретацией личного опыта (дискурсивные практики микроуровня) [Ван, 2025]. Дискурсивные практики отражаются в высказываниях и в «границах и формах того, что можно сказать» [Vershinina, 2023, р. 1563].

Формулировка вопроса для написания эссе позволяет увидеть, как проявляются политические метадискурсы, которые студенты воспроизводятвольно, полагая, что это будет правильно и безопасно, или невольно, повторяя устоявшиеся дискурсивные практики макроуровня, продвигаемые институтами образования, средствами массовой информации, официальными лицами и политическими элитами. Наличие личной рефлексии как интерпретации личного опыта также проявлено в эссе всех лет. Особенно явно это звучит, когда студенты подвергали сомнению метадискурсы. В одном эссе 2014 г. это было радикально сформулировано как «я не хочу быть русским» с развернутой аргументацией о фальшивости идеальных представлений о русских. В 2021 г. в эссе впервые прозвучало опасение делиться своими личными переживаниями. Все эти обстоятельства позволяют обсуждать результаты личной

рефлексии студентов как отражение восприятия и усвоения дискурсивных практик макроуровня в сочетании с личной интерпретацией.

Способы обработки данных. Всего были проанализированы 166 эссе, написанные в 2020, 2021, 2022, 2023, 2024 гг., которые были анонимизированы с удалением любой личной информации. В среднем объем эссе составлял от 430 до 520 слов. Для кодирования в данных были заложены следующие поисковые ориентиры как маркеры идентичности, выделенные на первой стадии исследования. Были определены лексемы и нарративы, поиск и контекст использования которых были заданы для анализа: русский (этнический), россиянин, характеристики русских, нация, этнос, национальность, идентичность языка, культура, история, место рождения, религия, бог, православие, вера, душа, великий и все словосочетания с этим словом, гордость и все словосочетания с этим словом, советский / СССР и все словосочетания с этим словом, свой путь, будущее, прошлое, враги, друзья, угрозы, Запад и все словосочетания с этим словом, Европа и все словосочетания с этим словом, США, Китай, упомянутые другие страны, эмоции и контекст использования этих слов (стыд, страх, радость, печаль), (не)верный, истинный, (не)настоящий, миграция, мигранты, иностранцы, сильный лидер, монархия, государство, предки, многонациональный, многоконфессиональный.

При анализе данных были использованы две стратегии, *первая* включала обработку данных с помощью морфологического анализатора Rymorphy2 [Коробов, 2015] и базовых инструментов Python для выделения целевых текстов путем нахождения в них определенных лексем и для выделения фрагментов в исходных текстах. *Вторая стратегия* заключалась в обработке источников с применением БЯМ. Эта стратегия позволила: а) выделить целевые тексты путем нахождения в них определенных нарративов; б) выделить фрагменты в исходных текстах; в) классифицировать подходы, выраженные авторами; г) распределить тексты по категориям в соответствии с системой классификации; д) найти формулировки, использованные автором для описания определенной проблемы.

Для анализа с применением БЯМ использовалась модель Grok 3 Mini, разработанная компанией xAI. Взаимодействие с БЯМ осуществлялось через API. Для запросов были написаны программы на языке программирования Python, которые позволили автоматизировать отправку запросов, получение структурированных ответов и запись. Каждый запрос обрабатывался отдельно без построения общего контекста. Ввиду разницы между страте-

гиями каждый запрос использовал разное количество токенов – от 1168 до 5954. Всего на анализ ушло 6 157 368 токенов. После завершения анализа была проведена проверка полученных результатов. Для этого были случайно выбраны как минимум 10 источников за каждый год. Каждый источник был проанализирован вручную, а ответы соотнесены с ответами БЯМ.

Все запросы в БЯМ были составлены из трех частей: 1) системный промпт – контекст и общие инструкции по выполнению задачи, 2) пользовательский промпт – данные, которые подлежали обработке, 3) схема ответа – структура вывода с дополнительными пояснениями (для единого форматирования ответов и выгрузки в формат json использовалась библиотека Pydantic). *Системный промпт* (СП) во всех запросах начинался с контекста «Прочитай эссе на тему “Что значит быть русским?”», или «Прочитай фрагмент из эссе на тему...», или «Прочитай суммаризацию того, как авторы... Все эссе написаны на тему...» – в зависимости от того, какие данные представлены в пользовательском промпте. Затем следует общая инструкция, которая описывает, что требуется описать в ответе, и уточнение «Приготовь ответ в json формате».

Пользовательский промпт (ПП) включает в себя фрагмент (набор фрагментов) из конкретного эссе, полный текст конкретного эссе, набор суммаризации по каждому эссе, или текст всех эссе – в зависимости от того, какой уровень контекста необходим для решения задачи. *Схема ответа* (СО) была сконструирована индивидуально для каждого запроса. Так, для выделения *основных маркеров*, используемых для обоснления русской нации, потребовалась только стратегия 2.Д. Подразумевается, что маркеры присутствуют во всех эссе, так что выделение целевых текстов методологически избыточно и анализу должно быть подвергнуто каждое эссе в отдельности. Запрос образуется из трех частей: СП – «Прочитай эссе на тему “Что значит быть русским?”». Как автор отличает русских от других наций? Приготовь ответ в json формате»; ПП – текст конкретного эссе; СО – «Строго formalизованный перечень маркеров, которые автор приводит для обоснления русской нации. Через двоеточие – надежный это или ненадежный маркер по мнению автора. Формат: слово в начальной форме. Если маркеры не упоминаются – None».

Для решения более сложных задач были применены несколько стратегий. Так, для определения отношения авторов к другим нациям потребовалось четыре стратегии, так как было необходимо разработать классификацию подходов, а затем отнести каждое эссе к той или иной категории. Из-за технических ограни-

чений использование всего массива источников для этой задачи невозможно. Поэтому было необходимо: 1) выделить целевые тексты (так как не во всех эссе содержатся оценочные суждения в отношении других наций); 2) провести краткую суммаризацию того, какое отношение к другим нациям описывает автор в конкретном целевом эссе; 3) на основе всех суммаризаций вместе взятых разработать классификацию подходов; 4) отнести каждое целевое эссе к соответствующей категории.

В рамках второй стратегии 2.А были выделены целевые тексты с применением следующего запроса: *СП* – «Прочитай эссе на тему “Что значит быть русским?”. Есть ли в эссе оценочные суждения в отношении других наций? Приготовь ответ в json формате», *ПП* – текст конкретного эссе, *СО* – «True, если в тексте содержатся оценочные суждения в отношении других наций. False, если таких суждений нет». В рамках 2.Б проанализированы только целевые тексты с применением следующего запроса: *СП* – «Прочитай эссе на тему “Что значит быть русским?”. Какое отношение к другим (помимо России) нациям выражает автор? Приготовь ответ в json формате»; *ПП* – текст конкретного целевого эссе; *СО* – «Краткое описание того, какое отношение автор выражает к другим нациям».

В рамках стратегии 2.В ответы на 2.Б объединены и проанализированы с применением следующего запроса: *СП* – «Прочитай суммаризацию того, как авторы относятся к другим нациям. Все эссе написаны на тему “Что значит быть русским?”. Представь метод классификации всех подходов.»; *ПП* – объединенные ответы на 2.Б; *СО* – «Развернутая классификация с примерами и инструкцией».

В рамках стратегии 2.Г каждое целевое эссе было отнесено к категории с применением следующего запроса: *СП* – «Прочитай эссе на тему «Что значит быть русским?». Определи, к какой категории стоит отнести это эссе. Приготовь ответ в json формате»; *ПП* – текст конкретного целевого эссе; *СО* – метод классификации, полученный из ответа на 2.В.

Таким образом, были выделены *основные маркеры*, используемые для обособления русской нации (2.Д); выявлены *характеристики русских* (2.Д); определено *отношение к другим нациям* (стратегии: 2.А для выделения целевых текстов, содержащих оценочные суждения в отношении других наций, 2.В для классификации подходов в целевых текстах, 2.Г для распределения целевых текстов по категориям). Было уточнено понимание выражения «*русская душа*» (стратегии: 1.А для выделения целевых текстов, содержащих лексему «душа», 1.Б для получения контекста,

2.В для классификации подходов в целевых текстах, 2.Г для распределения целевых текстов по категориям). Были выявлены те страны, которые определялись как «враги» и «друзья» России (2.Д). Были выявлены взгляды на роль *России в мире* (стратегии: 2.Д для суммаризации позиции автора, 2.В для классификации подходов в целевых текстах, 2.Г для распределения целевых текстов по категориям). Были выявлены взгляды на *прошлое, настоящее и будущее России* (стратегии: 2.В для классификации подходов в целевых текстах, 2.Г для распределения целевых текстов по категориям). Кроме того, были выявлены источники *цитат*, приводимых авторами (2.Д); определены взгляды на *критерии (не)настоящих русских* (стратегии: 2.А для выделения целевых текстов, в которых авторы проводят такое разделение, 2.В для классификации подходов в целевых текстах, 2.Г для распределения целевых текстов по категориям); определены выраженные авторами эссе *эмоции* (2.Д) и выделены тексты, в которых используется лексема «*россиянин*» (1.А).

Результаты исследования

Результаты будут представлены по следующим тематическим разделам, которые заданы через формулировку определенных лексем и нарративов: маркеры russкости; характеристики russких; отношение к другим нациям; russкая душа; враги и друзья; роль России в мире; прошлое, настоящее, будущее; (не)настоящие russкие; эмоции авторов; использование термина «*россиянин*». Набор лексем и нарративов был сделан на основе первичной обработки эссе и выбора наиболее частых тем обсуждения.

Были названы следующие маркеры идентичности: культура, язык, гражданство и патриотизм, положительные личностные характеристики, история, этническое происхождение, религия, russкая душа, менталитет, негативные личностные характеристики, территория и география, самоидентификация, внешность. Так как рассуждения некоторых авторов можно определить как риторические (например, «А что вообще может подойти под описание russкого человека? Наличие russийского паспорта? Национальность? Может быть приверженность к православной религии?»), были добавлены категории «надежных» и «ненадежных маркеров». К «ненадежным маркерам» были отнесены те, которые авторы эссе интерпретировали как малозначимые, сомнительные или вовсе мнимые при определении russ-

ской идентичности. К «надежным» были отнесены все остальные упоминаемые маркеры, данные с положительной интерпретацией или нейтрально и безоценочно. Количественное распределение маркеров представлено в таблице 1, распределение маркеров на «надежные» и «ненадежные» представлено в рисунке 1.

Таблица 1

Маркеры русской идентичности (количество текстов, в которых такой маркер упоминается)

Маркер	Кол-во текстов
Культура	120
Язык	116
Гражданство и патриотизм	99
Позитивные личностные характеристики	84
История	64
Этническое происхождение	60
Религия	57
Русская душа	52
Менталитет	30
Негативные личностные характеристики	27
Территория и география	25
Самоидентификация	23
Амбивалентные личностные характеристики	10
Внешность	9

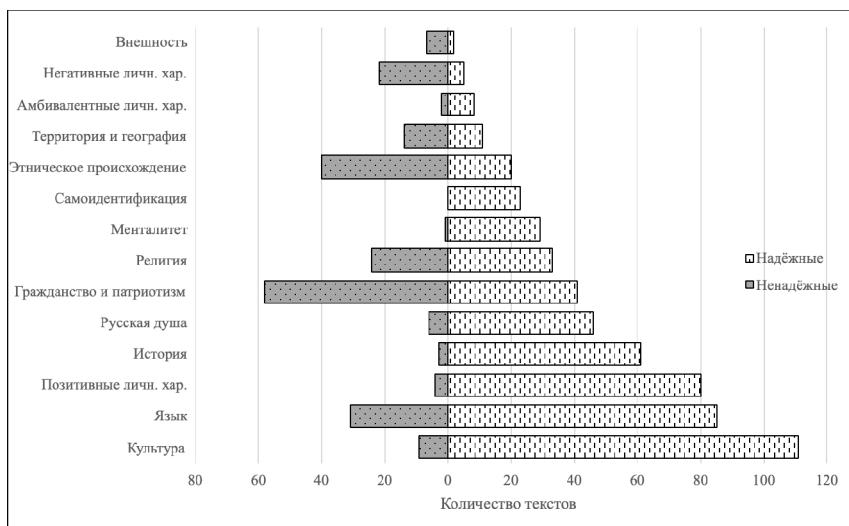

Рис. 1.
Надежные и ненадежные маркеры

Таким образом, частотность упоминания маркеров «русскости» отражает распространенные характеристики национальной идентичности (культура, язык, история), которые также входят в программу школьных предметов, направленных на формирование национальной идентичности. Стоит отметить частое упоминание позитивных личных качеств русских, «русскую душу», патриотизм, религию и менталитет, что скорее соответствует общественно-политическим метадискурсам (дискурсивным практикам макроуровня).

Разделение маркеров на категории («надежные» и «ненадежные») отражает выявленную неоднозначную интерпретацию некоторых из них. Так, мнения авторов в отношении маркеров «гражданство и патриотизм», «религия», «территория и география» сильно различались. Остальные маркеры трактовались более однозначно. Показательно, что такие маркеры как «культура», «позитивные личностные характеристики», «менталитет» и «самоидентификация» оценивались как надежные, а «внешность» как ненадежный маркер. Внимания заслуживает случай «языка», который в целом упоминался почти так же часто, как «культура», но чаще интерпретировался как ненадежный. Знание языка понималось как неотъемлемая часть культуры или необходимое условие для взаимодействия с ней. Склонность части авторов разделить эти понятия, допустить возможность единения с русской культурой и права называться русским без знания языка можно интерпретировать как попытку расширения «Русского мира» за пределы лингвистических границ. Представленность такого случая, правда, ограничена.

При характеристике русских были названы следующие положительные качества: патриотичный/солидарный, добрый / отзывчивый / доброжелательный, стойкий, консервативный, уважающий других, ответственный / трудолюбивый, открытый, культурный / образованный, щедрый / гостеприимный, знающий / мудрый, эмоциональный / экспрессивный, верующий, толерантный и др. Частотность упоминания положительных качеств и их распределение по годам представлены в таблице 2.

Распределение данных показывает повышение частотности упоминания таких качеств как «патриотизм / солидарность», «стойкость», «открытость», «уважающий других», «ответственный / трудолюбивый» с 2022 г., «толерантность» с 2023 г. Характеристика русских как «добрый / отзывчивый / доброжелательный» сохраняла свою популярность, за исключением 2021 г., когда было отмечено наименьшее количество таких оценок.

Таблица 2
**Основные характеристики русских, 2020–2024 гг.
(количество текстов, в которых данные характеристики даны)**

Характеристика	2020	2021	2022	2023	2024
Патриотичный / солидарный	11	5	20	26	20
Добрый / отзывчивый / доброжелательный	19	4	18	18	16
Стойкий	9	1	9	12	20
Консервативный	6	2	11	12	8
Уважающий других	4	0	7	16	9
Ответственный / трудолюбивый	6	1	6	16	6
Открытый	7	1	5	6	9
Культурный / образованный	7	2	5	7	4
Щедрый / гостеприимный	9	3	2	5	5
Знающий / мудрый	6	0	4	6	5
Эмоциональный / экспрессивный	5	1	3	4	4
Толерантный	3	0	0	8	4
Верующий	5	1	4	1	4
Замкнутый / равнодушный / грубый	5	2	3	4	0
Простодушный / непрятательный / скромный	6	0	2	3	3

Анализ текстов позволил выявить смысл, который вкладывают студенты в понятие «русская душа», что является распространенным метадискурсом, имеющим внутреннее и зарубежное распространение. Таблица 3 показывает понятия, частотность упоминания и их распределение по годам. Можно выделить два основных смысла, которые повторялись – «внутренняя идентичность и принадлежность» и «духовная и культурная связь».

Таблица 3
**Смысл понятия «русская душа»
(количество текстов, в которых данные характеристики
даны и распределение по годам)**

Направление	2020	2021	2022	2023	2024
Внутренняя идентичность и принадлежность	7	1	4	3	5
Духовная и культурная связь	5	0	4	1	9
Стереотипные положительные черты	0	0	3	2	0
Эмоциональная широта и глубина	2	0	0	1	2
Критический или альтернативный взгляд	1	0	1	2	0

В источниках обнаружена рефлексия по поводу некоторых наций, стран и иных «других», которые выступают как референтные группы, так как авторы эссе нередко противопоставляют себя им и определяют свою особость через такое отношение. Анализ отношений к этим референтным группам показал, что наиболее

частым было нейтральное отношение, уровень которого несколько уменьшился в 2022 г., но затем вернулся к уровню 2020 и 2021 гг. Защитное и оборонительное отношение усилилось в 2022–2024 гг. Результаты представлены в таблице 4.

Таблица 4
Отношение к другим нациям
(количество текстов и распределение по годам)

Категория	2020	2021	2022	2023	2024
Нейтральное / эгалитарное отношение	6	5	2	7	5
Защитное / оборонительное отношение	4	0	4	8	7
Превосходство / сравнительное отношение	4	3	1	4	1
Критическое отношение	2	0	3	3	0
Положительное отношение	1	0	3	0	2

Анализ того, кто был отмечен в качестве врагов и друзей России, показывает, что в эссе крайне редко использовалось понятие «враг / вражеский» и «друг / дружеский», за исключением одного эссе: «...я русский, поэтому я различаю русского человека и россиянина. Русский человек – человек славянской натуры, Россиянин – человек восточной внешности из дружественных республик, которые входят в состав Российской Федерации. Это важная деталь, которую необходимо понимать в контексте данного эссе». В общем контексте были упомянуты субъекты и феномены, которые воспринимаются как «недружественные». Тема друзей России была слабо представлена в текстах, были названы «братские народы» (3), сербы (2), Беларусь / белорусы (2) и татары (2). Таблица 5 показывает частотность и иерархию упоминаний «врагов России», а также распределение этих ответов по годам.

Таблица 5
Внешние угрозы / враги России
(количество текстов и распределение по годам)

Субъект	2020	2021	2022	2023	2024
Внешние угрозы / враги (обобщенно)	8	1	3	8	8
Запад	2	0	5	6	6
Европа	2	1	2	8	2
Украина (и украинский народ)	0	1	1	5	0
Нацизм / фашизм / национализм	3	0	0	4	1
США	1	0	0	4	1
Враждебные ценности	2	0	0	0	0
Постсоветское пространство	0	0	1	0	0

Обсуждение роли России в мире было заметной темой в эссе, и на первом месте было упоминание ее уникальности и самобытности (50). Следующей категорией, которую использовали студенты, были понятия «ассимиляция и многонациональность» (12) и «сопротивление внешнему влиянию» (7). Частотность этих подходов и распределение по годам представлено в таблице 6. Таблица показывает резкий рост самоощущения «的独特性和原创性» в 2023 г., и появление темы «сопротивления внешнему влиянию».

Таблица 6
Роль России в мире
(количество текстов и их распределение по годам)

Категория	2020	2021	2022	2023	2024
Уникальность и самобытность	9	1	10	19	11
Ассимиляция и многонациональность	3	0	2	3	4
Сопротивление внешнему влиянию	0	0	1	3	3

В эссе были представлены оценки прошлого, настоящего и будущего России, что позволило выделить эту тему отдельно. К «прошлому» были отнесены замечания авторов об историческом наследии России, конкретных исторических событий и их связи с современностью. К «настоящему» были отнесены выраженные представления авторов о сегодняшнем дне и актуальных проблемах страны, к «будущему» – слова о перспективах развития России и русской идентичности.

Хотя сложно выявить точную дату разделения на прошлое и настоящее, в анализируемых эссе явно представлена идея о том, что «прошлое» заканчивается с оформлением Российской Федерации и преодолением кризисов 1990-х годов, что рассматривается авторами эссе как часть истории. Определяющим фактором при отнесении конкретного суждения к описанию прошлого или настоящего являлась интерпретация автора эссе. Если событие описывалось как актуальное, то оно было отнесено к настоящему, если оно описывалось как завершенный исторический этап, то – отнесено к прошлому.

Анализ отношений к прошлому, настоящему и будущему России базировался на следующих категориях.

1. Классификация подходов к определению прошлого:

Позитивный (Гордость и наследие): авторы подчеркивают богатую историю России, достижения, культурное наследие и стойкость народа, вызывающие гордость;

Критический (Ошибки и влияние): авторы фокусируются на поражениях, внешних влияниях или негативных аспектах, таких как кризисы или утраты;

Ностальгический (Идеализация): подход, где прошлое идеализируется как источник единства, без глубокого анализа;

Отсутствующий: прошлое не упоминается.

2. Классификация подходов к определению настоящего:

Сохранение идентичности (Традиции и менталитет): авторы подчеркивают сохранение русской культуры, традиций и менталитета в современном мире;

Кризис идентичности (Вызовы и проблемы): фокус на глобализации, утрате идентичности или конфликтах;

Критический (Критика текущих событий): авторы критикуют политику, национализм или внешние влияния;

Отсутствующий: настоящее не упоминается.

3. Классификация подходов к определению будущего:

Оптимистичный (Надежда и развитие): авторы выражают надежду на сохранение культуры, преодоление вызовов и процветание;

Пессимистичный (Риски и утраты): фокус на рисках потери идентичности или негативных сценариях;

Отсутствующий: будущее не упоминается.

Представленность этих категорий в текстах, а также распределение по годам представлено в таблице 7, 8а, 8б и 8в. Преобладание в эссе категорий прошлого и настоящего над рассуждениями о будущем указывает, по нашему мнению, что российская идентичность в публичном пространстве и метадискурсах сконцентрирована на истории и настоящем страны и в гораздо меньшей степени на ее будущем.

Таблица 7

Распределение текстов по категориям представления прошлого, настоящего, будущего России

Тема	Категория	Количество текстов
Прошлое	Позитивный	123
	Отсутствующий	23
	Критический	20
Настоящее	Сохранение идентичности	117
	Кризис идентичности	31
	Критический	17
	Отсутствующий	1
Будущее	Отсутствующий	103
	Оптимистичный	59
	Пессимистичный	4

Таблица 8а
Прошлое России (распределение по годам)

Подход	2020	2021	2022	2023	2024
Позитивный	25	9	24	33	32
Отсутствующий	8	4	4	6	1
Критический	4	2	4	8	2

Таблица 8б
Настоящее России (распределение по годам)

Подход	2020	2021	2022	2023	2024
Сохранение идентичности	29	8	22	29	29
Кризис идентичности	5	5	7	9	5
Критический	3	2	3	8	1
Отсутствующий	0	0	0	1	0

Таблица 8в
Будущее России (распределение по годам)

Подход	2020	2021	2022	2023	2024
Отсутствующий	25	11	22	30	15
Оптимистичный	11	4	8	17	19
Пессимистичный	1	0	2	0	1

Одной из повторяющихся тем эссе были рассуждения о «настоящих и ненастоящих русских». Для подходов авторов к постановке проблематики были выделены следующие категории критерии.

Этнические критерии: в рамках этого подхода подчеркивается биологическое или генетическое происхождение, например кровь, корни или расовые черты как основа для определения «настоящего» русского.

Культурные критерии: акцент делается на знании, практике и погружении в русскую культуру, язык, традиции и историю. Якобы «ненастоящие» русские не впитывают эти элементы.

Патриотические критерии: фокус на эмоциональной связи, любви к родине, патриотизме и активном вкладе в страну и на том, что «ненастоящие» русские не проявляют таких чувств.

Ментальные / духовные критерии: авторы подчеркивают внутреннюю сущность, такую как «русская душа», менталитет или духовные ценности, как ключевой фактор. «Ненастоящие» русские имитируют внешние признаки без глубины.

Формальные критерии основаны на юридических или объективных факторах, таких как гражданство, место рождения или паспорт, без учета внутренних качеств.

Распределение этих категорий по годам представлено в таблице 9.

Таблица 9

Критерии (не)настоящих русских

Критерии	2020	2021	2022	2023	2024
Ментальные / духовные	11	6	5	7	3
Культурные	8	1	5	11	5
Патриотические	4	0	5	8	0
Этнические	2	2	0	0	0
Формальные	0	0	0	2	0

В эссе достаточно часто были выражены эмоции авторов, что позволяет представить их иерархию и распределение по годам. Наиболее часто выражаемыми эмоциями были «любовь / привязанность» (60), «гордость» (44), «печаль» (35), «радость / счастье» (30), «страх / тревога» (19), «гнев / раздражение» (14), «восхищение / уважение» (12), «спокойствие / комфорт» (11) и «стыд / смущение» (8). Распределение эмоций по годам представлено в таблице 10. Можно отметить сохранение первенства «любви и привязанности», хотя произошло уменьшение этой эмоции в 2024 г., рост «гордости» с 2022 г., рост «страха и тревоги» в 2023 г. и сохранение почти неизменного упоминания «печали / горя» и «радости / счастья».

Таблица 10

Эмоции авторов (распределение по годам)

Эмоция	2020	2021	2022	2023	2024
Любовь / привязанность	14	4	16	18	8
Гордость	6	2	6	17	13
Печаль / горе	9	4	8	8	6
Радость / счастье	7	4	6	7	6
Страх / тревога	4	2	0	9	4
Гнев / раздражение	3	2	2	6	1
Восхищение / уважение	3	0	3	2	4
Спокойствие / комфорт	3	1	1	6	0
Стыд / смущение	0	0	3	4	1
Надежда / оптимизм	2	0	1	0	3
Патриотизм	0	0	0	4	2
Сострадание / эмпатия	0	0	1	1	3
Сомнение / недоверие	1	1	0	1	1
Удивление	0	1	1	2	0
Безразличие / апатия	2	1	0	0	0

Анализ текстов также показал, что понятие «россиянин» используется в среднем в 16–26% всех текстов. Было также выявлено увеличение числа цитирований, и абсолютное большинство цитат приходится на президента РФ В.В. Путина (17), Ф.М. Достоевского (16), Л.В. Толстого (14) и А.С. Пушкина (8). Таблица 11 показывает распределение цитат по авторам и по годам с перечнем первых пяти популярных имен. Примечательно, что для подкрепления своей позиции (или для рассуждения о разных взглядах на проблему) авторы чаще всего использовали ссылки на президента и русских классиков. Цитаты президента использовались для того, чтобы подчеркнуть многонациональный характер русской идентичности, которая является особой категорией и превосходит этничность и даже национальность, а ее ценности стоят выше этнической принадлежности. Цитаты В.В. Путина использовали для описания патриотизма как неотъемлемой составляющей русской идентичности с акцентом на том, что быть русским – значит осознавать свою «ответственность за сбережение России» и быть гордым за нее. Также цитаты В.В. Путина использованы для подкрепления рассуждений о «правильном» национализме, важности языка и истории для русской идентичности и для раскрытия понятия «Русский мир». Рост числа цитирований В.В. Путина показывает восприимчивость авторов к метадискурсам.

Таблица 11
**Цитирование в эссе (распределение по годам),
выборка по пяти самым упоминаемым**

Источник цитаты	2020	2021	2022	2023	2024
Путин В.В.	0	0	1	10	6
Достоевский Ф.М.	2	1	0	5	8
Толстой Л.Н.	1	1	2	3	7
Пушкин А.С.	2	0	1	1	4
Петр I	2	0	2	1	2

Заключение

Анализ текстов эссе позволяет сделать следующие выводы о том, как молодые люди определяют «русского» и как интерпретируют понятие «русскоcти». Ожидаемо наиболее часто называемыми маркерами были культура, язык, позитивные личностные характеристики, история, русская душа. Наибольшее разделение

мнений касалось надежности маркера языка. Примечательно, что язык оказался самый «жестким» маркером, так как проводит это разделение однозначно и категорично. Похожим образом можно увидеть трактовки других «жестких» маркеров: внешность, этническая принадлежность, география. Отношение к культуре, личностные характеристики, связь с историей и по-разному трактуемая «русская душа» могут восприниматься как гибкие маркеры, допускающие расширительное толкование «Русского мира» за пределами этническости. Такое расширительное толкование соответствует дискурсивным практикам макроуровня, что подкрепляется цитированием В.В. Путина, проявленное в последние три года.

Нarrативы о «русской душе» менялись, и если в 2020 г. наиболее частым было понимание «русской души» как почти мистического самоощущения, то в 2024 г. больший акцент был сделан на общность с русской культурой. Значимость культуры можно отметить в разделении на «настоящих» и «ненастоящих» русских, что может быть вызвано широко обсуждаемой «отменой» России в условиях санкций и разрыва связей со странами Запада. Это также отражает восприимчивость молодых людей к дискурсивным практикам макроуровня последние трех лет, включая обсуждение проблемы «отмены русской культуры». В характеристике русских усилились такие определения как «стойкий» и «патриотичный / солидарный», что отражает политические метадискурсы о противостоянии России странам Запада, а также главенствующего в 2022–2024 гг. защитного / оборонительного подхода по отношению к «другим». Интересно то, что во взглядах на прошлое, будущее и настоящее, большее значение удалено настоящему и прошлому, и зачастую «будущее» отсутствует в эссе. Заметным к 2024 г. стало выражение эмоции «гордость» и почти полное исчезновение таких эмоций как «стыд / смущение» и «спокойствие / комфорт».

Таким образом, общий портрет «русских» и «русскости», представленный в эссе студентов, показывает разнообразие трактовок и определений, что позволяет расширительно трактовать это понятие как гражданскую идентичность «россиянина», а не этнического русского. Наблюдается усиление культурного аспекта и культурного маркера. «Быть русским», согласно проведенному исследованию, означает, в первую очередь, связь с русской культурой, любовь к ней и ее ценность. Вторым по значимости и надежности маркером назван язык, в то время как происхождение и гражданство не являются определяющими маркерами.

Исследование выявило значимость патриотизма для русского в рефлексии студентов, и «гордость» является одной из главных выраженных эмоций. Важно отметить, что по поводу патриотизма высказаны противоположные взгляды, некоторые авторы эссе считают это качество важным и необходимым, другие – необязательным и скорее склонны к аполитичной культурологической интерпретации этого маркера. Эти тенденции совпадают с общероссийскими, отражаемыми в опросах общественного мнения россиян в последние пять лет, в характеристиках русских и стремления к консолидации общества¹. Данные результаты согласуются с наблюдением о значимости гибких маркеров, которые позволяют считать русскими разные этнические группы, что должно обеспечивать консолидацию многонационального российского общества в противостоянии с внешними вызовами. Это означает дальнейшее стирание границ между понятиями «русскость» и «российскость» и открывает возможность для выхода российской идентичности за пределы этноса, языка и гражданства.

Такое представление о «русскости» может отражать доминирование государственного метадискурса о необходимости консолидации российского общества, что подтверждается преобладанием цитат президента. Расширительное толкование российской / русской идентичности, стирание жестких граней между этими понятиями отражает официальную политику идентичности, избегание «жестких маркеров», которые могли бы расколоть общество в условиях описанного студентами существования «внешних врагов» и угроз со стороны Запада России. Однако остается открытым вопрос о том, как эта тенденция воспринимается россиянами – представителями нетитульной нации, теми, кто русскими себя не считает: готовы ли они стать русскими? Равно как и сложно предсказать возможность усиления националистических настроений как реакции на политику консолидации общества в рамках «Русского мира» и России как государства-цивилизации.

¹ Федоров В.В. Идентичность россиян // ВЦИОМ. – 2024. – Режим доступа: <https://wciom.ru/presentation/prezentacii/identichnost-rossijan> (дата посещения: 20.04.2025).

L.V. Deriglazova, S.A. Akhromenko*
“What does it mean to be Russian?”:
Interpretation of students’ essays
(2020–2024)

Abstract. The issue of content and change of Russian identity remains to be actual as Russian nation continues its formation since 1991. This article continues the investigation transformation of the semantic content of «Russianness» and incorporates new sources from 2020–2024. The data consists of 166 essays written by students from a regional university on the topic «What does it mean to be Russian?». The analysis relies on a constructivist approach and the methodology of discursive practices. Big data analysis methods (Python, Pymorphy2) with processing by the large language model Grok 3 Mini were used for analysing data. The work aims to find main identity markers and their dynamics in 2020–2024.

The analysis revealed the main markers mentioned in essays: culture (72,29% of texts), language (69,88%), positive personal characteristics (50.6%), history (38,55%), and the «Russian soul» (31,33%). It was revealed that the essays’ authors preferred flexible markers that allow to expand «Russian World» in opposite to rigid markers: language, appearance, ethnicity, geography. The growing importance of culture reflected in defining the broadly interpreted «Russian soul» and separating «true» from «non-true» Russians. The dynamics of characteristics ascribed to Russian, judgments in regard to other nations, and the emotional exposure in the essays indicated a strengthening of consolidation sentiments in the context of confronting external hostile influence (generalized «external enemies» and the West). Thus, by 2024, characteristics like «resilient», «patriotic / solidary» had significantly strengthened, while emotionally, feelings of «pride» has grown with almost disappearance of such feelings as «shame/embarrassment» and «calmness/comfort». The essays revealed predominant references to V.V. Putin and his quotes as well to Russian classics: F.M. Dostoevsky, L.N. Tolstoy, A.S. Pushkin, which showed increasing influence of official meta-discourses after 2022. Overall, the analysis results proved aligned with public opinion polls but revealed a complex attitude towards the issue of patriotism and its role in «Russianness». The conducted study could add to methodology of studying Russian identity among youth by new methods of data analysis of local sources.

Keywords: markers of Russian identity; Russianness; metadiscourses; discursive practices; Russia; youth; national security.

For citation: Deriglazova L.V., Akhromenko S.A. “What does it mean to be Russian?”: Interpretation of students’ essays (2020–2024). *Political science (RU).* 2025, N 4, P. XX-XX. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.04.09>

* **Deriglazova Larisa**, Tomsk State University (Tomsk, Russia), e-mail: dlarisa@inbox.ru; **Akhromenko Semyon**, Tomsk State University (Tomsk, Russia), e-mail: axromenko@mail.ru

References

- Astvatsatuрова М.А., Дзакова Л.Х., Чихтисов Р.А. The concept of Russianness vs. the concept of «Rossiyaneness»: Interpretation within the framework of understanding Russian political science. *Voprosy politologii*. 2022, Vol. 12, N 7 (83), P. 2150–2165. DOI: <http://www.doi.org/10.35775/PSI.2022.83.7.001> (In Russ.)
- Deriglazova L.V. «What does it mean to be Russian?» in the responses of students studying international relations at TSU in 2006 and 2014. In: Num I.V. (ed.). *Man in the changing world. Problems of identity and social adaptation in history and modernity*. Tomsk: Tomsk State University Publishing House, 2015, P. 55–73. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. Russian and ethnic identity: confrontation or compatibility. *Rossiya reformiruiushchaisia*. 2002, N 2, P. 213–244. (In Russ.)
- Drobizheva L.M., Arutyunova E.M., Evseeva M.A. Search for definition and dynamics of the spread of Russian identity. In: Arutyunova E.M., Ryzhova S.V. (eds). *Substantive foundations of Russian identity. Regional and ethnocultural contexts*. Moscow: FNISC RAS, 2021, P. 21–36. (In Russ.)
- Evgenyeva T.V., Selezneva A.V. The image of the «enemy» as a factor in the formation of national identity of modern Russian youth. *Polis. Political Studies*. 2007, N 3, P. 83–92. (In Russ.)
- Iliynych S.A., Kunitsyn D.V. Russian Youth: Important Orientation in Values. *Ideas and Ideals*. 2025, Vol. 17, N 1–2, P. 229–240. DOI: <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2025-17.1.2-229-240> (In Russ.)
- Issers O.S. *People speak... Discursive practices of our time: monography*. Omsk: Omsk state university publishing house, 2012, 276 p. (In Russ.)
- Korobov M., Morphological analyzer and generator for Russian and Ukrainian languages. *Analysis of images, social networks and texts*. 2015, Vol. 542, P. 320–332. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.1503.07283>
- Kot Yu.V. Russianness: defining the concept. *Journal of Siberian federal university. Humanities & social sciences*. 2024, Vol. 17, N 4, P. 730–736. (In Russ.)
- Klyuev A. S. Phenomenology of the Russian spirit. *Credo new*. 2024, N 3 (117), P. 163–167. (In Russ.)
- Mäkinen S. Russia – a leading or a fading power? Students' geopolitical meta-narratives on Russia's role in the Post-Soviet space. *Nationalities papers*. 2015, N 44 (1), P. 92–113. DOI: <https://doi.org/10.1080/00905992.2015.1074994>
- Malinova O. Russian Identity and the «Pivot to the East»: An Analysis of Rhetorical References to the American and Chinese «Others» in Political Elite Discourse. *Problems of Post-Communism*. 2019, Vol. 66, N 4, P. 227–239. DOI: <https://doi.org/10.1080/10758216.2018.1502613>
- Malinova O.Yu. *Relevant past: symbols–policy of governing elites and dilemmas of Russian identity*. Moscow: Russian political encyclopedia, 2015, 207 p. (In Russ.)
- Omelchenko E.L. Youth, fatherland and government – (Un)mutual love. *Sociodigger*. 2022, Vol. 3, N 1–2 (16), P. 151–156. (In Russ.)
- Omelchenko E.L., Lisovskaya I.V. Youth as barometry of the future? Russian youth agenda in opinions of youth-policy experts. *Public opinions monitoring: economical and societal changes*. 2022, N 2 (168), P. 66–92. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2078> (In Russ.)

- Rastorguev S.V., Titov V.V. Russian national-governmental identity crisis in transitional XX–XXI century period: factors, differences, representations. *RUDN journal of political science*. 2024, Vol. 26, N 2, P. 277–291. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-277-291> (In Russ.)
- Russian Values: Traditional Meanings and Their Representations in Russian Youth Identity* / S.V. Perevezentsev, A.V. Selezneva, T.V. Evgenievna [et al]. Moscow: Kvadriga, 2024. 720 p. (In Russ.)
- Sakwa R. Russia's identity: between the 'domestic' and the 'international.' *Europe-Asia studies*. 2011, Vol. 63, N 6, P. 957–975. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203718254-4>
- Selezneva A.V. Values-foundations of politics: conceptual analysis and ways for empirical research. *RUDN journal of political science*. 2024, Vol. 26, N 2, P. 223–233. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-223-233> (In Russ.)
- Semenenko I.S. Civilization identity in identity politics: changing world order and Russia's priority. *Governmental management*. 2024, N S1, P. 79–87. DOI: [https://doi.org/10.55959/MSU2070-1381-104\(S\)-2024-79-87](https://doi.org/10.55959/MSU2070-1381-104(S)-2024-79-87) (In Russ.)
- Semenko I.S. (ed.). *Identity: personality, society, politics: encyclopedic edition*. Moscow: Ves' Mir, 2017, 992 p. (In Russ.)
- Sharafutdinova G. *The afterlife of the "Soviet man": rethinking Homo Sovieticus*. London: Bloomsbury, 2023, 121 p.
- Slezkin U.L. Unique civilization-state, its neighbors and relatives. *Russia in global politics*. 2023, Vol. 21, N 4, P. 44–55. DOI: <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-444-55> (In Russ.)
- Teslya A.A. In search of «Russian». *Russia in global politic*. 2021, Vol. 19, N 2 (108), P. 25–41. DOI: <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2021-19-2-25-41> (In Russ.)
- Teslya A.A. Slavophile concepts of “Russian” and “Russianness” in the late 1830s – first half of the 1840s. *Patria*. 2025, Vol. 2, N 2 (6), P. 46–58. DOI: <https://doi.org/10.17323/3034-4409-2025-2-2-46-58> (In Russ.)
- Tishkov V.A. Nation, nationalism and nation-building. *Russia in global politic*. 2021, Vol. 19, N 2 (108), P. 42–62. (In Russ.)
- Tishkov V.A., Tutorsky A.V. Russians. *Great Russian encyclopedia*. 2023. Mode of access: <https://bigenc.ru/c/russkie-5c4935/?v=9573022> (accessed: 22.07.2025). (In Russ.)
- Tsumarova E.Yu. Unity in variety, or how Russian regions can persist and strengthen Russia. *Untouchable stock. Political and cultural debates*. 2015, N 5 (103), P. 57–66. (In Russ.)
- Varshaver E.A., Ivanova N.S., Egorova T.D. Imagining the Russian nation: who is considered part of Russian society by its residents and is it possible to become one? *RUDN journal of political science*. 2024, Vol. 26, N 2, P. 306–324. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-306-324> (In Russ.)
- Vershinin I. The role of discursive practices in public diplomacy and international relations: The case of Russia–Japan relations. *Europe-Asia studies*. 2023, Vol. 75, N 9, P. 1560–1578. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2023.2244200> (In Russ.)
- Wang Ya. (Re)imagining the region: narratives of “Eurasia” in the discourse of Vladimir Putin (2011–2024). *Political science (RU)*. 2025, N 2, P. 62–87. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.02.03> (In Russ.)

Литература на русском языке

- Аствацатурова М.А., Дзахова Л.Х., Чихтисов Р.А.* Концепт русскости versus концепт российскости: осмысление в возможностях понимающей российской политологии // Вопросы политологии. – 2022. – Т. 12, № 7 (83). – С. 2150–2165. – DOI: <http://www.doi.org/10.35775/PSI.2022.83.7.001>
- Ван Я.* (Пере)воображая регион: нарративы о «Евразии» в дискурсе В.В. Путина (2011–2024) // Политическая наука. – 2025. – № 2. – С. 62–87. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.02.03>
- Варшавер Е.А., Иванова Н.С., Егорова Т.Д.* Воображая российскую нацию: кто, с точки зрения жителей России, является частью российского общества и можно ли стать его частью? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2024. – Т. 26, № 2. – С. 306–324. – DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-306-324>
- Дериглазова Л.В.* «Что значит быть русским?» в ответах студентов, изучающих международные отношения в ТГУ, 2006 и 2014 гг. // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: сборник научных статей. – Томск: Издательство Томского университета, 2015. – С. 55–73.
- Дробижева Л.М.* Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся. – 2002. – № 2. – С. 213–244.
- Дробижева Л.М., Арутюнова Е.М., Евсеева М.А.* Поиски определения и динамика распространения российской идентичности // Содержательные основы российской идентичности. Региональный и этнокультурный контексты / под ред. Е.М. Арутюновой, С.В. Рыжовой. – М.: ФНИСЦ РАН, 2021. – С. 21–36.
- Евгеньева Т.В., Селезнева А.В.* Образ «врага» как фактор формирования национальной идентичности современной российской молодежи // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). – 2007. – № 3. – С. 83–92.
- Идентичность: личность, общество, политика: энциклопедическое издание / Л.А. Андреева, А.Л. Бардин, И.И. Баринов [и др.]. – М.: Весь Мир, 2017. – 992 с.
- Ильиных С.А., Кунцын Д.В.* Российская молодежь: значимые ценностные ориентации // Идеи и идеалы. – 2025. – Т. 17, № 1–2. – С. 229–240. – DOI: <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2025-17.1.2-229-240>
- Иссерс О.С.* Люди говорят... Дискурсивные практики нашего времени: монография. – Омск: Издательство Омского государственного университета, 2012. – 276 с.
- Кот Ю.В.* Русскость: к определению понятия // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – Т. 17, № 4. – С. 730–736.
- Клюев А.С.* Феноменология русского духа // Credo New. – 2024. – № 3 (117). – С. 163–167.
- Малинова О.Ю.* Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2015. – 207 с.
- Омельченко Е.Л.* Молодежь, Родина и государство – (не)взаимная любовь // Социодиггер. – 2022. – Т. 3, № 1–2 (16). – С. 151–156.

- Омельченко Е.Л., Лисовская И.В. Молодежь как барометр будущего? Молодежная повестка в современной России сквозь мнения экспертов по молодежной политике // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2022. – № 2 (168). – С. 66–92. – DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2078>
- Расторгуев С.В., Титов В.В. Кризис российской национально-государственной идентичности в конце XX – начале XXI в.: факторы, специфика, репрезентации // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2024. – Т. 26, № 2. – С. 277–291. – DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-277-291>
- Русские ценности: Традиционные смыслы и их отражение в сознании современной молодежи / С.В. Перевезенцев, А.В. Селезнева, Т.В. Евгеньева [и др.]. – М.: Издательство «Квадрига», 2024. – 720 с.
- Селезнева А.В. Ценностно-мировоззренческие основания политики: концептуальное осмысление и линии эмпирического изучения // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2024. – Т. 26, № 2. – С. 223–233. – DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-223-233>
- Семененко И.С. Цивилизационная идентичность в повестке политики идентичности: меняющийся миропорядок и российские приоритеты // Государственное управление. Электронный вестник. – 2024. – № S1. – С. 79–87. – DOI: [https://doi.org/10.55959/MSU2070-1381-104\(S\)-2024-79-87](https://doi.org/10.55959/MSU2070-1381-104(S)-2024-79-87)
- Слезкин Ю.Л. Самобытное государство-цивилизация, его соседи и родственники // Россия в глобальной политике. – 2023. – Т. 21, № 4. – С. 44–55. – DOI: <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-444-55>
- Тесля А.А. В поисках русского // Россия в глобальной политике. – 2021. – Т. 19, № 2 (108). – С. 25–41. – DOI: <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2021-19-2-25-41>
- Тесля А.А. Славянофильские представления о «русском» и «русскою» в конце 1830-х – первой половине 1840-х годов // Patria. – 2025. – Т. 2, № 2 (6). – С. 46–58. – DOI: <https://doi.org/10.17323/3034-4409-2025-2-2-46-58>
- Тицков В. А. Нация, национализм и нациестроительство // Россия в глобальной политике. – 2021. – Т. 19, № 2 (108). – С. 42–62.
- Цумарова Е.Ю. Единство в многообразии, или Как российским регионам сохранить себя и укрепить Россию // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2015. – № 5 (103). – С. 57–66.

КОНТЕКСТ

С.П. ПОЦЕЛУЕВ*

«КВАЗИНАРРАТИВ»: К ПЕРСПЕКТИВАМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОГО КОНЦЕПТА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ¹

Аннотация. Статья нацелена на осмысление перспектив использования концепта квазинарратива в методологии политической науки. Отправным пунктом размышлений автора выступает дискуссия о специфике политического нарратива, обусловленная конкуренцией эсценалистского и релятивистского подходов к его истолкованию. Отмечая роль развитого в традиции Narrative Policy Framework понятия «индекса нарративности», автор ставит вопрос о необходимости осмыслиения роли квазинарративов в политическом дискурсе. «Квазинарратив» – это зонтичное понятие для всех видов необычной нарративности, так или иначе не вписывающейся в стандартные определения (понятия) нарратива. В статье отмечается, что концептуализация неестественных нарративов актуализирует вопрос о границах повествовательности как таковой. Квазинарратив играет на границе повествовательности, но оставаясь в ее орбите, отличается от псевдонарратива, который лишь имитирует ее главные отличительные признаки. С опорой на работы известных нарратологов (Брайана Ричардсона, Джеральда Принса, Робин Уорхол и др.) автор предлагает обзор основных видов квазинарратива. К ним отнесены ненарративное [unnarrated], диснарративное [disnarrated], ноннарративное [nonnarrated], денарративное [denarrated], антинарративное [antinarrative], а также неповествуемое [unnarratable] в нескольких его разновидностях и категориальная пара «недорассказанного» [undernarrated] и «сверхрассказанного» [overnarrated]. В заключительной части статьи формулируется ряд соображений и гипотез

* **Поцелуев Сергей Петрович**, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии, Южный федеральный университет; главный научный сотрудник лаборатории политологии и права, Южный научный центр РАН (Ростов-на-Дону, Россия), e-mail: spotselu@mail.ru

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания Южного научного центра РАН на 2025 г., № 125011200149-6

относительно методологического потенциала данной категориальной сетки в таких исследовательских областях политической науки, как экспликация неявных властных (идеологических) установок и стратегий в дискурсе, когнитивно-эмоциональные игры с медийной аудиторией, дискурсивные игры с цензурой, конструирование и деконструкция политических идентичностей, потенциал квазинарративов в прогнозировании социально-политических кризисов.

Ключевые слова: политический нарратив; эссециалистский vs релятивистский подходы; Narrative Policy Framework; индекс нарративности; неестественная нарратология; квазинарративы; когнитивно-эмоциональные игры.

Для цитирования: Поцелуев С.П. «Квазинарратив»: к перспективам литературоведческого концепта в политической науке // Политическая наука. – 2025. – № 4. – С. 225–248. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.04.10>

Введение

Как заметил израильский политолог Шауль Шенхав, нарративный анализ в политической науке не опирается на собственную прочную традицию¹, поэтому всем интересующимся изучением политических нарративов никогда не лишне заняться адаптацией соответствующих понятий из литературоведения, коммуникативистики, лингвистики, и не в последнюю очередь – психологии. Тем более что уже в 1980-х годах американский психолог Теодор Сарбин пришел к выводу, что нарратив выступает «корневой метафорой» психологической науки. В пользу этого сильного тезиса Сарбин сформулировал «нарративный принцип: люди думают, воспринимают, воображают и делают моральный выбор в соответствии с повествовательными структурами» [Sarbin, 1986, р. 8]. Эта когнитивная принципиальность нарратива сопровождается его семиотической, пространственной и культурно-исторической универсальностью, когда «рассказывание – в почти необозримом разнообразии своих форм – существует повсюду, во все времена, в любом обществе; <...> преодолевая национальные, исторические и культурные барьеры, оно присутствует в мире, как сама жизнь» [Барт, 2000, с. 196]. Такая вездесущность нарративов закономерно служит основанием их междисциплинарных исследований. Неслучайно Филипп Хэммак и Эндрю Пилецки, развивая идеи своего учителя о нарративе как корневой метафоре психологии, выдвинули тезис о нарративе как

¹ Shenhav S. Narrative Analysis. Oxford Bibliographies. Last reviewed 12 September 2024. Last updated on 29.11.2020 – DOI: 10.1093/obo/9780199756223-0324 – Mode of access: <https://www.oxfordbibliographies.com/display/document/obo-9780199756223/obo-9780199756223-0324.xml> (accessed: 20.06.2025).

корневой метафоре *политической* психологии. Отмечая отсутствие единой объединяющей парадигмы в этой науке, американские психологи предложили в качестве таковой как раз «нarrатив» [Ham-mack, Pilecki, 2012, p. 75–76].

Однако первейшая методологическая проблема, которая встает при попытке сделать из нарратива парадигмальный концепт в любой научной дисциплине, не только в политической психологии, состоит в его определении.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы, во-первых, с опорой на анализ существующих определений нарратива вообще и политического нарратива в особенности поставить вопрос о методологической целесообразности понятия политического квазинарратива; во-вторых, оценить из перспективы политической науки методологический потенциал категориальной сетки квазинарративов, разработанной в современной нарратологии, а также связанные с этим исследовательские перспективы.

В качестве основного метода исследования автор применяет сравнительный анализ концептов в междисциплинарной перспективе.

Политический нарратив: проблема дефиниции

Поскольку систематическое изучение нарративов первоначально было предпринято литераторами, логично обратиться к их определениям повествовательности, но с учетом специфики политической науки, которая имеет дело главным образом¹ с нарративами реальных людей, а не вымышленных персонажей. Такая специфика обнаруживает недостаточность толкований нарратива, ориентированных исключительно на внутреннюю структуру текста произведения при абстрагировании, с одной стороны, от его дискурсивного контекста, а с другой – от реального мира, на который представленная в повествовании история спроектирована.

¹ Эта оговорка учитывает тот момент, что «исторические книги, новостные репортажи, автобиографии в каком-то смысле не менее вымыщлены, чем то, что традиционно классифицируется как таковое. Фактически некоторые процедуры, используемые при анализе художественной литературы, могут быть применены к текстам, традиционно определяемым как “нон-фикшн”» [Rimmon-Kenan, 1983, p. 3]. Однако здесь есть одно важное ограничение: художественные тексты, в отличие от того же новостного репортажа, не скрывают своего статуса «фикшн».

В этом плане удачным представляется концепт «трех аспектов нарративной реальности» или повествовательного дискурса, предложенный Жераром Женеттом. Нарративный дискурс является, по Женетту, повествованием в собственном смысле (*récit*) (т.е. повествовательным текстом) благодаря связи с историей (*histoire*), которая в нем излагается; а в качестве дискурса он существует благодаря связи с нARRацией (*narration*) как коммуникативным актом, который его изрекает (и в этом смысле порождает) [Женетт, 1998, с. 67]. Правда, в традиции структуралистского литературоведения главным в нарративной реальности оказался именно текст, тогда как наличие инстанции рассказчика, а также стоявшая за произведением реальность стали несущественными. Но вопрос о том, какой именно структурный признак повествования следует считать решающим для его *differentia specifica*, является у литературоведов спорным. С чем они более или менее согласны, так это с утверждением, что нарративными являются «произведения, которые излагают историю, в которых изображается событие» [Шмид, 2003, с. 13]. Теоретик русского формализма Борис Томашевский развил теорию, где фабульная история характеризуется как целостный процесс перехода от завязки (начала) через кульминацию (середину) к развязке (концу). Причем этот процесс опосредован противоречием (коллизией) и борьбой (интригой) интересов персонажей произведения [Томашевский, 1996, с. 180–181].

Вопрос, однако, состоит в том, следует ли переносить развитые в литературоведении понятия фабулы, сюжета, интриги и т.д., на понятие политического нарратива? Ведь на формальную специфику последнего влияет не только то, как трактуется нарратив, но и то, как понимается политический дискурс. Как верно было замечено, «многие нарративы разрабатываются или распространяются не с политической целью, в то время как другие явно создаются политическими деятелями в стратегических целях, чтобы убедить их в переменах или повлиять на них» [Crow, Berggren, 2014, р. 133]. Но если нарративы создаются не с политической, а какой-то иной целью, значит ли это, что они по определению не могут быть политическими? Утвердительный ответ возможен только при отвлечении от социально-политического контекста таких нарративов, а он может придавать им вполне конкретный политический смысл, о котором авторы данных нарративов могут даже не подозревать. С другой стороны, намеренно сконструированные для по-

литических целей нарративы способны утрачивать политический характер в силу ряда факторов [Соловьев, 2025, с. 81].

В практике обсуждения специфики политического нарратива выделяются как минимум две стратегии, которые можно условно обозначить как *эссенциалистская и релятивистская*.

Эссенциалистский подход предполагает наличие в политическом нарративе набора (системы) сущностных признаков, утрата которых ведет к исчезновению его *differentia specifica* как особого жанра политического дискурса. Релятивистский подход толкует эту видовую специфику политического нарратива как нечто субъективное и ситуативное, тем самым отождествляя политический нарратив практически с любыми текстами, обращающимися в пространстве дискурса [Соловьев, 2025, с. 77].

А.И. Соловьев называет известную теорию Narrative Policy Framework примером «эссенциалистского прочтения нарратива в контексте его функционально-ролевого профиля в публичной политике», поскольку в NPF «политическая роль нарративов жестко связывалась с наличием единой структуры политических повествований» [Соловьев, 2025, с. 79]. И хотя NPF допускает возможность включения большего или меньшего количества элементов в структуру политического нарратива, есть определенный стандарт, который используется в большинстве исследований NPF (обстановка, персонажи, сюжет, мораль истории) [Shanahan, Jones, McBeth, 2018, р. 335]. Уже сам набор стандартных элементов политического нарратива характеризует его формальную специфику в сравнении с неполитическими нарративами. К примеру, под «моралью» политического нарратива понимаются именно прагматически ориентированные сентенции, которые могут не всегда выглядеть как политические решения каких-то персонажей рассказа, но в любом случае побуждают к определенным политическим решениям, наводят на мысль о таких решениях.

Что касается упомянутой релятивистской стратегии, то ее показательным примером может служить «минималистское структурное определение» политического нарратива, предложенное Ш. Шенхавом. Примечательно, что в качестве образца для своего определения израильский ученый выбирает дефиницию нарратива, высказанную литературоведом Ш. Риммон-Кенан: «любые два события, расположенные в хронологическом порядке, будут составлять историю (story)» [Rimmon-Kenan, 1983, р. 19]. Шенхава привлекает в этой дефиниции то, что она «не требует ни причинно-

следственной связи между событиями, ни указания на постоянный набор персонажей» [Shenhav, 2005, р. 79].

Важно, что аргументы в пользу аналогичного определения политического нарратива Ш. Шенхав подкрепляет ссылками на специфику политической коммуникации. Так, наличие не просто темпоральных, а причинно-следственных связей между событиями может, по его словам, оказаться проблематичным критерием для определения политических нарративов, поскольку установление причин часто становится яблоком раздора в политических дебатах, а политический дискурс «фактически является одним из механизмов достижения коллективного согласия по поводу причинности» [Shenhav, 2005, р. 81]. На наш взгляд, такая аргументация не очень сильная, причем не только потому, что не менее фактическим в политике является установление причин, приводящих к согласию, а политический дискурс может работать и как механизм раздора; очевидно также, что Шенхав смешивает здесь политическую конвенциональность причинности с ее объективной необходимостью в качестве когнитивного условия осмысления мира посредством нарратива. Аналогичным образом израильский ученый отвергает в роли необходимого критерия политического повествования наличие в нем истории с различными началом, серединой и концом, а также интриги, поскольку это якобы «сужает» политический нарратив, оставляя за бортом «политические доклады об институтах, бюджетах и бюрократических проблемах, которые несколько далеки от вопросов, волнующих главных героев» [Shenhav, 2005, р. 84].

Отвергая повествовательную завершенность и связность в качестве критерии политического нарратива, Ш. Шенхав замечает, что «даже если бы эти критерии существовали, возможное отклонение кандидатов на нарратив, не соответствующих им, сузило бы наш кругозор до конкретных сюжетных структур или жанровых условностей повествования» [Shenhav, 2005, р. 82]. Но именно поэтому и нужен концепт необычного (неестественного) нарратива (или *квазинарратива*), который бы отражал его статус аномальной и вместе с тем неотъемлемой части семейства нарративов. В релятивистской же парадигме признание за всем, что похоже на нарратив, собственно нарративного статуса достается дорогой ценой – полным выхолащиванием различия между повествовательным и неповествовательным дискурсом.

Эта проблематика нашла отражение в традиции Narrative Policy Framework, а именно в понятии индекса нарративности (*narrativity index*) как «показателя того, сколько нарративных эле-

ментов и стратегий включено в одно повествование» [Crow, Berggren, 2014, p. 147]. По мнению Элизабет Шанахан и ее соавторов, у политического повествования должен быть хотя бы один персонаж – этим повествование отличается от неповествования вроде хронологии или отчета. Но являются ли, например, слоганы или наклейки на автомобильном бампере нарративами? По словам Э. Шанахан и др., «эти фразы не являются повествовательными, потому что персонажи, которые более четко определяют намерения автора, просто не проявляются. Но как насчет Твиттера? YouTube? Мемов?» [Shanahan, Jones, McBeth, 2018, p. 336].

Именно для концептуализации структурного разнообразия нарративов, в особенности тех, что выражены невербально, в NPF и предлагается «индекс нарративности». Представленные в соответствующих исследованиях наборы элементов повествовательной структуры не претендуют на универсальность, а заточены на конкретные случаи. Но они показывают, что сам факт вариаций и дефицитов в составе базовых структурных элементов (что мы обозначаем статусом «квази-») политического повествования неизбежно ведет к отрицанию или обеднению его общей структуры, в особенности ее коммуникативной составляющей с учетом присущего политическому нарративу «полифонического звучания» [Мусихин, 2024, с. 122], а также «возможности выявления имплицитных нарративных стратегий в индивидуальном и групповом сознании» [Подшибякина, 2023, с. 89].

В целом понятие «индекса нарративности» определяет то, что можно назвать *квазинарративностью*, скорее с количественной стороны, как разные степени дефицита базовых элементов нарративной структуры. Предполагаемое же нами понятие политической квазинарративности, напротив, нацелено на ее качественную характеристику: как свойства нарративной структуры быть представленной в политическом дискурсе в имплицитных, аномальных и редуцированных формах. Разумеется, это не исключает ее описания и в количественных терминах по аналогии с «индексом нарративности». Однако развертывание понятия квазинарративности в политическом дискурсе выходит за рамки данной статьи, где мы, ограничиваясь аспектом текстовой структуры повествования, лишь ставим вопрос о целесообразности использования самого понятия квазинарратива в методологическом инструментарии политической науки.

Такое ограничение неслучайно: как справедливо заметил Ш. Шенхав, нарратология как ведущий подход к систематическому

изучению нарративов был разработан в основном литературоведами и «до сих пор не адаптирован к вопросам, актуальным для политики»¹. Это особенно верно в случае концепта квазинарратива, который в наиболее развитом виде представлен тоже у литературоведов-нарратологов.

Квазинарратив как концепт «неестественной нарратологии»

За рубежом в последние пару десятилетий появились литературоведческие работы, в которых понятие нарратива разрабатывалось в русле попыток дополнить существующую нарративную теорию с учетом обилия постмодернистских и авангардистских текстов. Эти попытки со временем вылились в «неестественную нарратологию» (*unnatural narratology*) как «самую захватывающую новую парадигму в теории повествования и самый важный новый подход с момента появления когнитивной нарратологии» [Alber, Nielsen, Richardson, 2013, p. 1]. Всех теоретиков «неестественного повествования» характеризует неприятие «миметического редукционизма», т.е. требования объяснять все основные аспекты повествования в первую очередь реалистическими моделями. Сюда относятся художественные тексты, которые с позиции «естественного» повествования представляются бессюжетными, бессмысленными, произвольными, бессвязными и противоречивыми (абсурдными). Сами авторы, пользующиеся концептом неестественных нарративов, признают его многозначность как нечто, впрочем, нормальное.

Среди современных научных работ, посвященных тематике неестественной повествовательности, особо значимыми представляются труды американского литературоведа Брайана Ричардсона. Для него основополагающим критерием неестественного повествования также является нарушение миметических конвенций, которые управляет «разговорными естественными повествованиями»². А в художественном дискурсе неестественные нарративы

¹ Shenhav S. Narrative Analysis. *Oxford Bibliographies*. Last reviewed 12 September 2024. Last updated on 29.11.2020 – DOI: 10.1093/obo/9780199756223-0324 – Mode of access: <https://www.oxfordbibliographies.com/display/document/obo-9780199756223/obo-9780199756223-0324.xml> (accessed: 20.06.2025).

² Первоначально термин «неестественный» был противоположен по смыслу понятию разговорных естественных повествований (conversational natural

бросают вызов внутренне согласованной истории (фабуле) с ее связкой, кульминацией и развязкой, самому различию между фабулой и сюжетом и т.д. [Richardson, 2013, p. 16].

Насколько нам известно, среди литературоведов-нarrатологов первым концепт «квазинарративного» в подразумеваемом нами смысле стал использовать именно Б. Ричардсон. К сфере квазинарративного британский ученый относит так называемые полунарративные жанры вроде анналов и хроник, а также портрет и набросок. Он рассматривает их как «минимально повествовательные формы» или как бессюжетные повествовательные прогрессии (упорядочивания) на основе интертекстуального, риторического, коллажного и т.д. принципов упорядочивания художественного содержания. Хотя эти произведения обходятся без принципов сюжетного упорядочивания, они остаются повествованиями, поскольку в них присутствует причинно-следственная связь между последовательными событиями, пусть слабая или необычная. Самым интригующим аспектом такого рода произведений он считает «их игру на границе повествовательности, а не то, какую сторону они в итоге занимают» [Richardson, 2019, p. 21].

Нарратологом Гарольдом Мошером были предложены для обозначения таких промежуточных (смешанных, гибридных) форм нарративности концепты «описательного повествования» (descriptized narration) и «повествовательного описания» (narratized description) [Mosher, 1991]. Хотя сам Мошер называл эти дискурсивные формы «псевдов повествованием» и «псевдоописанием», современные нарратологи склонны их квалифицировать как «квазиповествование» (quasi-narrative, quasi-story) [Herman, 2009, p. 13], которое в структурном плане остается хотя и периферийным, но нарративом, который лишь функционально выполняет роль описания. Можно сказать, что в этой функции он как раз играет на границе повествовательности, как она истолковывается при эссециалистском подходе.

Б. Ричардсон в той мере разделяет такой подход, в какой он отвергает слишком широкую трактовку нарратива, утверждающую, что повествование есть способ восприятия, а не особенность текста: поэтому все, что мы читаем как повествование, таковым и является. На это американский нарратолог резонно замечает: «Мы можем попытаться прочитать закон, силлогизм, географиче-

narratives), развитому социолингвистом Уильямом Лабовом. В «полностью развитом» естественном нарративе он выделял шесть элементов (abstract, orientation, complicating action, evaluation, result or resolution, code). См.: [Labov, 1972, 362–363].

ское описание или даже случайные следы на песке как повествование, и мы можем извлечь из этого что-то ценное; но факт остается фактом: такое прочтение не преобразует данные типы текстов в нарративы» [Richardson, 2019, р. 16]. На наш взгляд, Ричардсон справедливо указывает как минимум на два момента, которые следует отнести к сущности любой повествовательности. Во-первых, нарратив должен отражать временность (историчность) человеческого существования и представлять события во времени. Во-вторых, как указывает Ричардсон со ссылкой на Б. Томашевского, для придания произведению повествовательного статуса необходимы причинно-следственные связи между событиями; без них это просто наводящий на размышления, ненарративный монтажный ряд. При этом «причинная связь событий» понимается широко, как любая «часть одной и той же общей причинно-следственной матрицы» [Richardson, 2019, р. 28]. Правда, американский нарратолог, следуя литературоведческой (текстцентричной) традиции, отвлекается от важного для политической науки коммуникативного аспекта повествования, который у Ж. Женетта выражен термином «наARRации», а у П. Рикёра – проблематикой рецептивной эстетики на уровне «мимесис-III». Для французского философа построение интриги изначально соотносится с актом чтения, т. е. выступает «совместным делом и текста, и его читателя» [Рикёр, 1998, с. 94]. На это же направлен и политический нарратив, если он – нарратив, а не любой фрагмент дискурса: его рецепция аудиторией заложена в него как конечная цель.

Неестественная повествовательность может либо отрицать эти существенные черты нарратива, либо только играть в отрижение, оставаясь пусть и необычным, но повествованием. Во втором случае подразумевается квазинарратив, а вот в первом Ричардсон говорит о псевдонарративе, приводя в качестве примера текст американского писателя Дэвида Шилдса «История жизни» (аллюзию к этой же работе обнаруживает приведенный выше пример в статье Э. Шанахан и др. [Shanahan, Jones, McBeth, 2018, р. 336]). Последний представляет собой коллекцию реальных наклеек на автомобильные бамперы, организованную, правда, в тематические кластеры. Ричардсон называет такую коллекцию «псевдонарративом», поскольку она «лишь имитирует, но не включает в себя подлинное повествование, каким бы минимальным оно ни было» [Richardson, 2013, р. 18].

Значение несюжетных форм повествовательности выходит далеко за границы искусства, если мы подумаем о нарративах,

транслируемых в повседневном общении или в пространстве современных медиа, уже ставшем частью повседневности. В известном смысле эти нарративы – массовые аналоги художественных квазинарративов. Соответственно, изучать их можно с привлечением классификаций, которые уже развиты в неестественной нарратологии.

В отечественной нарратологии структурная классификация политических нарративов обычно ограничивается их естественными формами, включающими мета-, макро-, микро- (мини-), контрнарративы и т.д. [Тамерьян, Шаипова, 2024]. Среди российских политологов этот набор терминов широко используется, например, при обсуждении политики памяти¹. Дифференцированный концепт политических квазинарративов мог бы в перспективе расширить этот понятийный аппарат.

В зарубежной нарратологии развит впечатляющий концептуальный ряд, описывающий неестественную нарративность прежде всего в художественных текстах. Среди концептов, выражающих различные версии художественных квазинарративов, упомянем как минимум следующие:

Ненarrативное (The Unnarrated / Unnarration) – это те аспекты истории (story), которые остаются нерассказанными в данном повествовании, поскольку «каждый дискурс произносится на фоне всех вещей, из которых он выбирает, по той или иной причине, о каких *не* говорить» [Miller, 1981, p. 4]. К примеру, говорящий заявляет о недекватности языка для представления какого-либо события.

Нон-нarrативное (The Nonnarrated / Nonnarration) – это область недосказанного в любой истории (story), состоящая из событий (или их части), о которых было решено не рассказывать, хотя они значимы для истории. В отличие от ненарративного, в случае нон-нarrации «нас интересует не то, о чем не рассказывают, а то,

¹ Как убедительно показано О.Ю. Малиновой, анализ этой политики делает востребованным целое семейство «исторических нарративов»: кризис и распад «советского метанарратива» сопровождался «критическим» нарративом 1990-х, противопоставлявшим «новую» (демократическую) и «старую» (имперскую) Россию. А с начала 2000-х годов «критический нарратив» сменяется в пользу «аполитического нарратива» о России как «тысячелетнем государстве». Одновременно разворачивается «конфликт нарративов» между бывшими советскими республиками и странами бывшего «социалистического содружества». Нарративу о советском народе-победителе, освободившем Европу от фашизма, при этом противопоставляется «контрнарратив» о «советской колонизации». См.: [Малинова, 2015].

что, хотя и не рассказывается, тем не менее относится к истории» [Schmid, 2023, p. 3].

Диснarrативное (The Disnarrated / Disnarration) – это «все события, которые не происходят, но тем не менее упоминаются (в отрицательном либо гипотетическом ключе) в повествовании» [Prince, 1988, p. 2]. Причем эти события значимы для повествования и могли бы произойти. Это может относиться к нереализованным фантазиям героев истории, к неиспользованным повествовательным стратегиям и т. п.

Денарративное (The Denarrated / Denarration) – это «повествовательное отрицание, при котором рассказчик отрицает существенные аспекты своего повествования, которые ранее были представлены как данность» [Richardson, 2001, p. 168]. Б. Ричардсон определяет деннарцию именно как неразрешимое (необоснованное) отрицание рассказчиком тех событий или описаний, которые до этого момента были частью мира его же истории [Richardson, 2005, p. 100].

Антинарративное (The Anti-Narrative) обычно используется для обозначения «особо вопиющих форм неестественных нарративов, которые нарушают общепринятые повествовательные практики; такие произведения могут иметь противоречивую хронологию, искаженные повествовательные голоса или крайне непрозрачный дискурс»¹.

Неповествуемое (The Unnarratable) – это то, что не может быть рассказано или не стоит того, чтобы быть рассказанным, потому что оно нарушает какие-то конвенции и законы, бросая вызов полномочиям рассказчика или просто потому, что, будучи недостаточно интересным, не достигает порога «рассказываемости» (tellability) [Prince, 2005, p. 118].

Основываясь на работах Д.А. Миллера и Дж. Принса, американский литературовед Робин Уорхол предложила четыре категории неповествуемого (the unnarratable):

(1) *субповествуемое* (the subnarratable), которое не нуждается в рассказе, потому что это слишком тривиально;

(2) *супраповествуемое* (the supranarratable) не может быть рассказано из-за неадекватности языка описываемым событиям, которые бросают вызов повествованию как таковому;

¹ См.: Anti-Narrative. Aarhus University / Narrative Research Lab / Unnatural Narratology. – Revised 24.10.2024. – Mode of access: <https://projects.au.dk/narrativeresearchlab/unnatural/undictionary/antinarrative> (accessed: 20.06.2025).

(3) *антиповествуемое* (the antinarratable) не должно быть рассказано из-за культурных или политических норм (запретов);

(4) *параповествуемое* (the paranarratable) не будет рассказано из-за жанровых условностей; например, героиня романтической комедии не может случайно убить своего мужа в первую брачную ночь [Warhol, 2005 а, р. 222].

В одной из своих недавних работ Джеральд Принс, помимо упомянутых выше видов квазиповествовательного в художественных текстах, предложил также различать между «недорассказанным» (undernarrated) и «сверхрассказанным» (overnarrated) [Prince, 2023]. В частности, недорассказанное может означать нечто недостаточно подробно описанное, а сверхрассказанное, напротив, – нечто описанное слишком подробно. Но в обоих случаях «подчеркивается уход от условности репрезентации, позволяя читателю обратить внимание на определенные события в повествовании, нуждающиеся в этом внимании» [Шулятьева, 2024, с. 125].

Конечно, семантики упомянутых выше концептов нередко перекрываются, помимо того, что они могут получать разные толкования у разных авторов. Однако это не обесценивает аналитической ценности этой категориальной сетки как в рамках самой нарратологии, так и за ее пределами.

К перспективной тематике исследования политических квазинарративов

Использование концепта квазинарратива в социальных науках есть на сегодняшний день явление редкое. В качестве примера можно привести исследование повествований молодых людей студенческого возраста у представителей киевской школы когнитивной психологии под руководством Н.В. Чепелевой. Однако под «квазинарративами» здесь подразумевается примерно то же самое, что в данной статье называется «псевдонарративами»; это нарративы, которые являются не результатом осмыслиения индивидуального и социокультурного опыта, а «проглатыванием» образцов, которые порождаются СМИ и сцепляются между собой по мозаичному принципу. В связи с этим высказывается предположение, что субъекты, склонные продуцировать так понятые «квазинарративы», входят в число респондентов, сознательно избегающих ответов на вопросы анкеты [Зарецкая, 2015]. Напротив, российский социолог О.К. Крокинская как раз в анкетированных опросах фиксирует наличие «коротких нарративов» или «ква-

зинарративов», представляющих собой «правдивые по содержанию, но и свободные по форме, индивидуальные, авторские высказывания, позволяющие считать их достаточно полным аналогом нарратива» [Крокинская, 2013, с. 17].

Помимо понятия квазинарратива, в социальных науках уже имеется опыт использования концептов, обозначающих его конкретные виды. В качестве примера можно сослаться на любопытное исследование медицинских антропологов, основанное на анализе данных интервью, взятых у пациентов с детской онкологией и их семей в Буэнос-Айресе. По сути, это один из первых опытов (квази-)нарративного (назовем это так) анализа нефикционального дискурса. Авторы этого исследования берут во внимание три способа анализа рассказов детей и их родителей, обозначая их как нарратив – нон-нарратив – диснарратив [Vindrola-Padros, Johnson, 2014, р. 1603].

Из всех разновидностей квазинарративов наиболее широкое применение (за пределами собственно литературоведения) получил концепт диснарратива (диснаррации). Первым систематическим исследованием, посвященным диснаррации, стала книга британского исследователя Марины Ламбру [Lambrou, 2019]. Из политологической перспективы важно отметить стремление британского ученого продемонстрировать широкий спектр использования диснаррации в различных жанрах повествования, включая медийный дискурс.

В целом опыт применения указанной выше категориальной сетки квазинарративности в предметных областях за пределами литературоведения еще довольно скучен. А приведенные случаи говорят в пользу того, что в корпусе социальных наук феномен квазиповествовательности еще далек от необходимой (для статуса эффективного методологического инструмента) концептуализации.

Изучение квазинарративов в предметном поле политической науки тоже только начинается. Помимо пограничных с политологией работ лингвистов и литературоведов, анализирующих, к примеру, роль неестественных нарративов для выражения реальных политических проблем в литературных текстах [Zhang, 2021], есть редкие работы, написанные политологами, в которых неестественные художественные нарративы оцениваются в идеально-политическом ключе¹. Между тем анализ политического дискурса с использованием кате-

¹ Правда, известный нам опыт такого рода порой разочаровывает своей идеологической тенденциозностью и прямолинейной методологией. См., к примеру: [Vargas, 2018].

гориального аппарата неестественной нарратологии представляет-
ся важным элементом систематического исследования того, как
различные виды нарративов (включая необычные по структуре)
выступают средством формирования общественного мнения и тем
самым – предпосылкой принятия значимых политических реше-
ний. Другими словами, квазинарративы суть неотъемлемая часть
нарративного (в широком смысле) анализа политики.

Заметим, что понятие «нарративного анализа политики» (Narrative Policy Analysis), вошедшее в научный обиход несколько раньше упомянутого выше Narrative Policy Framework, изначально истолковывалось как попытка «применить современную теорию литературы к чрезвычайно сложным вопросам государственной политики» [Roe, 1994, р. 1]. В этом контексте под политическим нарративом подразумевается сложный дифференцированный фено-
мен, включающий не только истории (stories) (с различимыми началом, серединой и концом), но также коммуникативно «запутанные» с ними неполные истории или «неистории» (nonstories) вроде круговой аргументации, «контристории» (counterstories), а также «метанарративы» (metanarratives)¹. Такая трактовка нарративного анализа политики делает изначально востребованным ка-
тегориальный аппарат «неестественной нарратологии».

В более широкой перспективе анализ политических квазинар-
ративов можно отнести к «дискурсивно-историческому подходу», как
его определяет Рут Водак. В особенности такой анализ оказывается
созвучным «имманентной критике, направленной на выявление несо-
ответствий, (само)противоречий, парадоксов и дилемм во внутритек-
стовых или внутридискурсивных структурах»². Идентификация в

¹ Причем под «метанарративом» здесь понимается не «большой нарратив», а любое повествование, подкрепляющее предпосылки для принятия решений по вопросу, относительно которого в условиях крайне поляризованных политических споров высказываются крайне противоречивые и бескомпромиссные нарративы и контрнарративы, парализующие процесс принятия решений. «В этих случаях лучшая альтернатива – отказаться от поиска консенсуса и общей позиции в пользу метанарратива, который превращает эту поляризацию в совер-
шенно другую историю, более податливую политическому вмешательству, каким бы временным оно ни было» [Roe, 1994, р. 4].

² Wodak R. Critical Discourse Analysis, Discourse-Historical Approach // The International Encyclopedia of Language and Social Interaction / Karen Tracy, Cornelia Ilie and Todd Sandel (eds). John Wiley & Sons, Inc., 2015. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/280621881_Critical_Discourse_Analysis_Discourse-Historical_Approach (accessed: 20.06.2025).

тексте квазинарративов как каналов выражения властных (идеологических) мотивов и стратегий логично дополняет этот перечень.

Для целей критического дискурс-анализа категория диснарратации особенно перспективна. Прежде всего, она подходит для оценки неочевидного смысла какого-либо текста (в широком семиологическом смысле) по шкале утопичность – реалистичность – дистопичность. В этом случае диснарратация функционирует как один из приемов, «замедляющих» повествование. Ссылаясь на то, что не произошло (но могло бы произойти), диснарративы замедляют наше восприятие повествуемого в целом [Pyrhönen, 2005, р. 499], предполагая, что есть цель, которую нужно достичь, но которая не будет достигнута самым быстрым путем (что типично для умеренно-утопических идеологических конструктов). Далее, по словам Дж. Принса, «через изображение глупых желаний и ошибочных размышлений, того, что могло бы быть, но не есть», диснарратив, играя на различиях иллюзия vs реальность, видимость vs бытие, воображение vs восприятие и т.п., может укреплять «реалистическую» или «дистопическую» установку на происходящее. Диснарратив может выполнять и скрытую апологетическую функцию в пользу какого-то политического нарратива. «Указывая на нереализованные возможности и неиспользованные линии развития, отрицая данную норму или отвергая данную условность, диснарративное подчеркивает рассказываемость (*tellability*) повествования («Это повествование стоит того, чтобы его рассказать, так как оно могло бы быть иначе; так как оно обычно бывает иначе; так как оно не было иначе») ...» [Prince, 2005, р. 118].

Для политического дискурс-анализа очевидна, на наш взгляд, и ценность категории неповествуемого. Она помогает идентифицировать политически мотивированные стратегии, связанные, в частности, с подменой упомянутых выше субкатегорий неповествуемого (субповествуемого, супраповествуемого, антиповествуемого, параповествуемого). К примеру, противникам политики, направленной на «проработку трудного прошлого», удобно сослаться на травматизм этого прошлого в ситуации, когда фактически на него объективный анализ наложен негласный запрет. Тем самым антиповествуемое здесь по факту подменяется в дискурсе супраповествуемым. Впрочем, возможна и обратная стратегия, к примеру, когда в интересах урегулирования какого-то конфликта важным оказывается «организованное забвение» реально травмирующих событий прошлого, а противники урегулирования обвиняют своих оппонентов в стрем-

лении табуировать прошлое в свою пользу. Тем самым супраповествуемое по факту подменяется в их дискурсе антиповествуемым.

Интересную также, на наш взгляд, перспективу в политическом дискурс-анализе имеет концепт параповествуемого, если истолковать его не только в смысле условностей литературных жанров, но также в контексте идеологических стереотипов или норм политической корректности. Если – как подчеркивает Робин Уорхол – очень сильно влияние господствующей идеологии на сами формальные конвенции в искусстве, тогда тем более оно очевидно в случае формальных условностей медиийных жанров. Однако, хотя там тоже могут отсекаться целые персонажи, события и сюжетные линии, связанные с «неповествуемым», последнее все же находит окольный путь в рассказываемое через намек, эвфемизм или метонимию, или оно становится известным просто по результатам (следам) своего присутствия [Warhol, 2005 b, p. 623].

Значение развитого В. Шмидом концепта нон-нарративности также выходит далеко за пределы анализа литературных текстов. Релевантные рассказываемой истории события, не представленные на уровне ее фабулы и / или сюжета, как известно, могут манипулировать вниманием аудитории: отвлекать от одних событий, привлекать к другим. Сверх того, нон-нарративное помогает затеять когнитивную игру с аудиторией, создавая для нее «ложные пути» в развитии или прочтении повествования, контролируя ее эмоции и др.

Такую же примерно функцию за пределами функционального дискурса выполняет различие между «недорассказанным» и «сверхрассказанным». Недостаточность или избыточность сообщаемой рассказчиком информации как способ привлечения внимания аудитории к каким-то событиям может иметь четкие политические мотивы. Этот прием может быть оправдан в условиях формальных либо неформальных цензурных ограничений на обсуждение каких-то деликатных тем. В этом случае текст нарратива важен именно своей недосказанностью: представляя собой лишь малую часть мира, на который он ссылается, такой «недорассказ» делает это с целью привлечения аудитории к дальнейшему самостоятельному знакомству с богатым и неоднозначным содержанием «недорассказанной» истории. Сходным образом категории диснарративного, денарративного и ноннарративного могут описывать дискурсивно-идеологические игры в условиях политической цензуры. Причем цензуры, рассмотренной не с позиции формально-правовых институтов, а как дискурсивная практика.

В целом практически вся упомянутая выше категориальная сетка квазинарративности представляется методологически востребованной в случае восприятия массовой аудиторией медийных нарративов. Здесь открывается весьма широкое поле исследований как части становящейся политической нарратологии. В частности, интересные перспективы видятся для концепта «денаарративного» (как обозначения события, которое сначала происходит внутри повествования, а затем опровергается рассказчиком). Денааррация, как и весь концептуальный арсенал абсурдистского дискурса, в известной мере обезоруживает аудиторию, вводя ее в когнитивный ступор, но тем самым получая над ней когнитивную власть: «Когда всеведущий и авторитетный рассказчик говорит, что вымышленное пространство полностью черное, затем полностью белое, затем полностью серое, он или она создает, а затем отрицает и воссоздает вымышленный мир, и нет способа, которым это утверждение может быть опровергнуто, если только сам рассказчик не продолжит делать это» [Richardson, 2005, р. 100]. Но с такой ситуацией сталкивается не только читатель Э. Ионеско или С. Беккета; это уже давно стало каждодневной реальностью для аудитории массмедиа в эпоху «постправды».

По Б. Ричардсону, помимо упомянутого онтологического смысла «денааррации», данный термин используется также в «экзистенциальном» ключе, означая потерю идентичности. Денааррация, замечает американский ученый, вообще является «частью более масштабной и серьезной игры между утверждением и отрицанием идентичностей ... постоянно подтверждая как преобразующую, так и разрушительную силу языка повествования» [Richardson, 2001, р. 174].

При обсуждении роли нарративов в формировании идентичностей ряд исследователей стихийно выходят на проблематику, маркируемую нами термином «квазинарративы» (даже если они этот термин не используют). Это прежде всего касается концепции личного повествования как типа устной, автобиографической коммуникации, изучаемой, в частности, политическими психологами в процессе диалогического взаимодействия между интервьюером и респондентом. Это взаимодействие демонстрирует все признаки дискурсивного метания из стороны в сторону, обнаруживая дефицит связности личных историй. Обычно это рассматривается как препятствие на пути формирования идентичности, а вот лингвистический антрополог Э. Окс и психолог-эволюционист Л. Кэппс [Ochs, Capps, 2001] взглянули на это с другой стороны. По их мысли, иногда, чтобы понять, как нарративы формируют идентичность, мы должны также обратить внимание на менее связные рассказы,

истории «в стадии разработки (*works in progress*)», которые позволяют их рассказчикам справляться с проблемными жизненными ситуациями и переживаниями. «Повествования, которым не хватает связности, демонстрируют другой тип сюжета, который строится с разных точек зрения и часто разрабатывается в сотрудничестве со слушателем. Благодаря такому соавторству жизненные истории связывают отдельных людей с существующими сообществами или создают новые сообщества» [Ritivoi, 2005, p. 234]. Таким образом, квазинарративы оказываются очень важной категорией при обсуждении (прежде всего в прагматическом ключе) вопросов не только разрушения идентичностей, но также их конструирования.

Далее, при анализе социально-политической напряженности в обществе концепты, обозначающие разновидности квазинарратива, вероятно, могут быть выстроены так, чтобы отражать прогрессию этой напряженности. Здесь уместно будет провести параллель с отмеченной исследователями зависимостью между социально-экономическим положением страны и частотой употребления метафор в ее политическом дискурсе. А именно с тем, что «повышение количества метафор в политическом дискурсе – признак кризисной политической и экономической ситуации» [Гаврилова, 2004, с. 131]. Такая параллель, возможно, распространяется даже на качественный уровень: рост в публичном дискурсе живых метафор пессимистического и агрессивного содержания может коррелировать с ростом квазинарративов, наиболее сильно нарушающих естественную повествовательность. Когда мы следуем от ненarrативного и неповествуемого через дис- и ноннарративное к де- и антинарративному, мы тем самым как бы маркируем повышение неестественности повествований. Можно предположить, что обнаружение такого тренда при анализе публичного дискурса может свидетельствовать о приближающемся социально-политическом кризисе еще до того, как он примет ясные очертания.

Однако эти предположения требуют, конечно, серьезной эмпирической проверки.

Выводы

Как следует из проведенного анализа полемики вокруг специфики политического нарратива, к необходимости понятия политического квазинарратива выводит именно эсценциалистский, а не релятивистский подход к истолкованию природы политических

повествований. Однако для систематической разработки понятия политического квазинарратива требуется адаптация к политическому полю соответствующих литературоведческих концептов. Описанный выше с опорой на нарратологическую традицию дифференцированный концепт квазинарратива может послужить политической науке в качестве аналитического инструмента в целом ряде исследовательских областей, среди которых наиболее важными представляются следующие. Прежде всего, это относится к классической проблематике критического дискурс-анализа, где квазинарративы могут рассматриваться как маркеры неявных властных стратегий и морально-идеологических установок. Не менее перспективное поле исследований с возможным применением категориальной сетки квазинарративности – это когнитивно-эмоциональные игры с аудиторией в рамках ее политической мобилизации. Здесь квазинарративы служат эффективным средством привлечения / отвлечения внимания, контроля над эмоциями, абсурдизации публичного дискурса. Не менее важным представляется учет квазинарративов при исследовании дискурса политической цензуры, в особенности последствий цензурной практики для широкой аудитории, а также ее когнитивной игры с цензурными актами. Концепт квазинарратива вносит свой вклад и в осмысление одного из центральных вопросов социальных наук: генетической связи между нарративом, идентичностью и диалогом. Но для политолога этот сюжет особенно важен с практической стороны (де-)конструирования идентичностей. Наконец, дифференцированное понятие квазинарративов дает основание для выдвижения гипотез в сфере политического прогнозирования, а именно рассмотрения квазинарративного элемента публичного дискурса (по аналогии с метафорами) в качестве индекса кризисных явлений в обществе.

S.P. Potseluev*
“Quasi-narrative”: towards the prospects
of a literary studies’ concept in political science¹

* **Potseluev Sergey**, Southern Federal University; Federal Research Centre, The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russia), e-mail: spotselu@mail.ru

¹ The publication was prepared within the framework of the implementation of the state assignment of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences for 2025, No. 125011200149-6

Abstract. The article aims to understand the prospects for using the concept of quasi-narrative in the methodology of political science. The starting point of the author's reflections is a discussion about the specifics of political narrative caused by the competition between essentialist and relativist approaches to its interpretation. Noting the role of the concept of "narrativity index" developed in the tradition of the Narrative Policy Framework, the author raises the question of the need to understand the role of quasi-narratives in political discourse. "Quasi-narrative" is an umbrella concept for all types of unusual narrativity that somehow do not fit into standard definitions (concepts) of narrative. The article notes that the conceptualization of unnatural narratives actualizes the question of the boundaries of storytelling as such. The author agrees that one of the essential features of the standard narrative is the representation of events in time, as well as the presence of a significant connection between them. Quasi-narrative plays on the borderline of the so-understood narrative, but remaining in its orbit, it differs from pseudo-narrative, which only imitates the narrative's main distinguishing features. Based on the works of well-known narratologists (Brian Richardson, Gerald Prince, Robin Warhol, etc.), the author provides an overview of the main types of quasi-narrative discourse, including *theunnarrated*, *thenonnarrated*, *thedenarrated*, *theantinarrative*, and *theunnarratable* in several of its varieties as well as the categorical pair of *theundernarrated* and *theovernarrated*. The article formulates several considerations and hypotheses regarding the methodological potential of quasi-narrative categorical grid in such research fields of political science as the explication of implicit power (ideological) attitudes and strategies in discourse, cognitive-emotional games with media audiences, discursive games with censorship, the construction and deconstruction of political identities, and the potential of quasi-narratives in predicting socio-political crises.

Keywords: political narrative; essentialist vs. relativist approaches; Narrative Policy Framework; narrativity index; unnatural narratology; quasi-narratives; cognitive-emotional games.

For citation: Potseluev S.P. "Quasi–narrative": towards the prospects of a literary studies' concept in political science. *Political science (RU)*. 2025, N 4, P. 225–248. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.04.10>

References

- Alber J., Nielsen H.S., Richardson B. Introduction. In: Alber J., Nielsen H.S., Richardson B. (eds). *A poetics of unnatural narrative*. Columbus, Ohio: The Ohio state university press, 2013, P. 1–13.
- Barthes R. Introduction to the structural analysis of narrative texts. In: Kosikova G.K. *French semiotics: from structuralism to poststructuralism*. Moscow: Progress, 2000, P. 196–238. (In Russ.)
- Crow D.A., Berggren J. Using the narrative policy framework to understand stakeholder strategy and effectiveness: a multi-case analysis. In: Jones M.D., Shanahan E.A., McBeth M.K. (eds). *The science of stories: Applications of narrative policy framework*. New York: Palgrave Macmillan, 2014, P. 131–156.

- Gavrilova M.V. Political discourse as object of linguistic analysis. *Polis. Political studies*. 2004, N 3, P. 127–139. (In Russ.)
- Genette J. *Figures*. Moscow: Sabashnikov publishing house, 1998, Vol. 2, 944 p. (In Russ.)
- Hammack Ph.L., Pilecki A. Narrative as a root metaphor for political psychology. *Political psychology*. 2012, Vol. 33, N 1, P. 75–103. DOI: <http://www.doi.org/10.1111/j.1467-9221.2011.00859.x>
- Herman D. *Basic elements of narrative*. Chichester: Malden: Wiley–Blackwell, 2009, 249 p.
- Krokinskaya O.K. Word as a unit of narrative: Cognitive possibilities of discourse and narrative in a sociological questionnaire. *International journal of cultural research*. 2013, Vol. 1, N 10, P. 15–29. (In Russ.)
- Labov W. *Language in the inner city: studies in the black English vernacular*. Philadelphia: University of Pennsylvania press, 1972, 412 p.
- Lambrou M. *Disnarration and the unmentioned in fact and fiction*. London: Palgrave Macmillan, 2019, 126 p.
- Malinova O.Yu. *The timely past: the symbolic politics of the ruling elite and the dilemmas of Russian identity*. Moscow: Political Encyclopedia, 2015, 207 p. (In Russ.)
- Miller D.A. *Narrative and its discontents. Problems of close in the traditional novel*. Princeton: Princeton university press, 1981, 197 p.
- Mosher H.F.Jr. Towards a poetics of descriptized narration. *Poetics today*. 1991, N 3, P. 425–445.
- Musikhin G. Narrative as a meaning-forming element of political symbolization. *Issues of economic theory*. 2024, N 2, P. 116–133. DOI: http://www.doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2024_2_116_133. (In Russ.)
- Ochs E., Capps L. *Living narrative: creating lives in everyday storytelling*. Cambridge: Harvard university press, 2001, 352 p.
- Podshibyakina T.A. Cognitive narratology: possibilities of use in political science. *Political science (RU)*. 2023, N 3, P. 81–97. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.03.04> (In Russ.)
- Prince G. The Disnarrated. *Style*. 1988, N 22, P. 1–8.
- Prince G. The Disnarrated. In: Herman D., Jahn M., Ryan M. L. (eds). *The Routledge encyclopedia of narrative theory*. London: Routledge, 2005, P. 118.
- Prince G. The undernarrated and the overnarrated. *Style*. 2023, Vol. 57, N 2, P. 131–140.
- Pyrhönen H. Retardatory devices. In: Herman D., Jahn M., Ryan M.L. (eds). *The Routledge encyclopedia of narrative theory*. London: Routledge, 2005, P. 499–500.
- Richardson B. Denarration. In: Herman D., Jahn M., Ryan M.L. (eds). *The Routledge encyclopedia of narrative theory*. London: Routledge, 2005, P. 100.
- Richardson B. Denarration in fiction: erasing the story in Beckett and others. *Narrative*. 2001, Vol. 9, N 2, P. 168–175.
- Richardson B. *A poetics of plot for the twenty-first century: Theorizing unruly narratives*. Columbus: Ohio state university press, 2019, 218 p.
- Richardson B. Unnatural stories and sequences. In: Alber J., Nielsen H.S., Richardson B. (eds). *A poetics of unnatural narrative*. Columbus, Ohio: The Ohio state university press, 2013, P. 16–30.
- Ricoeur P. *Time and narrative. Intrigue and historical story*. Moscow; St. Petersburg: University book, 1998, Vol. 1, 313 p. (In Russ.)
- Rimmon-Kenan S. *Narrative fiction*. London, New York: Routledge, 1983, 173 p.

- Ritivoi A.D. Identity and narrative. In: Herman D., Jahn M., Ryan M.L. (eds). *The Routledge encyclopedia of narrative theory*. London: Routledge, 2005, P. 231–235.
- Roe E. *Narrative policy analysis: Theory and practice*. Durham and London: Duke university press, 1994, 240 p.
- Sarbin T.R. The narrative as a root metaphor for psychology. In: Sarbin T.R. (ed.). *Narrative psychology. The Storied nature of human conduct*. New York: Praeger, 1986, P. 3–21.
- Schmid W. *Narratology*. Moscow: Languages of slavic culture, 2003, 312 p. (In Russ.)
- Schmid W. *The Nonnarrated*. Berlin, Boston: Walter de Gruyter Verlag, 2023, 152 p.
- Shanahan E.A., Jones M.D., McBeth M.K. How to conduct a narrative policy framework study. *The social science journal*. 2018, Vol. 55, N 3, P. 332–345. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.soscij.2017.12.002>
- Shulyatyeva D.V. Narrative gapping in P. Auster's novel "4321": Towards the Problem of "nonnarrated" in contemporary narratives. *Philological class*. 2024, Vol. 29, N 1, P. 124–130. DOI: <http://www.doi.org/10.26170/2071-2405-2024-29-1-124-130> (In Russ.)
- Shenhav S.R. Thin and thick narrative analysis. On the question of defining and analyzing political narratives. *Narrative inquiry*. 2005, Vol. 15, N 1, P. 75–99. DOI: <http://www.doi.org/10.1075/ni.15.1.05she>
- Solovyov A.I. Doctrinal symbolization and the political vernacular of narratives. What is changing in the public field? *Polis. Political studies*. 2025, N 1, P. 69–87. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2025.01.06> (In Russ.)
- Tameryan T.Yu., Shaipova A.M. Political narrative: concepts, typologies and structures. *Current issues in philology and pedagogical linguistics*. 2024, N 1, P. 16–35. DOI: <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2024-1-16-35> (In Russ.)
- Tomashevsky B.V. *Theory of literature. Poetics*. Moscow: Aspect Press, 1996, 334 p. (In Russ.)
- Vargas R.A. Unnatural narratives, emotions, and neoliberalism. *Sapientiae: revista de ciencias sociais, humanas e engenharias*. 2018, Vol. 4, N 1, P. 5–23.
- Vindrola-Padros C., Johnson G.A. The narrated, nonnarrated, and the disnarrated: conceptual tools for analyzing narratives in health services research. *Qualitative health research*. 2014, Vol. 24, N 11, P. 1603–1611.
- Warhol R. Neonarrative; or how to render the unrenderable in realist fiction and contemporary film. In: Phelan J., Rabinowitz P.J. (eds). *A companion to narrative theory*. Malden, Oxford: Blackwell, 2005 a, P. 220–231.
- Warhol R. Unnarratable, The. In: Herman D., Jahn M., Ryan M.L. (eds). *The Routledge encyclopedia of narrative theory*. London: Routledge, 2005 b, P. 623.
- Zaretskaya O.A. Perceptions of personal growth in adults of different ages (Based on empirical research). In: Popov L.M., Shvetsov N.M. (eds). *Psychological support for education: theory and practice: collection of articles of V International scientific and practical conference*. Yoshkar-Ola: STRING, 2015, Part 1, P. 254–259. (In Russ.)
- Zhang D. Unnatural narratives, Brexit and ideology in Ian McEwan's The Cockroach. *Frontiers of narrative studies*. 2021, Vol. 7, N 1, P. 124–146.

Литература на русском языке

- Барт Р.* Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / пер. с франц., сост. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 2000. – С. 196–238.
- Гаврилова М.В.* Политический дискурс как объект лингвистического анализа // Полис. Политические исследования. – 2004. – № 3. – С. 127–139.
- Женетт Ж.* Фигуры. В 2 т. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 1998. – Т. 2. – 944 с.
- Зарецкая О.А.* Представления о личностном росте у взрослых разного возраста (по материалам эмпирического исследования) // Психологическое сопровождение образования: теория и практика: сборник статей по материалам V Международной научно-практической конференции. Йошкар-Ола, 24–26 декабря 2014 года / под общ. ред. Л.М. Попова, Н.М. Швецова. – Йошкар-Ола: СТРИНГ, 2015. – Ч. 1. – С. 254–259.
- Крокинская О.К.* Слово как единица повествования: познавательные возможности дискурса и нарратива в социологической анкете // Международный журнал исследований. – 2013. – № 1 (10). – С. 15–29.
- Малинова О.Ю.* Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 207 с.
- Мусихин Г.И.* Нарратив как смыслообразующий элемент политической символизации // Вопросы теоретической экономики. – 2024. – № 2. – С. 116–133. – DOI: http://www.doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2024_2_116_133.
- Подшибякина Т.А.* Когнитивная нарратология: возможности использования в политической науке // Политическая наука. – 2023. – № 3. – С. 81–97. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.03.04>
- Рикёр П.* Время и рассказ. Интрига и исторический рассказ. – М.; СПб.: Университетская книга, 1998. – Т. 1. – 313 с.
- Соловьев А.И.* Доктринальная символизация и политическое просторечие нарративов. Что меняется в публичном поле? // Полис. Политические исследования. – 2025. – № 1. – С. 69–87. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2025.01.06>
- Тамерьян Т.Ю., Шаптова А.М.* Политический нарратив: концепции, типологии и структуры // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2024. – № 1. – С. 16–35. – DOI: <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2024-1-16-35>
- Томашевский Б.В.* Теория литературы. Поэтика: учебное пособие. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 334 с.
- Шмид В.* Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
- Шулятьева Д.В.* Нarrативные лакуны в романе П. Остера «4321»: к проблеме «нерассказанного» в современном повествовании // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 1. – С. 124–130. – DOI: <http://www.doi.org/10.26170/2071-2405-2024-29-1-124-130>

Т.А. ПОДШИБЯКИНА*

**ПРОЦЕССЫ И МЕХАНИЗМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО
ВОСПРИЯТИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ**

Аннотация. Выбор темы статьи был обусловлен необходимостью более глубокого изучения направления исследований «процессы и механизмы политического восприятия», лишь недавно включенного в новый паспорт специальности 5.5.2 «Политические институты, процессы, технологии». Исследовательский вопрос данной статьи – существуют ли специфические процессы и механизмы политического восприятия? Анализ российских и зарубежных публикаций позволил выявить малоисследованные области в проблемном поле политической науки по данной тематике. Еще не выработана единая «теория политического восприятия», есть набор концептов, позволяющих составить представление о том, в каком направлении идут исследования. Наибольшее распространение получило направление, изучающее «восприятие политического»: образов политических лидеров, идей, событий. В основу данного исследования положено понятие «политическое восприятие», а не «восприятие политического». Обзор публикаций показал, что в политической науке понятие «механизм» восприятия, в отличие от понятия «процесс» восприятия, в должной степени не проработано. В контексте поставленной теоретической проблемы целью работы стал анализ механизма восприятия как предмета политической науки. Для ее реализации вначале был проведен анализ комплекса основных теоретических подходов и методологических приемов, имеющихся в арсенале политической науки для исследования понятия «политическое восприятие», а затем его сравнительный анализ с понятием «восприятие политики». Предложен концепт «механизм политического восприятия», описывающий элементы его структуры и взаимосвязи между ними. Даны практические рекомендации по использованию концепта для разработки технологий управления политическим восприятием.

* Подшибякина Татьяна Александровна, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия), e-mail: tan5@bk.ru

Ключевые слова: восприятие; политическое восприятие; восприятие политики; механизмы политического восприятия: процессы политического восприятия; теория политического восприятия, рецепция.

Для цитирования: Подшибякина Т.А. Процессы и механизмы политического восприятия: методология исследования в политической науке // Политическая наука. – 2025. – № 4. – С. 249–262. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.04.11>

Введение

Понятие «политическое восприятие» является достаточно устоявшимся, давно употребляемым в западных и российских научных публикациях. В широком смысле под «теорией политического восприятия» понимается набор концептов, разработанных на основе нескольких теоретико-методологических подходов, раскрывающих содержание понятия «политическое восприятие». Восприятие рассматривается как феномен сознания и является предметом исследования философии, общей психологии, социальной психологии и когнитивистики, а с недавнего времени и политической науки.

В политической науке парадигма политического восприятия, т.е. определение объекта, предмета, методологии и методов исследования, складывалась постепенно начиная с середины XX в. В настоящее время процесс ее теоретического осмысливания научным сообществом еще продолжается. Консенсус сложился лишь относительно объекта восприятия – политической власти и ее элементов, таких как государственные институты, элита, лидеры. Статья Дэвида Истона «Восприятие власти и политические изменения» [Easton, 1958], написанная еще во второй половине 50-х годов XX в., может рассматриваться как программная для данного направления исследований в политической науке.

Главным методологическим препятствием, мешающим разработке теории политического восприятия в политической науке, является отсутствие у нее собственных методов исследования. Этот довод можно и нужно оспаривать, поскольку политическая наука предметно отличается от других социальных наук и готова наращивать «новое знание» в своей научной области, опираясь при этом на междисциплинарные теоретические методы исследования. Предлагаем посмотреть под этим углом зрения на накопленные способы теоретико-методологического осмысливания политического восприятия теоретически близкими научными дисциплинами.

Теория политического восприятия в предметном поле междисциплинарных исследований

В философии и общей психологии понятие «восприятие» в самом общем значении трактуется как «восприятие предметов окружающего мира при помощи чувств». В социальной психологии восприятие (перцепция) нашло отражение в теориях социального познания и социального восприятия. Следует отметить важную роль теории социальной перцепции Дж. Брунера и Л. Постмана, создавших в 1950-х годах XX в. новое научное направление New Look, рассматривающее личность через восприятие и доказывающее его социальную обусловленность [Bruner, Postman, 1949]. Дж. Брунер, автор термина «социальная перцепция», понимал его как «как восприятие социальных объектов» [Bruner, 1957]. В политической психологии исследования ведутся в направлении поиска объяснений природы политического восприятия и описании конкретных моделей политических практик [Психология политического восприятия..., 2012].

Теории политического восприятия иногда отождествляются с теорией социального суждения из научной области социальной психологии (англ. Social Judgement Theory), авторами которой являются Музафер Шериф, Карл Ховланд и Кэролин Шериф. Теория социального суждения описывает ментальные процессы, которые происходят в момент восприятия информации, а также влияние отношения на процессы социального суждения, т.е. аффекта на познание. С 80-х годов XX в. существует направление, исследующее механизмы перцептивных процессов с привлечением методов, заимствованных из нейробиологии. К неклассическому направлению также можно отнести теорию «энактивного восприятия», рассматривающую «воплощенного субъекта» и окружающую его среду, с которой он взаимодействует, как единую систему. Объединение перцептивного опыта и феноменального сознания может включать помимо мозга и нервной системы другие телесные и экологические характеристики (Сьюзан Херли и Альва Ноэ).

В когнитивной науке сложилась теория когнитивного восприятия, точнее совокупность нескольких теорий, рассматривающих восприятие через призму процессов познания как когнитивный процесс. Наиболее значимыми из них являются концепция «перцептивного цикла» Ульриха Найссера, представленная в его книге «Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии» [Neisser, 1976], теории интенциональности и вообра-

жения из аналитической философии разума, концепции восприятия и категоризации из когнитивной психологии, теория когнитивного соответствия Ф. Хайдера. Все их методологически объединяет когнитивная парадигма, имеющая свои аналитические особенности. «Когнитивная теория, – как считает Дж. Эдер, – рассматривает общение и восприятие как активные, конструктивные, рационально мотивированные и когнитивно управляемые процессы обработки информации, которые основаны на человеческой телесности и опыте» [Eder, 2003, р. 283].

Политическое восприятие при необходимости можно рассматривать в более широких рамках социального восприятия (*social perception*), поскольку оно является его составной частью. Однако в контексте анализа проблем политической науки целесообразно выделить восприятие в самостоятельный предмет исследования, прежде всего, в силу особенностей объекта восприятия – «политического». В данной работе предпринимается попытка обосновать с опорой на уже сложившиеся научные школы [Шестопал, 2018] политические черты механизмов и процессов восприятия и дать определение предиката «политическое» как основной характеристики данного типа восприятия.

Политическая наука понятие восприятия чаще всего заимствует из психологии, где восприятие (*perception*) «есть чувственное отражение субъектом внешнего мира и регулятор взаимодействия человека с предметами и явлениями окружающей среды» [Психологическая наука в России..., 1997, с. 462]. Используется также определение, данное в социальной психологии: «социальная перцепция (*social perception*) – это восприятие социальных объектов: личностей, групп, более широких социальных общностей»¹. В когнитивной науке, в частности в ее субдисциплине когнитивной нарратологии, политическое восприятие представляется как способ получения знания и элемент процесса познания [Подшибякина, 2023, с. 87].

Под структурой восприятия понимают совокупность следующих элементов: субъект восприятия, объект восприятия, процесс восприятия и результат процесса восприятия – образ². Е.Б. Шестопал считает, что политическое восприятие имеет специфические особенности, которые отличают его от других видов

¹ Глоссарий по политической психологии. – Режим доступа: <https://954.slovaronline.com/> (дата посещения: 22.09.2025).

² Там же.

восприятия: политическое восприятие а) направлено не столько на отражение объективной действительности, сколько на смысловые и оценочные интерпретации политических феноменов; б) отличается большей слитностью когнитивных и эмоциональных компонентов перцепции; политическое восприятие является опосредованным, чаще всего через средства массовой информации; в) как правило, происходит на уровне массового сознания [Психология политического восприятия..., 2012, с. 15]. Политическому восприятию также свойственна подверженность влиянию различных факторов (культурных традиций, ценностных установок граждан, укорененных в обществе стереотипов и т. д.) [Рогач, 2021].

Сравнительный анализ понятий «политическое восприятие» и «восприятие политики»

Для целей данного исследования по выявлению механизма политического восприятия необходимо провести сравнительный анализ понятий «политическое восприятие» и «восприятие политики», так как несмотря на смысловую близость они отличаются содержательно и функционально. Понятие «политическое восприятие» содержательно характеризует один из видов восприятия (политический), а «восприятие политики» выявляет его отношение к определенному объекту политики. В первом случае мы отвечаем на вопрос как человек воспринимает, во втором – что он воспринимает. Большинство в российском сегменте публикаций составляют работы, посвященные исследованию восприятия политики [Шестопал, Палитай, 2014] как социального феномена. Политический объект в них обычно задается исследователем, а анализу подлежит его образ, сложившийся в индивидуальном, групповом или общественном сознании.

Для того, чтобы сформулировать концепт «политического восприятия» в качестве отправного пункта, следует проанализировать понятие «политическое» в понимании граждан как предикат, определяющий данный вид восприятия. Поскольку в этом случае выбор остается за самим индивидом, то и ответ на вопрос «что есть политическое», как можно предположить, будет отличаться от теоретических формулировок научного дискурса, отражая как минимум разницу теоретического и обыденного уровня сознания.

В классической, институциональной трактовке, в объект восприятия включаются следующие элементы: лидеры, политиче-

ский контекст восприятия, темпоральная и пространственная характеристика восприятия, воспринимающий субъект, формы коммуникации [Шестопал, Рогач, 2020, с. 169]. В других трактовках контекст, пространство и время, коммуникация и воспринимающий субъект – это факторы, определяющие восприятие. Что же понимает под «политическим» воспринимающий субъект? Как показывают исследования, диапазон трактовки «политического» в общественном сознании значителен. Некоторые граждане придерживаются узкого понимания, считая лишь несколько вопросов «политическими». Другие придерживаются широких концепций. Остается неясным, в какой степени граждане согласны с содержанием, т.е. какие темы являются «политическими» [Götz, Zorell, Fitzgerald, 2023].

Анализ содержания понятия «политическое» в индивидуальном, групповом и общественном сознании позволил сформулировать его основные характерные признаки.

Первый признак может быть определен как предельное расширение объекта политики, что не противоречит и существующим теоретическим подходам. Р. Барт пишет, что реальность всегда политизирована и любой, даже самый естественный предмет содержит в себе след политики, хотя бы слабый и нечеткий, ибо «в нем присутствует более или менее ясное воспоминание о действиях человека, который произвел этот предмет или приспособил, использовал, подчинил или отбросил его» [Барт, 1989, с. 112].

Второй признак – концептуализация политического. Для восприятия политических объектов недостаточно психологического свойства отражать внешние объекты. «Чтобы идентифицировать политическое содержание внешней реальности, человек должен обладать хотя бы минимальным запасом знаний о политике, поскольку восприятие социальных и политических явлений основывается на категоризации, когнитивном процессе, обеспечивающем узнавание / неузнавание объекта, наделение смыслом действий политических акторов, интерпретацию ситуации и т.п. [Пушкирева, 2004, с. 101].

Третий признак – принуждение к интерпретации политическими акторами через воздействие на восприятие. Сам объект (политическое) можно рассматривать и в качестве субъекта, если политические акторы реализуют стратегии воздействия на сознание. В политическом дискурсе используется, например, понятие «идеология», которое по смыслу «представляет собой «принуждение к интерпретации» и проявляется «в принуждении к одной из возможных интерпретаций, которая всегда представляется как единственная интерпретация» [Морина, 2015, с. 139].

Четвертый признак – выбор из множества политических альтернатив. Почему из всего многообразия различных чувственных и концептуальных «раздражителей» человек воспринимает именно определенные политические образы? Гипотеза заключается в следующем: механизм политического восприятия включает элемент отбора, редукции и «принятия» определенных концептов как своих, выделив их из огромного множества. Этот принцип важно учитывать при конструировании технологий воздействия на «политическое восприятие».

Механизмы и процессы политического восприятия: концептуализация понятий

Определить механизмы политического восприятия означает ответить на вопрос: как человек мыслит политически. Анализ публикаций российских и зарубежных авторов показал, что предметом большинства исследований является «восприятие политического» (образа, лидера, процесса, института). А процессы и механизмы политического восприятия малоисследованы. Редуцируя проблему, можно поставить вопрос таким образом: существуют ли некие уникальные особенности механизма политического восприятия? Иногда эти два понятия «механизм» и «процесс» рассматриваются как аналогичные или взаимозаменяемые. Восприятие понятийно определяется как «процесс формирования, посредством активных действий, субъективного образа целостного предмета, воздействующего на анализаторы»¹.

Способ понимания социальных механизмов, по мнению Ч. Тилли и Р. Гудина, «редко становится предметом обсуждения: хотя подходы, нацеленные на поиск закономерностей, требуют выявления не только эмпирического единства, но и механизмов» (Цит. по: [Малинова, 2009, с. 178]). Наиболее известна классификация механизмов, которую дает Ч. Тилли в работе «Механизмы в политических процессах» [Tilly, 2001], включающая три вида механизмов: экзогенные, относящиеся к внешней среде, когнитивные и реляционные. «Экзогенные механизмы – это внешне обусловленные воздействия на условия, влияющие на социальную жизнь; такие слова, как «исчезать», «обогащаться», «расширяться»

¹ Глоссарий по политической психологии. – Режим доступа: <https://954.slovaronline.com/> (дата посещения: 22.09.20125).

и «распадаться» – применяемые не к акторам, а к их окружению – указывают на виды причинно-следственных связей, о которых идет речь. Когнитивные механизмы действуют посредством изменений индивидуального и коллективного восприятия и обычно описываются такими словами, как «распознавать», «понимать», «переосмысливать» и «классифицировать». Реляционные механизмы изменяют связи между людьми, группами и межличностными сетями; такие слова, как «союзник», «атака», «подчинять» и «умиротворять», дают представление о реляционных механизмах» [Tilly, 2001, p. 24]. Ф. Гринстайн к факторам, определяющим виды социальных механизмов, добавляет факторы информации, политический и исторический контекст, социокультурные особенности исторического процесса [Greenstein, 1992].

«По определению Тилли и Гудина, термин “механизм” указывает на “особый класс событий, которые меняют отношение между определенными элементами сходным или почти сходным образом во множестве ситуаций. В свою очередь, социальные механизмы сцепляются в социальные процессы – часто встречающиеся комбинации или последовательности механизмов”» (цит. по: [Малинова, 2009, с. 178].) Тилли и Гудин утверждают, что, «во-первых, сторонники подхода, направленного на выявление механизмов, обычно отрицают повторяемость на уровне макроструктур и макропроцессов; во-вторых, наряду с непосредственными эффектами, которые по определению единообразны, механизмы имеют также эффекты кумулятивные и долговременные, которые значительно варьируются, поскольку зависят от исходных условий и определяются комбинацией разных механизмов. Таким образом, изучение механизмов не претендует на выявление универсальных связей, однако позволяет понять, каким образом складываются и протекают те или иные социальные процессы» (цит. по: [Малинова, 2009, с. 178–179]).

Все вышеназванные признаки политического, описанные в предыдущем разделе, определяют особенности механизма политического восприятия. Сложилось понимание, что «объекты интерсубъективной политической реальности требуют механизмов перцепции, отличных от тех, которые люди используют для восприятия физических объектов» [Пушкарева, 2015, с. 66]. Одной из главных особенностей является наличие как ценностных (аксиологические) элементов, так и знаниевых (когнитивных) элементов механизма. Во втором случае восприятие необходимо рассматривать как когницию, которая вместе с «пропозициональ-

ными установками и репрезентацией относится к фундаментальным единицам мышления, формирующими мировоззрение» (Подробнее: [Подшибякина, 2024]). В этом случае частью механизма восприятия становится «язык мышления» (Д. Фодор). «Ментальный язык напоминает разговорную речь в нескольких ключевых отношениях: он содержит слова, которые могут объединяться в предложения; слова и предложения осмыслиены; и значение каждого предложения систематическим образом зависит от значений составляющих его слов и способа сочетания этих слов»¹.

Пропозициональные установки в психологическом понимании (Б. Рассел) выражают отношение или оценку субъекта, готовность действовать определенным образом, а не просто воспринимать все политические факты, явления, концепты или идеологемы. Для этого элемента механизма как раз свойственна такая особенность «политического восприятия», как инерционность, объясняемая необходимостью опоры на знания, полученные в прошлом, или имеющиеся мировоззренческие схемы и идеологические установки.

Следует предположить, что обязательным элементом механизма политического восприятия является такой элемент, при помощи которого отбираются поступающие из внешней среды информация и знания. Один из используемых терминов для выражения его сути – «перцептивный экран». «...Интериоризированные когнитивные структуры начинают формировать мощный перцептивный экран, отражающий то, что противоречит сложившимся ранее стереотипам, мифологемам, ценностным суждениям и т.п.» [Пушкирева, 2004, с. 101]. Этот элемент обуславливает избирательность политического восприятия, «множественность интерпретаций, неоднозначность оценок и суждений» [Пушкирева, 2004, с. 101].

Рецепция – это в каком-то смысле есть «перцептивный экран». «Теория рецепции», более широко представленная при интерпретации исторических и анализе литературных текстов [Thompson, 1993], может быть полезной при исследовании того, как концепты или ценности принимаются, адаптируются, присваиваются, интерпретируются и трансформируются в установки в индивидуальном или групповом сознании. Термин «рецепция» используется как в психологии, так и в дискурс-анализе текстов в значении «принятия» информации и ее интерпретации.

¹ Zalta E.N. (ed.). The language of thought hypothesis // The Stanford encyclopedia of philosophy. – 16.10.2023. – Mode of access: <https://plato.stanford.edu/entries/language-thought/> (accessed: 15.01.2024).

Аналогичный механизм отбора [Freeden, 2013] при исследовании морфологии идеологических концептов назвал деконтекстацией, т.е. лишением политического дискурса многозначности, приданием ему единственного смысла. Еще один сходный термин – когнитивный диссонанс, из-за которого происходит отторжение всего, что не совпадает с внутренними установками человека [Festinger, 1962]. В зарубежных и российских публикациях сложилось направление, рассматривающие политическое восприятие в контексте политического влияния на формирование оценки субъекта. Выделяются самые различные факторы такого влияния: групповая идентификация, проекция и убеждение посредством теории когнитивного баланса [Feldman, Conover, 1983], процесс принятия политических решений [Bengtsson, 2012]. Д. Гранберг и Дж. Касмер, Т. Наннеман, исследуя проблему «влияния аффекта на сознание», описали два перцептивных искажения позиции коммуникации в направлении собственной установки человека: ассоциацию, когда коммуникация умеренно неоднозначна и попадает в зону принятия, и контраст, когда она попадает в зону отторжения человека [Granberg, Kasmer, Nanneman, 1988, р. 29].

Необходимо также учитывать, что кроме вышеназванных форм концептов, идей, паттернов, информации в политическом пространстве дискурса существуют также доконцептные, докогнитивные формы, нарративы. В психологии используется термин «социальное представление», трактуемый как «промежуточная стадия между понятием и восприятием...» [Лейенс, Дарден, 2001, с. 140–141]. Для описания их механизма восприятия потребуются собственные модели.

Заключение

Итак, существуют ли специфические политические механизмы и политические процессы восприятия? Можно утверждать, что «механизм политического восприятия» имеет свои особенности, позволяющие определить его как отдельный вид социального механизма восприятия. Уникальность обусловлена не только самим объектом восприятия – политикой, но и собственным пониманием «политического», которое формируется у граждан на индивидуальном, групповом и общественном уровне сознания. Ключевым в механизме политического восприятия является элемент рецепции, иногда отождествляемый с восприятием (перцеп-

цией), т.е. определенный «передаточный» элемент, позволяющий из всей совокупности политических оценок, предлагаемых внешними акторами, выбрать идеи, ценности, смыслы и воспринять их «как свои» и концептуализировать их.

На основе вышеизложенного можно сформулировать концепт «политического восприятия». Политическое восприятие – это вид восприятия, отличающийся особым механизмом, включающим элемент рецепции, отвечающий за «принятие» политических ценностей, идей, установок как своих, а не просто фиксирующий и оценивающий их на чувственном уровне. Политическая среда не является пассивным объектом восприятия, а активно воздействует на субъект. Политические акторы реализуют стратегии принуждения к определенной интерпретации политических объектов, поэтому субъект восприятия находится в ситуации постоянного выбора из множества предлагаемых альтернативных вариантов. Когнитивным элементом механизма политического восприятия являются знания о политике, собственные представления граждан о «политическом», на основе которых происходит концептуализация «политического» в индивидуальном сознании. Концептуализация политического, а не просто его «чувственное восприятие» политического объекта, также является элементом механизма политического восприятия.

Понимание механизмов политического восприятия должно стать методологическим основанием для тех, кто исследует или создает технологии воздействия на политическое восприятие. Технологии, при всем их разнообразии, построены на приемах манипулирования либо чувственными, либо когнитивными элементами механизма восприятия. Технологии, направленные на стратегическое продвижение определенных идей, должны включать приемы «деконтестации», есть лишения политического дискурса многозначности, приданием ему единственного смысла.

Программа исследования, ввиду двойственного характера восприятия, должна включать методы и психологической, и когнитивной методологии, предлагаемые ими для исследования общественного и индивидуального сознания. В политической науке, не имеющей собственных методов в этой области, необходима триангуляция методов, предлагаемых психологий и когнитивистикой.

T.A. Podshibyakina*
Processes and mechanisms of political perception:
research methodology in political science

Abstract. The author chose the topic of the article due to the need for a more in-depth study of the research area “processes and mechanisms of political perception”, only recently included in the new passport of the specialty 5.5.2 “Political institutions, processes, technologies”. The research question can be posed as follows: are there specific political mechanisms and political processes of perception? The analysis of Russian and foreign publications made it possible to identify understudied areas in the problem field of political science on this topic. A unified “theory of political perception” has not yet been developed; there is a set of concepts that allow one to form an idea of the research direction. The most widespread direction is studying the “perception of the political”: images of political leaders, ideas, events. This study is based on the concept of “political perception”, and not “perception of the political”. A review of publications showed that in political science the concept of the “mechanism” of perception, in contrast to the concept of the “process” of perception, has not been adequately developed. In the context of the theoretical problem posed, the goal of the work was to analyze the mechanism of perception as a subject of political science. To implement it, an analysis of the complex of basic theoretical approaches and methodological techniques available in the arsenal of political science for studying the concept of “political perception” was first conducted, and then its comparative analysis with the concept of “perception of politics” was carried out. The concept of “mechanism of political perception” was proposed, describing the elements of its structure and the relationships between them. Practical recommendations on the use of the concept for developing technologies for managing political perception were given.

Keywords: perception; political perception; perception of politics; mechanisms of political perception; processes of political perception; theory of political perception, reception.

For citation: Podshibyakina T.A. Processes and mechanisms of political perception: research methodology in political science. *Political science (RU)*. 2025, N 4, P. 249–262. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.04.11>

References

- Bart R. *Selected works. Semiotics. Poetics*. Moskva: Progress, 1989, 616 p. (In Russ.)
Bengtsson Å. Citizens' perceptions of political processes: a critical evaluation of consistency and survey items. *Revista internacional de sociología*. 2012, Vol. 70, N Extra 2, P. 45–64.
Brunner J.S., Postman L. Perception cognition and behavior. *Journal of personality*. 1949, Vol. 18, Iss. 1, P. 14–31.
Brunner J.S. On perceptual readiness. *Psychological review*. 1957, Vol. 64, N 2, P. 123–152.
Brushlinski A.V. (ed.). *Psychological science in Russia in the twentieth century: problems of theory and history*. Moscow: Institute of psychology of the Russian academy of sciences publishing house, 1997, 597 p. (In Russ.)

* Podshibyakina Tatyana, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia), e-mail: tan5@bk.ru

- Easton D. The Perception of authority and political change. In: Friedrich C.J. (ed.). *Authority. Nomos 1.* Cambridge: Harvard university press, 1958, P. 170–196.
- Eder J. Narratology and cognitive reception theories. In: Kind T., Müller H.H. (eds). *What is narratology? Questions and answers regarding the status of a theory.* Berlin: de Gruyter, 2003, P. 277–301.
- Feldman S., Conover P. Candidates, issues and voters: the role of inference in political perception. *The journal of politics.* 1983, N 45, P. 810–839.
- Festinger L. *A theory of cognitive dissonance.* Stanford: Stanford university press, 1962, 291 p.
- Freeden M. *The Political theory of political thinking: The anatomy of a practice.* Oxford: Oxford university press, 2013, 358 p.
- Görtz C., Zorell C.V., Fitzgerald J. Casting light on citizens' conceptions of what is 'political'. *Acta politica.* 2023, Vol. 58, N 1, P. 57–78.
- Granberg D., Kasmer J., Nanneman T. An empirical examination of two theories of political perception. *Western political quarterly.* 1988, Vol. 41, N 1, P. 29–46.
- Greenstein F.I. Can personality and politics be studied systematically? *Political psychology.* 1992, Vol. 13, N 1, P. 105–128.
- Leiens Zh., Darden B. Basic concepts and approaches in social cognition. In: Huston M., Ströbe W., Stephenson J. M. (eds). *Perspectives of social psychology.* Moscow: EKSMO-Press, 2001, P. 140–141. (In Russ.)
- Malinova O.Yu. The Oxford encyclopedic handbook of political context analysis (abstract). *Political science (RU).* 2009, N 4, P. 176–186. (In Russ.)
- Morina L.P. The concept of "political" in modern discourse-analytical research. *Bulletin of St. Petersburg university. Philosophy and conflictology.* 2015, N 4, P. 134–141. (In Russ.)
- Neisser U. *Cognition and reality: principles and implications of cognitive psychology.* San Francisco: WH Freeman, 1976, 230 p.
- Podshibakiina T.A. Dynamics of mental worldview models: concept and method of scenario forecasting. *Political science (RU).* 2024, N 4, P. 241–261. (In Russ.)
- Podshibakiina T.A. Cognitive narratology: possibilities of use in political science. *Political science (RU).* 2023, N 3, P. 81–97. (In Russ.)
- Pushkareva G.V. Political events through the eyes of Russians: psychological mechanisms of perception and individual interpretation *Polis. Political studies.* 2004, N 4, P. 93–102. (In Russ.)
- Pushkareva G.V. Cognitive mechanisms of constructing political reality. *Polis. Political studies.* 2015, N 1, P. 55–70. (In Russ.)
- Rogach N.N. Ideal politicians in the perception of Russian citizens: A comparative analysis of images. *Political expertise: POLITEKS.* 2021, Vol. 17, N 4, P. 408–419. (In Russ.)
- Shestopal E.B., Palitai I.S. Psychological features of perception of political parties in modern Russia. *Bulletin of Moscow university. Series 12. Political Sciences.* 2014, N 4, P. 28–51. (In Russ.)
- Shestopal E.B. Features of the use of psychological methods for studying political perception. *Social psychology and society.* 2018, Vol. 9, N 3, P. 81–90. (In Russ.)
- Shestopal E.B. (ed.). *Psychology of political perception in contemporary Russia.* Moscow: ROSSPEN, 2012, 423 p. (In Russ.)
- Shestopal E.B., Rogach N.N. Ideal representations as a factor in the perception of a real political leader. *Polis. Political studies.* 2020, N 4, P. 166–180. (In Russ.)

- Thompson M.P. Reception theory and the interpretation of historical meaning. *History and theory*. 1993, P. 248–272.
- Tilly C. Mechanisms in political processes. *Annual review of political science*. 2001, Vol. 4, N 1, P. 21–41.

Литература на русском языке

- Барт Р.* Избранные произведения. Семиотика. Поэтика. – Москва: Прогресс, 1989. – 616 с.
- Лейенс Ж., Дарден Б.* Основные концепции и подходы в социальном познании // Перспективы социальной психологии / под ред. М. Хьюстона, В. Штребе, Дж.М. Стефенсона. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – С. 128–156.
- Малинова О.Ю.* Оксфордский энциклопедический справочник по политическому анализу контекста (реферат) // Политическая наука. – 2009. – № 4. – С. 176–186.
- Морина Л.П.* Концепт «политическое» в современных дискурс-аналитических исследованиях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2015. – № 4. – С. 134–141.
- Подшибякина Т.А.* Динамика ментальных мировоззренческих моделей: концепция и метод сценарного прогнозирования // Политическая наука. – 2024. – № 4. – С. 241–261.
- Подшибякина Т.А.* Когнитивная нарратология: возможности использования в политической науке // Политическая наука. – 2023. – № 3. – С. 81–97. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.03.04>
- Психология политического восприятия в современной России / под ред. Е.Б. Шестопал. – М.: РОССПЭН, 2012. – 423 с.
- Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / под ред. А.В. Брушлинского. – М.: Издательство «Институт психологии РАН», 1997. – 597 с.
- Пушкарева Г.В.* Когнитивные механизмы конструирования политической реальности // Полис. Политические исследования. – 2015. – № 1. – С. 55–70.
- Пушкарева Г.В.* Политические события глазами россиян: психологические механизмы восприятия и индивидуальной интерпретации // Полис. Политические исследования. – 2004. – № 4. – С. 93–102.
- Рогач Н.Н.* Идеальные политики в восприятии российских граждан: сравнительный анализ образов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2021. – Т. 17, № 4. – С. 408–419.
- Шестопал Е.Б.* Особенности использования психологических методов для изучения политического восприятия // Социальная психология и общество. – 2018. – Т. 9, № 3. – С. 81–90. – DOI: <http://www.doi.org/10.17759/sps.2018090309>
- Шестопал Е.Б., Палитай И.С.* Психологические особенности восприятия политических партий в современной России // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2014. – № 4. – С. 28–51.
- Шестопал Е.Б., Рогач Н.Н.* Идеальные представления как фактор восприятия реального политического лидера // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 4. – С. 166–180.

ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

А.А. АТАМАНЕНКО*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭМОЦИИ КАК КОМПОНЕНТ ВИЗУАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ АРТЕФАКТОВ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Как правило, исследования, посвященные роли визуальных образов в политике, фокусируются либо на морфологии и эстетике изображений, либо на их политическом содержании, оставляя без дополнительного рассмотрения эмоциональную составляющую. В данной статье политические эмоции рассматриваются как неотъемлемая часть визуальных политических артефактов, а также предлагается частное методологическое решение для их анализа. В качестве основы в статье предлагается синтез двух областей исследований – политических исследований визуальной коммуникации и социологии эмоций. Это позволяет преодолеть дисциплинарные границы. Центральной концепцией решения является «политический эмотив», который расширяет модель эмоциональной коммуникации М. Шеер. Визуальный политический эмотив – это изображение, передающее определенную политическую эмоцию. Выделяются пять типов визуальных политических эмотивов: манифестирующие, солидаризирующие, мобилизующие, разделяющие и сублимирующие. Они проиллюстрированы примерами различных политических символов в контексте визуальных носителей: плакатов, карикатур, мемов и фильмов. Подчеркивается, что визуальные политические артефакты следует рассматривать как итог политического действия, в котором эмоциональный посыл является одним из основных намерений. Предлагаемый подход обеспечивает логическую контекстуализацию изображений в их социально-политическом окружении и открывает возможности для дальнейших исследо-

* Атаманенко Артемий Андреевич, преподаватель кафедры теоретической социологии и эпистемологии Института общественных наук, Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) (Москва, Россия); аспирант факультета политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: aaatamanenko@mail.ru

ваний мультимодальных и динамичных форм визуальности. В заключение выявлен потенциал объединения политической теории эмоций с анализом визуальных артефактов для расширения предметной области политической науки.

Ключевые слова: политические эмоции; эмоциональный режим; эмоциональная культура; визуальные политические эмотивы; визуальные артефакты; интенциональный анализ.

Для цитирования: Атаманенко А.А. Политические эмоции как компонент визуальных политических артефактов: методологические перспективы // Политическая наука. – 2025. – № 4. – С. 263–289. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.04.12>

Введение

Визуальный, пикториальный или эстетический поворот, характерный для многих социальных наук в конце XX и начале XXI в., предлагает авторам обращаться к зрительному опыту для изучения социальных процессов. Существует немалый объем работ, обращающихся и к политической стороне визуальных феноменов. Однако нам видится, что существующие методологические конфигурации при своих многих конструктивных моментах имеют ряд лакун. С одной стороны, культурологический анализ визуальных артефактов в политике склонен фокусироваться на морфологических и эстетических особенностях [Варбург, 2024; Ямпольский, 2024; и др.], нередко упуская социальную и политическую обусловленность самого произведения, а также политические и идеологические позиции авторов. С другой стороны, политологические исследования, в которых центральное внимание уделяется визуальному компоненту, совершают обратную операцию: уделяют максимально пристальное внимание частным проявлениям политических факторов в изображении (что довольно логично), при этом не раскрывая внутреннюю природу артефакта. Соответствующие работы посвящены и визуальной коммуникации политических акторов [Колосов, 2006; Бродовская, Ежов, Огнев, 2021], и визуальному политическому восприятию и политической психологии [Ракитянский, 2020; Шестопал, 2024], и отдельным сферам создания политизированных визуальных артефактов: кинематографу, видеоиграм, комиксам и т.д. [Кузнецов, Куликова, Петрова, 2023; Белов, 2024; Помигуев, Прокопчук, Кошкин, 2024]. Эти допущения, неизбежные в ситуации предметного деления наук, тем не менее ограничивают возможность получения более полной исследовательской картины.

Работы, стремящиеся найти некие общие переменные для более целостного взгляда на изображение, оказываются довольно редкими [Кресс, 2016; Мирзоев, 2019]. В этой связи нам видится оправданным предложить возможный вариант снятия подобных ограничений через синтез визуальных исследований политики и политических исследований визуального на платформе социальной теории эмоций. В обоих парадигмах аффекту в том или ином виде уделяется немалое внимание. Поэтому представляется, что объединение содержательных возможностей двух подходов через общий для них компонент позволит предложить возможный шаг в сторону расширения методологического инструментария и формирования более полных, интегральных результатов относительно роли визуальных артефактов в осмыслении и осуществлении политики.

Таким образом, мы ставим перед собой цель предложить частное методологическое решение, позволяющие изучать политические визуальные артефакты как категорию, преодолевающую методологические допущения и ограничения описанных выше подходов. Редакторы монументального сборника «The Handbook of Visual Culture» обозначают, что «“поле визуальной культуры” (является) не дискретным и ограниченным доменом социальных исследований, а скорее полем силы, изменяющим “разделение труда” в академических исследованиях в области гуманитарных наук, искусства и социальных наук» [Heywood, Sandywell, 2012, p. 42]. Данная позиция импонирует нам как призывающая к креативному преодолению предметных границ. Достижение исследовательской цели потребует от нас нескольких последовательных шагов. Во-первых, рассмотрения и оценки магистральных направлений двух исследовательских оптик – исследований политических изображений и исследований политических эмоций. Во-вторых, определения тех концептуальных, конструкций, которые позволят органично связать эти исследовательские оптики. Наконец, необходимо оценить возможности и ограничения полученного методологического решения, выявив дальнейшие шаги по развитию исследовательских программ в области академической работы с политическим изображением.

Отметим, что наш выбор имеет определенные ограничения, определяемые масштабом нашей работы. Учитывая частный характер предлагаемого решения и его заявку на междисциплинарное объединение, мы фокусируемся только на эмоциональном аспекте в его социологической интерпретации. Более того, в обозначенных выше исследованиях уже ведется работа с эмоциональным факто-

ром политических коммуникаций (напр., подробный методологический обзор: [Артамонова, 2020, с. 189–313]). История и социология эмоций и исследования политических изображений выступают «базовыми» сферами, через которые мы работаем с поставленной проблематикой. При этом теоретические построения из этих сфер фактически не используются в работе с визуальными политическими артефактами, что воспринимается нами как концептуальное упущение. Это, в частности, определяет дальнейший круг задач, который может быть решен в рамках избранной нами сферы. В том числе и касающихся методологического расширения предложенных решений.

Эмоциональный режим как пространство объединения политического и визуального

Для начала обратимся к центральному понятию нашего рассуждения, а именно эмоциям и конкретно политическим эмоциям. Отметим, что эмоции мы рассматриваем, в первую очередь, как социальное явление, не концентрируясь на психологических и нейронаучных подходах. Под эмоцией в широком смысле мы понимаем оценочную аффективную реакцию человека на окружающую его реальность. Одновременно нам важно зафиксировать роль эмоций как аффективного политического фактора, используемого в политической практике и политическом управлении.

Современную концептуализацию социологии эмоций формирует Е. Иллуз, а также ее соавторы и последователи. В своих текстах Иллуз вводит понятие эмоционального капитализма как особого измерения современных социальных отношений. Эмоции становятся тем, что можно «продавать» или обменивать, а использование эмоций в межличностных отношениях рассматривается в логике инвестиции [Illoz, 2007]. При этом негативные эмоции стигматизируются на институциональном уровне, что создает среду для эмоциональных капиталистов буквально как «продавцов счастья» или его видимости [Иллуз, Кабанас, 2023]. Концепция «счастьекратии» предполагает такое устройство общества, экономического рынка и политической сферы, в котором основой любого позитивного предложения становится обещание позитивного эмоционального состояния реципиенту.

В ином ключе эмоции рассматриваются в историко-сравнительной перспективе. К данному направлению можно отне-

сти фундаментальные работы Я. Плампера и Б. Розенвейн. Плампер в своей программной работе «История эмоций» показывает развитие и многообразие способов называть эмоции, говорить об эмоциях и оценивать эмоции в разные исторические эпохи. Плампер считает, что в XXI в. эмоции перестают быть тем, что предписано сдерживать и скрывать [Плампер, 2024, с. 23–35]. Этот тезис четко сочетается с идеями эмоционального капитализма. Постиндустриальное и постмодерновое общество отчасти «не боится» быть нерациональным, а потому роль эмоций как культурного и социального феномена подвергается переосмыслению. Общность эмоционального опыта и одинаковое к нему отношение становятся мощным объединяющим фактором в исторической перспективе. Каждое эмоциональное сообщество создает свою систему чувств, а также ритуалов, связанных с их проживанием. В этом смысле эмоции как аффективное проявлением природы человека становятся основанием для выработки социального кода их восприятия, и сами они становятся кодом, отображающим принадлежность к той или иной линии интерпретации и реализации эмоций [Rosenwein, 2007]. От названия и оценок до ритуалов и социальной роли, эмоции в общественно-политическом смысле формируются контекстом. Принятие такой механики «закрепления» трактовок эмоций окажется крайне продуктивным в ходе дальнейших шагов.

Наконец, существуют подходы, описывающие непосредственно политическую сторону появления эмоций [Урнов, 2008; Cvetkovich, Staiger, Reynolds, 2010; Де Вааль, 2022]. Наиболее яркой в этом ряду видится книга М. Нуссбаум «Политические эмоции», в которой автор излагает общую теорию эмоций как значимых для политики проявлений аффективной природы человека. Ее концепция оказывается принципиально простой: политические эмоции есть те эмоции, которые человек испытывает в связи с политическими событиями, процессами и явлениями. Эмоции рассматриваются как естественная и неотъемлемая часть политики, при помощи которой происходит выработка представлений о Добре и Зле [Нуссбаум, 2023, с. 171–175].

Рассмотренная нами академическая традиция описания эмоций как социального явления показывает также их роль и как политического регулятора. С одной стороны, они могут быть использованы как стабилизирующие инструменты, с другой – формировать проактивную среду общественно-политического изменения. Обозначенные подходы к эмоциям подчеркивают их политическое значение как коллективного явления. Теперь нам следует описать,

как эмоции могут быть организованы в рамках ткани политической реальности.

Социология эмоций традиционно сужает рамки понимания эмоциональной структуры общества до более конкретных масштабов, связанных с социальными институтами и политическими режимами [Симонова, 2022]. У. Редди в своих исследованиях предлагает идею эмоционального режима, определяя его как «набор нормативных эмоций, официальных ритуалов, практик и эмотивов: необходимая основа любого стабильного политического режима». Эмотив в этом случае понимается как минимально возможная единица измерения эмоционального действия – это и есть эмоция в действии. Он выражается, в первую очередь, высказыванием, в котором значение каждого слова и его эмоциональная окраска неотделимы от исторического и социального контекста. Репертуар возможных и допустимых эмотивов, а также их оценка и ранжирование составляют основу эмоционального режима. Он изначально осмысляется как политический феномен и фундамент политического режима. Субъективная природа политических взглядов, суждений и действий делает эмоции базовой частью политического опыта, укрепляя уверенность актора в совершающем политическом действии и усиливая его перформативный эффект [Reddy, 2001, р. 60–96]. М. Шеер выделяет четыре основных типа эмоциональных практик / эмотивов, через которые раскрываются черты эмоционального режима: мобилизующие, именующие, коммуницирующие и регулирующие. Эмоциональный акт в такой типологии приводит к совершению действия (мобилизующие), констатации эмоционального факта (именующие), передаче социально значимой информации при помощи эмоций (коммуницирующие) или формированию «правил эмоциональной игры» (регулирующие) [Sheer, 2012]. Таким образом, эмоциональный режим становится рамкой функционирования эмоций как ресурсов социального и политического действия.

Наконец, эмоциональный режим как основание политического режима определяет возможности эмоциональной политики. Размышления на эту тему представлены, например, у П. Дуткевича и Д. Казариновой. Исследователи утверждают, что страх и иные сопровождающие его эмоции становятся не просто инструментом политического управления, а «онтологическим состоянием» современной политики. Конструирование страха в публичных дискурсах превращается в «удобный способ влияния на избирателя». «Страх определяет, что правильно, а что нет, и заменяет собой на-

бор классических критериев известных идеологических установок», – констатируют авторы [Дуткевич, Казаринова, 2017, с. 17]. Возможна и более «позитивная» трактовка эмоциональной политики. В работах Ф. Фуреди и, позже, Ф. Фукуямы активно развивается идея терапевтической политики. В этой парадигме государство ставит своей задачей эмоциональное благополучие своих граждан. При этом субъективные эмоциональные ощущения могут ставиться выше непосредственного решения политических и социальных проблем [Furedi, 2004]. С одной стороны, авторы отстаивают идею необходимости выстраивания эмоционально заботливого государства, с другой – акцентируют внимание на культивации чувства незащищенности и убеждении граждан в том, что без государства их эмоциональное состояние и достоинство не будут стабильными [Фукуяма, 2019]. В этой оптике эмоции становятся политическим активом, в первую очередь эксплуатируемым со стороны государства для достижения политических целей.

Проведенный обзор демонстрирует, что подход к эмоциям как политическому компоненту социальной реальности оказывается довольно подробно разработанным. Это дает нам гибкость в рассмотрении эмоционального фактора в политических изображениях. Для выстраивания сценариев методологической интеграции нам теперь потребуется обозначить понимание изображения, наиболее конструктивное относительно поставленных задач.

Изображение как носитель эмоции: методологическое обоснование

Для начала сформулируем общий подход, внутри которого будет раскрыта теория визуальных политических артефактов. Чаще всего анализ политического содержания связан с анализом текстов. Изображение мы также понимаем как особый вид текста, опирающийся на визуальный код для донесения заложенного сообщения.

Для построения рамки, которая позволит нам выделять намерения эмоционального характера при создании политических изображений, мы обратимся к методу интенционального анализа, предложенного К. Скиннером первоначально в контексте интеллектуальной истории. Рассматривая тексты, Скиннер предлагает адресоваться к ним с вопросом: «Что хотел сделать автор, создавая свой (визуальный. – А.А.) текст?». Для ответа на вопрос нам потребуется не только сам текст, но и окружающий его политический,

социальный и интеллектуальный контекст [Скиннер, 2022]. Если Скиннер обращается к историческому материалу, то нам потребуется изучить доступный информационный фон: комментарии и заявления авторов (художников, фотографов, политиков, рядовых граждан, чиновников, политтехнологов...), а также сопутствующий изображению вербальный текст (при его наличии). Отметим, что в данном случае нас интересует намерение оригинального автора (а не, например, перепост изображения в социальных сетях, интенция которого может отличаться от изначального замысла). Вербальный текст в общем очень подробно исследуется с позиции эмоциональных посылов, поэтому недостатка в аналитических моделях и возможности объединения контекстов здесь испытывать не приходится [см., напр.: Loseke, 2009]. Таким образом, изображение и текст выступают частью общего интенционального комплекса (визуального и вербального). В нашем случае мы концентрируем наше внимание на изображении, при необходимости используя вербальный текст как дополнительную контекстуальную информацию. Учитывая высокую контекстуальность эмоций и их восприятия, установленную нами ранее, исследовательский алгоритм такого рода видится логичным мостом между исследованиями эмоций в социальном измерении и исследованием визуальных артефактов.

Рассматривая изображение как текст, мы можем описать его как форму презентации политической реальности. В этом ключе уместны построения Ф. Анкерсмита, развитые им в работах «Политическая презентация» и «Эстетическая политика». Одной из его значимых новаций становится идея о политическом стиле как особенностях актора, уникальных для него и не присущих никаким другим акторам политического процесса [Анкерсмит, 2012, с. 166–200; Анкерсмит, 2014, с. 34–40]. Политический стиль всегда субъективен и индивидуален, он сам по себе становится основой политического действия. Обращаясь к феномену письма, Ролан Барт определяет политическое письмо как такой способ фиксации слов, который предполагает «встроенную» оценку, то есть неотделим от политической позиции и политического стиля автора [Барт, 2025, с. 18–28]. Экстраполируя идеи Барта относительно письменного текста на изображение как текст, мы можем сказать, что изображение становится визуальной презентацией политического стиля в форме «визуального письма». Раз политический стиль субъективен, то и политические эмоции будут являться его частью. Интенциональность политического стиля определяет его эмоциональный заряд как планируемый и проектируемый.

Теперь нам необходимо уточнить само понятие «изображение», чтобы очертить круг визуальных явлений, которые мы будем подвергать анализу. М. Ямпольский описывает изображение как нематериальную презентацию вещи и одновременно тоже как вещь саму по себе [Ямпольский, 2024, с. 10–11]. Изображением можно считать такой артефакт, который при помощи зрительной иллюзии создает у нас ощущение восприятия того, что изображено. То есть изображение представляет собой виртуализацию реальности, доступной зорю.

В. Каллахан в своих исследованиях придерживается концепции визуального политического артефакта как «сенсорного пространства, где международная политика представлена, осуществляется и переживается посредством ощущимых, эмоциональных и повседневных взаимодействий на локальном, национальном и мировом уровне» Callahan, 2020]. Такое понимание изображения одновременно дает нам довольно гибкое, но при этом четкое понимание визуального в политике и вводит важный для нас фактор эмоций, через которые раскрывается обозначенная сенсорность. К таким визуальным политическим артефактам относятся фотографии, карты, рисунки и карикатуры, коллажи, кинематограф... Обобщающий подход Каллахана создает впечатление, что его концепция может быть применима к любому объекту, несущему некий визуальный субъективный посыл.

Отметим, что изображение является предметом довольно глубокого изучения со стороны социальной и политической истории. Разработанная К. Гинзбургом «уликовая парадигма» предполагает работу с изображением как с архивным источником, внутри которого можно найти («выследить») маркеры, позволяющие вписать его в соответствующий исторический контекст и более точно интерпретировать значение наблюдаемых визуальных конфигураций [Гинзбург, 2022]. Актуальные работы, посвященные визуальной стороне истории, включают детальные рассмотрения визуального политического действия и стратегий формирования образного фонда [Робер, 2019; Фюрекс, 2022], дифференциации визуальных политических образов в рамкахластной коммуникации [Колоницкий, 2023], трансформации политических образов и их визуальной презентации в зависимости от политического контекста [Шапиро, 2021; Тогоева, 2024]. Этот материал с точки зрения подбора критериев эмпирической базы показывает, как изображение и взаимодействие с ним фиксирует эмоции авторов и

активистов в момент создания изображения или его использования в политических целях.

Визуальная сторона политики раскрывается и в исследованиях международных отношений. Наиболее часто встречающаяся парадигма предполагает работу с дихотомией «мы – они» или визуальным конституированием образа Другого. Описывая историю внешней политики США, И. Курилла значительное внимание уделяет визуальным репрезентациям. Причем речь идет как о самореализациях, так и о визуальном конструировании мировой политики за пределами Штатов [Курилла, 2024]. М.А. Кучеров и М.В. Харкевич в программной статье заявляют, что визуальный поворот в исследованиях международной безопасности приводит к увеличению внимания к «широкой общественности». Изображения пробуждают чувства и эмоции, которые могут секьюритизировать политические объекты. Таким образом, изображение в некотором смысле приводит к демократизации безопасности и при этом более субъективному (основанному на эмоциях и чувствах) определению ее критериев [Кучеров, Харкевич, 2023]. Такое восприятие визуальных артефактов также возможно при соответствующей постановке исследовательского вопроса и показывает нам аффективную сторону традиционно рационализируемых международных отношений.

Существуют и сугубо политические трактовки роли изображения. В. Беньямин в эссе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» обращается и к визуальным феноменам. В духе марксистской философии Беньямин считает, что буржуазное государство пользуется техническими средствами для «эстетизации политики» и изъятия из художественной культуры индивидуальности [Беньямин, 1996]. Сходная линия обнаруживается в более позднем тексте Т. Адорно и М. Хоркхаймера «Культурная индустрия». Философы выступают с радикальной критикой современных им культурных практик, связанных с появлением индустриально воспроизводимых одинаковых культурных единиц. Авторы утверждают, что при помощи индустрии культуры господствующий класс подменяет мышление угнетаемого класса своим собственным. Избыток визуальности в социальной жизни клеймится как то, что уничижает ее и создает из граждан-участников простых наблюдателей [Адорно, Хоркхаймер, 2024, с. 42–51].

Отдельно стоят политические трактовки фотографии и кинематографа как аффективного политического изображения. Р. Барт в хрестоматийном тексте «*Camera Lucida*» описывает фотографию как механическое визуальное присвоение социально-политической ре-

альности. Фотография изначально позиционируется как политическое заявление, создающее репрезентацию присутствия. Непосредственность фотографии, по мнению Барта, и определяет ее значимость как визуального политического артефакта [Барт, 2013, с. 150]. В принципиально ином формате существует кинематограф. Пусть и прибегая к технике фотографии, кинематограф обычно ассоциируется с поставленными и сконструированными визуальными образами. П. Родькин считает, что кинематограф позволяет создать визуальный образ «онтологически зрелой власти», которая не подвергается ограничениям несовершенной реальности [Родькин, 2018, с. 13–25]. Экран позволяет создать идеальный сценарий власти, который будет полностью подчиняться создавшему его воображению. Кинематограф является еще и аудиовизуальной репрезентацией, действуя не только зрение, но и слух. Работа А. Юсева показывает возможности кинематографа как политического искусства на примере конкретных произведений [Юсев, 2019]. Такого рода тексты концентрируются в первую очередь на присутствующих на экране политических символах и метафорах, визуальных цитатах и параллелях, риторических приемах и действиях персонажей. В. Согомонян делает следующий шаг, говоря о том, что драматургия современной политики в большей мере следует за моделью современного популярного сериала, чем за ценностями гражданского участия [Согомонян, 2024]. И фотография, и кинематограф становятся пограничным форматом политического изображения, для которого контекстуальные факторы становятся часто более влиятельными, чем собственное содержание. В этом измерении вызываемые эмоции могут как поддержать существующий эмоциональный режим, так и быть направлены против него.

В завершение отметим исследования мультимодальных визуальных артефактов. О.Ю. Малинова в статье «Мультимедийные выставки как предмет политологического исследования: вызов мультимодальности» обозначает необходимость использования этой оптики в современных научных изысканиях. Это связано с тем, что восприятие визуальных артефактов никогда не происходит в замкнутом между зрителем и одним изображением пространстве. Мы постоянно и одновременно воспринимаем сразу несколько визуальных, аудиальных, тактильных и иных сенсорных единиц, что влияет на общее впечатление от взаимодействия с ними [Малинова, 2024]. Исследования мультимодальности также работают и применительно к визуальным артефактам вроде карикатур и комиксов, в которых текстовая и визуальная информация выстраивают-

ся в определенную последовательность для достижения задуманного эстетического и эмоционального впечатления. Политологическая значимость применения такой методологии связана с возможностью более точного и подробного установления комплекса средств и техник, участвующих в производстве политического мнения, процессов легитимации или делегитимации отдельных политических сил и акторов через многослойные визуальные нарративы.

Обзор существующих подходов к анализу изображения в качестве политического артефакта демонстрирует обширность теоретических описаний политической визуальности. Описывая их структурные и композиционные особенности, эти теории дают возможность быть дополненными анализом эмоций в духе истории и социологии эмоций. Описанная нами выше методологическая ситуация показывает довольно органичный сценарий объединения этих методологических построений, в котором для исследования политического изображения используется аппарат изучения эмоций как социально-политического феномена.

Политические эмоции как элемент визуальных политических артефактов: визуальные политические эмотивы

Обратившись к двум базовым сферам, значимым для нашего исследования, – исследованиям политических эмоций и политического изображения, – мы теперь можем сформулировать методологическую платформу, которая позволит объединить содержательный материал этих направлений. Нам видится, что на данном этапе это может быть нетривиальным частным вариантом исследовательской оптики, который в дальнейшем может быть развернут в более масштабные методологические проекты.

Представляется, что одной из наиболее удачных разработок социальной теории эмоций становится концепция «эмотива». Существующие типологии могут быть использованы как в качестве критериальной рамки, так и адаптированы под соответствующий эмпирический материал. В этой связи представляется логичным конкретизировать этот методологический элемент для соединения его с теорией политического изображения. Таким образом, мы можем предварительно вести речь о «визуальных политических эмотивах», т.е. визуальных «высказываниях», в которых в том числе зафиксированы сообщения относительно эмоций в политическом процессе, их

направленности и оценки. Идея визуального политического эмотива позволяет нам как проинтерпретировать политическую обусловленность рассматриваемого изображения, так и объяснить взаимовлияние этой обусловленности с композиционными и эстетическими особенностями объекта исследования. Комплексное описание этих двух измерений визуальных артефактов даст нам возможность выдвигать более обоснованные суждения об их природе, преодолевая традиционные для отдельных исследований изображений как искусства и изображений в политике допущения и ограничения.

Из визуальных эмотивов формируется визуальный эмоциональный режим, представляющий весь репертуар визуального отображения политических эмоций. Таким образом, создание политического визуального артефакта как визуальное политическое действие получает в том числе эмоциональное измерение. Политическими визуальными артефактами, которые органичнее всего подходят под концептуальную рамку эмотива, становятся государственные и политические символы, плакаты, карикатуры, коллажи, мемы, фотографии, т.е. статические изображения. Несколько более сложной становится работа с эмотивами в рамках кинематографа, а также мультимодальных визуальных артефактов. Сложность вызвана, в первую очередь, комплексностью такого рода единиц: в них может содержаться сразу несколько визуальных эмотивов, организующих общую внутреннюю драматургию. Видится, что уже на данном этапе возможны размышления о более детализированных версиях эмоционально-визуальной методологии. Однако понимая стоящие перед нами ограничения жанра, в данном случае мы лишь наметим общую линию, которая далее может быть уточнена и дополнена для соответствующего эмпирического материала.

Используя теоретические выкладки социальных исследований эмоций и визуальных политических артефактов, мы можем предложить несколько типов визуальных политических эмотивов, представляющих собой визуальные «фразы», намеренно использующие проекцию эмоционального режима для политического высказывания. Наша типология основывается на разработках М. Шеер и У. Редди, раскрывая их общие тезисы в рамках политического пространства. Шеер выделяет мобилизующие, именующие, коммуницирующие и регулирующие эмотивы [Sheer, 2012]. Нам представляется значимым как несколько переосмыслить ее подход в политологическом ключе, так и расширить ее классификацию в связи с описанным выше исследовательским опытом в области

политических функций изображения (и конкретно сублимации политической реальности).

К визуальным политическим эмотивам мы отнесем следующие.

1) **Манифестирующие**, являющиеся базовой формой визуальной политico-эмоциональной «фразы». Манифестирующие визуальные политические эмотивы транслируют авторскую политическую эмоцию как вещь-в-себе, основной их целью является непосредственно эмоциональное высказывание как таковое. Манифестирующие эмотивыозвучны с именующими и одновременно регулирующими типами в концепции Шеер.

2) **Солидаризирующие**, создающие при помощи визуального материала визуальный образ политической идентичности, сопровождая его необходимым эмоциональным фоном. Это может быть как прямое изображение этой идентичности, так и метафорическая работа с государственными и политическими символами. Солидаризирующие эмотивы являются составной частью коммуницирующих эмотивов по Шеер. Поскольку в политическом пространстве важна идентичность, политический эмотив может как ее сформулировать (в данном случае), так и продемонстрировать ее границы (см. ниже).

3) **Разграничивающие**, демонстрирующие визуальную и эмоциональную разницу между представителями разных сообществ. В большинстве случаев речь идет о визуальной, эмоционально окрашенной демонстрации дилеммы Мы и Они и в целом об образах политического Другого. Вторая составная часть коммуницирующего эмотива по Шеер. Разграничение, в отличие от солидаризации, требует не объединения, а противопоставления. В политическом контексте нам представляется важным отделить друг от друга два этих полюса.

4) **Мобилизующие**, при помощи визуального материала призывающие к совершению (или несовершению) политического действия, опираясь на политico-эмоциональную мотивацию. Аналогичны с концепцией Шеер.

5) **Сублимирующие**, использующие визуальный материал для проживания негативного политического опыта, политических эмоций и впечатлений. Такие визуальные эмотивы чаще всего работают в репертуаре осмеяния или остранения [Гинзбург, 2021, с. 10–27]. Дополнены по сравнению с концепцией Шеер в связи с особенностями политической сферы как пространства выработки решений. Там, где решение по тем или иным причинам принять невозможно или же оно не устраивает часть акторов, возникает необходимость в сублимации. Такого рода политические эмотивы

становятся одним из способов канализации этой необходимости.

В рамках этого подхода мы постараемся проиллюстрировать каждый из визуальных политических эмотивов примером соответствующего визуального политического артефакта.

Примером манифестирующего политического эмотива является государственная визуальная символика: герб, флаг, официальные эмблемы, фотографии. Такого рода артефакты обозначают базовые политические посылы, сочетая их с эмоциональной привязанностью к политическому телу. Также к манифестирующим эмотивам мы отнесем изображения как из политической, так и из неполитической сфер, которые содержат обозначение политической позиции как факта. В таком случае эмотив несет функцию информирования и заражения соответствующей эмоцией. Это может быть политический плакат, коллаж, мем (рис. 1), кадр из кинофильма (рис. 2). Эмоция в данном случае связана с постулированием политической ценности или позиции, не неся за собой прямого призыва к политическому действию.

Рис. 1.

Мем Chad Xi. Мем использует портрет лидера Китая Си Цзиньпина, объединяя его с популярным мемом Gigachad. Таким образом, формируется образ политика, содержащий его позитивную оценку и вызывающий в целом положительные эмоции (однако может использоваться и в ироничном ключе)

Рис. 2.

Кадр из фильма «Человек-Паук 3: Враг в отражении», 2007 (реж. С. Рейми). Главный герой на фоне американского флага формирует позитивную эмоциональную связь образа супергероя с образом страны

Солидаризирующие эмотивы на уровне композиции предполагают визуальную репрезентацию идентичности, относительно которой формируется позитивная ассоциирующая эмоция. К таким мы отнесем плакаты, отображающие гражданский или этнический состав государства, образное изображение коллективной идентичности (рис. 3). Важно отметить, что в такого рода визуальных политических эмотивах отображаемая идентичность должна занимать все визуальное пространство, иначе речь идет уже о разграничитывающем эмотиве.

Мобилизующие эмотивы могут быть описаны как «застывшее предвкушение динамики». Такого рода артефакты визуально обращаются к аудитории, призывая к совершению политически значимого действия (рис. 4). Совершение этого действия или его результат представляются предметом гордости или иной позитивной эмоции. Можно сказать, что мобилизующие эмотивы наиболее склонны к формированию своеобразного «визуального диалога» между артефактом и зрителем (рис. 5), ответом которого должно стать совершение этого действия под влиянием транслируемых артефактом эмоций.

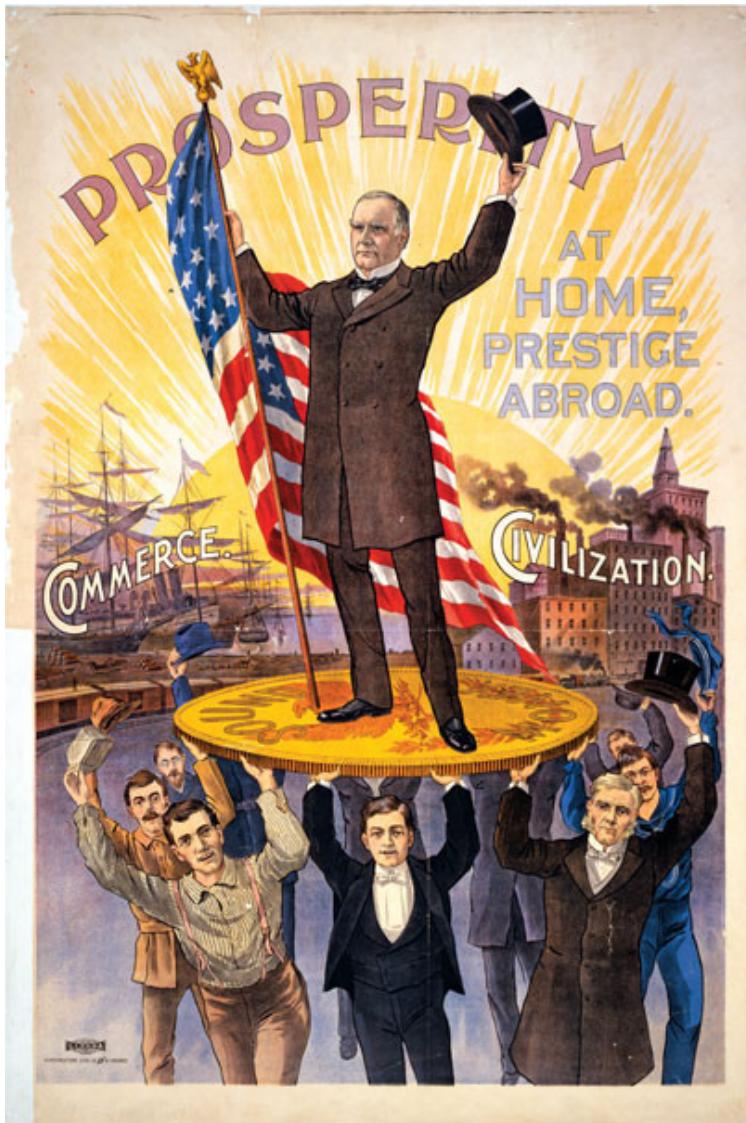

Рис. 3.

Предвыборный плакат кандидата в президенты США Уильяма МакКинли, отражающий визуальный портрет предполагаемых групп избирателей, 1895

Рис. 4.

**Плакат «Задай им жару – присоединяйся к танковым войскам»
Танкового корпуса США, 1917. Плакат демонстрирует
контекстуальный позитивный образ актора,
ответившего на призыв**

Рис. 5.

**Дональд Трамп в кепке Make America Great Again.
Кепка и текст стали символом политической поддержки
с инкорпорированным эмоциональным политическим призывом**

Разграничивающие эмотивы чаще всего состоят из компонентов, визуально репрезентирующих нескольких политических субъектов, к которым формируется различное эмоциональное отношение. Субъект, отражающий идентичность зрителя, должен вызывать позитивные эмоции, тогда как все иные должны на контрасте быть менее эмоционально (и эстетически) привлекательными (рис 6, 7).

51

Рис. 6.

Кадры из комикса А. Шпигельмана «Маус». Комикс посвящен опыту отца автора в концентрационном лагере. Евреи изображены в виде мышей, нацисты – в виде котов

Рис. 7.

Плакат «Завтрак казака», 1904.

Визуальные презентации Российской империи и Японской империи во время боевых действий

Сублимирующим эмотивом становится любая политическая карикатура или визуальный артефакт, опирающийся на юмор или элементы карнавальной культуры (рис. 8). Сюда же может относиться, например, и анимация на политическую тематику.

Таким образом, общие наброски методологии рассмотрения визуальных политических эмотивов на основе визуальных политических артефактов показывают как ее возможности (работа с проективным компонентом эмоциональных режимов при помощи презентации через изображение), так и ограничения (необходимость в дальнейшем уточнять аналитические схемы для работы в области мультимодальных и динамических изображений). Эти примеры не становятся исчерпывающими, а демонстрируют возможности предложенного методологического решения в описании

некоторого числа разных политических изображений. Практически каждый визуальный политический артефакт содержит несколько эмотивов различной степени проявленности. Вопрос определения «первичности» эмотива может отталкиваться как от восприятия (какой эмотив видит конечная аудитория), так и от намерения (если есть эта информация или она может быть реконструирована с высокой долей вероятности). Учитывая первичный шаг в этой области, дальнейшие разработки могут касаться множественного анализа визуальных политических эмотивов.

Рис. 8.

Карикатура «Гарвард атакован», 2025 (П. Шаппет).
Путем высмеивания обыгрывается конфликт президентской администрации Дональда Трампа в США и Гарвардского университета

Выводы

Итоги нашего исследования демонстрируют органичные точки взаимодействия двух областей исследований. Во-первых, это исследования политических эмоций как социального феномена. Во-вторых, исследования изображений как визуальных политических артефактов. Визуальный политический эмотив становится категорией, позволяющей изначально учитывать политическую

природу рассматриваемого изображения. Опуская эстетические детали, характерные для искусствоведения, и беря во внимание социальную природу политических эмоций, описанную в рамках политических исследований, данный взгляд помогает вывести отдельные представления о политической роли изображения из концептуальной изоляции отдельных дисциплин.

Предложенный подход позволяет оценивать создание изображения как политическое действие-высказывание, несущее, в том числе, намерение передать определенную задуманную политическую эмоцию. Интенциональный подход к политическому изображению как особому виду текста позволяет экстраполировать это представление на работу с эмотивами как «высказываниями» об эмоциях. Используя существующие подходы к выделению типа эмотивов в целом, мы можем в первом приближении представить аналогичное разделение для визуальных политических артефактов.

Выгодной стороной такого подхода становится логичная контекстуализация визуального политического артефакта. Нас интересуют не просто его морфологические особенности, но и то, как, зачем и почему этот артефакт при помощи своего визуального языка транслирует конкретную политическую эмоцию той аудитории, которая может этот визуальный политический артефакт увидеть. Тем не менее представленное нами построение может упускать некоторые композиционные моменты, связанные с нетипичными и неочевидными формами визуальных политических артефактов. Кинематограф, анимация, мультимодальные выставки, оформление и дизайн событий и мероприятий потребуют частных подходов, дополняющих оптику общего рассмотрения визуальных политических артефактов как эмотивов-проявлений эмоциональных режимов.

Подводя итог, мы можем зафиксировать методологический потенциал дальнейшего уточнения и расширения исследований политических эмоций в рамках визуальных политических артефактов. Будущие исследования могут дополнить картину интенционального анализа коммуникационными особенностями: восприятие эмоций, ретрансляция, трансформация. Все эти аспекты могут быть развиты в рамках представленной нами стратегии.

A.A. Atamanenko*

Political emotions as a component of visual political artifacts: methodological perspectives

Abstract. As a rule, studies on the role of visual imagery in politics either focus on the morphology and aesthetics of images or on their political content, leaving behind a comprehensive consideration of the emotional component. This article examines political emotions as an integral part of visual political artifacts and proposes a specific methodological approach for their analysis. As a basis, the article proposes a synthesis of two fields of research - political studies of visual communication and sociology of emotions. This allows us to break down disciplinary boundaries. The central concept of the solution is that of a “political emotive”, which widens M. Scheer's model for emotional communication. A political emotive is a visual expression that conveys a specific political emotion. There are five types of political emoticons: manifesting, solidifying, mobilizing, differentiating, and sublimating. These are illustrated with examples from various political symbols, such as posters, cartoons, memes, and movies. It is emphasized that visual political artifacts should be considered as political actions, with emotion as one of the main intentions. The proposed approach allows for the logical contextualization of images in their socio-political environment and opens up opportunities for further research into multimodal and dynamic forms of visibility. In conclusion, the potential of combining political theory on emotions with the analysis of visual artifacts is established to expand the field of political science.

Keywords: political emotions; emotional regime; emotional culture; visual political communications; visual artifacts; intentional analysis.

For citation: Atamanenko A.A. Political emotions as a component of visual political artifacts: methodological perspectives. *Political science (RU)*. 2025, N 4, P. 263–289. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.04.12>

References

- Adorno T., Horkheimer M. *Cultural industry. Enlightenment as a way to deceive the masses*. Moscow: Ad Marginem, 2024, 96 p. (In Russ.)
- Ankersmith F. *Aesthetic politics. Political philosophy beyond fact and value*. Moscow: Publishing house of the Higher school of economics, 2014, 432 p. (In Russ.)
- Ankersmith F. *Political representation*. Moscow: Publishing house of the Higher school of economics, 2012, 288 p. (In Russ.)
- Artamonova Yu.D. *Political communication in modern world: basic models*. Moscow: Publishing house of Moscow state university, 2020, 352 p. (In Russ.)
- Bart R. *Camera Lucida. Comments on the photo*. Moscow: Ad Marginem, 2013, 192 p. (In Russ.)
- Barth R. *Writing degree zero*. Moscow: Ad Marginem, 2025, 96 p. (In Russ.)

* **Atamanenko Artemiy**, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia); Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), email: aaatamanenko@mail.ru

- Belov S.I. Image of the USSR in the “Atomic Heart” game. *Political science (RU)*. 2024, N 4, P. 168–189. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.04.07> (In Russ.)
- Benjamin V.A work of art in the era of its technical reproducibility. In: Benjamin V. *A work of art in the era of its technical reproducibility. Selected essays*. Moscow: «Medium», 1996, P. 15–65. (In Russ.)
- Brodovskaya E.V., Ezhov D.A., Ognev A.S. Internet communications of Russian political parties in the current election cycle: results of oculometric analysis of the network content. *Political science (RU)*. 2021, N 3, P. 112–141. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.03.05> (In Russ.)
- Callahan W. *Sensible politics. Visualizing international relations*. New York: Oxford university press, 2020, 364 p.
- Cvetkovich A., Staiger J., Reynolds A. (eds). *Political emotions. New agendas in communication*. New York: Routledge, 2010, 272 p.
- De Waal F. *Chimpanzee politics: power and sex among apes*. Moscow: Publishing house of the Higher school of economics, 2022, 272 p. (In Russ.)
- Dutkevich P., Kazarinova D.B. Fear as a policy. *Polis. Political studies*. 2017, N 4, P. 8–21. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.02>. (In Russ.)
- Fukuyama F. *Identity. The demand for dignity and the politics of resentment*. Moscow: Alpina Publisher, 2019, 256 p. (In Russ.)
- Furedi F. *Therapy culture. Cultivating vulnerability in an uncertain age*. London, New York: Routledge, 2004, 245 p.
- Furex E. *An offended look. Political iconoclasm after the French revolution*. Moscow: New Literary Review, 2022, 624 p. (In Russ.)
- Ginzburg K. *The riddle of Piero. Piero della Francesca*. Moscow: New literary review, 2022, 216 p. (In Russ.)
- Ginzburg K. *Wooden eyes. Ten articles about distance*. Moscow: New publishing house, 2021, 448 p. (In Russ.)
- Heywood I., Sandywell B. Critical approaches to the study of visual culture: an introduction to the handbook. In: Heywood I., Sandywell B. (eds). *The handbook of visual culture*. London, New York: Berg, 2012, P. 1–58.
- Illouz E. *Cold intimacies: The making of emotional capitalism*. Cambridge: Polity, 2007, 144 p.
- Illouz E., Kabanas E. *Happycracy*. Moscow: Led, 2023, 352 p. (In Russ.)
- Kress G. Social semiotic and the challenge of multimodality. *Political science (RU)*. 2016, N 4, P. 77–100. (In Russ.)
- Kolonitsky B. *Tragic eroticism. Images of the imperial family during the First World War*. Moscow: New literary review, 2023, 664 p. (In Russ.)
- Kolosov A.V. «Visual communications in socio-political processes». *RUDN Journal of Political Science*, 2006, N 1 (6), P. 81–87. (In Russ.)
- Kucherov M.A., Harkevich M.V. «People’s securitization»: a visual turn in security research. *Bulletin of the Moscow University. Series 25: International relations and world politics*. 2023, Vol. 15, N 4, P. 61–83. DOI: <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2023-15-4-61-83> (In Russ.)
- Kurilla I. *Americans and all the rest. The Origins and meaning of US foreign policy*. Moscow: Alpina publisher, 2024, 320 p. (In Russ.)

- Kuznetsov I.I., Kulikova E.V., Petrova I.V. The space of heroes in the minds of Russian youth: variety of offers and unclear preferences. *Political science (RU)*. 2023, N 2, P. 179–202. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.08> (In Russ.)
- Loseke D. Examining emotions as discourse: emotion codes and presidential speeches justifying war. *The sociological quarterly*. 2009, N 50, P. 497–524.
- Malinova O.Y. Multimedia exhibitions as a subject of political science research: the challenge of multimodality. *Political science (RU)*. 2024, N 4, P. 17–44. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.04.01&> (In Russ.)
- Mirzoeff N. *How to see the world?* Moscow: Ad Marginem, 2019, 344 p. (In Russ.)
- Nussbaum M. *Political emotions: why love matters for justice*. Moscow: New Literary Review, 2023, 632 p. (In Russ.)
- Plamper J. *The history of emotions*. Moscow: New literary review, 2024, 568 p. (In Russ.)
- Pomiguel I.A., Prokopchuk T.L., Koshkin A.V. The potential of the narrative analysis method, or how to identify political values in Russian cinema. *Political science (RU)*. 2024, N 4, P. 45–65. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.04.02> (In Russ.)
- Rakityansky N.M. *Mental research of global political worlds*. Moscow: Publishing house of Moscow state university, 2020, 463 p. (In Russ.)
- Reddy W.M. *The navigation of feeling: A framework for the history of emotions*. New York: Cambridge university press, 2001, 400 p.
- Rober V. *Time of banquets. Politics and symbols of one generation (1818–1848)*. Moscow: New literary review, 2019, 656 p. (In Russ.)
- Rodkin P. *Cinema policies. 13 essays on the hermeneutics of modern cinema*. Moscow: Sovpadenie, 2018, 184 p. (In Russ.)
- Rosenwein B.H. *Emotional communities in the Early Middle Ages*. Ithaca: Cornell university press, 2007, 228 p.
- Shapiro B. *The Russian horseman in the paradigm of power*. Moscow: New literary review, 2021, 704 p. (In Russ.)
- Sheer M. Are emotions a kind of practice (and is that what makes them have a history)? A Bordieuan approach to understanding emotion. *History and theory*. 2012, Vol. 51, N 2, P. 193–220. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2303.2012.00621.x>
- Shestopal E.B. Russian citizens' images of a country's future: contents and psychological optics. *Political science (RU)*. 2024, N 4, P. 190–216. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.04.08> (In Russ.)
- Simonova O.A. Towards the study of emotional culture. A sociological perspective. *Personality. Culture. Societies*. 2022, Vol. 24, N 2 (114), P. 142–157. DOI: https://doi.org/10.30936/1606_951X_2022_24_2_142_157 (In Russ.)
- Skinner Q. Meaning and understanding in the history of ideas. In: Atnashev T., Velizhev M. (eds). *Cambridge school. Theory and practice of intellectual history*. Moscow: New Literary Review, 2023, P. 218–248. (In Russ.)
- Soghomonyan V. *Politics as a plot. Dramaturgy of modern election campaigns*. Moscow: Alpina PRO, 2024, 131 p. (In Russ.)
- Togoeva O. *The maiden with a banner. The history of France XV–XXI centuries in portraits of Joan of Arc*. Moscow: New literary review, 2023, 432 p. (In Russ.)
- Urnov M. *Emotions in political behavior*. Moscow: Aspect press, 2008, 240 p. (In Russ.)
- Warburg A. *The Great migration of images*. Moscow: Palmyra–iskusstvo, 2024, 376 p. (In Russ.)

- Yampolsky M. *Image. A course of lectures*. Moscow: New literary review, 2024, 424 p.
(In Russ.)
- Yusev A. *Cinemapolitics. Hidden meanings of modern Hollywood films*. Moscow: Alpina publisher, 2019, 304 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Адорно Т., Хоркхаймер М. Культурная индустрия. Просвещение как способ обмана масс. – М.: Ad Marginem, 2024. – 96 с.
- Анкерсмит Ф. Политическая презентация. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. – 288 с.
- Анкерсмит Ф. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. – 432 с.
- Артамонова Ю.Д. Политическая коммуникация в современном мире: базовые модели. – М.: Издательство Московского университета, 2020. – 352 с.
- Барт Р. Нулевая степень письма. – М: Ad Marginem, 2025. – 96 с.
- Барт Р. Camera Lucida. Комментарии к фотографии. – М.: Ad Marginem, 2013. – 192 с.
- Белов С.И. Образ СССР в игре Atomic Heart («Атомное сердце») // Политическая наука. – 2024. – № 4. – С. 168–189. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.04.07>
- Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизведимости. Избранные эссе. – М.: «Медиум», 1996. – С. 15–65
- Бродовская Е.В., Ежов Д.А., Огнев А.С. Интернет-коммуникации российских политических партий в текущем избирательном цикле: результаты окулометрического анализа сетевого контента // Политическая наука. – 2021. – № 3. – С. 112–141. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.03.05>
- Варбург А. Великое переселение образов. – М.: Пальмира-искусство, 2024. – 376 с.
- Гинзбург К. Деревянные глаза. Десять статей о дистанции. – М.: Новое издастельство, 2021. – 448 с.
- Гинзбург К. Загадка Пьеро. Пьеро делла Франческа. – М.: Новое литературное обозрение, 2022. – 216 с.
- Де Вааль Ф. Политика у шимпанзе. Власть и секс у приматов. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2022. – 272 с.
- Дуткевич П., Казаринова Д. Б. Страх как политика // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 4. – С. 8–21. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.02>
- Иллюз Е., Кабанас Э. Фабрика счастливых граждан. Как индустрия счастья контролирует нашу жизнь. – М.: Лед, 2023. – 352 с.
- Колоницкий Б. Трагическая эротика. Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – 664 с.
- Колосов А.В. Визуальные коммуникации в социально-политических процессах // Вестник РУДН. Серия Политология. – 2006. – № 1 (6). – С. 81–87
- Помидоров И.А., Прокопчук Т.Л., Кошкин А.В. Возможности метода нарративного анализа, или Как искать политические ценности в российском кино? // Политическая наука. – 2024. – № 4. – С. 45–65. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.04.02>
- Кресс Г. Социальная семиотика и вызовы мультимодальности // Политическая наука. – 2016. – № 4. – С. 77–100.

- Кузнецов И.И., Куликова Е.В., Петрова Ю.В. Пространство героев в сознании российской молодежи: разнообразие предложений при неясных предпочтениях // Политическая наука. – 2023. – № 2. – С. 179–202. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.02.08>
- Курилла И. Американцы и все остальные. Истоки и смысл внешней политики США. – М.: Альпина Паблишер, 2024. – 320 с.
- Кучеров М.А., Харкевич М.В. «Народная секьюритизация»: визуальный поворот в исследованиях безопасности // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2023. – Т. 15, № 4. – С. 61–83. – DOI: <http://www.doi.org/10.48015/2076-7404-2023-15-4-61-83>
- Малинова О.Ю. Мультимедийные выставки как предмет политологического исследования: вызов мультимодальности // Политическая наука. – 2024. – № 4. – С. 17–44. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.04.01>
- Мирзоев Н. Как смотреть на мир? – М.: Ад Маргинем, 2019. – 344 с.
- Нуссбаум М. Политические эмоции: почему любовь важна для справедливости. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – 632 с.
- Плампер Я. История эмоций. – М.: Новое литературное обозрение, 2024. – 568 с.
- Ракитянский Н.М. Ментальные исследования глобальных политических миров. – М.: Издательство Московского университета, 2020. – 463 с.
- Роберт В. Время банкетов. Политика и символика одного поколения (1818 – 1848). – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 656 с.
- Родькин П. Кинополитики. 13 опытов по герменевтике современного кинематографа. – М.: Совпадение, 2018. – 184 с.
- Симонова О.А. К изучению эмоциональной культуры. Социологическая перспектива // Личность. Культура. Общество. – 2022. – Т. 24, № 2 (114). – С. 142–157. – DOI: http://www.doi.org/10.30936/1606_951X_2022_24_2_142_157
- Скиннер К. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа. Теория и практика интеллектуальной истории / Атнашев Т., Велижев М. (сост.). – М., Новое литературное обозрение, 2023. – С. 53–122.
- Согомонян В. Политика как сюжет. Драматургия современных предвыборных кампаний. – М.: Альпина PRO, 2024. – 131 с.
- Тогоева О. Дева со знаменем. История Франции XV–XXI вв. в портретах Жанны д'Арк. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – 432 с.
- Урнов М. Эмоции в политическом поведении. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 240 с.
- Фукуяма Ф. Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия. – М.: Альпина Паблишер, 2019. – 256 с.
- Фюрекс Э. Оскорбленный взор. Политическое иконоборчество после Французской революции. – М.: Новое литературное обозрение, 2022. – 624 с.
- Шапиро Б. Русский всадник в парадигме власти. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – 704 с.
- Шестопал Е.Б. Представления российских граждан о будущем своей страны: смысловые акценты и психологическая оптика // Политическая наука. – 2024. – № 4. – С. 190–216. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.04.08>
- Юсев А. Кинополитика. Скрытые смыслы современных голливудских фильмов. – М.: Альпина Паблишер, 2019. – 304 с.
- Ямпольский М. Изображение. Курс лекций. – М.: Новое литературное обозрение, 2024. – 424 с.

С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

О.Н. ПРЯЖНИКОВА*

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ТРАВМЫ: СВЯЗЬ ЛИЧНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО

Рец. на кн.: Muldoon O.T. The social psychology of trauma: connecting the personal and the political. – Cambridge: Cambridge university press, 2024. – 202 p.

Для цитирования: Пряжникова О.Н. Социальная психология травмы: связь личного и политического: рецензия // Политическая наука. – 2025. – № 4. – С. 290–302. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.04.13>

Книга социального психолога, профессора Лимерикского Университета (University of Limerick) Орлы Терезы Малдун «Социальная психология травмы: связь личного и политического», опубликованная в 2024 г., исследует влияние травматического опыта на социальную идентичность, а также на политическую позицию людей и их стремление к социальным и политическим изменениям. Предлагаемый автором подход интегрирует социальную и клиническую психологию, с его помощью О.Т. Малдун увязывает личный опыт травмы с положительной и отрицательной персональной и социальной трансформацией, которая может способствовать социальным и политическим изменениям в обществе.

* Пряжникова Ольга Николаевна, научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: olga.priazhnikova@inion.ru

DOI: 10.31249/poln/2025.04.13

На многочисленных примерах автор демонстрирует, как травматические события, актуальность которых растет в последние годы (военные, социальные и политические конфликты, гендерно обусловленное насилие и насилие внутри семьи, террористические акты и события пандемии), могут, с одной стороны, способствовать возникновению новых социальных групп и идентичностей (беженцы, сироты, вдовы и т.д.) или консолидации (например, гендерных и расовых групп, как происходит в процессе развития движения *metoo* и *Black lives matter*), а с другой – укоренить существующее социальное разделение и усилить групповые идентичности.

Автор ставит перед собой задачу контекстуализировать травматический опыт для более глубокого понимания его природы и влияния на социально-политическое измерение жизни человека, в том числе на стратегии его преодоления. В результате читатель получает детальную картину того, как переживание травмы и трудности ее преодоления обусловлены социальными факторами, такими, как статус групп, к которым принадлежат пострадавшие (возраст, пол, класс, этническая принадлежность и т.д.). Важно отметить, что данное издание вносит вклад в корпус литературы о социально-психологических основах травмы [Slone, Kaminer, Durtheim, 2000; Muldoon, Trew, Kilpatrick, 2000; Dietrich et al., 2019] и о травматическом изменении идентичности в рамках модели социальной идентичности [Reicher, Spears, Haslam, 2010; Muldoon et al., 2019; Reicher et al., 2006], а также развивает относительно новую тему коллективного посттравматического роста.

– Книга включает семь глав. В первой главе рассматриваются современные теоретические модели личной травмы и предлагается рабочее определение психологической травмы. Автор использует термин «травма» для обозначения личного опыта людей, связанного со смертью, угрозой смерти, реальной или вероятной физической травмой, актом сексуального насилия или соответствующей угрозой¹. Травма возникает при непосредственных личных переживаниях, когда индивид сам является жертвой травми-

¹ Это соответствует традиционно используемому западными специалистами определению травмы согласно «Диагностическому и статистическому руководству по психическим расстройствам» (Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders), публикуемым Американской психиатрической ассоциацией (American Psychiatric Association). Согласно ему, травма в основном ассоциируется с острыми и посттравматическими стрессовыми расстройствами (ОСР и ПТСР).

рующего события, либо при косвенных переживаниях, когда он становится свидетелем травмы или узнает ее подробности. При этом автор использует широкий подход к пониманию травмы, опираясь на предложенную психологом В. Крупником гибридную модель, основанную на общей теории стресса. В соответствии с данной теорией травматический опыт является лишь одним из элементов процесса травмы, и данный опыт влияет на исход травматического переживания, определяющийся способностью людей адаптироваться, реагировать и действовать в соответствии со своими представлениями [Krupnik, 2020]. То есть травматические реакции рассматриваются как часть процесса травмы и обусловлены социальными, психологическими и материальными ресурсами людей, которые задействованы в изменениях, сопровождающих травму (р. 8). Таким образом, О.Т. Мадлун рассматривает травму и адаптацию к травматическим событиям не только как психологические явления, но и как социальные и политические. Кроме того, для обозначения симптомов, возникающих вследствие травмы, автор предпочитает использовать термин «посттравматический стресс», а не ПТСР, стремясь избежать стигматизации травмированных. Подчеркивая, что устойчивость (способность восстанавливаться) является основной реакцией переживающих травму (в результате войны, разного рода насилия, несчастных случаев, стихийных бедствий и т.д.), автор делает акцент на потенциально положительном результате опыта травмы – посттравматическом росте (ПТР). Когда люди демонстрируют ПТР, а не возвращаются к «уровню функционирования до травмы», они сообщают о положительных психологических и социальных изменениях, включая улучшение отношений с другими людьми, обновленное представление о смысле жизни и новых возможностях (р. 11).

Также О.Т. Малдун делает акцент на необходимости исследования социальных и политических аспектов травмы. Во-первых, травматические переживания, возникающие в результате преднамеренных человеческих действий, имеют больше патологических последствий, чем самые серьезные «случайные» травмы. Во-вторых, намерено нанесенная травма подрывает доверие к людям и социальную сплоченность. В-третьих, социальные эффекты травмы обусловлены тем, что она опосредованно затрагивает как членов семей или друзей пострадавших, так и свидетелей, столкнувшихся с травматическим событием при исполнении своих профессиональных обязанностей (р. 12).

Будучи психологом, О.Т. Малдун рассматривает травму через призму социальных отношений. Хотя автор и не связывает свой подход напрямую с существующими социальными теориями, анализируемые в последующих главах последствия травматических событий во многом иллюстрируют определение социальных травматических симптомов, предложенное П. Штомпкой в рамках его теории культурной травмы. Польский социолог описывает эти симптомы на биологическом (деградация населения, сокращение продолжительности жизни, рост самоубийств), социальном (разрушение социальных и экономических отношений, иерархии и т.д.) и культурном (этнические / национальные травмы, выражающиеся во взрывах внутригрупповой ненависти, конфликтах, войнах) уровнях [Штомпка, 2001, с. 10].

Так, во второй главе рассматриваются негативные последствия посттравматического стресса как результата травматического опыта: ухудшение здоровья, злоупотребление алкоголем и психоактивными веществами, депрессии и другие сопутствующие заболевания; возможная стигматизация пострадавших, что способствует социальным разногласиям в обществе; а также социальные и экономические издержки в виде роста бедности, инвалидизации населения, сокращения занятости или вынужденной неполной занятости (как самих травмированных, так и членов их семей, осуществляющих уход за ними), миграции, разлучения семей, бездомности, трудностей социальной интеграции и т.д.

Говоря о социальных последствиях травмы, автор уделяет особое внимание ее влиянию на детей и молодежь, например, когда молодые люди сталкиваются с постоянными жесткими нарушениями прав человека и неспособностью «нравственного большинства» вмешаться и защитить уязвимых членов их семьи или сообщества. Утверждается, что подобные ситуации способствуют активному участию молодежи в протестах, а в обществе, где существует устойчивое социальное разделение и враждебность, – в актах уличного насилия и беспорядках. Автор подчеркивает, что подобные враждебные взаимодействия и сопутствующие травмирующие переживания снижают социальную сплоченность, доверие к таким институтам, как полиция или армия, и в целом к государственной системе, защищающей привилегированных членов общества, и способны трансформироваться в разнообразные социально разрушительные практики (р. 39).

В третьей главе автор переходит к анализу социальных, экономических и политических факторов, которые влияют на степень

подверженности людей травмирующим событиям и их уязвимость при столкновении с ними. Анализ данных о пострадавших в конфликтах в Северной Ирландии, Ливане, ЮАР, Сирии, Израиле и Палестине позволил О.Т. Малдун подтвердить тот факт, что от военных конфликтов и политического насилия в большей степени страдают бедные слои населения, представители разнообразных меньшинств и этнорелигиозных групп (р. 54). При этом молодые мужчины из таких сообществ с большей вероятностью становятся жертвами уличного насилия или политического конфликта, тогда как женщины в значительно большей степени, чем мужчины, подвергаются разным видам насилия, обусловленным половой принадлежностью¹ (35% женщин во всем мире испытывали подобный травмирующий опыт) (р. 62).

В последующих главах, чтобы углубить понимание особенностей травмы, автор рассматривает ее через призму подхода социальной идентичности². Этот подход связывает риск травматизации и сам опыт травмы с формированием идентичности, основанной на членстве в группе. Такая группа, с одной стороны, предоставляет ресурс для преодоления травмы, а с другой – может обострять различия между группами. Данный подход представляется вполне релевантным, в том числе для описания феномена культурной травмы, которая формируется посредством преобразования связей между членами общества, изменения в их групповом сознании и трансформации их идентичности [Александер, 2012].

¹ Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) определяет насилие в отношении женщин как любой акт насилия по половому признаку, который приводит или может привести к физическому, сексуальному или психологическому вреду или страданиям женщин, включая угрозы таких актов, принуждение или лишение свободы (см.: <https://www.unhcr.org/what-we-do/protect-human-rights/protection/gender-based-violence>).

² Теория социальной идентичности (social identity theory), разработанная и А. Тэшфелом (H. Tajfel) и коллегами в 1970-х годах, позволяет определять и прогнозировать обстоятельства, при которых человек осознает себя в качестве обособленного индивида или в качестве члена группы. Теория самокатегоризации (self-categorization theory) Дж. Тернера (J. Turner), или теория социальной идентичности группы, объясняет то, как люди интерпретируют свое собственное положение в различных социальных контекстах, и то, как это влияет на их восприятие других, а также на их собственное поведение в группе. Проведение исследований на основе «подхода социальной идентичности» (social identity approach) опирается на сочетание теории самокатегоризации и теории социальной идентичности.

В четвертой и пятой главах автор, опираясь на обширные эмпирические данные, раскрывает значимость социальной идентичности в контексте травмы. О.Т. Малдун делает акцент на ряде аспектов. Во-первых, травматические события способны закрепить существующие социальные разделения и групповые идентичности. Члены группы, имеющие схожий опыт травмы, приходят к пониманию своего положения и своего места в обществе, и таким образом членство в группе становится определяющим для их социальной идентичности. Автор приводит в пример афроамериканцев, переживших опыт полицейского насилия, который стал драйвером движения Black Lives Matter в США; католическое ирландское население в Северной Ирландии; палестинцев, находящихся под угрозой ракетных атак на Ближнем Востоке. Автор подчеркивает, что представителям этих групп, идентифицирующим себя как «черный», «католик» или «палестинец», присущ определенный тип травматического опыта, который неразрывно и глубоко связан с их социальной идентичностью (р. 78).

Во-вторых, в результате травматических событий возникают новые группы – «беженцы», «сироты», «жертвы», идентичность которых основывается на общем опыте войны, утраты или насилия.

В-третьих, травматические события могут сделать значимыми соответствующие социальные идентичности (*salient social identities*)¹. О.Т. Мадлун приводит пример Северной Ирландии, где ирландцы, говорящие на родном языке, зачастую воспринимаются англоговорящими ирландцами как ирландские республиканцы. Поэтому ирландец, выбирая ирландскую речь, может интерпретировать свой опыт общения с другими сообществами с точки зрения своей национальной или политической идентичности. Травматические события, связанные с противостоянием и политическим насилием в Северной Ирландии, с большой вероятностью сделают такую групповую принадлежность значимой (р. 83).

В-четвертых, травматический стресс может дополнительно мотивировать на установление связей с другими людьми, также пережившими подобный опыт. Наличие общего опыта способствует психологической сопоставке (*psychological alignment*) с теми, кто воспринимается таким же, как ты. В результате, отмечает

¹ Подход социальной идентичности предполагает, что принятое в группе поведение актуализируется, когда социальная идентичность значима (т.е. активизируется и проявляется) и становится основой для восприятия себя как части группы [Тхостов, Рассказова, Емелин, 2014].

автор, возникает чувство общей идентичности, что значимо для процесса оказания и получения социальной поддержки, обретения социальной и психологической устойчивости (р. 83). Также подчеркивается, что принадлежность к группе и усиление идентификации с ней после травматического опыта с большой вероятностью будет облегчать посттравматическую адаптацию и способствовать психологической устойчивости (р. 114).

И, наконец, автор переходит к рассуждениям о том, что травматические события способствуют интеграции личного и политического измерений соответствующего опыта. Используемый подход социальной идентичности в значительной степени касается функционирования личности и структуры идентичности, определяемых членством в группе, что позволяет О.Т. Мадлун изучить, как коллективное и политическое измерения влияют на индивидуальную психологию, а также на социальные и политические установки. Согласно теориям самокатегоризации и социальной идентичности, лежащим в основе подхода социальной идентичности, травмирующий опыт в группах с низким социальным статусом дает человеку особенно сильное чувство групповой принадлежности через сонастройку с другими ее членами: личная судьба психологически связывается с судьбой других (р. 87). Таким образом, переживания членов группы, находящихся в неблагоприятной ситуации, воспринимаются значимыми для других членов группы, что означает, что травма, пережитая членами группы, может иметь значительный волновой эффект во внутргрупповой динамике и даже способствовать антипатии к тем, кто не имел подобного опыта и «не понимает» его. В контексте межгрупповых процессов это может приводить к тому, что травматические события будут увязываться с определенной внешней группой и способствовать социальному-политической поляризации общества (р. 88).

Шестая глава посвящена вопросам «настройки» (намеренной или неосознанной) социальной идентичности с помощью визуальных сигналов, таких, как изображения, символы, флаги и т.п. Утверждается, что ситуационные, социальные и политические сигналы формируют реакцию людей на травму и, благодаря эффекту фрейминга, могут, в частности, вызывать враждебные и гневные реакции по отношению к другим людям, которые воспринимаются как виновные или даже соучастники травмирующего события. В качестве иллюстрации своего тезиса О.Т. Малдун приводит в пример предвыборную кампанию Дж. Буша 1988 г., когда для завоевания поддержки белых избирателей использовались об-

разы «небелых» как Других, а именно рекламный ролик, в котором чернокожий мужчина пересчитывал денежные купюры, а закадровый голос говорил, что «демократы хотят тратить ваши налоги на бесполезные государственные программы» (р. 126). Также приводится пример применения аналогичных «разделяющих» сообщений в ходе кампании за Brexit в Великобритании. Реклама, изображающая слабый иммиграционный контроль, осуществляемый ЕС, показывала огромные очереди «небелых» на границах Великобритании. Автор отмечает, что те, кто агитировал за Brexit, акцентировали расовую идентичность избирателей и добились в этом успеха, даже несмотря на то, что членство в ЕС позволяло «белому» населению, представляющему большинство в европейских странах, свободно мигрировать внутри Союза (р. 126).

Продолжая тему формирования социальных и политических взглядов, О.Т. Малдун обращает внимание читателя на тот факт, что наличие в обществе «оппозиционных» (противостоящих друг другу) групп и идентичностей поддерживает негативные чувства, в частности чувство несправедливости среди меньшинств и / или молодежи. Гендерные, политические, расовые и любые групповые различия, «выстроенные» как бинарные, имеют потенциал обострять и без того напряженные ситуации и усиливать разделение в обществе¹. Таким образом, в поляризованном контексте как члены доминирующей группы (большинства), так и группы меньшинства могут начать воспринимать социально-политический процесс как игру с нулевой суммой (если «они» выигрывают, «мы» должны проигрывать). Автор отмечает, что когда большинство увязывает травматический опыт с действиями меньшинства, эта оптика может привести к групповому протекционизму (укрепить защиту тех, кто уже находится в привилегированном положении) и подозрительности к меньшинствам. А для меньшинств травматический опыт, приписываемый действиям доминирующей группы, с большой вероятностью приведет к призывам осуществить социальные изменения (р. 131).

Рассуждая о динамике значимости идентичности, автор утверждает, что она возрастает или остается высокой, когда группа

¹ Автор ссылается на исследование, проведенное Т. Гурром по 233 политизированным группам в 93 странах, которое показало, что неравенство на основе группового разделения часто приводит тех, кто подвергается травмирующему воздействию, к прямым политическим действиям (см.: Gurr T. R. Why Minorities Rebel: A Global Analysis of Communal Mobilization and Conflict since 1945 // International Political Science Review. – 1993. – Vol. 14, N 2. – P. 161–201).

неоднократно подвергается агрессии. В результате идентичность меньшинств и другие недоминирующие идентичности могут сохранять «хроническую» значимость даже в мультикультурных обществах и обществах с низким уровнем неравенства. Изучая последствия политического насилия в Северной Ирландии, О.Т. Малдун и ее коллеге К. Шмид [Schmid, Muldoon, 2015] удалось подтвердить тот факт, что чувство угрозы усиливает идентификацию индивида со своей национальной группой – «как ощущение угрозы, так и прямой опыт насилия, могут привести к “хронически” значимой идентичности у членов меньшинств» (р. 134). Кроме того, анализ результатов социологических и этнографических исследований установок молодежи в Израиле, Палестине, Боснии и Хорватии дал возможность автору утверждать, что оценка и интерпретация травматического опыта определяют основу формирования моделей идентификации у молодого поколения в условиях продолжающихся конфликтов. Помимо этого, О.Т. Малдун и ее коллеги [Muldoon et al., 2008] обнаружили, что молодые люди в Северной Ирландии приводят социальную идентификацию с группой в качестве объяснения допустимости, справедливости и правомерности применения со своей стороны насилия при социально-политической конфронтации. Таким образом, отмечает автор, в ситуациях, когда идентичности значимы, а социальный контекст является разделяющим или противопоставляющим, идентичности, вместо того, чтобы становиться более сонастроеными внутри группы, могут способствовать политическим действиям или росту враждебности по отношению к внешней группе. Как следствие, в группах меньшинств, где идентичности увязываются с проблемой несправедливости, травматический опыт провоцирует гнев, который, скорее всего, будет реализован в политических действиях (р. 139).

В заключительной, седьмой, главе описывается, как последствия влияния травмы на идентичность могут стать драйвером позитивных социальных изменений. Возможность подобных изменений автор связывает с ПТР, который, согласно современным исследованиям, не является прямым результатом травмы, но, по-видимому, связан с преодолением психологических трудностей, возникающих вследствие травматического опыта, а именно с кризисом личной идентичности и периодом переоценки ценностей. Что касается коллективного ПТР, то О.Т. Малдун ссылается на результаты собственного исследования, проведенного с коллегами [Muldoon et al., 2017], которые показали, что посттравматическое «чувство» коллективной эффективности (ощущения, что сообще-

ство способно совместно преодолеть травму) способно внести значимый вклад и в ПТР индивида. Это происходит благодаря тому, что социальные идентичности, приобретенные из-за травмы, имеют потенциал для коллективного и индивидуального ПТР, так как благодаря членству в группах, новым социальным связям и взаимодействию с «активными» идентичностями происходит расширение возможностей для проявления активной социальной позиции и личностного роста (р. 152).

Особый интерес заслуживают размышления автора о коллективном ПТР – реакции на травму, приводящей к переопределению своего «социального Я» и стимулирующей общество заново отвечать на вопросы: «кто мы» и «как мы представляем свое будущее». Эти изменения в «социальном Я», в свою очередь, трансформируют чувство ответственности и лояльности к значимым группам, влекут изменения в социальных практиках (р. 154). В качестве иллюстрации О.Т. Малдун приводит исследование, проведенное ею в Северной Ирландии, в ходе которого были рассмотрены публичные заявления женщин – жертв сексуального насилия, которые сознательно отказались от своего права на анонимность в судебных процессах. Ключевой особенностью нарративов было то, что женщины говорили об усилившемся чувстве ответственности по отношению к другим женщинам и особенно к тем, которые пережили подобную травму, а также о необходимости изменения восприятия со стороны общества пострадавших от сексуального насилия. Женщины говорили о поддержке со стороны других женщин, переживших подобный опыт, и тех, кто был свидетелем того, как их близкие преодолели подобную травму. Женщины отмечали, что благодаря этим социальным связям, основанным на идентичности, они получали импульс для продвижения в публичной сфере социальных, культурных и правовых практик и норм, связанных с расследованием сексуального насилия (р. 155). Завершая главу, Т.О. Малдун формулирует свое видение коллективного ПТР как формы психологического роста, которая включает в себя большую осведомленность о возможностях и целях групп, членами которых мы являемся, обогащенное чувство себя как члена группы и более сильное чувство связи с другими членами группы. Этот коллективный рост или позитивное изменение индивида как члена группы, по мнению автора, является важным фактором социальных и политических действий и проявляется как связь между прямым личным опытом травмы и изменением социальных и / или политических приоритетов в обществе (р. 154).

В заключение отметим, что рассматривая травму и опыт ее преодоления как о социально обусловленные явления, О.Т. Малдун установила связь между личным опытом и трансформацией коллективных установок. Используя подход социальной идентичности, объединяющий клиническую и социальную психологию и политику, автор расширила понимание причин и следствий травматического опыта. В книге подробно изложены подтверждения того, что травматический опыт влияет на политические позиции людей и их стремление к социальным изменениям.

Очевидно, что видение автором травмы как социально обусловленного явления во многом соответствует концепции травмы как коллективного феномена. Это видение связывает травму с вопросами власти и привилегий, с одной стороны, и бесправием и ущемленным положением – с другой (например, в контексте вынужденной миграции, депортации или массовых убийств). Данную концепцию, в частности, описывает П. Штомпка, определяя травму как «состояние, переживаемое группой, общностью, обществом в результате разрушительных событий», действующих на коллектив [Штомпка, 2001, с. 10]. Таким образом, исследование О.Т. Малдун заставляет вновь взглянуть на дисфункции социальных систем как на факторы, повышающие риск травмы и психологическую уязвимость членов определенных групп.

Книга представляет интерес для широкого круга специалистов – как для тех, кто использует клинический подход к исследованию травмы, так и для представителей социальных и гуманитарных наук. Кроме того, работа будет полезна и более широкой аудитории: людям, пережившим травмирующие события, их семьям, а также специалистам, оказывающим социальную и психологическую поддержку. Этому способствует то, что О.Т. Малдун использует собственный опыт – пережитые травмы, связанные с насилием, террористическими актами и потерей близких во время пандемии коронавируса, – чтобы проиллюстрировать наиболее сложные концептуальные моменты исследования.

O.N. Pryazhnikova*
The social psychology of trauma:
connecting the personal and the political: review

For citation: Pryazhnikova O.N. The social psychology of trauma: connecting the personal and the political: review. *Political science (RU)*. 2025, N 4, P. 290–302.
DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.04.13>

References

- Alexander J. Cultural trauma and collective identity. *Sociological journal*. 2012, N 3, P. 5–40. (In Russ.)
- Dietrich H., Al Ali R., Tagay S., Hebebrand J., Reissner V. Screening for posttraumatic stress disorder in young adult refugees from Syria and Iraq. *Comprehensive psychiatry*. 2019, N 90, P. 73–81.
- Krupnik V. Trauma or drama: A predictive processing perspective on the continuum of stress. *Frontiers in psychology*. 2020, Vol. 11, Article 1248. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.01248>
- Muldoon O.T., Acharya K., Jay S., Adhikari K., Pettigrew J., Lowe R.D. Community identity and collective efficacy: A social cure for traumatic stress in post-earthquake Nepal. *European journal of social psychology*. – 2017. – N 47 (7). – P. 904–915.
- Muldoon O.T., McLaughlin K., Rougier N., Trew K. Adolescents' explanations for para-military involvement. *Journal of Peace Research*. – 2008. – N 45 (5). – P. 681–695.
- Muldoon O.T. *The social psychology of trauma: connecting the personal and the political*. Cambridge: Cambridge university press, 2024, 202 p.
- Muldoon O.T., Trew K., Kilpatrick R. The legacy of the troubles on the young people's psychological and social development and their school life. *Youth & Society*. 2000, N 32 (1), P. 6–28.
- Muldoon O.T., Walsh R.S., Curtain M., Crawley L., Kinsella E.L. Social cure and social curse: Social identity resources and adjustment to acquired brain injury. *European journal of social psychology*. 2019, N 49 (6), P. 1272–1282.
- Reicher S., Spears R., Haslam S.A. The social identity approach in social psychology. In: Wetherell M., Mohanty C.T. (eds). *The sage handbook of identities*. 2010, P. 45–62.
- Reicher S., Cassidy C., Wolpert I., Hopkins N., Levine M. Saving Bulgaria's Jews: an analysis of social identity and the mobilization of social solidarity. *European journal of social psychology*. 2006, N 36 (1), P. 49–72.
- Schmid K., Muldoon O.T. Perceived threat, social identification, and psychological well-being: The effects of political conflict exposure. *Political psychology*. 2015, N 36 (1), P. 75–92.
- Slone M., Kaminer D., Durrheim K. The contributions of political life events to psychological distress among South Africans. *Political psychology*. 2000, N 21(3), P. 465–487.
- Sztompka P. Social change as trauma. *Sociological studies*. 2001, N 1, P. 6–14. (In Russ.)

* **Pryazhnikova Olga**, INION (Moscow, Russia), e-mail: olga.priazhnikova@inion.ru

Tkhostov A.Sh., Rasskazova E.I., Emelin V.A. Psychodiagnostics of subjective perception of one's own identifications: application of the modified "Who Am I?" technique. *National psychological journal.* 2014, Vol. 14, N 2, P. 60–71. DOI: <https://doi.org/10.11621/npj.2014.0208> (In Russ.)

Литература на русском языке

- Александр Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал.* – 2012. – № 3. – С. 5–40.
- Тхостов А.Ш., Рассказова Е.И., Емелин В.А. Психодиагностика субъективного восприятия своих идентификаций: применение модифицированной методики «Кто Я?» // Национальный психологический журнал.* – 2014. – Т. 14, № 2. – С 60–71. – DOI: <https://doi.org/10.11621/npj.2014.0208>
- Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования.* – 2001. – № 1. – С. 6–14.

В.Н. ЕФРЕМОВА*

ПРЕОДОЛЕВАЯ ХАОС РАЗНООБРАЗИЯ

Рец. на кн.: Шуберт И., Подвойский Д.Г. Современные социологические теории: как не заблудиться в концептуальном лабиринте? / И. Шуберт, Д.Г. Подвойский. – М.: ВЦИОМ, 2024. – 380 с.

Для цитирования: Ефремова В.Н. Преодолевая хаос разнообразия: рецензия // Политическая наука. – 2025. – № 4. – С. 303–311. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.04.14>

Книга «Современные социологические теории: как не заблудиться в концептуальном лабиринте?», изданная ВЦИОМ в 2024 г. тиражом 500 экземпляров, практически сразу была распродана, что может свидетельствовать о ее актуальности и полезности для читателей.

Современных отечественных учебников и коллективных монографий, ставящих своей целью разобраться в сложных хитро-сплетениях современной социологической теории, не так уж много. Постепенно вместе с переводом современных трудов теоретиков социальной мысли появляются учебные пособия, которые восполняют дефицит по истории и теории социологии. Бестселлером, который помогает дифференцировать социологическое знание вот уже не первое десятилетие, является учебник С.А. Кравченко. В 2022 г. у него появился второй том «Новые и новейшие социологические теории через призму социологического воображения»

* **Ефремова Валентина Николаевна**, кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: efremova-valentina@mail.ru

DOI: 10.31249/poln/2025.04.14

[Кравченко, 2022]. За последний год вышли в свет учебник Н.А. Головина о современных социологических теориях [Головин, 2024] и пособие «Социологические концепции» под научной редакцией В.Г. Зарубина [Социологические концепции..., 2025].

И. Шубрт, заведующий кафедрой исторической социологии факультета гуманитарных исследований Карлова университета (Чехия), и Д.Г. Подвойский, доцент кафедры социальной философии и философии истории философского факультета МГУ, оговариваются, что не претендуют «на какой-то исключительный статус в ряду текстов (исследовательских и диагностических)» своей книги (с. 9). Авторы ставят своей задачей представить «систематический обзор ключевых школ и направлений в теоретической социологии XX – начала XXI века» (с. 15). В книге демонстрируется жизнеспособность социологических идей, объединяются теории и традиции, в том числе размышления о характере современных обществ после Второй мировой войны, для формирования общего, а не универсального понимания.

Конечным результатом стал внушительный текст, несомненно, отражающий сложность вопросов, на которые пытаются ответить современные социальные теории, а также размышления авторов.

Большая часть книги – это переработанный текст написанных в разное время материалов чешского профессора И. Шубрта, переводом и систематизацией которых занимался Д.Г. Подвойский.

Очевидно, что издание в первую очередь будет интересно социологам, однако оно может стать источником информации о современном состоянии социальной теории и для политологов, в том числе студентов политологических специальностей (международников, регионоведов). Так сложилось, что существующие учебные пособия по *политической социологии* сосредоточены на рассмотрении «ключевых проблем социально-политического развития современного общества, изучение которых может помочь читателю понять истоки, состояние и тенденции политических процессов в России и мире» [Политическая социология..., 2024, с. 7]. Современным студентам-политологам приходится достаточно непросто в поиске подходящей современной социальной и политической теории. Не стоит забывать, что для большинства исследований теория становится отправной точкой [Blaikie, 2010, р. 124–125], и один из ключевых вопросов – как ее применять?

Согласимся с П.В. Пановым, что *политическое* – «совершенно особое измерение, различие которого позволяет вскрыть такие пласти социальных взаимодействий, которые ускользают от

всех остальных концептов» [Панов, 2011, с. 8]. В центре внимания политологического исследования находится определенный аспект социальной реальности – ее упорядочивание, институционализированность взаимодействий. Именно поэтому социологические теории нередко оказываются базисом исследования политических практик, идентичностей и порядка.

Социальная теория – важнейший ресурс для политической науки. Она дает глубокое понимание того, как люди мыслят и действуют и как устроена современная социальная жизнь. В книге «Современные социологические теории...» не стоит искать однозначного ответа на вопрос, как выбраться из лабиринта теорий общественного устройства, но авторы делают понимание основных методологических дискуссий более доступным. В монографии нет обзора всего историко-социологического процесса, «классический» этап в эволюции социологических идей (конец XIX – начало XX в.) вовсе остается за скобками внимания авторов. Акцент делается исключительно на «постклассическом» периоде, начиная с Т. Парсонса.

Книга состоит из предисловия, девяти глав и заключения. Содержание работы детализировано – каждая глава разбита на параграфы и подпараграфы. Однако при первом знакомстве становится очевидным, что материал распределен по главам неравномерно. Самая большая глава по количеству материалов – пятая, занимает сто страниц.

Можно сказать, что первые четыре главы выполняют вводную функцию, они задают предварительный ориентир по маршрутам социальной теории. В первой главе авторы сосредоточиваются на основных особенностях социологической теории, ее структуре. Социология характеризуется как мультипарадигмальная наука, когда «на каждом временном отрезке параллельно существовало большее или меньшее количество разных парадигм» (с. 24). Разбор актуальных социологических теорий предлагается проводить с акцентом на (1) структуре и деятельности, (2) консенсусе и конфликте, – две из четырех проблем развития социологии, о которых писал Э. Гидденс [Giddens, 2001, р. 538–545]. Таким образом за рамками работы остаются гендерный аспект и объяснение причин возникновения современного мира (с. 26).

Вторая глава представляет собой краткий исторический экскурс становления социологической науки, а третья посвящена отцам-основателям и их наследию. Авторы выбрали для рассмотрения несколько направлений, школ и ученых XIX – начала XX в.,

«чьи работы оказались действительно основополагающими, стали источниками для вдохновения социологической мысли вплоть до настоящего времени» (с. 55): статика и динамика (О. Конт), социальный организм (Г. Спенсер), диалектическое развитие (К. Маркс), социальные факты (Э. Дюркгейм), социальное действие (М. Вебер). В процессе знакомства с текстом создается ощущение, что «гигантам», сформировавшим интеллектуальную среду, уделяется слишком много внимания. Помимо этого, авторы излагают материал стандартно и линейно, не создавая «мостиков» к современным социологическим теориям. Хотелось бы, чтобы авторы больше внимания уделили своим интерпретациям того, как данное интеллектуальное наследие повлияло на развитие социальной мысли.

В четвертой главе продолжается хронологическое повествование, центральной темой становится сдвиг социологии в сторону эмпирических исследований, способных привнести новое знание. И здесь развитие социологии оказывается тесно связанным с политологией. В первой половине XX в. происходит революция в методологии обеих дисциплин, благодаря применению новых эмпирических и количественных методов, заимствованных в том числе из математики, кибернетики, географии, медицины. Огромный вклад в становление внесли представители Чикагской школы, которые в числе прочего занимались изучением городского пространства. Авторы выдвигают некоторые тезисы относительно формирования традиции эмпирических исследований и становления неопозитивистской социологии. В частности, прогресс таких исследований был получен, прежде всего, в сфере изучения общественного мнения и предвыборных опросов, проводившихся по методике, апробированной Дж. Гэллапом, основавшим Американский институт общественного мнения (American Institute of Public Opinion – AIPO). Последовавший за этим очередной поворот к теории «требовал разработки новых аналитических подходов» (с. 76). При этом подчеркиваются парадоксы, с которыми столкнулась социологическая наука в период развития неопозитивистской методологии и активности Венского кружка. По мнению авторов, именно эти обстоятельства определяют появление интерпретативной социологии.

С пятой главы наконец начинается заявленный разбор социологических теорий последнего столетия. В целом с пятой по седьмую главу речь идет о теориях, в которых доминирует макро-социологическая перспектива. И здесь следует сделать замечание относительно группировки теорий по главам. Авторы отказались

«от какого-либо единого и однозначного критерия при структурировании материала» (с. 26) в пользу «некого набора параметров, причем ни один из них не был превалирующим. Таковы “семейное” (или вовсе не семейное) сходство, родство, происхождение, идейные корни тех или иных концепций, обыгрывание какой-то общей темы (или смежных тем), “стилистика”, особенности языка теории и т.д.» (с. 16). Зачастую некоторые «объединения» кажутся спорными. В этой главе рассматриваются такие теории, как структурализм (К. Леви-Стросс), структурно-функциональный анализ (Т. Парсонс, Р. Мerton), постструктураллизм (М. Фуко), теория социальных систем (Н. Луман), двухуровневая теория общества (Ю. Хабермас), теория структуризации (Э. Гидденс), структуралистский конструктивизм (П. Бурдье), «культурсоциология» (Дж. Александер). Все эти теории, по мысли И. Шубрта и Д.Г. Подвойского, объединяют то, что они «пытаются тем или иным образом зафиксировать социальную реальность в ее целостности, взаимосвязи ее элементов и обращаются при этом к понятиям структуры, функции, системы и т.п.» (с. 87). Иными словами, центральной темой здесь становится «Гоббсовская проблема» социального порядка, условий и механизмов его поддержания.

Здесь можно было бы поспорить относительно включения постструктуралистов М. Фуко и П. Бурдье в эту компанию, поскольку они по-иному смотрят на социальный порядок, нежели Парсонс или Луман. Поддержание стабильности предстает у Парсонса как проблема символического обобщения ценностей, которые благодаря их интернализации действующими субъектами обеспечивают интеграцию социальной системы. У Лумана же ключевой вопрос – как работает система, не структура, его не интересуют ценности. В центре внимания М. Фуко – дисциплинарное общество, дискурсивные практики, специфические отношения власти и знания. П. Бурдье исследовал механизмы воспроизведения социальных отношений, в основе которых лежит практический смысл, т.е. унаследованная система предпочтений.

В целом знакомство с сюжетными линиями теоретиков оказывается увлекательным интеллектуальным путешествием. Вместе с авторами читатель становится соучастником расследования, погружаясь в многогранный интеллектуальный мир, где есть место симпатии и критике. В отличие от третьей главы, пятая действительно написана с душой и желанием разобраться с концепциями, понять, что действительно стоит за сущностями социальной реальности в интерпретации того или иного теоретика. Несомненным

плюсом становится структурирование текста, разбор основных понятий, эволюция идей, их пересечение с идеями современников.

Здесь и далее по тексту можно встретить причудливое наименование некоторых разделов, например: «Разум и неразумие» (с. 120), «Классы и их вкусы» (с. 169), «Через теории к звездам: из Зырянского края в Гарвард с длительной пересадкой» (с. 187), «От “собаки Павлова” к ценностям и смыслам» (с. 189), «Темная сторона модерна» (с. 238), «Воздушное судно в зоне турбулентности, кабина пилота пуста» (с. 282), «Разочарование» (с. 301) и т.д. За такими заголовками нередко кроется авторское отношение к теоретическим изысканиям социологов и философов.

Достаточно широкий тематический спектр охватывает и шестая глава – «Теории длительного исторического развития и конфликтов». Как отмечают авторы, «историческую социологию необходимо понимать вовсе не как гибридное состояние истории и социологии, а как специфическую теоретическую и методологическую перспективу, которая может быть применена и в общей социологии, и в специальных социологических дисциплинах» (с. 186). Ключевой темой современной исторической социологии, по мнению авторов, является проблема путей модернизационного развития. В этой главе можно найти разбор концепции социокультурной динамики (П. Сорокин), цивилизационного процесса (Н. Элиас), теории социального конфликта (Л. Козер, Р. Дарендорф), критической и радикальной социологии (Ч.Р. Миллс, А. Гоулднер), современной исторической социологии (Б. Мур, Т. Скочпол, Ч. Тилли, М. Манн, Ш. Эйзенштадт) и мир-системного анализа (И. Валлерстайн).

Напутствующими, предупреждающими и немного тревожными выглядят строки в конце шестой главы. Обращаясь к посланию И. Валлерстайна будущим поколениям исследователей, И. Шуберт и Д.Г. Подвойский подчеркивают: «Мир, в котором мы живем, находится в движении. В каком направлении будет ориентировано это движение, зависит и от социологии. Социологи не должны прятать головы в песок перед реальностью – необходимо стремиться как можно лучше исследовать движущие силы, динамику и направление развития современного мира» (с. 247).

В отличие от пятой и шестой глав группировка теорий в седьмой, восьмой и девятой главах выглядит более логичной.

В седьмой главе авторы затрагивают ключевые аспекты дискуссии о характере современных обществ. Здесь уделяется внимание наследию критической теории Франкфуртской школы (Т. Адорно, Г. Маркузе), понятию индустриального и постиндустриального

общества (Р. Арон, Д. Белл), идеям постмодернизма (М. Маффесоли, З. Бауман) и концепции «второго модерна» (У. Бек). Не столь подробно рассматриваются идеи Р. Инглхарта, Р. Саннетта, Р. Фукуямы, Х. Вильке, Ё. Масудо, С. Лэша, Ж.-Ф. Лиотара и др. В описании некоторых зарубежных исследований, особенно немецкоязычных, нередко используется термин «диагноз». Главу завершает обзор основных вех социологической диагностики современных обществ после Второй мировой войны на основе классификации Дж. Александера. При этом авторы отмечают, что «диагнозы состояния общества часто почти что противоречат друг другу» (с. 301), а «существующие на сегодняшний день диагнозы глобальной эпохи... не могут стать последним словом о динамике современных обществ».

Последующие две главы содержат обзоры теорий, которые авторы относят к микросоциологической перспективе. В восьмой главе представлены основные направления и вариации интерпретативной социологии и исследований повседневности. Исходным пунктом таких теорий являются индивиды, а предметом научного анализа выступает социальное действие. Авторы рассматривают основные положения феноменологической социологии А. Шюца, этнометодологию Г. Гарфинкеля, символический интеракционизм Дж.Г. Мида и Г. Блумера, социальный конструктивизм П. Бергера и Т. Лукмана, драматургический подход И. Гофмана. Здесь соседствуют концепции ритуалов интеракции Р. Коллинза, а также французская прагматическая социология Б. Латура, Л. Болтански и Л. Таверно, на развитие которой повлияла социология П. Бурдье.

Девятая глава посвящена концепциям, основывающимся на методологическом индивидуализме. Это концепции социального обмена Дж. Хоманса, которую отличает психологизм, и вариант теории рационального выбора Дж. Коулмана, основанный на принципах «методологического индивидуализма», в котором рассматриваются концептуальные поля теорий рационального действия и рационального выбора. «Недокрученной» кажется часть обзора, посвященная анализу социальных сетей, которой отведено всего лишь четыре абзаца (с. 372–373).

В заключение И. Шуберт и Д.Г. Подвойский размышляют о состоянии и возможных перспективах развития социологической теории. Именно здесь мы находим авторское пояснение относительно развития и трансформации теоретических школ и направлений. На взгляд ученых, в качестве «специфической мыслительной ориентации современной социологии, признаваемой сегодня приоритетной, находящейся, так сказать на особом счету у ныне

живущих поколений исследователей» следовало бы назвать «преобладающее представление о решающей роли речевых акторов в конституировании реальности общества» (с. 379). И с этим утверждением сложно не согласиться. От того, как происходит интерпретация социальной реальности, лежащая в основе идеологических конструкций, сегодня в том числе зависит расстановка сил на политической арене.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что книга «Современные социологические теории...» без сомнения достойна внимания, в первую очередь, благодаря поистине захватывающим методологическим размышлениям. В книге представлено разнообразие социологических теорий, хотя не всегда проводится их детальное сравнение, но что особенно ценно – так это попытка преодолеть огромную методологическую полифонию, выстроив единую линию повествования.

Книга не является учебным пособием, и именно поэтому от неё не стоит ожидать строгого следствия устоявшейся традиции рассмотрения теорий через дилемму «индивидуализм – холизм», «позитивизм – антипозитивизм», «рационализм – иррационализм», которые разделяют социологию на отдельные школы. Возможно, у ряда читателей вызовет вопросы принцип отбора теорий и авторов, несоразмерное внимание к одним и игнорирование других. То, что действительно украсило бы эту книгу – это небольшие выводы после каждой главы, дающие почву для дальнейших размышлений.

В целом для тех, кто стремится к научному пониманию социальной жизни, логики и механизмов общественно-политических процессов, путешествие по интеллектуальному лабиринту после прочтения книги не заканчивается, а выходит на новый уровень.

V.N. Efremova*
Overcoming the chaos of diversity: review

For citation: Efremova V.N. Overcoming the chaos of diversity: review. *Political science (RU)*. 2025, N 4, P. 303–311. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.04.14>

* Efremova Valentina, INION (Moscow, Russia), e-mail: efremova-valentina@mail.ru

References

- Blaikie N. *Designing social research*. Cambridge: Polity press, 2010, 364 p.
- Giddens A. *Sociology*. Cambridge: Polity press, 2001, 750 p.
- Golovin N.A. *Modern sociological theories: Textbook and practical course for bachelor's and master's degrees*. Moscow: Urite, 2024, 501 p. (In Russ.)
- Kravchenko S.A. *Sociology. In two volumes: Textbook for universities. New and latest sociological theories through the prism of sociological imagination*. Moscow: Urite, 2022, Vol. 2, 636 p. (In Russ.)
- Panov P.V. *Institutions, identities, practices: A theoretical model of political order*. Moscow: ROSSPEN, 2011, 230 p. (In Russ.)
- Evgeneva T.V. (ed.). *Political sociology*. Moscow: Urite, 2024, 228 p. (In Russ.)
- Zarubin V.G. (ed.). *Sociological concepts: Textbook for universities*. Moscow: Urite, 2025, 158 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Головин Н.А. Современные социологические теории: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2024. – 501 с.
- Кравченко С.А. Социология. В 2 т.: учебник для вузов. – Т. 2. Новые и новейшие социологические теории через призму социологического воображения. – М.: Юрайт, 2022. – 636 с.
- Панов П.В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. – М.: РОССПЭН, 2011. – 230 с.
- Политическая социология. В 2 частях. Ч. 1: учебник и практикум для вузов / Т.В. Евгеньева [и др.]; под ред. Т.В. Евгеньевой. – М.: Изд-во Юрайт, 2024. – 228 с.
- Социологические концепции: учебник для вузов / под науч. ред. В.Г. Зарубина. – Москва: Юрайт, 2025. – 158 с.

Е.Ю. МЕЛЕШКИНА*

**РОЛЬ ВНЕШНЕГО АКТОРА В ПРОЦЕССЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА**

Рец. на кн.: Ilazi R. The European Union and everyday state-building. The Case of Kosovo. – New York: Routledge, 2024. – 186 p.

Для цитирования: Мелешкина Е.Ю. Роль внешнего актора в процессе государственного строительства: рецензия // Политическая наука. – 2025. – № 4. – С. 312–317. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.04.15>

Книга, посвященная анализу повседневных практик участия Европейского союза в процессе государственного строительства в Косово, представляет собой амбициозную и в значительной мере новаторскую работу, претендующую на переосмысление представлений о характере внешнего вмешательства и роли ЕС в постконфликтных обществах. Автор, обращаясь к казусу Косово, ставит перед собой задачу выйти за рамки официальных политических деклараций, институциональных мандатов и формализованных стратегий, чтобы показать, как именно ЕС действует на «микроуровне» – в повседневных взаимодействиях с местными акторами, через неформальные каналы, посредничество субподрядных экспертов и внедрение персонала в национальные структуры.

В практическом плане в условиях, когда Косово остается одновременно и объектом внешней политики ЕС, и частью более широкого геополитического проекта интеграции Западных Балкан,

* Мелешкина Елена Юрьевна, доктор политических наук, главный научный сотрудник Отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: elenameleshkina@yandex.ru

DOI: 10.31249/poln/2025.04.15

исследование приобретает особое значение. Оно не просто фиксирует конкретные примеры воздействия ЕС, но и ставит вопрос о природе его акторности в ситуациях, где политическая неопределенность и отсутствие единого международного признания накладывают ограничения на формальные механизмы влияния.

Вклад в исследование государственного строительства и роли внешних акторов

В литературе по государственному строительству с конца 1990-х годов доминирует критическая оценка либерального миростроительства [Paris, 2004; Chandler, 2010]. Эти исследования показывают, что копирование западных институциональных моделей часто ведет к их формальному внедрению без устойчивых результатов. Рецензируемая книга развивает этот критический подход. Автор использует Косово как пример «пограничного» случая, где формальные мандаты ЕС сталкиваются с политической неопределенностью и отсутствием единого международного признания. В этом контексте книга ставит ключевой вопрос: как ЕС реально действует как актор государственного строительства, когда он оказывается вне зоны своего институционального комфорта?

В научной литературе о формировании государства последних десятилетий доминирует внимание к институциональным реформам, стратегиям доноров и международных организаций, количественным показателям «успеха» (число миссий, объем помощи, степень выполнения формальных критериев). Монография Р. Илази смещает оптику на повседневность (*everyday turn*), что соответствует существующей тенденции в научной литературе [Autesserre, 2014; Poulligny, 2006]). То есть в работе используется исследовательский подход, который нацелен на изучение рутинных процессов, неформальных взаимодействий, микрополитики и тех «невидимых» акторов, которые в действительности формируют исход реформ.

Автор убедительно демонстрирует, что ЕС как актор, участвующий в процессе государственного строительства, – это не только Брюссель и миссии CSDP. Это еще и сотни субподрядных экспертов, встроенных в министерства и агентства, которые обладают значительной автономией и нередко действуют на основе собственного опыта и профессиональных стандартов стран их происхождения, а не общих норм ЕС. Эта повседневная работа, как показывает исследование, часто оказывает большее влияние на

траекторию реформ, чем официально утвержденные стратегии. Автор показывает динамику «встраивания» ЕС в местные процессы: от персонализированных отношений между экспертами и министрами до влияния на кадровую политику через неформальные согласования. Такой уровень детализации редко встречается в исследованиях формирования государства и придает книге высокую эмпирическую ценность. Кроме того, такой взгляд дополняет критические работы о внешнем управлении ЕС [Börzel, Risse, 2009], предлагая эмпирически насыщенное объяснение, как нормы и интересы ЕС транслируются через повседневные практики.

Тематическая структура и основные выводы

Три ключевых направления анализа – верховенство права, реформы государственного управления и посредничество в двусторонних спорах (Косово – Сербия) – позволяют автору показать разнообразие форм повседневного вмешательства ЕС.

В сфере верховенства права раскрыта практика «встраивания» сотрудников EULEX в судебные и правоохранительные структуры, сочетающая формальные функции наставничества с неформальным контролем. На примере импровизированных решений, копирования неподходящих правовых моделей и конфликта между параллельно подготовленными законами автор демонстрируют ограниченность такого подхода. В книге делается важный вывод: импорт норм без их адаптации к локальному контексту приводит к институциональной фрагментации и снижает локальное владение реформами.

Исследование демонстрирует, как в области государственного управления «рекомендации» ЕС по кадровым назначениям и административным процедурам превращаются в неформальный механизм контроля, а конкуренция между проектами разных доноров внутри самого ЕС порождает дублирование и противоречивость реформ. Фраза «agree-and-evote» («соглашайся и закрой вопрос») – формальное согласие косовских элит с требованиями ЕС при фактическом саботаже их реализации – удачно описывает механизм этих процессов.

Анализ диалога Косово – Сербия ценен тем, что автор не ограничивается описанием официальных переговоров в Брюсселе, а исследует закулисные консультации, предварительное согласование формулировок и «пакетирование» решений. Показано, что ЕС

часто становится не посредником между сторонами, а третьим центром переговоров, с которым Белград и Приштина выстраивают параллельные линии коммуникации, что снижает вероятность устойчивого примирения.

Полнота картины и научная новизна

Одним из наиболее сильных аспектов книги является систематическое применение концепции «повседневное государственное строительство» (*everyday statebuilding*) к анализу ЕС. Это позволяет автору уйти от абстрактных категорий «нормативной силы Европы» или «институциональной адаптации» и показать реальный механизм воздействия через конкретные примеры, от кризиса вокруг «стены» в Митровице до конфликтов между правовыми актами, написанными разными группами экспертов ЕС.

Работа дает ценные эмпирические данные: были проведены более 50 интервью, включенное наблюдение, анализ внутренних документов и отчетов. Авторский опыт работы в Министерстве европейской интеграции Косово добавляет глубины и понимания внутренних процессов, хотя и требует особого внимания к рефлексивности и проверке собственных наблюдений.

С научной точки зрения работа важна еще и тем, что она фактически сравнивает политические декларации и практику. Повседневные практики ЕС в книге не просто перечисляются, но и сопоставляются с официальной политической риторикой. Такой подход позволяет не только выявить разрыв между декларациями и действиями, но и объяснить причины этой разницы, что редко встречается в исследованиях о внешней политике ЕС.

Критические замечания

При всей ценности исследования нельзя не отметить несколько проблемных и спорных моментов.

Книга крайне детально рассматривает повседневные практики ЕС, но влияние локального косовского контекста на осуществимость и эффективность этих практик остается скорее фоном, чем предметом глубокого анализа. Хотя упоминаются политические расколы и разногласия, слабость институтов, зависимость от внешней помощи и специфическая конфигурация отношений с

Сербией, системной попытки встроить эти факторы в теоретическую рамку нет. В то же время в научной литературе показывается, что игнорирование локальной динамики ведет к неустойчивости реформ [Richmond, 2011; Mac Ginty, 2011].

Это снижает объяснительную силу работы. Читатель видит, как действует ЕС. При этом вопрос о том, почему именно в Косово эти действия приводят к определенным конкретным результатам, остается не до конца проясненным.

Во-вторых, автор сосредоточен на ЕС, но роль других внешних акторов (например, США, отдельных государств – членов ЕС, международных финансовых институтов) рассматривается эпизодически. Между тем взаимодействие и конкуренция этих акторов во многом определяют пространство маневра ЕС и восприятие его инициатив.

В-третьих, хотя в работе показывается инструментализация институтов гражданского общества, более детальный анализ того, каким образом местные НПО адаптируются к повседневным практикам ЕС, какие стратегии сопротивления или кооптации они используют, сделал бы работу более интересной.

Возможно, эти ограничения частично объясняются жанром и целевой аудиторией книги: автор сосредоточен на демонстрации «внутренней кухни» ЕС, оставляя более широкие контекстуальные вопросы для будущих исследований. Тем не менее большее внимание к перечисленным аспектам усилило бы объяснительный потенциал работы.

В целом книга дает редкую возможность заглянуть за фасад официальных заявлений и увидеть ЕС «в действии» на микроравнене, в реальной, неидеализированной практике государственного строительства. Она предлагает концептуально и эмпирически богатый материал, который будет полезен как исследователям европейской внешней политики, так и специалистам по постконфликтному развитию.

Главный вывод, который делает автор, можно сформулировать так: успех или неуспех ЕС в государственном строительстве определяется не столько дизайном формальных стратегий, сколько качеством и логикой повседневных взаимодействий. В случае Косово повседневные практики ЕС одновременно обеспечивают выполнение краткосрочных целей, формируя и воспроизводя долго-

срочную зависимость, патронажную модель отношений между внешним актором и формально суверенным государством.

В этом смысле книга не только расширяет академическую дискуссию о «нормативной силе» ЕС, но и дает практикам редкий набор наблюдений, позволяющий понять, какие именно механизмы работают в условиях слабого государства, а какие – лишь создают видимость прогресса.

Для научного сообщества это важный вклад в дискуссию о «нормативной силе» ЕС, показывающий, что за идеей экспорта норм скрываются сложные, неоднозначные и зачастую противоречивые практики. Для политиков и практиков – это напоминание, что устойчивое государственное строительство невозможно без реального локального участия, а подмена его имитацией в долгосрочной перспективе подрывает и сами цели вмешательства.

E.Yu. Meleshkina*

Role of external actors in the process of state building: review

For citation: Meleshkina E.Yu. Role of external actors in the process of state building: review. *Political science (RU)*. 2025, N 4, P. 312–317.
DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.04.15>

References

- Autesserre S. *Peaceland: Conflict resolution and the everyday politics of international intervention*. New York: Cambridge university press, 2004, 360 p.
- Börzel T.A., Risse T. The transformative power of Europe: The European Union and the diffusion of ideas. *KFG Working paper series*. 2009, N 1. URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/115939/2009-Transformative-Power-of-Europe.pdf>
- Chandler D. *International statebuilding: The rise of post-liberal governance*. London, New York: Routledge, 2010, 218 p.
- Mac Ginty R. *International peacebuilding and local resistance: Hybrid forms of peace*. London: Palgrave Macmillan, 2011, 253 p.
- Paris R. *At war's end: Building peace after civil conflict*. New York: Cambridge university press, 2004, 304 p.
- Pouliquen B. *Peace operations seen from below: UN missions and local people*. Boulder: Kumarian press, 2006, 295 p.
- Richmond O.P. *A post-liberal peace*. New York: Routledge, 2011, 288 p.

* Meleshkina Elena, INION (Moscow, Russia), e-mail: elenameleshkina@yandex.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
2025 № 4

В журнале представлены результаты научных исследований, в том числе дискуссионного характера, поэтому их содержание не обязательно отражает точку зрения Учредителя и Редакции.

Адрес редколлегии:
117418, г. Москва, Нахимовский проспект, 51/21, ИНИОН РАН,
Отдел политической науки,
e-mail: politnauka1997@gmail.com

Оформление обложки С.И. Евстигнеев
Техническое редактирование и
компьютерная верстка К.Л. Синякова
Корректор М.П. Крыжановская

Подписано к печати 27 /XI – 2025 г.
Формат 60 х84/16 Бум. офсетная № 1
Усл. печ. л. 18,5 Уч.-изд. л. 17,9
Тираж 800 экз.

**Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН),**
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: +7(499) 124-32-15
e-mail: izdat@inion.ru

Отпечатано в типографии
АО «Т8 Издательские Технологии»,
109316, г. Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, к. 6